

ПРЕПОДОБНЫЙ
ВЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТЕКСТОВЪ ПОУЧЕНІЙ ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

В. А. Чаговца.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1901.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1901 г.**

Настоящее изслѣдованіе на тему, предложенную Историко-Филологическимъ факультетомъ для соисканія наградъ медалями, удостоено золотой медали.

Выпуская свою работу отдельной книжкой, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность своему руководителю, уважаемому профессору Петру Владиміровичу Владимірову, предоставившему мнѣ возможность работать по рукописямъ и никогда не отказывавшему мнѣ ни въ добромъ совѣтѣ, ни въ полезныхъ указаніяхъ, а также и Факультету, удостоившему мою работу столь лестной для студента наградой.

Свой первый трудъ посвящаю своей дорогой матери.

Авторъ.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО ТЕОДОСІЯ.

(Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія русской литературы до монгольскаго періода, въ теченіе почти столѣтія занимающая умы изслѣдователей, которые пытались возстановить ея далекое прошлое на страницахъ своихъ многочисленныхъ трудовъ, все еще заключаетъ въ себѣ не мало темнаго, неразгаданнаго, сомнительнаго. Среди многихъ другихъ, вопросъ объ одномъ изъ первыхъ нашихъ писателей „духовнаго чина“, именно о пр. Теодосіи, игуменѣ Печерской обители—колыбели русскаго просвѣщенія, представляя глубокій интересъ для историка литературы, остается не вполне выясненнымъ и до сего дня. Его жизнь, описанная великимъ Несторомъ, равно какъ и его сочиненія, пощаженные временемъ и сохранившіяся хотя и въ весьма немногочисленныхъ спискахъ до нашихъ дней, представляютъ достаточно матеріала для изслѣдователя. Воспользоваться этимъ и вновь найденнымъ матеріаломъ мы и имѣемъ въ виду въ нашемъ настоящемъ трудѣ. Такимъ образомъ, по самому характеру матеріала наше изслѣдованіе распадается на двѣ части: 1) жизнь и 2) сочиненія пр. Теодосія Печерскаго.

Но прежде чѣмъ перейти къ предмету изложенія, мы считаемъ необходимымъ предложить обзоръ источниковъ и главнѣйшихъ пособій, которыми мы пользовались въ первой части нашего изслѣдованія. Первый и главный источникъ, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о жизни пр. Теодосія, это есть „Житіе“ его, составленное пр. Несторомъ, дошедшее до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій восходитъ къ XII вѣку, како-

вымъ является списокъ Московскаго Успенскаго Собора (хартеиный) № 175/18 (на л. 304), и кромѣ того въ различныхъ редакціяхъ Печерскаго Патерика (за исключеніемъ такъ называемой „*Феодосіевской*“, гдѣ житіе опущено)¹⁾, начиная съ древнѣйшей (такъ называемой Арсеньевской 1406 г.) и до позднѣйшихъ (какъ патерикъ XVII вѣка Юсифа Тризны 1647—1656 г., или печатный 1661 г.), житіе пр. Феодосія обратило на себя должное вниманіе со стороны русскихъ ученыхъ и было предметомъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ изслѣдованій, какъ со стороны значенія его въ отношеніи историческомъ и литературномъ, такъ и въ отношеніи языка, какъ памятника первой поры нашей письменности.

Главнѣйшая заслуга по изданію самого текста житія принадлежитъ ученому О. Бодянскому, съ большою любовью, стараніемъ и глубокимъ знаніемъ своего дѣла трудившемуся надъ изданіемъ этого памятника по списку Успенскаго Собора съ дополненіями по другимъ спискамъ²⁾. „Считаю себя счастливымъ, что, напослѣдокъ, послѣ столькихъ переворотовъ выпало таки мнѣ на долю быть издателемъ сего драгоценнѣйшаго памятника нашей древне-русской письменности, творенія нашего несравненнаго начальнаго лѣтописца“³⁾, говоритъ въ предисловіи къ изданію почтенный ученый, и въ этихъ словахъ мы видимъ, съ какимъ уваженіемъ и любовью относился онъ къ издаваемому памятнику. Находясь въ различныхъ и довольно многочисленныхъ спискахъ, житіе пр. Феодосія подверглось участи, общей всѣмъ нашимъ рукописнымъ памятникамъ, и не избѣжало нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пропусковъ и вставокъ, безсознательно, или сознательно произведенныхъ переписчиками. Отдавая преимущество спискамъ болѣе древнимъ, изслѣдователи дѣлали попытки возстановить по возможности первоначальный текстъ житія, объясняя пропуски и измѣненія, замѣчаемые въ текстѣ; однако, ихъ выводы относительно нѣкоторыхъ мѣстъ между собою не согласны, поэтому и вопросъ объ этихъ мѣстахъ остается открытымъ. (Мы имѣемъ въ виду, главнѣйшимъ образомъ, извѣстное мѣсто житія, гдѣ передаются пред-

¹⁾ См. у Макарія: Обзоръ редакцій Кіево-Печерск. Патерика, преимущественно древнихъ (Истор. чт. о яз. и слов., 1857 г., стр. 15).

²⁾ Издано: въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. росс. 1858 г., кн. III; съ предисловіемъ А. Попова (и нѣкоторыми исправленіями въ текстѣ О. Бодянскаго) въ тѣхъ же Чтен., за 1879 г., кн. I; кромѣ того, Житіе издано г. Яковлевымъ по тому же списку въ Памятникахъ русской литер. XII и XIII в. СПБ., 1872 года, и др.

³⁾ Чт. Общ. 1858 г., кн. III, стр. VI—предисловіе.

смертныя слова пр. Феодосія къ Великому Князю: „И се поручаю твоему благочестію святыи сїи монастырь, да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто-же изъ клирикъ софіійскихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоего“. Преосв. Макаріѣ не признаетъ это вставкой, Кубаревъ-же—наоборотъ; онъ же приводитъ вполне основательное объясненіе, съ которымъ мы совершенно согласны (см. о редакціяхъ Печер. Патер. стр. 118 — 119); другія несогласія относятся къ мѣстамъ менѣе значительнымъ).

Однако. даже то обстоятельство, что въ статьяхъ этихъ изслѣдователей приведены въ извѣстность всѣ главнѣйшія разночтенія, встрѣчающіяся въ спискахъ житія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ихъ объясненія—придаетъ большую цѣну этимъ статьямъ, и въ критикѣ текста житія онѣ являются главнѣйшимъ пособіемъ ¹⁾. Сдѣлавшись достояніемъ ученаго міра, житіе пр. Феодосія обратило на себя вниманіе, главнѣйшимъ образомъ, со стороны его достовѣрности, какъ историческаго свидѣтельства, и съ этой именно стороны мы его будемъ разсматривать въ нашемъ непосредственномъ изложеніи ²⁾.

Было время, когда ученые только обратились къ изученію цѣлаго довольно обширнаго рода древней и средней русской литературы, какой представляютъ наши житія святыхъ, когда въ нихъ ожидали найти богатый запасъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ чертъ. Но ожиданія нашихъ ученыхъ далеко не оправдались: и если г. Буслаевъ ³⁾, благодаря нѣсколькимъ удачнымъ открытіямъ, сдѣланнымъ имъ при знакомствѣ съ этимъ родомъ нашей литературы отстаивалъ значеніе его, какъ важнаго источника для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ, то другою изслѣдователь г. Клю-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду все относящееся къ Житію пр. Феодосія въ статьяхъ 1) Кубарева: „О Патерикѣ Печерскомъ“—Чт. М. Об. Ист и др. р., кн. 9, 1847 и его же весьма цѣнная статья „О редакціяхъ Патерика Печерскаго“, *ibid.*, кн. III, 1858 г., написанная въ возраженіе противъ нѣкоторыхъ положеній статьи преосв. 2) Макарія „Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ“. Этими двумя статьями исчерпывается главнѣйшее, что сдѣлано по интересующему насъ въ данномъ случаѣ вопросу.

²⁾ Съ этой стороны его разсматривали уже г. Яковлевъ: „Древне-кіевскія религиозныя сказанія“. Варшава, 1875 г.; отчасти Шахматовъ: Изв. II-го отд. Ими. Ак. Н., 1896 г., кн. I, г. Голубинскій Ист. Рус. Церкви, т. I, отд. IV: Оригинальная письменность.

³⁾ Θ Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, 1866 г., СПб. я въ „Лѣтописяхъ русской легенды“ Тихонравова, т. III и IV.

чевскій¹⁾ пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Обратившись къ древне-русскимъ житіямъ, какъ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древне-русской исторіи — участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной руси, — онъ долженъ былъ сознаться, что тамъ именно, гдѣ онъ искалъ и на что надѣялся — ничего нельзя было найти. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, говоритъ онъ о себѣ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обилень, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ²⁾. Литературное однообразіе житій дало возможность изслѣдователю прийти къ замѣчательнымъ выводамъ о задачахъ агіобіографа и о нереальности типа святого, изображаемаго съ большей или меньшей степенью приближенія къ жизни Іисуса Христа. „Для житія дорога не живая цѣльность характера, съ его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит подъ извѣстную норму, отражаетъ на себѣ извѣстный идеалъ. Вотъ почему всѣ лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются передъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвести портреты: тѣ и другіе изображаютъ лишь „образы безъ лицъ“³⁾. Мы позволимъ себѣ привести еще нѣкоторыя выдержки изъ этого замѣчательнаго изслѣдованія о, такъ называемыхъ, „общихъ мѣстахъ“ житій русскихъ святыхъ. „Общія мѣста не ограничиваются назидательными отступленіями: они открываются тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ могутъ показаться біографическіе факты. Въ типическомъ образѣ святого, рядомъ съ чертами индивидуальными, легко замѣтить черты общія, однообразно повторяющіяся едва ли не въ каждомъ житіи. Эти послѣднія, по характеру своему, двоякаго рода. Однѣ настолько широки, что не характеризуютъ жизни одного лица и не даютъ ничего новаго для біографа. Рѣдкіи біографъ не начиналъ съ того, что святой родился отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно возродился креще-

¹⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871 г.

²⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 1—введеніе.

³⁾ Ibidem, стр. 436.

ніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, знаютъ ли, или не знаютъ біографъ что нибудь о родителяхъ святого..

Другія черты, не столь широкія по объему. имѣють условное значеніе: это біографическія гипотезы, необходимыя для полноты картины. Къ числу обычныхъ чертъ такого рода относятся извѣстія, что святой, родившійся въ глуши древне-русской деревни, именно на 7-мъ году, выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христова, и біографъ заносилъ это въ рассказъ, хотя бы ничего не знали о дѣтствѣ святого¹⁾ При такомъ взглядѣ агиобіографа на свою задачу вполне основательнымъ становится взглядъ почтеннаго изслѣдователя на житія святыхъ, какъ историческія свидѣтельства; наиболѣе падежными и достовѣрными являются лишь указанія житія объ устроеніи святымъ новой обители и рассказъ о посмертныхъ его чудесахъ. „Агиографъ и историкъ смотрятъ на описываемое лицо съ различныхъ точекъ зрѣнія, первый ищетъ въ немъ отраженія отвлеченнаго идеала, второй—индивидуальныхъ историческихъ чертъ“

Вотъ главные выводы и соображенія, приведенные авторомъ въ цитуемомъ нами сочиненіи. Какъ говоритъ самъ почтенный авторъ, въ своемъ изслѣдованіи онъ ограничился лишь житіями, написанными въ сѣверо-восточной Руси, не касаясь житій кіевскихъ. Однако другой изслѣдователь—Вл. Яковлевъ приложилъ данныя, добытыя г. Ключевскимъ, вмѣстѣ съ выводами французскаго ученаго Alfred Maury, автора сочиненія „Essai sur les legendes pieuses du moyenâge“ (опытъ изслѣдованія религіозныхъ сказаній (легендъ) среднихъ вѣковъ)—къ житіямъ святыхъ южно-русскихъ, именно къ печерскому патерику, и пришелъ къ заключенію, что и кіевскія житія святыхъ такъ же общи, какъ и сѣверо-восточныя; или даже больше: они такого же типа, какъ всѣ христіанскія сказанія въ русскихъ житіяхъ и западныхъ средневѣковыхъ legendes, со всѣми ихъ недостатками, въ отношеніи исторической истины. Житіе пр. Θεодосія въ изслѣдованіи г. Яковлева „Древне-кіевскія религіозныя сказанія“ подвергнуто весьма тщательному разбору, и такъ какъ это имѣетъ прямое отношеніе къ предмету нашего изложенія, то мы позволимъ себѣ болѣе или менѣе подробно остановиться на немъ. Намъ кажется, что почтенный изслѣдователь заходитъ слишкомъ далеко въ изслѣдованіи нашего памятника, какъ историческаго источника, и безъ особенныхъ основаній отнимаетъ

¹⁾ Ibidem.

у житія часто самыя существенныя и исторически-достоверныя свидѣтельства только потому, что, ознакомившись съ восточными агіобіографіями, онъ могъ указать въ томъ или иномъ житіи Лавсаика или Лимонаря аналогичныя и сходныя сюжеты съ житіемъ пр. Феодосія. Разрушивъ такимъ образомъ цѣльность Несторова сочиненія, и значительно подорвавъ авторитетъ нашего „честнаго“ лѣтописца, авторъ изслѣдованія, выбрасывая изъ житія всѣ, по его мнѣнію, „общія мѣста“, оставляетъ неприкосновеннымъ лишь незначительное количество свидѣтельствъ, по которымъ едва ли можно составить представленіе о характерѣ, жизни и дѣятельности нашего игумена. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ относительно нѣкоторыхъ и весьма важныхъ „общихъ мѣстъ“, предлагая въ подтвержденіе своего мнѣнія нѣкоторыя соображенія. Нельзя не согласиться съ мыслями автора изслѣдованія о житіяхъ святыхъ, какъ литературныхъ памятникахъ, и о задачахъ критика, высказанными въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отъ каждаго литературнаго произведенія мы ожидаемъ изображенія идеаловъ своего времени; идеалы эти есть только воплощеніе стремленій умственной и общественной жизни, поэтому по нимъ мы могли бы вполне ясно судить о нравственномъ и умственномъ состояніи общества, если бы самое изображеніе идеаловъ было совершенно чуждо различнымъ вліяніямъ, которымъ подчиняется авторъ. Существенная задача критики состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и характеръ этихъ вліяній“ (ibid. стр. 69). Съ этой точки зрѣнія и мы будемъ разсматривать то литературное произведеніе, которое составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, съ тою только разницею, что мы будемъ обращать вниманіе не только на вліяніе, которому подчинился самъ авторъ, но и на всѣ тѣ исторически-культурныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ находилось и изображаемое имъ лицо—въ данномъ случаѣ, пр. Феодосій. И самъ г. Яковлевъ согласенъ, что сходство отдѣльныхъ эпизодовъ житія происходитъ отъ сознательнаго подражанія самого святого жизни какого-либо извѣстнаго подвижника и кромѣ того, одинаковыя условія, въ которыхъ находились святые, порождали одинаковыя явленія: онъ даже приводитъ мнѣніе и знаменитаго В. Гримма объ общихъ повторяющихся явленіяхъ: „Бываютъ такія положенія, которыя такъ просты и естественны, что они вездѣ повторяются такъ же, какъ и существуютъ (общія) сходныя мысли, которыя являются независимо одна отъ другой“. Но принимая во вниманіе даже всѣ эти обстоятельства, г. Яковлевъ считаетъ необходимымъ признать прямое заимствованіе однимъ агіобіографомъ у другого,

и въ разборѣ житія пр. Феодосія онъ оставляетъ безъ вниманія всѣ другія соображенія, объясняя всѣ „общія мѣста“ (которыя, какъ увидимъ, часто бываютъ даже и не аналогичныя) лишь заимствованіемъ пр. Нестора у восточныхъ писателей. Нельзя отрицать того положенія, что пр. Несторъ не могъ быть вполнѣ оригинальнымъ писателемъ уже въ силу культурныхъ причинъ, какъ жившій въ первое время христіанства и литературы на Руси, и будучи въ своей области почти первымъ писателемъ; историческія же причины заставили его обратиться къ восточнымъ образцамъ, которые отразились въ той или иной степени на его сочиненіяхъ и въ частности на житіи пр. Феодосія. Но нельзя также не признать, что и жизнь пр. Феодосія складывалась подъ вліяніемъ восточныхъ образцовъ. Мы увидимъ, что во всей своей дѣятельности, какъ устроителя монастыря, такъ и проповѣдника и подвижника, онъ сознательно бралъ себѣ за образецъ ту или иную черту дѣятельности, характера, жизни „онѣхъ святыхъ“. Вліяніе пр. Феодора Студійскаго въ дѣятельности его, какъ игумена, Саввы Освященнаго—въ родѣ подвижничества (удаленіе въ пещеру на безмолвіе въ теченіе великаго поста) неоспоримо подтверждаются свидѣтельствами его поученій (см. ч. II); вліянія же другихъ образцовъ святости и подвижничества подтверждаются свидѣтельствами его житія, написаннаго пр. Несторомъ. Въ какомъ положеніи находился пр. Несторъ, какъ историческій писатель, въ отношеніи къ изображаемому лицу? Мы принимаемъ мнѣніе, установленное еще со времени Шлёцера и принятое многими позднѣйшими учеными, по которому пр. Несторъ 17 лѣтнимъ юношей былъ принятъ въ монастырь еще при жизни пр. Феодосія, но возведенъ былъ въ монашеское достоинство и затѣмъ въ санъ діакона уже преемникомъ пр. Феодосія—игуменомъ Стефаномъ¹⁾. Хотя въ своемъ сочиненіи онъ нигдѣ не говоритъ о пр. Феодосіи, какъ очевидецъ, но нѣкоторыя мѣста въ житіи, гдѣ онъ говоритъ о наружномъ видѣ его, и въ особенности живое и картинное изложеніе послѣднихъ дней пр. Феодосія и описаніе самой смерти и погребенія его, удостовѣряютъ въ немъ очевидца этихъ послѣднихъ событій. Вся же остальная часть жизни пр. Феодосія въ періодъ монашества и ему предшествовавшій дѣтскіе и отроческіе годы, не была извѣстна лично пр. Нестору; но въ монастырѣ еще были въ живыхъ монахи, близко знавшіе

¹⁾ Г. Яковлевъ придерживается противнаго мнѣнія, соглашаясь вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными (Казавскій и др.) въ томъ, что пр. Несторъ уже не засталъ пр. Феодосія въ живыхъ. Но отъ этого сущность дѣла не измѣняется.

своего игумена, которые наблюдали всю жизнь его, которые свято хранили въ памяти всякое слово, сказанное имъ, всякое дѣло совершенное имъ, всякій его подвигъ; были также лица, особенно любимыя пр. Θεодосіемъ, которымъ онъ повѣдалъ о своемъ происхожденіи, дѣтскихъ годахъ и юныхъ стремленіяхъ. Самъ Несторъ не разъ указываетъ источникъ, откуда онъ почерпалъ тѣ или нныя свѣдѣнія о жизни своего любимаго игумена. „Се же житіе блаженнаго отца нашего Θεодосія отъ уны врьсты досде. дондеже прииде въ пещеру мати же его, сповѣда единому отъ братія именемъ Θεодору, иже бѣ келарь при отци нашемъ Θεодосии; азъ же отъ него вся та слышавъ оному сповѣдаючи ми и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ иное лицо, какъ видно изъ житія, очень приближенное къ пр. Θεодосію, съ которымъ вмѣстѣ онъ трудился надъ составленіемъ книгъ — это былъ Иларіонъ, о которомъ у пр. Нестора такое упоминаніе: „И се сповѣда ми единъ отъ братіи именемъ Иларіонъ“; и вообще пр. Несторъ могъ многое слышать изъ устъ братіи о великомъ игуменѣ, память о которомъ была такъ еще свѣжа въ сердцахъ современниковъ. Несомнѣнно, что всѣ эти устные свидетельства не лишены были известной доли идеализаціи, присущей всѣмъ устнымъ сказаніямъ о лицахъ знаменитыхъ и болѣе или менѣе выдающихся, однако эта идеализація не успѣла еще развиться до такой степени, чтобы сказаніе современниковъ стало легендой, совершенно закрывшей историческую правду. И самъ Несторъ могъ еще отличить истинное свидетельство отъ невиннаго вымысла, хотя и ему уже былъ дорогъ тотъ ореолъ идеальнаго подвижника, какимъ братія окружала образъ своего игумена, и въ своемъ сочиненіи онъ, раздѣляя стремленіе очевидцевъ представить образъ высокой чистоты и святости, и имѣя подъ руками восточные образцы житій святыхъ, воспользовался красноречиво по своему, нѣсколько легендарной оболочкой, въ которую вложилъ правдивый и, насколько возможно, отчетливый образъ своего любимаго игумена. Но не только устные рассказы, а и нѣкоторыя письменныя свидетельства служили пр. Нестору источниками для его біографіи. Мы здѣсь разумѣемъ написанныя пр. Θεодосіемъ

¹⁾ Нѣкоторые (П. Казанскій и Голубинскій) понимаютъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, будто бы мати рассказывала келарю Θεодору о дѣтствѣ препод. Θεодосія; мы же раздѣляемъ мнѣніе г. Лвовлева, какъ намъ кажется болѣе правильное, какъ это выходитъ и по контексту, что самъ Θεодосій рассказывалъ: „отъ уны версты досде“ келарю Θεодору.

поученія, несомнѣнно существовавшія во время пр. Нестора, и бывшія у него подъ руками, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ приведенныя въ житіи отрывки изъ нихъ, такъ и нѣкоторыя мысли, заимствованныя изъ поученій¹⁾. Располагая такими письменными и устными свидѣтельствами о жизни и дѣятельности пр. Феодосія, пр. Несторъ съ особенною любовію и стараніемъ приступилъ къ исполненію своей задачи и въ промежуткѣ между 1088 и 1091 годами²⁾ написалъ „Житіе преподобнаго отца нашего Феодосія игумена печерскаго“, начинающееся словами: „Благодарю тя владыко мои Господи Иисусе Христе яко съподобилъ мя еси недостойнаго съновдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ“

Еще проф. О. Миллеръ³⁾, а за нимъ и г. Яковлевъ⁴⁾ совершенно основательно замѣтили, что житіе пр. Феодосія можетъ быть раздѣлено на двѣ части, значительно отличающіяся одна отъ другой по своему характеру: часть житія, рассказанная келаремъ Феодоромъ „отъ уны версты досде, дождеже приде въ пещеру мати его“, и всё остальное житіе, составленное, въ значительной части, на основаніи свидѣтельства очевидцевъ дѣятельности и подвиговъ пр. Феодосія. Первая часть житія, переданная келаремъ Феодоромъ, представляетъ болѣе или менѣе связанное повѣствованіе о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ пр. Феодосія, на основаніи правдиваго рассказа самого святого; однако, въ содержаніи этой части житія встрѣчаются неточности и противорѣчія, которыя никакъ нельзя приписать самому пр. Феодосію, а лишь можно объяснить желаніемъ того же келаря Феодора, а за нимъ и пр. Нестора, представить болѣе идеальныи образъ святого, на которомъ съ первыхъ же моментовъ жизни почилъ особенное Божье благословеніе; для этого и рассказчикъ и самъ авторъ воспользовались „общими мѣстами“ заимствованными изъ разныхъ восточныхъ житій. Г. Яковлевъ отмѣтилъ общія мѣста въ этой части житія, относя къ нимъ: подробность о пресвитерѣ, провидящемъ будущность младенца, характеристики родителей и болѣе или менѣе пространныя рѣчи, вкладываемыя въ уста дѣйствующихъ лицъ—обычныя черты восточныхъ житій; этихъ

¹⁾ Объ этомъ подробно говорится во II части изслѣдованія о сочиненіяхъ пр. Феодосія.

²⁾ Въ 1088 г. — скончался Никонъ, о которомъ говоритъ Несторъ, по основат. предполож., какъ объ умершемъ; 1091 г.—открытіе мощей св. Феодосія, о которыхъ не упоминается еще въ житіи, а только въ лѣтописи.

³⁾ О. Миллеръ. Опытъ истор. обозр. русской словесн. СПб., 1866 г., стр. 246.

⁴⁾ Яковлевъ. *Op. cit.*, стр. 71.

подробностей самъ пр. Θεодосίη не могъ передать келарю, потому что и самъ онъ ихъ могъ не знать, да это и не соотвѣтствовало бы кротости и смиренію нашего святого, рассказывать о Божьемъ благословеніи, измлада почившемъ на немъ. о пресвитерѣ, провидѣвшемъ сердечными очами, „яко хоцетъ измлада „Богу датися“ (Θεὸς δῶσαι) Θεодосίемъ того нарицаеть“ и др. Эта послѣдняя черта житія могла быть заимствована, какъ намъ кажется, изъ житія пр. Евфимія. Когда родители его, еще будучи бездѣтными, молились о дарованіи имъ сына, то услышали голосъ: „Утѣшайтесь, утѣшайтесь, Богъ даруетъ вамъ дитя „тезоименитое утѣшенію“ (εὐθυμία—Εὐθυμία), потому что при рожденіи его даруетъ утѣшеніе церквамъ своимъ дарующій вамъ дитя, Богъ“ ¹⁾. И здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, авторы житія допускаютъ игру словами: Θεодосίη—Богу данный ²⁾, и Евфиміη—соименный утѣшенію; пр. Несторъ въ этомъ случаѣ грѣшитъ противъ истины, забывая, что имя „Θεодосίη“, по всей вѣроятности, дано ему при постриженіи вмѣсто мірскаго имени, котораго, очевидно, ни Несторъ, ни келарь Θεодоръ не знали. По крайней мѣрѣ далѣе, въ томъ же житіи, говоря о постриженіи сына боярина Іоанна и княжескаго каженника, онъ замѣчаетъ, что они были наречены; первый—Варлаамомъ, а второй—Ефремомъ.

Въ изображеніи родителей пр. Θεодосία пр. Несторъ даетъ сначала общую ихъ характеристику, встрѣчающуюся во всѣхъ житіяхъ святыхъ: „бѣста же родителя святаго въ вѣрѣ крестьянстѣи живуща и всяческиимъ благочестіемъ украшена“; и затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ о благочестіи матери, о ея особенной любви „паче всѣхъ“ къ своему сыну; однако съ фактической стороны характеристика матери совершенно противоположна. Въ своихъ отношеніяхъ къ сыну она является слишкомъ грубой и суровой, доходившей въ своей жестокости до того, что держала своего сына въ цѣпяхъ, помимо частыхъ побоевъ и другихъ наказаній. И эта вторая характеристика должна быть признана болѣе правильной; проф. Миллеръ считаетъ типъ матери, по житію пр. Θεодосία, не русскимъ, а заимствованнымъ авторомъ изъ какихъ либо чужихъ, не русскихъ житій, такъ какъ, будто-бы, въ русской жизни не было данныхъ, изъ которыхъ могъ сложиться такой „родовитый“ харак-

¹⁾ „Палестинскій Патерикъ“. житіе св. Евфимія Великаго, стр. 8. Изд. Прав. Палест. Общ. вып. 2.

²⁾ Въ этомъ случаѣ авторъ, т. е. Несторъ, косвенно показываетъ знаніе греч. языка, переводя на рус. яз. греч. имя Θεодосίη.

терь матери ¹⁾. Мы считаемъ этотъ типъ женщины совершенно русскимъ. И родовая гордость и суровость характера встрѣчаются въ русскихъ женщинахъ по историческимъ свидѣтельствамъ. Княгиня Ольга представляетъ яркій примѣръ русской женщины: она жестока въ своихъ мщеніяхъ за убійство мужа, и она горда, въ сознаниіи своего родового достоинства. Принятая сухо и безъ особенныхъ почестей въ Царьградъ, она сочла себя глубоко оскорбленною, и когда послы греческаго царя напомнили ей объ обѣщанныхъ греческому царю отвѣтныхъ дарахъ, она отвѣтила: Скажите царю: если онъ постоитъ у меня въ Почаинѣ, такъ же, какъ я стояла у него въ гавани, то послѣ того я дамъ ему обѣщанные дары. „Си же Ольга приде Киеву и присла къ неи царь гречьскин, глаголя: яко много дарихъ тя; тыбо глаголаше ко мнѣ яко аще возвращаюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь и воскъ и скъру и вои в помощь. Отвѣщавши Ольга и рече къ словъ: аще ты, рьци, такоже постоиши у мене в Почаинѣ, якоже азъ въ Суду, то тогда ти дамъ“ и отпусти слы, се рекши (Лѣтопись подъ 955 год. по Лавр. Сп.). А древне-русскія поученія „о злыхъ женахъ“ рисуютъ характеры, имѣющіе общія черты съ характеромъ матери пр. Θεодосія.

Послѣднее свиданіе матери съ сыномъ, уже поступившимъ въ монахи, г. Яковлевъ считаетъ вариантомъ византійскаго житія, отрицая его историческую достовѣрность (стр. 74), и приводя источникъ, послужившій пр. Нестору, въ одномъ изъ скитскихъ патериковъ, въ сказаніи объ аввѣ Пименѣ. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя; и хотя въ приведенномъ отрывкѣ изъ житія ²⁾ рассказывается о матери, съ горемъ и плачемъ жаждавшей свиданія со своими сыновьями, бывшими въ монастырѣ,—какой случай приводится и въ житіи пр. Θεодосія—мы не признаемъ здѣсь литературнаго заимствованія. Здѣсь повторяется сама жизнь, а не житія. Только съ предвзятымъ мнѣніемъ можно отрицать дѣйствительность этого факта: вполне естественными и даже необходимыми являются и ревность матери въ розыскахъ пропавшаго безъ вѣсти сына, и радость при нахожденіи

¹⁾ О. Θ. Миллеръ. Опытъ истор. обзор. русской словесности. СПб. 1866 г., стр. 248.

²⁾ Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, ч. II. Москва, 1879 г., стр. 182—3. *Сидъ и Пименъ 3 пр. Пименъ*

³⁾ Op. cit. Яковлевъ, стр. 74—75.

его, и сильное, непреодолимое желаніе видѣть своими глазами своего сына.

Характеръ матери выдержанъ и въ данномъ случаѣ: она уже не со смиреніемъ, какъ въ первый приходъ, проситъ Антонія о свиданіи со своимъ сыномъ, „но съ гнѣвомъ великимъ вопіяше, о нуже старца сего, яко имы сына моего и скрывъ и въ пещерѣ, не рачитъ ми его явити. Изведи ми старче, сына моего, да си его вижу, и не трылю бо жива быти, аще не вижу его; яви ми сына моего, да не злѣ умру: се бо сама ся погублю предъ дверми пещеры сея, аще не покажеш ми его“.

Отмѣтимъ еще одинъ пунктъ въ первой части житія, относительно котораго мы не согласны съ мнѣніемъ г. Яковлева. Исследователь кажется несоотвѣтствующимъ дѣйствительности свидѣтельство Нестора, что пр. Феодосій пришелъ къ Антонію и былъ постриженъ въ отроческихъ лѣтахъ, тогда какъ по вычисленіямъ его, минимальный возрастъ пр. Феодосія во время поступленія къ Антонію—не менѣе двадцати пяти лѣтъ. Здѣсь ошибка автора исследования состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ свидѣтельство одного только списка житія (впрочемъ древнѣйшаго), по которому пр. Феодосій занимается печеніемъ просфоръ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, тогда какъ въ другихъ спискахъ вмѣсто двѣнадцати стоитъ число 2. Г. Яковлевъ, очевидно, раздѣляетъ мнѣніе другого исследователя—И. Казанскаго, который отдастъ предпочтеніе первому свидѣтельству ¹⁾. Но сама логика говоритъ противъ истинности этого свидѣтельства: какимъ образомъ мать въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ терпѣла, по ея мнѣнію унижительное, занятіе сына печеніемъ просфоръ, и только послѣ такого значительнаго періода строго воспретила ему это занятіе, вслѣдствіе чего пр. Феодосій вынужденъ былъ удалиться въ другой городъ къ какому-то священнику; да и непонятно, какимъ образомъ всѣ стремленія юной жизни со всякими аскетическими наклонностями (пошеніе веригъ) и цѣлымъ рядомъ порывовъ къ „спасительной“ жизни (побѣгъ со странниками и др.) могли бы мириться со скромнымъ занятіемъ печенія просфоръ—и этотъ застой продолжается двѣнадцать лѣтъ! Съ принятіемъ же свидѣтельства другихъ списковъ устраняются всѣ эти кажущіяся несообразности и недоумѣнія; въ такомъ случаѣ пр. Феодосій приходитъ къ Антонію дѣйстви-

¹⁾ П. Казанскій. „О времени основанія Печерской обители“ Временникъ. т. 19, 1854 г., стр. 37

тельно юношей (около 20 лѣтъ)—и свидѣтельство Нестора становится совершенно справедливымъ¹⁾.

Переходимъ теперь ко второй части житія. „Вторая часть житія Θεодосія—говоритъ авторъ цитуемаго изслѣдованія—разсказы вающая его монастырскую жизнь, не представляетъ тѣхъ противорѣчій и несообразностей, какъ первая, за то гораздо болѣе фактовъ подражанія византийскимъ писателямъ“²⁾. Однако мы должны и здѣсь сказать, что далеко не всѣ, отмѣченные нашимъ изслѣдователемъ факты, можно признать подражаніями пр. Нестора византийскимъ источникамъ. Легенда выступаетъ въ этой части въ большихъ размѣрахъ, и чудеса—необходимая составная часть житій вообще—заполняютъ большую часть содержанія этой части. Общій характеръ чудесъ, находящихся въ житіи пр. Θεодосія, именно таковъ, какъ онъ уже отмѣченъ нашими изслѣдователями этой стороны содержанія житій. Всѣ они представляютъ болѣе или менѣе близкіе варианты чудесъ Иисуса Христа.

Ихъ историческая достовѣрность для насъ не имѣетъ большого значенія, и въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны съ г. Яковлевымъ объ ихъ источникахъ у византийскихъ писателей. Обратимся къ біографической сторонѣ житія; здѣсь почтенный изслѣдователь съ особенною подробностію отмѣчаетъ сходство свидѣтельствъ нашего житія съ восточными и на этомъ основаніи отрицаетъ ихъ историческую достовѣрность, не щадя фактовъ, какъ намъ кажется, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности.

Изъ житія мы узнаемъ, что пр. Θεодосій иногда ночью выходилъ изъ пещеры на берегъ Днѣпра и тамъ подвергалъ себя особому роду аскетическаго подвига, обнажая до пояса свое тѣло и терпѣливо перенося страданія, причиняемые укушеніями оводовъ и комаровъ, во множествѣ летавшихъ надъ берегомъ; а самъ онъ въ это время, сопровождая по монастырскому обычаю всякое дѣло пѣніемъ псалмовъ Давида, занимался пряжей волны, терпѣливо перенося страданія до тѣхъ поръ, пока не наступало время заутрени. Г. Яковлевъ прочелъ въ жизни Макарія египетскаго слѣдующій случай: „Однажды этотъ святой сидѣлъ на разсвѣтѣ возлѣ своей келіи, на его ногу прилетѣлъ комаръ и началъ пить изъ нея кровь. Когда онъ нашлся крови, Макарій, почувствовавъ боль, раздавилъ его. Но вскорѣ онъ сталъ раскаяваться, полагая, что отом-

¹⁾ Большинство ученыхъ держатся именно этого мнѣнія (преосв. Макарій, проф. Голубинскій, проф. Шевыревъ, г. Кубаревъ и др.).

²⁾ Яковлевъ. *Op. cit.*, стр. 76.

стиль за самого себя. и за этотъ грѣхъ осудить себя шесть мѣсяцевъ сидѣть нагимъ въ скитскомъ болотѣ, лежащемъ въ глухой пустынѣ... Онъ такъ былъ ими (комарами) искусанъ и изѣденъ, и тѣло его всё покрылось язвами, что нѣкоторые думали, что онъ боленъ проказою“ (ор. cit. 77). Внешнее и совершенно случайное сходство между этими двумя свидѣтельствами житія даютъ уже основаніе автору изслѣдованія отнести это мѣсто житія къ числу заимствованій Несторомъ у византійскихъ писателей. Мы и здѣсь, какъ и раньше, приводимъ то же возраженіе, что быть можетъ здѣсь не писатели повторяются, а сама жизнь (если уже считать фактъ заимствованія несомнѣннымъ). Преподобный Феодосій Печерскій, какъ строгій аскетъ, стремящійся къ умерщвленію плоти и возвышенію и побѣдѣ надъ нею духа, могъ избрать этотъ тяжелый и незамѣчаемый никѣмъ родъ подвижничества—подъ вліяніемъ ли знакомства съ жизнью Макарія, или совершенно самостоятельно—это для насъ безразлично; во всякомъ случаѣ мы въ правѣ считать этотъ фактъ характернымъ въ жизни пр. Феодосія и вполне достойнымъ.

Точно также и цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ, весьма характерныхъ для личности пр. Феодосія, авторъ отвергаетъ всё на томъ же основаніи: соотвѣтствія, случайнаго совпаденія и слабой аналогіи. Этимъ путемъ отвергается рассказъ о томъ, какъ пр. Феодосій ночью обходилъ „мниховы кѣлія вся, хотя увѣдѣти коеждо ихъ житіе“; и если замѣчалъ, что у кого либо собралось двое или трое для бесѣды, то стукомъ въ двери давалъ имъ знать о своемъ приходѣ, а на слѣдующій день обличалъ виновныхъ „яко издавеча притчамъ нагоня“, а между тѣмъ эта черта заботливаго игумена, старающагося знать всякій поступокъ своего инока, а съ другой стороны и особый приѣмъ обличенія провинившагося брата были присущи пр. Феодосію печерскому (хотя такая же заботливость могла проявиться и у другого игумена, и у Феодорита Кирскаго, на котораго указываетъ авторъ— стр. 78); и въ поученіяхъ его можно найти рядъ свидѣтельствъ и въ мысляхъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ, характеризующихъ пр. Феодосія съ этой стороны (см. ч. II „поученіе о терпѣнн и о смиренн“ и „поученіе о хожденн къ церкви и о молитвѣ“).

Замѣчательный примѣръ смиренія пр. Феодосія, когда онъ, поздно возвращаясь отъ князя Изяслава, долженъ былъ помѣняться положеніями съ возницею и, въ то время какъ тотъ спокойно спалъ на возу, преподобный долженъ былъ сидѣть верхомъ на конѣ, или идти пѣшкомъ возлѣ него,—этотъ случай, рассказанный самимъ

возницею и вѣроятно живо памятный всеї братіи, отвергается, какъ подражаніе такому же случаю изъ Синайскаго патерика. Однако посмотримъ, дѣйствительно ли такой же случай приводится тамъ?

Приведемъ отрывокъ, на который ссылается г. Яковлевъ, а раньше его г. Буслаевъ ¹⁾: „Говорилъ также одинъ отецъ о томъ же архіепископѣ Θεодотѣ, который такъ былъ кротокъ и смирененъ, что однажды во время пути съ клирикомъ, сидя въ телѣжкѣ, а клирикъ на лошади, онъ сказалъ клирику: раздѣлимъ путь и будемъ мѣняться мѣстами. Клирикъ не соглашался этого сдѣлать: это безчестіе. говорилъ онъ, для патріарха если клирикъ влѣзетъ въ телѣжку, а патріархъ будетъ сидѣть на лошади. Но дивный Θεодотъ не отставалъ и, наконецъ, убѣдилъ клирика въ томъ, что это не будетъ безчестно, принудилъ сдѣлать по своему“ (ор. cit. стр. 80). Признаться, мы не видимъ никакой внутренней общности въ разсказѣ Нестора и въ приведенномъ отрывкѣ: тамъ грубыи возница, несмотря на ночь и дальность разстоянія, обращается къ Θεодосію со словами: „послушай черноризецъ! ты вѣчно празденъ, а я постоянно тружусь; не могу я теперь ѣхать на конѣ, поэтому я лягу на возу, а ты можешь ѣхать на конѣ, вотъ и садись себѣ“.—И смиренный Θεодосій исполняетъ его желаніе. Здѣсь же и архіепископъ и клирикъ—оба лица духовныя и оба ѣдутъ, одинъ верхомъ, другої же въ телѣжкѣ; патріархъ (архіепископъ) предлагаетъ отъ времени до времени мѣняться мѣстами, съ чѣмъ послѣ долгихъ увѣщаній клирикъ соглашается. Если въ первомъ случаѣ возница прямо такъ оскорбляетъ пр. Θεодосія, то во второмъ случаѣ мы видимъ лишь примѣръ обыденнаго монашескаго смиренія. Случай съ пр. Θεодосіемъ и по обстановкѣ и по обстоятельствамъ изъ ряду выходящій; другої же случай такъ простъ и обыдененъ—когда люди одного званія, но разныхъ положеній, бываютъ любезны другъ къ другу, что встрѣчается и повторяется очень часто; поэтому мы совершенно отрицаемъ въ данномъ случаѣ фактъ заимствованія и оставляемъ неприкосновеннымъ великій примѣръ смиренія пр. Θεодосія, какъ фактъ историческій и въ высокой степени важный, какъ для характеристики самого пр. Θεодосія, такъ отчасти для характеристики взглядовъ простаго народа на монашескую дѣятельность: „Черноризецъ! ты вѣчно празденъ“! Очевидно сознаніе значенія духовныхъ подвиговъ смиренія и умерщвленія плоти еще не проникло въ народную массу, и на монашество смотрѣли, какъ на

¹⁾ Ист. очерки русской народной словесности и искусства. т. II, стр. 53.

праздное времяпрепровождение. Тѣмъ болѣе должна быть цѣннѣе любовь, которую снискалъ пр. Феодосій у народа, какъ объ этомъ свидѣтельствуется житіе.

И другой образецъ смиренія пр. Феодосія г. Яковлевъ считаетъ лишь литературнымъ подражаніемъ. Это именно слѣдующій случай, приведенный Несторомъ въ житіи: пр. Феодосій вообще ходилъ въ простыхъ одеждахъ, ничѣмъ не отличаясь отъ прочей братіи; и вотъ однажды, когда онъ шелъ къ рабочимъ, гдѣ строилась церковь, по дорогѣ ему встрѣтилась какая-то обиженная судомъ бѣдная вдова и спросила его, дома ли игумень. Пр. Феодосій, не открывая себя, спросилъ ее, для чего ей нуженъ этотъ человекъ, который грѣшенъ, какъ и всѣ. „Грѣшенъ-ли онъ, или нѣтъ—я этого не знаю—отвѣтила вдова,—но я только знаю, что онъ многихъ избавляетъ отъ горя и напастей, поэтому я вотъ и пришла къ нему просить заступничества, такъ какъ я несправедливо обижена судьями“. Разспросивъ подробно въ чемъ ея дѣло, онъ отпустилъ ее, сказавъ, что все это онъ передастъ игумену, когда тотъ придетъ; а самъ пошелъ къ судѣ, о которомъ говорила вдова, и устроить дѣло въ ея пользу.

Этотъ случай не столько важенъ, какъ примѣръ смиренія—необходимаго всякому монаху, а какъ примѣръ уваженія и авторитета, какимъ пользовался пр. Феодосій благодаря своимъ духовнымъ качествамъ, какъ честность, справедливость, неподкупность, при которыхъ и бѣдная обижаемая вдова обращается къ нему за помощью и несправедливый судья измѣняетъ свое неправоe рѣшеніе. Для насъ очень важны такого рода факты, свидѣтельствующіе объ одной интересной и въ высокой степени важной сторонѣ дѣятельности и вліянія пр. Феодосія въ дѣлахъ мірскихъ; и мы не имѣемъ никакого права даже заподозрить достоверность его только на томъ основаніи, что гдѣ-то въ Скитскомъ патерикѣ смиренный авва Моисей, на вопросъ областного правителя: гдѣ келья аввы Моисея? отвѣтилъ: „чего вы хотите отъ него? онъ человекъ глупый и грѣшный“ (ор. cit. 89) (г. Яковлевъ считаетъ, что пр. Несторъ, не зная этой фразы, не могъ вложить въ уста пр. Феодосію подобной же: „чего ради потребуешь отъ него, яко той человекъ грѣшенъ есть“. Но вѣдь эта фраза такъ стереотипна въ устахъ смиренныхъ людей вообще, что говорить о заимствованіи ея мы совершенно считаемъ невозможнымъ; все же остальное въ обонхъ разказахъ не имѣетъ точекъ соприкосновенія).

Авторъ разбираемаго изслѣдованія болѣе не указываетъ заимствованныхъ эпизодовъ, хотя, и въ такомъ путемъ, можно было бы

отмѣтитъ еще нѣсколько. Такимъ же образомъ можно отрицать и свидѣтельство пр. Нестора объ участіи пр. Θεодосія въ общихъ работахъ, или рассказы его о рубкѣ дровъ, о ношеніи воды самимъ игуменомъ, находя аналогичные же эпизоды въ жизни, напримѣръ, Θεодора Студейскаго; или считать объѣтъ „неомовенія“ у пр. Θεодосія вымысломъ, а самый фактъ—заимствованнымъ пр. Несторомъ изъ житія Іоанна Молчальника, о которомъ говорится въ житіи: „Въ особенности же онъ избѣгалъ омовенія, остерегаясь не только быть видимымъ другими, но и самому зрѣть себя нагимъ, помышляя обнаженіе Адамово. и полагалъ, что неомовеніе есть одна изъ величайшихъ добродѣтелей“ ¹⁾).

Можно было бы указать заимствованія пр. Несторомъ изъ житія Саввы Освященнаго, что и сдѣлано въ послѣднее время другимъ изслѣдователемъ — г. Шахматовымъ, который держится такой же точки зрѣнія, какъ и г. Яковлевъ. Но изслѣдователь считаетъ уже достаточнымъ указаннымъ „параллельно“ сходныхъ эпизодовъ, „чтобы судить, насколько сочиненіе Нестора оригинально по своему содержанію“ (op. cit. 90). Заканчивая разборъ интересующей насъ части изслѣдованія г. Яковлева, мы отмѣтимъ одно противорѣчіе, замѣченное нами у автора. На стр. 77 авторъ отрицаетъ достовѣрность засвидѣтельствованнаго Несторомъ обычая пр. Θεодосія обходить ночью кельи иноковъ, съ цѣлью узнать, какъ они проводятъ время, приводя источникъ этого свидѣтельства у Θεодорита Кирскаго: а между тѣмъ на стр. 90 онъ же приводитъ этотъ фактъ для характеристики отношеній пр. Θεодосія, какъ игумена, къ братіи. Такимъ образомъ мы во многомъ не согласны съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя относительно исторической достовѣрности свидѣтельствъ въ сочиненіи Нестора, „житіе пр. Θεодосія“. Коренное различіе точекъ зрѣнія является тому главнѣйшей причиной.

Авторъ, замѣчая сходство, относитъ причину его къ писателю, мы же стараемся относить причину сходства (гдѣ оно дѣйствительно замѣчается) къ самому изображаемому лицу—пр. Θεодосію, жизнь котораго складывалась подъ вліяніемъ знакомства съ жизнью великихъ подвижниковъ востока. Но во многихъ отмѣченныхъ нами случаяхъ г. Яковлевъ основываетъ свои заключенія о заимствованныхъ сюжетахъ не на основаніи сходства и полной аналогіи, а лишь на основаніи чисто внѣшнихъ, случайныхъ совпаденій не только сообщае-

¹⁾ Житіе Іоанна Молчальника, стр. 3 (изд. Прав. Пал. Общ.).

мыхъ писателями фактовъ, но и отдѣльныхъ выраженій; съ этими выводами мы не соглашаемся за отсутствіемъ достаточныхъ основаній въ доказательствахъ автора, а самые факты, отрицаемые имъ, мы считаемъ не только возможными, но и исторически достоверными, предлагая въ доказательство своихъ положеній тѣ или инныя соображенія, вытекающія изъ нашего взгляда на пр. Нестора, какъ на „честнаго“ писателя, который не могъ допускать въ своемъ сочиненіи сознательной лжи. Съ нашей точки зрѣнія сочиненіе пр. Нестора можетъ быть разсматриваемо такимъ образомъ: авторъ воспользовался формой, которая выработалась у восточныхъ агіобиографовъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, элементы которой приведены и у Альфреда Мори ¹⁾, въ указанномъ ранѣе сочиненіи, и у Ключевского ²⁾, въ приложеніи къ древне-русскимъ житіямъ и др.: форма эта отразилась въ общемъ назидательно-похвальномъ характерѣ житія, въ распредѣленіи частей повѣствованія, въ общихъ приѣмахъ характеристики лицъ, о которыхъ автору мало извѣстно, такихъ же періодовъ жизни святого и во введеніи легендарнаго элемента, какимъ являются ореолъ святости и даже фантастики (религіозной), изображаемой въ формѣ чудесъ, сопровождавшихъ всю жизнь святого. Однако эта форма не преобладаетъ надъ фактической (стороной) частью житія, которую авторъ составлялъ на основаніи указанныхъ нами достоверныхъ источниковъ. Исслѣдователь легко выдѣляетъ историческій матеріалъ, необходимый ему для его задачи—въ данномъ случаѣ для жизни пр. Феодосія Печерскаго, для чего особенно важна эпизодическая часть „житія“, наиболѣе рисующая взаимоотношенія между пр. Феодосіемъ, иноками и обществомъ; но и легендарная часть житія—чудеса и сверхъестественныя откровенія, встрѣчающіяся въ немъ, рисуютъ отчасти бытовую сторону монастыря, его матеріальное положеніе (недостатокъ въ необходимомъ, какъ въ хлѣбѣ, винѣ, лампадномъ маслѣ; съ другой стороны, пожертвованія на монастырь, вызванныя чудеснымъ явленіемъ, напр. бояр. Климента и др.), и поэтому не должна быть оставляема безъ вниманія.

Такимъ же образомъ и мы будемъ пользоваться разбираемымъ сочиненіемъ пр. Нестора въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Кромѣ этого сочиненія ³⁾, специально относящагося къ предмету нашего из-

¹⁾ См. Яковлехъ. *Op. cit.*, стр. 7.

²⁾ Ключевскій. *Op. cit.*, см. примѣч. выше.

³⁾ Т. е. Сочиненія Нестора „Житіе пр. Феодосія“.

слѣдованія, лѣтопись подь 1051 и 1074 годомъ заключаетъ ¹⁾ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ жизни и дѣятельности пр. Θεодосія, и такимъ образомъ является однимъ изъ источниковъ по занимающему насъ вопросу. Помѣщенная подь 1051 годомъ статья о началѣ Печерскаго монастыря вошла затѣмъ въ составъ статей Кіево-Печерскаго Патерика подь заглавіемъ: „слово о томъ, чего ради прозвася Печерскій монастырь“; статья же подь 1074 годомъ, находится только въ лѣтописи; обѣ эти статьи, служа дополненіемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія предлагаетъ названный выше специальный трудъ пр. Нестора о Θεодосіи, заключаютъ въ себѣ рядъ противорѣчій со свидѣтельствами „Житія пр. Θεодосія“ Эти несогласныя показанія двухъ источниковъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ настолько значительны, что скептики, отрицающіе авторство Нестора въ повѣсти временныхъ лѣтъ, опираются на нихъ, какъ на главные аргументы своего мнѣнія.

Отмѣтимъ эти несогласія и противорѣчія, относящіяся къ Θεодосію, такъ какъ относящееся къ Нестору нами уже указано, когда мы говорили о немъ, какъ очевидцѣ послѣдняго періода жизни пр. Θεодосія. По свидѣтельству житія, уставъ студійскаго монастыря былъ полученъ въ Кіево-Печерскую обитель отъ жившаго въ Константинополѣ Ефрема скопца, бывшаго инока той же обители; по лѣтописному сказанію—уставъ этотъ былъ найденъ пр. Θεодосіемъ у старца студійскаго монастыря Михаила, пріѣхавшаго въ Кіевъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ. По житію, монастырь былъ устроенъ надъ пещерой уже послѣ Варлаама пр. Θεодосіемъ, по лѣтописи же это совершилось еще при Варлаамѣ; наконецъ, относительно преемника пр. Θεодосія, игумена Стефана, въ житіи прямо говорится объ его избраніи, въ лѣтописи же передается иначе, будто пр. Θεодосій сперва предложилъ въ игумены пресвитера Іакова, но братія не согласилась съ выборомъ его на томъ основаніи, что онъ не былъ постриженникомъ Печерскаго монастыря; послѣ этого уже былъ избранъ Стефанъ. Однако, нѣкоторыми почтенными учеными ²⁾ предложены возможныя соглашенія этихъ кажущихся несогласій, и мы присоединяемся къ ихъ авторитетному и достаточно обоснованному предположенію.

Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ приводить эти мнѣнія, теперь же считаемъ излишнимъ замѣтить, что уже въ печатномъ патерикѣ 1661 года, издатели, очевидно, пытались согласить замѣченныя ими

¹⁾ По списку Лаврентьевскому (П. С. Р. лѣт., т. I, подь 1051 г. и 1074).

²⁾ Гг. Кубаревымъ, Шевыревымъ, пр. Макаріемъ и др.

несогласія, и въ сказаніи о зачатї Печерскаго монастыря они помѣстили оба свидѣтельства о введеніи устава студійскаго монастыря, очевидно, не видя въ нихъ большого противорѣчія.

Изъ числа пособій по занимающему насъ вопросу можно лишь указать главнѣйшія, какими мы пользовались въ настоящемъ изслѣдованіи: отдѣльныя статьи и монографіи, на которыя намъ придется ссылаться, будутъ указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Въ „Исторіи Церкви“ проф. Голубинскаго мы находимъ очень обстоятельныя статьи о монастыряхъ и о монашествѣ, тамъ же мы получаемъ довольно подробныя свѣдѣнія объ уставахъ вообще и въ частности объ уставѣ студійскомъ, съ которымъ намъ къ сожалѣнію не удалось ознакомиться въ полномъ его объемѣ. Общія же свѣдѣнія и общую разработку вопроса мы встрѣчаемъ въ „Исторіи Церкви“ пр. Макарія, въ лекціяхъ проф. Шевырева, проф. П. Казанскаго и др. Отмѣтимъ также русскій переводъ житія, сдѣланный пр. Филаретомъ (въ Уч. Зап. 2 отд. кн. II вып. 2. 1856 г.), которымъ мы иногда пользовались, да статью М. Погодина: Св. Игуменъ Θεодосій (Москвитянинъ 1850 г. кн. 23), гдѣ авторъ кратко излагаетъ жизнь его на основаніи свѣдѣній житія и лѣтописи ¹⁾. Болѣе подробную бібліографію можно найти въ примѣчаніяхъ къ 6-й лекціи проф. Шевырева и въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“ вып. I на стр. 44—45. Поэтому мы считаемъ излишнимъ приводить перечень статей, которыя въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ цитованы и, какъ мы уже сказали, будутъ указаны въ примѣчаніяхъ.

Ознакомившись съ матеріаломъ, какой предлагаютъ изслѣдователю указанные источники, и съ его разработкой, которая находится въ литературныхъ пособияхъ общаго характера, затрогивающихъ лишь отчасти занимающій насъ вопросъ (спеціального какого либо и полного изслѣдованія мы не имѣемъ), можно прийти къ такого рода заключенію: несмотря на кажущееся обиліе матеріала, заключающагося и въ „житіи“ и въ лѣтописи — біографъ все таки находится въ сомнѣніи, а часто и въ полномъ невѣдѣніи относительно очень важныхъ и въ высокой степени интересныхъ фактовъ и обстоятельствъ жизни пр. Θεодосія (напр., его имени до постриженія, его дѣтства, первоначальнаго образованія и др.); и въ глубокомъ уваженіи передъ его великимъ жизнеписателемъ — пр. Несторомъ.

¹⁾ Изъ рукописей же укажемъ на № 129 Кіево-Софійской бібліотеки, гдѣ находится Житіе пр. Θεодосія на южно-русскомъ нарѣчій съ очень интересными варьянтами, которые будутъ нами попутно приведены. (Переводъ съ польскаго Спльвестра Коссова, оп. Могилевскаго).

онъ готовъ упрекнуть его въ томъ, что увлекшись цѣлью — прославить своего великаго игумена, онъ оставлялъ въ сторонѣ все, что не имѣло прямого отношенія къ его цѣли, и не передавъ грядущимъ вѣкамъ многихъ, ему еще извѣстныхъ, индивидуальныхъ чертъ, которыя такъ и затерялись и „поросли травой забвенья“. Относительно разработки этого матеріала въ литературѣ, можно сказать, что она велась безъ определенной системы и съ различныхъ точекъ зрѣнія (Голубинскій и Макарій, Кубаревъ и Казанскій, Погодинъ и Шахматовъ и Яковлевъ — смотреть съ разныхъ сторонъ, прилагая каждый свою критическую мѣрку); рѣшенные вопросы снова рѣшались, доказанное съ полною убѣдительною, подвергалось сомнѣнію (напр., о періодѣ просфоропеченія) и т. п. Въ своемъ изложеніи житія Θεодосія мы постараемся держаться мнѣній наиболѣе установившихся, отмѣчая несостоятельность имъ противныхъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ и раньше, мы будемъ предлагать личное наше мнѣніе, сопровождаемое тѣми или иными соображеніями.

„Говорить, что наша исторія менѣ другихъ замѣчательна; не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никова и другихъ могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ“.

Карамзинъ (Письма).

I.

Жизнь преподобнаго Θεодосія Печерскаго.

Вопросъ о нашей начальной литературѣ такъ неразрывно связанъ съ принятіемъ Христіанства на Руси, что, говоря о той или иной личности или литературномъ фактѣ этого періода, нельзя обойти молчаніемъ значенія этого великаго событія въ развитіи жизни народа, преимущественно русскаго. На одной изъ послѣднихъ художественныхъ выставокъ въ Мюнхенѣ особенное вниманіе привлекала смѣлая по замыслу и замѣчательная по идеѣ картина Макса Клингера: „Христосъ на Олимпѣ“. Содержаніе этой картины слѣдующее: въ веселящуюся за кубками божественнаго нектара семью античныхъ боговъ, вдругъ явился Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ, со слѣдами отъ ранъ на Божественныхъ рукахъ и ногахъ, и предлагаетъ вмѣсто волшебнаго нектара чашу страданій „юже Азъ психъ“.

Веселье и смѣхъ застыли на лицахъ боговъ и богинь; всѣ замерли, пораженные новымъ недостижимымъ величіемъ Христа. Олимпъ окаменѣлъ!... Какой рѣзкій контрастъ между окруженными всѣмъ великолѣпіемъ, какое только могла создать безконечно-богатая фантазія грека, богами языческими, падѣленными безсмертіемъ, но и общечеловѣческими страстями, и безстрастнымъ, но

претерпѣвшимъ страданія, смиреннымъ, но безконечно высокимъ Царемъ царствующихъ—Христомъ. Художникъ передалъ на картинѣ тотъ великій моментъ въ духовной жизни народа, когда на смѣну языческому міросозерцанію, со всею роскошью и разнообразіемъ, ему присущими, является высокое, чистое Христіанство съ новыми высокими идеалами, съ проповѣдью о любви къ ближнему и о презрѣніи къ наслажденіямъ жизни, вмѣсто которыхъ предлагается взять Иго Христово на себя. „Аще кто хочетъ совершенъ быти, да возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядеть!“—вотъ призывъ Христа.

Могло ли совершиться сразу такое измѣненіе духовнаго строя въ народѣ? Нѣтъ! Трудно было сразу умереть богамъ языческой Греціи, одареннымъ сначала безсмертіемъ, да и жаль было народному воображенію разставаться съ возлелѣянными имъ образами грознаго Зевеса, губительнаго и просвѣтительнаго Аполлона, чувственно-женственной Афродиты, любимаго вѣчно хмельнаго Вакха; и особенно тяжело оставить цѣль жизни—наслажденія, уже дошедшія до цинизма и грубости, и искать другой цѣли, какую указывало Христіанство. Однако, какъ изъ пепла родилась чудесная птица—фениксъ, такъ и на развалинахъ языческой разлагавшейся религіи привилось и разрослось высокое, чистое, какъ само небо Греціи, Христіанство съ новыми идеалами, идеями и задачами. Оно вдохнуло новыя жизненныя силы, которыя не замедлили явиться въ высокихъ образцахъ литературы, ставшихъ достояніемъ всего культурнаго міра.

Такой же великій моментъ совершился въ концѣ IX-го вѣка у насъ, когда при князѣ Владимірѣ произошло крещеніе Кіевлянъ, а затѣмъ Христіанство стало быстро распространяться по Руси. Хотя язычество у русскихъ славянъ не развилось до такой сложной и стройной космогоніи, какъ у Грековъ и Римлянъ, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ¹⁾, русскій язычникъ былъ по своему общему складу мысли болѣе другихъ подготовленъ къ принятію и усвоенію христіанскихъ идеаловъ, но все же перемѣна религіи произвела, или вѣрнѣе, должна была произвести совершенный переворотъ, какъ въ его внутреннемъ мірѣ,—въ отношеніяхъ моральномъ и интеллектуальномъ,—такъ и во внѣшней жизни, со стороны религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. Христіанство застало нашихъ предковъ на степени поэтическаго міропониманія, когда вопросы, такъ сказать, философскіе, о происхожденіи міра и человѣка не трево-

¹⁾ К. Аксаковъ, Хомяковъ, отчасти Забѣлинъ, поздн. Георгіевскій и др.

жили его ума. Онъ пѣлъ пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ любимую имъ весну по преимуществу; вѣрилъ въ таинственныя силы природы и какихъ то. неясно представляемыхъ нами боговъ: Перуна, Велеса, Дажьбога и др.; любилъ празднества, сопровождаемая весельемъ, плясками, играми—и въ этотъ моментъ его застало христіанство и заставило его пѣсню замолкнуть, потребовало прекратить игры и бѣсовское плясаніе.

Въ одной изъ былинъ сказывается о томъ, какъ подъ напоромъ высшей „нездѣшной“ силы богатыри. — представители силы „здѣшной“, — были сломлены въ неравной борьбѣ и окаменѣли. Картина достойная кисти художника и по идеѣ соответствуетъ упомянутой нами картинѣ „Христосъ на Олимпѣ“. Съ актомъ принятія Христіанства на Руси, окаменѣли, или вѣрнѣе, должны были окаменѣть, т. е. прекратить свое дальнѣйшее развитіе ребячески-наивная, но не лишенная прелести и поэзіи языческая религія со всѣми прелестными, поэтическими, но часто и грубыми обычаями и обрядами. Неся съ собою „живую воду“, христіанство брызнуло ею на окаменѣвшій духовный складъ языческаго міросозерцанія и возродило его къ новой жизни, давъ зачатки и высшихъ идеаловъ, и высшей поэзіи. Но могло ли и здѣсь на почвѣ языческой сразу привиться Христіанство? Могъ ли сразу въ духовной жизни русскаго народа совершиться такой сложный процессъ? Нѣтъ, конечно; и первичною степеню усвоенія христіанства было такъ называемое „двоевѣріе“. Оно было слишкомъ сильно на Руси, очень медленно поддаваясь культурному вліянію христіанства, и, мало-по-малу, забывая старину. А старина эта была дорога массѣ, „какъ привычное повѣрье, любезна своими веселыми празднествами.—и масса удержала надолго многое изъ ея запаса,—но, какъ скудное вѣроученіе, старина не могла соперничать съ христіанствомъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда становилась понятна въ христіанствѣ сторона милосердія и братолюбія, когда ореолъ святости и чуда окружилъ самихъ русскихъ подвижниковъ, какими уже вскорѣ явились Антоній и Феодосій Печерскіе, два варяга, Борисъ и Глѣбъ и другіе“¹⁾. Къ почитанію этихъ святыхъ присоединились еще почитанія различныхъ святыхъ: храмовъ, монастырей, чудотворныхъ иконъ и мощей... Все это занимало мѣсто въ умахъ народа, гдѣ, смѣшиваясь съ оставшимися въ значительномъ числѣ языческими понятіями, образовало новое сложное, спутанное міросозерцаніе, сохранившееся въ народѣ и до нашего времени. Какъ единственное и

¹⁾ А. Пыпинъ. Ист. Рус. слов., ч. I, СПб. 1898 г., стр. 68.

вѣрное орудіе для борьбы съ двоевѣріемъ, корни котораго тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе развитъ народъ, Христіанство вмѣстѣ съ собою внесло и просвѣщеніе. Вотъ почему у насъ вопросъ о начальномъ просвѣщеніи неразрывно связанъ съ вопросомъ о принятіи Христіанства, а также и наше просвѣщеніе носитъ въ древнѣйшемъ періодѣ характеръ религіозный.

Въ зависимости отъ этого и первыми писателями были лица духовныя, и характеръ нашей первоначальной литературы носилъ печать заимствованія отъ Востока, откуда засіяло и Христіанство. *Ex oriente lux!* Но это заимствованіе не было рабскимъ подражаніемъ, а сознательнымъ, простиравшимся преимущественно на форму сочиненій. Однако, нельзя не отмѣтить факта въ высокой степени важнаго: едва въ концѣ X-го вѣка возникаетъ христіанство, неся съ собою, какъ мы уже сказали, и просвѣщеніе; но проходитъ около столѣтія, и въ половинѣ XI-го вѣка мы уже видимъ писателей, воспринявшихъ и глубоко усвоившихъ новое для нихъ содержаніе идей и искусство изложенія.

Выразителями такого просвѣтительнаго стремленія являются исключительно лица духовныя, которыя и сообщили нашей начальной литературѣ религіозное направленіе. Но если произведенія писателей XI-го вѣка въ той или иной степени отражаютъ въ себѣ византійскіе образцы, то это вполне понятно по тому вліянію, какое имѣла византійская культура вообще на духовный складъ нашихъ предковъ. Однако, при естественномъ ходѣ историко-культурнаго развитія, черты народныя и самобытныя отодвигали бы на задній планъ все чуждое и заимствованное; но когда вмѣсто оклика ратая стали раздаваться лишь звуки трубъ, да звонъ оружія, когда разсадники просвѣщенія—монастыри—подвергались разграбленію и опустошенію, и когда, наконецъ, „злой татаринъ“ наложилъ свою тяжелую руку на матеріальное и духовное достояніе русскаго народа, развитіе мысли было остановлено, прогрессивное теченіе ея, замѣчаемое съ такою силой въ XI вѣкѣ, упало и не оправдало возлагаемыхъ на него надеждъ.

Преподобный Феодосій Печерскій, и какъ человекъ, и какъ писатель, былъ типичнѣйшимъ представителемъ просвѣщенныхъ людей своего вѣка, воспитанный уже въ христіанскихъ высокихъ понятіяхъ, которыя нашли себѣ чистое хранилище въ его святой душѣ. Христіанскія идеи, проникая въ жизнь народную и воспринятія умами наиболѣе подготовленными, произвели реакцію, которая въ противовѣсъ языческому міропониманію, создала очень рано у насъ типъ идеальнаго христіанина, какимъ по восточнымъ христіанскимъ

возрѣніямъ того времени является монахъ—подвижникъ. Въ силу извѣстныхъ условій русскій подвижникъ не былъ строгимъ анахоретомъ, порвавшимъ всякую связь съ обществомъ; напротивъ, удалившись отъ соблазновъ міра, онъ отдавался служенію Богу и обществу, являясь послѣднему въ качествѣ руководителя въ дѣлѣ вѣры и своимъ личнымъ примѣромъ воспитывая въ немъ высшіе христіанскіе идеалы; защита правды и всѣ, что мы называемъ гуманныя стремленія находили въ лицѣ нашего подвижника ревностнаго сторонника—и такимъ именно идеальнымъ русскимъ подвижникомъ былъ пр. Феодосій Печерскій.

Въ его жизни и дѣятельности, насколько мы себѣ ихъ представляемъ, отразились всѣ эти положительныя черты, указанные нами, благодаря чему онъ служилъ предметомъ подражанія и для современныхъ ему и позднѣйшихъ подвижниковъ; былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ обществомъ отъ простаго смерда и до князя, и сохранилъ любовь и уваженіе къ памяти своей и до настоящаго времени.

Воспитывая въ своихъ инокахъ стремленіе къ нравственному совершенству и въ замѣчательномъ согласіи между словами и дѣломъ—необходимомъ условіи для успѣшной дѣятельности въ дѣлѣ нравственнаго исправленія,—служа для нихъ образцомъ, всегда любвеобильный, онъ позволялъ себѣ быть иногда строгимъ, когда это требовалось монастырскою дисциплиною. Служа народу въ его развитіи и заботясь о страждущемъ братѣ, онъ является врачомъ духовнымъ, какъ проповѣдникъ, и облегчителемъ недуговъ тѣлесныхъ, устраивая страннопріимницы и больницы, раздавая нуждающимся все необходимое; строгій къ себѣ, онъ не останавливался ни передъ кѣмъ и во имя справедливости готовъ былъ жертвовать собою. Біографъ засвидѣтельствовалъ примѣръ такой борьбы во имя поправленія справедливости, рассказывая о роли обличителя, какую взялъ на себя пр. Феодосій, выступивъ съ грознымъ словомъ и великою эпистоліею противъ кн. Святослава, незаконно овладѣвшаго великокняжескимъ столомъ. Его дѣятельность по устройству монастыря и его внутреннему управленію, благодаря которой онъ, привлекая въ свои тѣсныя келіи всѣхъ лучшихъ людей, стремящихся къ нравственному развитію и совершенству, сталъ главнымъ просвѣтительнымъ центромъ до монгольской Руси, дополняетъ нашу сжатую характеристику этого человѣка, котораго называютъ „великимъ“¹⁾.

¹⁾ См. Голубинскій. *Op. cit.*, II, стр. 626: „Пр. Феодосій несомнѣнно былъ человѣкъ исключительный и въ своемъ родѣ болѣе или менѣе великій“.

Жизнь всякаго человека, его нравственный складъ и убѣжденія во многомъ зависятъ отъ впечатлѣній перваго ея періода, отъ нравственной атмосферы, окружавшей его дѣтство и отрочество. а также и отъ степени умственного развитія его среды и въ частности людей наиболѣе близкихъ, какими являются родители и родственники. Всѣ эти обстоятельства, весьма важныя для выясненія характера такой исключительной личности, какъ пр. Феодосій, для насъ остаются очень неясными, и могутъ быть реставрированы по догадкамъ и соображеніямъ, на основаніи слишкомъ отрывочныхъ свѣдѣній, сохранившихся у біографа. Мѣстомъ рожденія пр. Феодосія былъ небольшой городокъ въ 35 верстахъ отъ Кіева—Василевъ ¹⁾ (нынѣ Васильковъ уѣзд. гор.). Но дѣтство и юные годы его протекли въ Курскѣ—тогда еще незначительномъ городѣ—куда, по повелѣнію князя, переселились его родители. Родители пр. Феодосія были изъ хорошей, родовитой семьи, на что указываетъ родовая гордость матери, не позволявшей сыну ходить въ старыхъ одеждахъ и заниматься такимъ дѣломъ, которое „укоризну творить себѣ и роду своему“. Отецъ былъ на службѣ у „властелина града“. Но такъ какъ въ Курскѣ не было особенно много княжескихъ чиновниковъ, то можно предположить, что онъ былъ однимъ изъ княжескихъ тиуновъ, служившихъ у Курскаго посадника ²⁾. О характерѣ его, какихъ либо индивидуальныхъ чертахъ, объ отношеніяхъ его къ семьѣ, біографъ ничего не говоритъ, потому что и самъ онъ, вѣроятно, ничего не зналъ объ этомъ; въ этомъ случаѣ онъ отдѣляется стереотипной фразой: „бѣста родителя святого въ вѣрѣ крестьянстѣи живуща и всячьскимъ благочестіемъ украшена“. Ни имени Феодосія (мірскаго), ни года рожденія его мы не знаемъ; послѣднее можетъ быть приблизительно опредѣлено на основаніи нѣкоторыхъ соображеній: Несторъ говоритъ въ житіи, что вынесеніе монастыря изъ пещеры произошло въ 1062 году („и тогда преселися отъ пещеры съ братією на мѣсто то въ лѣто 6570 (1062) и отътолѣ божією благодатією въздрате мѣсто то и бысть монастырь славенъ“); мать же пр. Феодосія, придя къ Антонію спустя 4 года по пришествіи къ нему ея сына, застала еще монастырь въ пещерѣ, а не поверхъ земли; значитъ пр. Феодосій пришелъ къ Антонію никакъ не позже 1056—57 г.; по свидѣтельству же лѣтописи это уже случилось послѣ смерти Ярослава (т. е. 1054 г.);

¹⁾ Въ хартеиномъ спискѣ XII вѣка названіе города опущено; во въ другихъ спискахъ вездѣ названъ Василевъ.

²⁾ См. Голубинскій. *Op. cit.*, стр. 476.

такимъ образомъ, мы опредѣлили границы времени, не раньше и не позже котораго Θеодосій явился въ пещеру къ Антонію; согласившись, что пришелъ онъ 20-лѣтнимъ юношей (см. раньше) мы получимъ годъ рожденія его около 1036 года ¹⁾.

Достигнувъ семилѣтняго возраста онъ, по обычаю того времени, вѣроятно, сталъ учиться грамотѣ, такъ какъ съ этого возраста могло начинаться обученіе ²⁾; а потомъ его опредѣлили въ училище, гдѣ онъ пробылъ до 13 лѣтъ. Остановимся на этомъ періодѣ жизни его, который далъ направленіе всей его послѣдующей дѣятельности. Біографъ кратко замѣчаетъ: „къ симъ же (т. е. къ сверстникамъ) дати́ся веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учителя якоже и створи, и въскорѣ извыче вся граматикія, и якоже всѣмъ чудитися о премудрости и разумѣ дѣтища“... и далѣе говоритъ общія фразы о смиреніи, покореніи и повиновеніи ученика, которыя „кто исповѣсть“. Итакъ мы не знаемъ, кто и каковъ былъ его учитель, чему онъ училъ отрока, какого рода было то училище, куда его опредѣлили, а между тѣмъ это было бы очень важное свидѣтельство не только для насъ, но и для исторіи нашего просвѣщенія. благодаря которому можно было бы рѣшить темный вопросъ о родѣ и способѣ обученія въ домонгольской руси.

По мнѣнію однихъ, пр. Θеодосій учился въ одномъ изъ частныхъ училищъ, гдѣ только преподавалась грамота; и самое выраженіе Нестора „извыче вся граматикія“ они понимаютъ въ смыслѣ лишь первоначальнаго обученія чтенію и письму ³⁾. Однако, нельзя согласиться, что въ училищѣ преподавали лишь такія элементарныя знанія; необходимо расширить кругъ преподаванія и самое слово „граматикія“ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. Мы оставляемъ свидѣтельства Татищева по этому вопросу, какъ болѣе или менѣе сомнительныя; но воспользуемся данными, добытыми почтеннымъ ислѣдователемъ, покойнымъ Н. Лавровскимъ ⁴⁾. Всѣ лѣтописныя и житійныя выраженія: учиться грамотѣ, книгамъ учиться, учиться божественныхъ книгъ, учиться книжному писанью и др., говорятъ объ обученіи чтенію и письму. Но кромѣ чтенія и

¹⁾ Голубинскій предлагаетъ нѣсколько иную хронологію, но общія разсужденія у насъ такія же. См. *op. cit.*, т. I, гл. VI, стр. 476; хронологія же г. Кубарева неясна и ошибочна.

²⁾ Н. А. Лавровскій: О древне-русскихъ жилищахъ: О первоначальномъ обученіи, стр. 120.

³⁾ Голубинскій. *Op. cit.*, *ibidem*.

⁴⁾ О древне-русскихъ жилищахъ. *Op. cit.*

письма уже въ первое время у насъ явилось обученіе пѣнію, необходимому для богослуженія; уже подь 1052 г. въ софійской лѣтописи мы читаемъ: „а въ Кіевѣ пришли триѣ пѣвцы изъ Грекъ съ роды своимъ“; а подь 1137 г. Ипат. лѣтоп. сказано: „поставленъ бысть скопецъ Мануйло епископомъ смоленску пѣвецъ гораздый, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мстиславу“. А въ соборныхъ дѣянїяхъ 1551 года говорится: „а прежде сего (такъ говорили отцы собора) въ російскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали, грамотѣ и писать и пѣть и читать учили“¹⁾. Пѣнію обучались не только лица духовныя, но и свѣтскія, и даже князья, потому что оно соотвѣтствовало ихъ религіозному настроенію; такъ, кн. Глѣбъ пѣлъ псалмы передъ кончиною, а народъ пѣлъ „Господи помилуй“ при перенесенїи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 году. Что пр. Θεодосій обучался пѣнію видно изъ того, что онъ хорошо зналъ церковное пѣснопѣніе и службу, безъ чего онъ не могъ бы „пребывать“ въ посадничьей домової церкви, исполняя обязанности чтеца и пѣвца (и повелѣ же ему, да пребываетъ у него въ церкви); а далѣе, уже будучи игуменомъ, онъ особенно слѣдилъ за „добродѣтельствомъ“ во время пѣнїя, и самъ, выходя ночью изъ пещеры, прѣлъ волну, „псалмы ноя“.—Изученіе нашихъ древнѣйшихъ рукописей приводитъ къ заключенію о существованїи уже въ древнѣйшее время нѣкоторой грамматики; иначе нельзя объяснить строгую послѣдовательность въ соблюденїи извѣстныхъ правилъ при переносахъ словъ, въ окончанїи строчекъ (на гласные), въ разстановкѣ знаковъ препинанїя, въ титлахъ и др.

Знаніе же элементарныхъ свѣдѣнїй изъ ариѳметики предполагается само собой.

Съ полной основательностью можно утверждать, что преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ имѣло мѣсто и въ томъ училищѣ, гдѣ учился пр. Θεодосій, и Несторъ, замѣчая о немъ: „въскорѣ изъвыче вся граматикія“ имѣлъ, вѣроятно, въ виду всѣ предметы, преподаваемые въ училищѣ. Но „граматикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ“ (какъ говорится въ заглавіи книги, „глаголемой Адонатосъ“—рукоп. XVII в.), она даетъ лишь пищу уму и не дѣйствуетъ на сердце, и не въ ней, конечно, надо

¹⁾ Лавровскій. *Op. cit.*, 123; замѣтимъ кстати, что въ распоряженїяхъ Карла Великаго въ учрежд. имъ школахъ такая же программа преподаванїя: *Scholae legentium puerorum fiant: psalmos, notas, cantus, computum, grammaticam per singula monasteria vel episcopia discant (ib.).*

искать причинъ, сообщившихъ извѣстное направленіе мыслямъ и стремленіямъ отрока Θεодосія (какъ мы его называемъ, не зная его первоначальнаго имени). Научившись грамотѣ и изучивъ псалтырь, который былъ первою книгою послѣ азбуки ¹⁾, онъ съ жаромъ набросился на „чети книги“ и съ увлеченіемъ сталъ ихъ читать. Все это были книги нравственно-назидательнаго характера, обращавшіяся тогда на Русь; любимыми и наиболѣе доступными являлись житія святыхъ и евангеліе. Евангеліе предлагало Христіанское ученіе во всей своей, доступной пониманію отрока, чистотѣ и красотѣ; и образъ Христа, страдавшаго и воскресшаго зарождалъ стремленіе къ подражанію. Въ житіяхъ же святыхъ впечатлительнаго, воспримчиваго и одареннаго отрока, не по лѣтамъ развившагося, уже поражали „живые“ примѣры христіанскихъ подвижниковъ. Первое познаніе истины всегда есть время наибольшей къ ней горячности. Такъ бывало и бываетъ вездѣ, такъ же было и въ данномъ случаѣ. Легендарная оболочка житій, чудесное и фантастическое сильно дѣйствовало на воображеніе отрока, гдѣ мало-по-малу составлялся неясный и сложный образъ идеальнаго христіанина: да и самые подвижники востока съ ихъ аскетическимъ образомъ жизни, отрeksiеся не только отъ міра, но и отъ всего бреннаго, столпничествомъ, веригонosenіемъ, и другими подвигами побѣдившіе плоть и достигшіе высокаго духовнаго совершенства, невольно овладѣли умомъ и сердцемъ отрока и вызывали на подражаніе. Когда отроку минуло 13 лѣтъ, образъ отшельника уже яснѣе носился въ его воображеніи, и онъ уже готовъ былъ вступить на тяжелый путь подвига; въ это время умираетъ его отецъ, и это такъ подѣйствовало на него, что онъ сразу рѣшается приступить къ исполненію завѣтной мечты. Весь этотъ періодъ жизни до постриженія въ монастырь состоитъ въ непрерывной тяжелой борьбѣ съ семейнымъ началомъ, окончившейся духовной побѣдой и укрѣпившей силы пр. Θεодосія для дальнѣйшей дѣятельности монаха и игумена. Въ этой борьбѣ, съ одной стороны, выступаетъ мать, съ другой стороны, пр. Θεодосій; первые шаги юнаго подвижника встрѣтили противодѣйствіе со стороны матери: онъ оставилъ дѣтскія

¹⁾ Геннадіево посланіе къ митр. Симону XV вѣка: „а мой совѣтъ о томъ что учить въ училищѣ, первое азбука граница истолкована совѣмъ, да и подпительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ на *крѣпко*; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и коноваршину и честь всякія книги“ (Акт. Ист., т. I, стр. 148). *Op. cit.* 129.

игры, которыхъ онъ и раньше не любилъ, сбросилъ свѣтлыя новыя одежды и пошелъ на работу вмѣстѣ со своими работниками; видя въ этомъ „укоризну“ своему роду, мать воспретила ему это занятіе и велѣла одѣваться въ свѣтлыя одежды и идти играть со сверстниками; юный подвижникъ не слушается матери, за что и получаетъ наказаніе. Чтобы придать большее значеніе этому случаю, пр. Несторъ приводитъ характеристику матери: „бѣ бо и тѣлмъ крѣпка и сильна якоже и мужь; аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующу, то начынаше мнѣти, мужа ю суца“.

Авторъ житія уже здѣсь старается представить въ невыгодномъ свѣтѣ мать Θεодосія, рисуя ее грубой и сильной, хотя читатель, не монахъ, не можетъ уже здѣсь стать противъ нея, понимая, какія чувства руководили ею въ противодѣйствіи образу жизни ея сына; самый же методъ исправленія былъ въ духѣ того времени, когда педагогика не выработала еще гуманныхъ приемовъ, и когда въ церковныхъ поученіяхъ проповѣдывалось о наказаніи—наученіи дѣтей. Вспомнимъ, какъ говорится о воспитаніи дѣтей въ нашихъ древнихъ поученіяхъ: „Любяи сына своего, то не щади, и наказуй его жезломъ во юности, да по старость твою покоитъ тя... Аще ли не слушаетъ дитя твое, то не пощади его: шесть ранъ или двѣнадцать сыну или дочери; аще ли вина зла, то и многи раны дай ему плетію... Любяи же сына твоего, учащай ему раны, да послѣди возвеселишися о немъ и среди знаемыхъ похвалу приемлещи“¹⁾.

Однако, на впечатлительную натуру 13—14 лѣтняго отрока наказаніе это подѣйствовало въ извѣстномъ направленіи: съ этого времени онъ быть можетъ почувствовалъ, что между имъ и матерью произошелъ окончательный разрывъ, что ему въ родительскомъ домѣ оставаться далѣе нельзя. Онъ много слышалъ о святыхъ мѣстахъ „идеже господь нашъ іисусъ христосъ плѣтию походи“, и давно уже лелѣялъ мысль о путешествіи туда, о чемъ непрестанно молилъ Бога.

Въ скоромъ времени ему пришлось въ городѣ встрѣтиться со странниками; распросивъ ихъ, онъ узналъ, что они изъ Іерусалима и теперь возвращаются туда же; обрадовавшись такому случаю, онъ сталъ просить ихъ принять его себѣ въ спутники, на что они согласились, пообѣщавъ довести его до Святыхъ мѣсть. Кто были эти странники—опредѣленно сказать трудно; большинство ученыхъ считаютъ ихъ обыкновенными русскими паломниками, отправляю-

¹⁾ Измарагдъ Тр.-Серг. Лавры № 202, гл. 55, л. 73. (Въ „Памятникахъ“ Пономарева, вып. III, стр. 126. „Слово къ родителямъ о наказаніи—наученіи дѣтей“).

щимися въ Святую землю; но по смыслу самого житія это выходит не такъ: „онъ же ... въпроси я откуда суть, и камо идутъ; онѣмъ же рекшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмь, и аще Богу ведящу, хоцемъ въспять уже ити“, значить, эти странники были родомъ изъ Іерусалима; они были для какой то цѣли гдѣ то на Руси и теперь черезъ Курскъ возвращались къ себѣ домой—въ Святую Землю. Тогда еще у насъ не было такихъ святыхъ, чтобы можно было предположить цѣль путешествія ихъ изъ Іерусалима—поклоненіе святынямъ; проф. Голубинскій предлагаетъ объясненіе слова „странникъ“ въ смыслѣ „иностранецъ“, человекъ земли греческой; тогда подъ этими странниками предполагаетъ Іерусалимскихъ Грековъ или Арабовъ „которые приходили въ Россію за милостыней“¹⁾; но мы не рѣшаемся согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго, которое представляетъ ни на чемъ не основанную догадку—и оставляемъ вопросъ открытымъ. Какъ бы то ни было, но юный подвижникъ ухватился за представившуюся возможность осуществленія своей мечты и съ нетерпѣніемъ дожидался того момента, когда ему удастся двинуться въ путь. Извѣщенный странниками, онъ тайно ночью покидаетъ родительскій кровъ и безъ всякихъ средствъ, и запасовъ, въ худой одежонкѣ идетъ за ними въ далекій путь. Но попытка пройти со странниками въ Іерусалимъ была неудачна: настигнутый матерью, онъ, избитый и связанный, былъ возвращенъ домой, гдѣ опять подвергся наказанію до изнеможенія, и затѣмъ, связанный былъ помѣщенъ въ отдѣльную комнату, гдѣ и оставленъ былъ одинъ: по прошествіи двухъ дней его выпустили изъ заключенія; но, чтобы онъ опять не бѣжалъ, мать одѣла ему на ноги „желѣза“, и такъ онъ ходилъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Здѣсь, если довѣриться вполне біографу, мать уже является извергомъ, истязателемъ; чувство материнской любви, о которой въ другомъ мѣстѣ говоритъ біографъ „яко паче всѣхъ любяше того“—уже несовмѣстимо съ этими фактами: и если въ задачу біографа входило вселить въ читателѣ чувство неприязни и даже отвращенія къ матери пр. Θεодосія—то задача его достигнута. Грубой и невѣжественной матери не были доступны тѣ высокіе порывы и стремленія, какіе побуждали юнаго мальчика рѣшиться на такое предпріятіе—иначе она могла быть снисходительнѣе къ его необдуманнѣмъ поступкамъ. Что же совершалось въ душѣ Θεодосія?

Не думая ни о чемъ, не сознавая ничего дурнаго въ своемъ намѣреніи, онъ сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе дойти до Іерусалима,

¹⁾ Голубинскій. *Op. cit.*, I, стр. 474.

скорѣ увидѣть тѣ мѣста, гдѣ „Господь нашъ плотию походи“; кто знаетъ. съ какимъ воодушевленіемъ онъ пропутешествовалъ тѣ нѣсколько дней; ему, быть можетъ, все время грезилась святая земля— и вдругъ его настигаютъ, связываютъ и подвергаютъ цѣлому ряду унизительныхъ и тяжкихъ наказаній. За что? задаетъ себѣ онъ вопросъ, и не сознавая за собою никакой вины, онъ съ радостью переноситъ всѣ страданія (божественныи же уноша вся си съ радостію принимаше, и бога моля, благодаряше о всѣхъ сихъ). Очевидно, идея мученичества за Христа зародилась въ умѣ его и укрѣпляла его въ страданіяхъ. Одно только ненормально и непріятно, что мученикомъ является сынъ, а мучителемъ—мать, и родственное чувство, если не совсѣмъ, то на время совершенно заглохло. Послѣ этого сильнаго потрясенія наступила реакція: сынъ оставилъ на время всякое желаніе куда либо бѣжать, а мать, очевидно, устала преслѣдовать сына и разрѣшила ему заниматься, чѣмъ онъ хочетъ (повелѣвши же ему по волѣ творити). Давно уже замѣчалъ Θεодосій, что въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ церквахъ иногда за недостаткомъ просфоръ не совершалось литургій. Трудно объяснить себѣ, почему въ городѣ могъ ощущаться недостатокъ въ такихъ необходимыхъ предметахъ, но фактическая достовѣрность его доказывается указаніемъ на одинъ изъ вопросовъ Кирика и отвѣтъ еп. Нифонта. Кирикъ спрашиваетъ у Нифонта: можно ли служить литургію на одной просфорѣ? Епископъ Новгородскій Нифонтъ отвѣчалъ: „Аще будетъ далече, яко въ селѣ негдѣ будетъ взять другое просфуры, то достойтъ; Аже будетъ близъ торгъ, кде купити, то недостойтъ; аже како кде не будетъ, по нужи достойтъ“¹⁾. Самый вопросъ Кирика могъ быть вызванъ существовавшими явленіями, что бѣдныя приходскія церкви часто нуждались въ самомъ необходимомъ; точно также и изъ житія пр. Θεодосія мы знаемъ, какъ къ нему явился одинъ священникъ изъ города, прося вина для святой литургіи; такой же недостатокъ въ необходимомъ замѣчалъ и пр. Θεодосій, поэтому онъ рѣшилъ заняться печеніемъ просфоръ. для чего онъ покупалъ жито, самъ мололъ его, затѣмъ изъ муки пекъ просфоры, которыя и продавалъ; часть вырученныхъ отъ продажи денегъ онъ употреблялъ на покупку жита, а остальные деньги раздавалъ нищимъ. Въ этомъ смиренномъ занятіи онъ провелъ болѣе двухъ лѣтъ, подвергаясь разнымъ насмѣшкамъ, укорамъ и непріятностямъ; наконецъ и мать не выдержала и снова стала просить его оставить это занятіе, которое „хулу наноситъ на родъ

¹⁾ Голубинскій. *Op. cit.*. т. I, стр. 308.

ихъ“ „Не терплю бо слышати отъ всѣхъ, укаряему ти сущу о таковѣмъ дѣлѣ, и нѣсть бо ти лѣпо, отроку сущу, таковаго дѣла дѣлати!“— но сынъ со смиреніемъ терпѣлъ всѣ эти укору, продолжая свое занятіе; наконецъ, мать обратила вниманіе на то, что лицо его почернѣло отъ огня и, какъ говоритъ Несторъ, „сжалися зѣло и паки начать оттолѣ бранити ему, овогда ласкою, овогда же грозою, другонци же біючи и, да ся останеъ таковаго дѣла“. Несчастнѣйшій юноша, не зная, какъ избѣжать этихъ постоянныхъ непріятностей, рѣшается тайно уйти къ одному священнику, жившему въ городѣ, недалеко отъ Курска; но и тамъ онъ былъ вскорѣ найденъ матерью и съ большими непріятностями возвращенъ домой. Это была уже послѣдняя неудачная попытка оставить родной домъ и городъ.

Послѣ этого онъ сталъ ежедневно посѣщать церковныя службы, обратилъ на себя вниманіе „властелина града“, который назначилъ его быть чтецомъ и пѣвцомъ въ своей домовоі церквѣ. Въ это время онъ сталъ уже избирать родъ подвига; не смотря на свое положеніе при церквѣ, онъ продолжалъ ходить въ старой и простой одеждѣ, раздавая нищимъ всѣ новыя и свѣтлыя одежды, которыя дарилъ ему властелинъ града. Кромѣ того онъ заказалъ себѣ у одного кузнеца вериги, которыми и опоясался „въ чресла своя“ Тѣсное и тяжелое желѣзо врѣзывалось въ его тѣло, образуя рапы и язвы, но онъ терпѣливо переносилъ эти страданія, не давая никому повода замѣтить его подвижъ умерщвленія плоти; но мать догадывалась, что сынъ ея чѣмъ то себя изнуряетъ и однажды, когда Θεодосіи переодѣвался въ свѣтлыя одежды, чтобы присутствовать, по обычаю того времени, въ числѣ юношей за обѣдомъ у „властелина града“, она тщательно слѣдила за нимъ и замѣтила на бѣлѣхъ кровавыя пятна. Съ яростью и гнѣвомъ набросилась она на сына, сорвала съ него цѣпи, изгрызшия его тѣло, и по прежнему избивала его жестоко ¹⁾. Со смиреніемъ юноша снесъ это наказаніе и присутствовалъ при торжественномъ обѣдѣ „съ всякою тихостію“, точно ничего съ нимъ не случилось; но уже ясно видѣлъ, что дома

¹⁾ Приведемъ интересную, какъ намъ кажется, выдержку изъ южно-русскаго *Житія рукописи № 129 Кіево-Софійскаго собора*: „трафилося же въ мѣстѣ василевѣ (?) было свято якоесь хвалебное, matka приушала его, абы се въ свѣтлую убралъ шату, бо вси панове на бенкете (!) у его пана были, а звлаше же ему былъ панъ послуговать у столу наказалъ, не могъ святии выкрутитса от маки и почал ся в свѣтлые облокат шаты, а онъ matka побачила на немъ железа, которые казавши росковать и велми его што карала“

онъ не можетъ жить сообразно влеченію своей души; а евангельскіе тексты „аще кто не оставитъ отца своего или матери и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ“ и „придѣте ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ покою вы; възъмѣте яремъ мой на ся и научитесь отъ мене яко кротокъ есмь и съмѣренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“—все сильнѣе и сильнѣе заставляли его задумываться и привели его къ окончательному рѣшенію постричься въ монахи. Случай благопріятствовалъ исполненію рѣшенія юноши: воспользовавшись отсутствіемъ матери, которая уѣхала на довольно продолжительное время изъ дому (отъиде мати его на село и яко же пребыти тамо дѣни многы), онъ уходитъ изъ подъ родительскаго крова по направленію къ Кіеву, о монастыряхъ котораго онъ уже слыхалъ. Слѣдуя въ отдаленіи за нагруженными товаромъ купеческими телѣгами, ѣхавшими въ Кіевъ, онъ черезъ три недѣли пришелъ въ завѣтный городъ. Но обойдя всѣ монастыри ¹⁾, онъ нигдѣ не былъ принятъ вслѣдствіе своей юности и въ особенности бѣднаго вида (они же видѣвши отрока простоту и ризами же худыми облечена не рачиша того прияти); наконецъ, онъ услышалъ объ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ; „окрылатѣвъ умомъ“, онъ устремился къ нему и придя къ пещерѣ, сталъ со слезами просить старца разрѣшить ему остаться у него. Послѣ долгихъ колебаній старецъ согласился и, какъ говоритъ Несторъ, „повелѣ великому Никону острѣщи и“; вѣроятно же, постриженіе произошло не сразу, а спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго и Антоній и Никонъ могли убѣдиться въ дѣйствительномъ желаніи юноши стать подвижникомъ. Тогда же, можно предположить, и дано было ему имя Θεодосіи. Это случилось, какъ мы уже говорили, около 1056—57 года ²⁾.

Такимъ образомъ совершался постепенный переходъ къ монашеской жизни среди цѣлаго ряда причинъ, совокупно содѣйствовавшихъ утвержденію сознанія необходимости разрыва съ окружавшей его средой; роль матери въ этомъ періодѣ была едва ли не главнѣйшею; ея характеръ и поступки по отношенію къ сыну очень рано убили въ немъ привязанность къ семьѣ, которая только

¹⁾ Это были преимущественно, такъ называемые, „несобственные монастыри“, такъ какъ въ это время, насколько извѣстно, изъ монастырей настоящихъ, мужескій былъ только одинъ—Георгіевскій, основанный Ярославомъ. (См. Голубинскій. ☩ монастыряхъ несобственныхъ, т. I, гл. VI).

²⁾ Несостоятельность поставленной въ нѣкоторыхъ спискахъ даты—1032 годъ основательно доказана изслѣдованіями г. Кубарева и г. Казанскаго и др.

одна могла удержать его въ мірскомъ обществѣ; съ утратой ея въ юношѣ явилось другое высшее стремленіе къ сближенію съ Богомъ, какого достигали тѣ восточные святыя, жизнь которыхъ уже давно поражала его своимъ презрѣніемъ ко всему земному. Но путь къ нему труденъ и состоитъ изъ непрерывныхъ упражненій воли, изнурительныхъ подвиговъ, ослабляющихъ плоть и возвышающихъ душу; все это пр. Θεодосій теперь ясно сознавалъ, и первые годы его монашеской жизни протекли въ тяжелыхъ аскетическихъ подвигахъ. Пр. Несторъ такъ говоритъ о дѣятельности его въ этотъ первый періодъ монашества: „тѣмъ же со всемъ воздержаніемъ душу смѣряше, тѣло же пакы трудомъ и подвижаніемъ дручааше. яко дивитися преподобнууму Антонию и великому Никону съмѣрѣнію его и покорѣнію и толику его въ юности благонравству и укрѣпленію и бодрости“.

Среди этихъ подвиговъ ему пришлось вынести одно сильное испытаніе воли, когда мать, болѣе четырехъ лѣтъ разыскивавшая его повсюду, пришла къ пещерѣ и сначала ласкою, а послѣ и угрозами добивалась свиданія съ своимъ сыномъ. Несторъ съ особеннымъ драматизмомъ передалъ все это событіе, но особенно живо изобразилъ тотъ моментъ, когда, послѣ многократныхъ просьбъ, старецъ Антоній наконецъ заставилъ Θεодосія выйти изъ пещеры къ матери. „Чего ей пужно? Не могу и здѣсь я укрыться отъ нея“, говорилъ Θεодосій, но наконецъ, не желая ослушаться старца, вышелъ къ ней; увидя его, изнуреннаго трудами и подвигами, съ измѣнившимся исхудалымъ лицомъ, мать бросилась къ нему на шею и зарыдала. Немного успокоившись, она стала уговаривать сына возвратиться домой, предлагала ему дѣлать, что будетъ угодно для спасенія души, но лишь остаться съ нею до ея смерти. „Не терплю бо жива быти, не видящи тебе“; но Θεодосій остался непреклоннымъ

Біографъ передаетъ, со словъ келаря Θεодора, что пр. Θεодосій убѣждалъ свою мать постричься въ монахини, на что она, спустя нѣсколько дней, согласилась и поступила въ женскій монастырь св. Николая ¹⁾. Быть можетъ, келарь Θεодоръ въ этомъ случаѣ желалъ

¹⁾ Объ этомъ монастырѣ въ южно-русскомъ житіи (Сильвестра Коссова) говорится, что „на той часъ манастирь паненьскій былъ тамъ, гдѣ теперь виноградъ при манастиру пустынномъ святаго Николы, яко фундаенты и теперь звать“ (Manusc. cit.). Но подъ пустыннымъ монастыремъ во имя св. Николая здѣсь подразумѣвается не тотъ монастырь, который теперь слыветъ подъ именемъ „Николаевской Пустыни“ (вблизи Кіева вверхъ по Двѣпру) а, какъ предполагаетъ нашъ

сблизить нашего Θεодосія съ его Великимъ соименникомъ—Θεοδοσιємъ Іерусалимскимъ, о матери котораго говорится въ житіи: „приснопамятная мать честнаго отца нашего удостоилась и иноческаго чина, взявъ образцомъ жизни о Богъ своего сына и призвавъ въ отцы того, матерью котораго явила ее природа“. Но во всякомъ случаѣ, даже если это дѣйствительно случилось, то не тогда именно, какъ объ этомъ говорится въ житіи. Вспомнимъ, что у матери въ Курскѣ были хозяйственныя дѣла, что она оставила тамъ семью и дѣтей—и намъ покажется невозможнымъ такое немедленное поступленіе въ монастырь ¹⁾.

Это было послѣднее и тяжелое испытаніе того, насколько твердо и окончательно было отреченіе отъ всего мірскаго, чего требовала заповѣдь, нѣкогда не дававшая Θεодосію покоя: „аще кто не оставитъ отца своего или матери, и въ слѣдъ мене не идетъ—нѣсть мене достоинъ“. Послѣ этого онъ съ большимъ рвеніемъ сталъ подвизаться, такъ что, не смотря на свою юность, уже считался однимъ изъ трехъ свѣтилъ.—по словамъ Нестора—разгоняющихъ тьму бѣсовскую молитвою и алканіемъ; это были Антоній, Θεодосій и Никонъ. Мало-по-малу къ нимъ стали собираться люди, жаждавшіе постриженія; это были сынъ боярина и княжескій евнухъ, нареченные въ постриженіи Варлаамомъ и Ефремомъ, и др. Въ это же время великій Никонъ и другой монахъ изъ монастыря святого Мины—Боляринъ (или по нѣкоторымъ спискамъ—Болгаринъ) удалились изъ пещеры, первый на Тмутаракань (Тамань), гдѣ и основалъ монастырь, а второй въ Константинополь; но по дорогѣ онъ поселился среди моря на островѣ, который будто-бы такъ и называется Боляровъ (по инымъ—Болгаровъ) ²⁾. По удаленіи ихъ, Θεодосій возведенъ былъ въ санъ пресвитера по повелѣнію Антонія, который затѣмъ, назначивъ шуменомъ вмѣсто себя Варлаама (который, въ-

уважаемый Н. И. Петровъ, находившійся на Печерскѣ, гдѣ нынѣ военный Николаевскій соборъ, построенный Мазепою въ 1690 году „на виноградѣ Пустынно-Никольскомъ Кіевскомъ“ (см. у Н. И. Петрова Очерки Кіева, стр. 68). На планѣ Кіева у А. Кальнофойскаго (2638 года) подъ № 45 изображенъ мужскій Никольскій монастырь, а возлѣ него находился и женскій.

¹⁾ Что кромѣ Θεодосіи были еще дѣти у матери его, объ этомъ вскользь упоминаетъ Несторъ, говоря, что она „начь всѣхъ любляше“, а говоря о погонѣ матери за сыномъ въ первый уходъ его со странниками, онъ говоритъ: „и абие погна въ слѣдъ его, токмо единаго сына своего поимши, иже бѣ мьнии блаженнааго Θεодосія“. Но болѣе вичего не говоритъ о нихъ, ни объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

²⁾ Какой здѣсь разумѣется островъ на Черномъ морѣ, на которомъ только у побережья встрѣчаются небольшіе острова—опредѣлить невозможно.

роятно, былъ старше другихъ и Θεодосія), затворился въ отдѣльной келіи, а вскорѣ послѣ того ископалъ себѣ другую пещеру на иномъ холмѣ, гдѣ и поселился навсегда ¹⁾).

Уже игуменъ Варлаамъ положилъ начало расширенію монастыря построениемъ небольшой церкви во имя Святой Богородицы надъ пещерой; съ этого времени обитель печерскихъ подвижниковъ стала пріобрѣтать извѣстность; но въ скоромъ времени онъ принужденъ былъ оставить печерскую обитель, назначенный княземъ Изяславомъ игуменомъ въ построенный имъ монастырь св. Димитрія. На его мѣсто по желанію Антонія и всей братіи назначается Θεодосій. Если принять нашу хронологію, то пр. Θεодосій былъ назначенъ игуменомъ очень молодымъ—около 26 лѣтъ; это показываетъ, только то, что онъ выдѣлялся среди всѣхъ своею подвижническою жизнью и своимъ рѣдкимъ примѣромъ смиренія, послушанія и благочестія. И дѣйствительно, братія не ошиблась въ выборѣ, потому что періодъ игуменства пр. Θεодосія можетъ быть названъ лучшимъ, не по внѣшнему блеску и величію, а по внутреннему устройству и нравственному преуспѣянію печерскаго монастыря.

Во всѣхъ спискахъ житія вслѣдъ за назначеніемъ Θεодосія игуменомъ говорится о построеніи имъ монастыря вблизи пещеры съ церковью во имя Богородицы; Несторъ подробно рассказываетъ о „възграженіи“ монастыря, о томъ, какъ была построена церковь и келіи, какъ было огорожено все мѣсто, и какъ Θεодосій переселился туда съ братією; и вездѣ это важное въ исторіи монастыря

¹⁾ Не мало сомнѣній и споровъ вызвало свидѣтельство лѣтописи объ этомъ событіи: „и постави имъ игуменомъ Варлаама, а самъ иде въ гору и ископа пещеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ въ ней же и сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ пещеры лѣтъ М (40) нигдѣж“. Нѣкоторые считаютъ здѣсь описку сорокъ, т. е. чѣтыредесять вм. чѣтыренадесять (Казанскій), другіе полагаютъ, что 40 лѣтъ относится къ одной, ископанной имъ на Берестовомъ холму пещерѣ—отъ 1017--1057 (Бутковъ); но тогда Антоній былъ бы столѣтнимъ старцемъ, если умеръ въ 1073 г.; еще иные считаютъ періодъ отъ 1033 г. (?) по 1073 г. е. отъ поселенія въ пещерѣ подъ Кіевомъ и до смерти,—что, какъ и предыдущее, противорѣчитъ лѣтописному свидѣтельству о 1051 г., какъ началъ печерскаго монастыря. Искусственный выходъ изъ этого затрудненія предлагаетъ г. Кубаревъ своими соображеніями, не лишеными основанія; онъ полагаетъ, что первоначально было написано „живъ въ добродѣтели не выходя изъ пещеры лѣта много“: слово „много“ могло быть написано сокращенно въ видѣ м^н, или иначе, какъ слово „морѣ“ на Тмутараканскомъ камнѣ написано „мо“. Писецъ, который вм. „Нестеръ“ могъ написать „нестериѣвъ“, также могъ и вм. „много“ написать М — 40. Эта догадка устраняетъ всѣ недоумѣнія и съ нею можно наиболее согласиться.

событіе отнесено къ 1062 году. А между тѣмъ въ лѣтописи время основанія монастыря относится не къ Θεодосію, а къ его предшественнику—Варлааму. Какъ согласить это противорѣчіе? Г. Кубаревъ ¹⁾ считаетъ это мѣсто важнѣйшимъ изъ всѣхъ несогласій житія съ лѣтописью, и не даетъ никакого объясненія. Даже согласившись, что между сочиненіемъ житія Несторомъ и составленіемъ лѣтописи прошло около двадцати лѣтъ, то и тогда трудно допустить, чтобы одно и то же лицо такъ несогласно повѣствовало объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ. Однако, приходится допустить послѣднее: быть можетъ, Варлаамъ началъ устраивать монастырь, но построивъ только церковь (о чемъ упоминается въ обоихъ сочиненіяхъ), быть вынужденъ оставить устройство, назначенный въ монастырь Димитрія; преемникъ его, Θεодосій, продолжать дѣло своего предшественника, построить келіи, огородить все мѣсто и перевелъ туда братію; это случилось въ 1062 г. ²⁾.

Размышляя надъ тѣмъ, какое устройство дать своему монастырю, онъ остановился на типѣ общинножитныхъ монастырей, наиболѣе соответствующихъ тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, какія пр. Θεодосій полагалъ въ монашеской жизни. Несторъ передаетъ намъ, какъ жили печерскіе иноки до введенія устава общинножитія, и на основаніи этихъ свѣдѣній мы можемъ прійти къ нѣкоторымъ заключеніямъ. Рассказывая о бѣдственномъ пребываніи братіи въ тѣсной пещерѣ, онъ говоритъ о пищѣ ихъ, о родѣ занятій и о средствахъ къ пропитанію. Обыкновенную пищу братіи составлялъ ржаной хлѣбъ съ водою; въ субботу и воскресенье они варили себѣ сочиво, но когда не изъ чего было, то ѣли варенныя овощи; въ свободное отъ богослуженія время они занимались различными рукодѣліями: плели „копытца“—(родъ чулковъ), или клубуки и т. п.; сдѣланныя вещи они носили продавать въ городъ, а на вырученныя отъ продажи деньги покупали жито, которое и раздѣляли поровну между всѣми; ночью каждый братъ долженъ былъ смолотъ назначенную ему часть, а затѣмъ изъ муки пекли для всѣхъ хлѣбъ; все необходимое, какъ дрова и воду, каждый долженъ былъ принасить для себя. Изъ этого видно, что уже въ пещерномъ житіи у нихъ было положено начало общинной жизни, выразившееся въ общей пищѣ, въ

¹⁾ А. Кубаревъ. Несторъ, первый писатель російской исторіи, церковной и гражданской (Русскій Истор. Вѣстникъ, т. IV, 1842 г., стр. 419).

²⁾ Ibidem: „... не очевидно ли послѣ сихъ словъ, что авторъ приступилъ къ лѣтописи уже по смерти Святополка и такъ послѣ 1113 г. въ княженіе Мономахово“, стр. 388; Житіе же 1093; около 20 лѣтъ.

общемъ трудѣ и др., но съ другой стороны, пролажа издѣліи, предоставляя возможность пользованія деньгами для своихъ цѣлей, при отсутствіи контроля, не совмѣстимо съ понятіемъ строгаго общинно-житія. Съ увеличеніемъ же числа братіи тѣмъ настоятельнѣе являлась необходимость введенія строгаго опредѣленнаго устава, который бы обнималъ всю внѣшнюю и даже внутреннюю жизнь каждаго монаха и вообще касался всей организаціи монашества и монастыря. Такимъ именно былъ извѣстный уставъ Студійскаго монастыря, введенный Θεодосіемъ въ Печерской обители. Но прежде, чѣмъ перейти къ самому уставу, необходимо указать на несогласіе въ показаніяхъ житія и лѣтописи о томъ, какимъ образомъ полученъ былъ этотъ уставъ пр. Θεодосіемъ.

Приведемъ свидѣтельства житія и лѣтописи. „По сихъ же посла единаго отъ братія въ константинь градъ къ ефрему скопцу, да *весь* уставъ студійскаго монастыря испьсавъ, присьлетъ ему; онъ же преподобнааго отца нашего повелѣная ту абие и сътвори и весь уставъ манастырскіи испьсавъ и пославъ блаженному Θεодосію, и егоже примъ отецъ нашъ Θεодосіи повелѣ почи передъ братнею, и оттолѣ начать въ своемъ манастыри вся строити по уставу манастыря студіискааго“—(Житіе). Въ лѣтописи же сказано (подъ 1051 г. sub. fin.), что Θεодосіи, собравъ многочисленную братію „нача искати правила чернечьскаго и обрѣтесе тогда (въ Кіевѣ) Михайлъ, чернецъ монастыря студійскаго, и обрѣтъ у него исписа“ ... и т. д.

Но это очевидное несогласіе свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же фактѣ можетъ быть устранено, хотя и не такъ легко, какъ это допускають преосв. Макарій и проф. Голубинскій ¹⁾, а за ними и другіе, повторяя сказанное своими предшественниками. Съ внѣшней стороны можно примирить эти несогласныя свидѣтельства такимъ образомъ, что сначала поставитъ лѣтописное, а за нимъ и житіиное. Θεодосіи началъ искать уставъ монастырскій и нашель у монаха Михаила запись устава студійскаго монастыря; но этотъ уставъ оказался, вѣроятно, не полнымъ (такъ предполагають названные ученые), поэтому онъ послалъ одного изъ братіи въ студійскій монастырь къ Ефрему скопцу. „да *весь* уставъ студійскаго монастыря списавъ принесеть ему“, что и было исполнено. Но посмотримъ, имѣеть ли историческую основу такое предположеніе? Предпола-

¹⁾ Макарій. *Op. cit.*, стр. 44, т. I; Голубинскій. *Op. cit.*, т. I, гл. V, Служебныя службы; стр. 323.

гаютъ, что до введенія Θεодосіемъ устава студійскоѣ обители, у насъ не существовало монастырскихъ уставовъ. и наши монахи жили, какъ Богъ на душу положитъ, подражая лишь образу жизни восточныхъ подвижниковъ; но это было далеко не такъ. Уже Антоній, придя съ Аѳона, по всей вѣроятности, принесъ съ собою какой либо уставъ, или по крайней мѣрѣ, тамъ хорошо ознакомился съ какимъ либо изъ существовавшихъ въ то время уставовъ; нельзя думать также, чтобы построенный Ярославомъ Георгіевскій монастырь не имѣлъ устава; а то обстоятельство, что запись устава (неполная) студійскаго монастыря (кромѣ такъ называемой, Алексѣевой, о которой скажемъ ниже), уже сохранилась до нашего времени въ древней рукописи XI-го вѣка (Синод. типогр. б-ки № 1206) ¹⁾, говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Образъ жизни печерскихъ монаховъ до введенія устава, какъ можно видѣть изъ житія пр. Θεодосія, уже подчинился опредѣленному правилу; да и нельзя предположить, чтобы какая нибудь община не имѣла руководящихъ правилъ, хотя эти правила были иногда и не совершенны, и требовали дополненій и исправленій—какъ это видимъ въ Θεодосіевомъ монастырѣ. У чернеца Михаила не могло быть полной записи монастырскаго устава, обнимавшей всю монашескую жизнь: „како пѣти пѣнья манастырская, и поклонъ како держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви и весь рядъ церковный, на трапезѣ съданье и что ясти въ кыя дни, все съ установленіемъ“, какъ объ этомъ говоритъ лѣтописецъ (ibid. подъ 1051 г. fin.), по той причинѣ, что вообще такой записи, сдѣланной въ самомъ монастырѣ не существовало. Тамъ только былъ „Ἰποτάκις“ „τῆς καταστάσεως τῆς μονῆς τῶν Ζηουδίου“, составленный въ IX-X вѣкѣ, какимъ то неизвѣстнымъ монахомъ, каторый скрылъ свое имя подъ неопредѣленнымъ „ἡμεῖς“; въ этомъ Ἰποτάκις ²⁾ говорится лишь о богослуженіи въ теченіе четырехдесятницы, свѣтлой недѣли, и отчасти о пищѣ въ эти дни, но не упоминается ничего о монашествѣ, объ устройствѣ внутренняго управленія, такъ какъ по этимъ вопросамъ и въ самомъ монастырѣ руководствомъ служило монастырское преданіе—традиція, а не какія либо записи. Для Θεодосія же нуженъ былъ полный уставъ, для чего онъ и посылаетъ въ Константинополь монаха „да весь уставъ .. списавъ принесетъ ему“. Но, какъ показали позд-

¹⁾ Описаніе у арх. Сергія: Полный мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож. 7.

²⁾ Curs. compl. patrologiae Ser. Gracca, t. 99, p. 1813; Пасхальная служба переведена у арх. Сергія: Полный мѣсяцесловъ Востока, ч. I, стр. 42, прилож. 7; полный переводъ у Голубинскаго, т. I (II), стр. 671.

нѣйшіе изслѣдователи, можно съ полной основательностью утверждать, что уставъ, которымъ воспользовался пр. Феодосій, не былъ въ строгомъ смыслѣ уставомъ Феодора Студійскаго, а лишь записью, составленной между 1034 и 1043 годами Константинопольскимъ патриархомъ Алексіемъ для основаннаго имъ Успенскаго монастыря. Запись эта „представляетъ переработку студійскаго типика примѣнительно къ порядкамъ монастыря Алексіева, и во многихъ мѣстахъ составлена заново подъ перомъ его ктитора“ ¹⁾.

Ея славянскій переводъ, сохранившійся въ рукописи XII вѣка Моск. Синод. б-ки № 330 (380) носитъ такое заглавіе. „оУставникъч расматрѣти о брашнѣ же и о питии мнѣхомъ и о всѣяцѣмъ иномъ чину и о пребыванн ихъ и въ цркви и всѣде уставленъ убо *не написанию* в монастыри студийствѣмъ прибнымъ оцмъ нашимъ исповѣдникомъ Феодоромъ, бывшимъ въ немъ игуменомъ прѣданъ же писаниемъ отъ алѣксія святаго и вселеня патріарха. въ поставленемъ имъ монастыри. въ имя бжствныя мтре“ (по Рукоп. Син. б-ки № 330 л. 196 об.) ²⁾.

Если мы сопоставимъ это заглавіе съ перечнемъ статей устава, приведеннымъ въ лѣтописи (см. выше), то замѣтимъ, что лѣтописецъ какъ бы воспроизводитъ первую часть заглавія устава патриарха Алексія. Это обстоятельство въ высокой степени важно для рѣшенія вопроса объ *авторѣ свѣдѣтельствъ житія и лѣтописи, какъ объ одномъ лишь*, и для объясненія ихъ противорѣчія. Для насъ же важно было опредѣлить, что и въ лѣтописи и въ житіи не говорится о какихъ либо разныхъ уставахъ, а объ одномъ и томъ же, именно студійскомъ, но, мы бы сказали, въ записи Алексѣевой редакціи. Это мы опредѣлили: а какимъ образомъ онъ полученъ былъ пр. Феодосіемъ: черезъ посланнаго въ студійскій монастырь монаха, или отъ Михаила, или отъ того и другого—это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Всякая попытка объединить эти два свѣдѣтельства, за отсутствіемъ твердыхъ основаній, является лишь гипотезой. съ большей или меньшей степенью остроумія. Объяснить, какимъ образомъ у Феодосія оказался „киторскій типиконъ“ ³⁾ патриарха Алексія, можно тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ „китор-

¹⁾ Мансветовъ. Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви. М. 1885 г., стр. 121.

²⁾ Мы приводимъ заглавіе второй части Устава о жизни монаховъ; первая же часть имѣетъ своимъ предметомъ типиконъ церковнаго богослуженія.

³⁾ Какъ мы сказали. съ нѣкоторыми измѣненіями противъ *Ἱεροκόμοσα*, который быть можетъ уже вошелъ въ обычай въ студійской обители.

скій типиконъ“ вошелъ въ употребленіе не только въ патріаршемъ монастырѣ, но и въ самой обители студійской, уже со смертью своего великаго основателя—Феодора, нуждавшейся въ писанномъ уставѣ для урегулированья въ ней монашеской жизни и церковно-богослужебной ¹⁾). И здѣсь и въ другомъ мѣстѣ мы высказываемъ свое сожалѣніе о томъ, что намъ пока не удалось ознакомиться съ уставомъ по рукописи Синод. б-ки во всемъ его объемѣ, такъ что мы знаемъ лишь о немъ по отрывкамъ, приведеннымъ у нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей (проф. Голубинскаго, проф. Казанскаго и Мансветова); но и по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ мы можемъ составить ясное представленіе объ общемъ его характерѣ. Уставъ предписывалъ полное и строжайшее общинножитіе, и хотя въ такой формулѣ нигдѣ не говоритъ о немъ, однако отдѣльныя предписанія объ общей трапезѣ (да входятъ убо вси въ трапезницу всегда и вкупѣ да ядять), объ общей одеждѣ, общихъ работахъ, общебратскихъ церковныхъ молитвахъ—опредѣляютъ общинность съ внѣшней стороны; отсѣченіе же воли, исключительные помѣслы о Богѣ и о спасеніи своей души обобщали ихъ жизнь духовную. Гораздо полнѣе и яснѣе объ этомъ говорится въ житіи самого Феодора: „поелику ничего нѣтъ столько споспѣшествующаго единодушію, какъ равенство и общность во всемъ, то онъ (Феодоръ) установилъ, чтобы имѣть все общее и одежды, такъ чтобы каждый имѣлъ все нужное и никто ничего отдѣльно собственнаго; назначилъ для всѣхъ одно такое помѣщеніе, дабы въ ней желающіе полагали свои одежды, которыя нужно было бросить или починить, и чтобы у приставленнаго къ тому брали другія и чистыя. У кого общая жизнь, общія пужды и столъ, и все общинное, или.—чтобы сказать высочайшее—у кого общія души и возношеніе и восхищеніе къ Богу, тѣмъ что иное надлежало избрать, какъ не то, чтобы и до малѣйшаго все было общее“ (Голуб. ор. с. 504). Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ пишетъ: „потщися всемѣрно, да у братства будетъ все общее и не раздѣленное и да ничего ни у кого будетъ отдѣльно собственнаго даже до иголки“. Всѣ же поученія его проникнуты идеей „общности“ во всемъ, какъ необходимомъ и первомъ условіи монашескаго общежитія. Обнимаемая всю монастырскую жизнь во всѣхъ подробностяхъ, относительно качества и количества одеждъ, пищи и питья, относительно посвѣщенія церков-

¹⁾ Таково мнѣніе А. Дмитриевскаго. См. „Рецензія учен. изслѣдов...“ Христіанское Чтеніе 1888 г. Октябрь.

ныхъ службъ и монастырскихъ работъ и ихъ распредѣленія, относительно поведенія въ церкви, на работъ, въ теченіе дня, при встрѣчѣ съ другими, уставъ подчинялъ себѣ всю духовную сторону жизни, предписывая, какъ проводить время въ келіи, о чемъ помышлять и чѣмъ заниматься.

Можно съ полною основательностью утверждать, что весь этотъ уставъ во всѣхъ подробностяхъ былъ принятъ и введенъ пр. Теодосіемъ въ его монастырь: вся дѣятельность его, какъ игумена опиралась на этотъ уставъ. Но не только уставъ Теодора Студита, а и жизнь его и, въ особенности, его поученія имѣли сильное вліяніе на дѣятельность Теодосія, поэтому мы считаемъ здѣсь уместнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Теодорѣ Студитѣ.

Одинъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ ¹⁾, занимавшійся изслѣдованіями о жизни и сочиненіяхъ Теодора Студитскаго, такъ въ краткихъ словахъ характеризуетъ его всестороннюю дѣятельность: „Ecrivain, poète, orateur, apologiste, exégète, confesseur ... l'abbé de studium brille encore de l'éclatante auréole des saints“ Онъ былъ основателемъ устава монастырскаго общежитія, который ввелъ въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, основанномъ по преданію однимъ римскимъ патриціемъ—Студіемъ, отъ котораго и монастырь сталъ называться Студитскимъ; время основанія этого монастыря „τοῦ Στοδίου“ считается различно, но вообще можетъ быть отнесено ко второй половинѣ V-го вѣка; время же жизни Теодора Студитскаго (759—826) совпало съ эпохой иконоборства и седьмого Вселенскаго собора. Вся жизнь его протекла среди борьбы, лишеній и тяжелыхъ испытаній и изгнаній „правды ради“ начиная съ 795 года, когда онъ выступилъ противъ Константина Багрянороднаго, насильно постригшаго свою законную супругу въ монастырь, и женившася на Теодосіи, внучкѣ Теодора,—слѣдствіемъ чего было изгнаніе пр. Теодора въ Фессалоники,—и до самой смерти, которая произошла отъ тяжелой болѣзни (желудочной), полученной отъ всякихъ изгнаній, карцеровъ и т. п. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ основать истинный общежительный монастырь на строгихъ, выработанныхъ отчасти имъ самимъ, отчасти заимствованныхъ у Саввы освященнаго и Василія Великаго, правилахъ, которыя, хотя и не были имъ записаны, но существовали „въ преданіи“ и находили блестящее исполненіе въ самомъ игуменѣ и въ собранной имъ многочис-

¹⁾ Emmanuel Auvrey: Sancti patres Nostri et confessoris Theodori, studitis praeepositi Parva Catechisis. Parisiis. 1891 г.

Tougaard, dr in litteris: Annotatio historica de hac re; ibidem.

сленной братіи. Какъ монахъ, онъ приблизилъ къ себѣ братію своими добрыми дѣлами; онъ удивлялъ всѣхъ своею неустанною дѣятельностью, и суровою дисциплиною по отношенію къ самому себѣ. Будучи духовнымъ отцомъ для своей братіи, онъ является руководителемъ во всѣхъ ихъ многосложныхъ трудностяхъ жизни, онъ поднимаетъ впавшихъ въ уныніе, и безпрестанно возбуждаетъ ихъ сердца на святой подвигъ. Одаренный глубиною пониманія и мудростью, онъ входилъ въ душу cadaго и хорошо понимаетъ трудное искусство, какъ управлять ими въ томъ пути, какой указало имъ Провидѣніе. Съ душою аскета, казавшійся съ перваго взгляда даже суровымъ, онъ былъ полонъ нѣжности къ своимъ друзьямъ и снисхожденія къ грѣшнымъ. Добрый и привѣтливый ко всѣмъ, онъ по истинѣ обладалъ апостольскимъ великодушіемъ. Нельзя считать, конечно, его гениальнымъ; онъ былъ только—что быть можетъ и лучше того—человѣкомъ съ высокою душою и сильнымъ характеромъ ¹⁾; въ этомъ именно кроется причина того уваженія и славы, какою онъ пользовался не только у себя, но и во всей Восточной церкви. Многочисленныя сочиненія его, строго говоря, не приведены въ извѣстность вполне; въ настоящее время извѣстны: сборникъ краткихъ поученій, которыя произнесены были имъ передъ братіею въ дни, когда это полагалось по уставу (три раза въ недѣлю), числомъ 134—такъ называемый „Parva catechisis“; кромѣ этого собранія поученій, существуетъ еще другое, заключающее въ себѣ 173, если не больше, такихъ же катехизическихъ поученій, но представляющихъ, какъ считаютъ теперь, болѣе обработанныя сочиненія, тогда какъ первыя были написаны „à la hâte, quand elles ne sont pas improvisées“ Хотя вопросъ о томъ, принадлежитъ ли такое раздѣленіе поученій самому Θεодору Студійскому, подверженъ сомнѣнію. Такъ еще Migne говоритъ: „Theodorus catecheses ipse suas bifariam non distribuit, ut recte vidit noster editor; quod non multo post studitam mortuum praestiterunt. Selectis igitur ad consuetam catechesim CXXXIV concionibus. ceteras, ut plurimum prolixiores nos invaluit Magnae Catecheseos nomine signandi“ ²⁾. Новѣйшій изслѣдователь, о которомъ мы уже упомянули, также не рѣшаетъ категорически этого вопроса.

Кромѣ поученій, Θεодору Студійскому принадлежитъ нѣсколько рѣчей, множество писемъ, гимновъ, тропарей, каноновъ, ямбовъ и

¹⁾ Op. cit. Emmanuel Auvray.

²⁾ Migne: Patr. Cur. comp. ser. gr., t. 99, Cap. 23, стр. 264.

составленное имъ завѣщаніе, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей предсмертной рѣчи: „Fratres patresque, calix hic omnibus communis est, quem omnes biberunt Patres nostri; eundem ego certe bibam, et ad patres meos proficiscor. Testamentum, quod vobis confeci-videte .. et cet“¹⁾).

Какъ видимъ, постѣ него осталось очень много сочиненій, благодаря которымъ онъ по справедливости можетъ быть поставленъ въ числѣ первыхъ писателей своего вѣка. Наибольшею извѣстностью и популярностью пользовался „Малый Катехизисъ“. По свидѣтельству писателей, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ это сочиненіе читалось на ряду съ священными книгами; вообще же должно быть признано за нимъ большое историческое значеніе. Малый катехизисъ.—говоритъ Аувреу—(равно какъ и большой) заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный источникъ для церковной исторіи; въ нихъ отражается полнымъ жизни и интереса тотъ періодъ, когда сталкивались крайніе пороки съ высшими добродѣтелями, и во время котораго Восточная Церковь бросала живительные и просвѣтительные лучи, прежде чѣмъ погибнуть печально въ ереси. Съ своей стороны добавимъ, что нравственно-просвѣтительное ихъ значеніе не меньше историческаго: въ нихъ указывается высшій христіанскій идеалъ, къ достиженію котораго должны стремиться люди; въ нихъ именно рисуется не анахоретъ, а подвижникъ—альтруистъ (если можно такъ выразиться), типъ въ высокой степени положительный, который съ особенною силою отразился на общемъ характерѣ дѣятельности нашего Θεодосія. Въ отдѣлѣ о сочиненіяхъ мы будемъ имѣть возможность указать, насколько близокъ стать Θεодоръ Студійскій нашему игумену, который считалъ его своимъ идеаломъ. „Якоже ны Богоносивый Θεодоръ учить“—говоритъ въ одномъ изъ поученій пр. Θεодосій, и этимъ точно указываетъ, что все, чему онъ учить, есть необходимость, истина.

Мы знаемъ, что по уставу, введенному у насъ Θεодосіемъ, полагалось читать огласительныя поученія Θεодора Студійскаго; но не только это было у насъ, а и въ другихъ, восточныхъ монастыряхъ поученія его пользовались такимъ же почетомъ. Tougard говоритъ: *Quanti fierent apud Orientales Theodori catecheses, hoc solum demonstrare potest, quod earum lectio commendatur in Triodio, in Minaeis Graecorum persaepe, et in Typico Irenes Augustae, circa*

¹⁾ Завѣщаніе издаво было нѣсколько разъ, въ томъ числѣ и у Миня. Приводимъ латинскій текстъ изъ статьи Tougard, p. XXXII: *Annotatio Historica op. cit*

annum 1120 scripto. Praeterea inter ipsa liturgiae verba non semel adhibentur. Ab hac dominica (tertia scilicet post Epiphaniam) inquit Alatus post praeces in narthece absolutas, leguntur, stantibus et audientibus fratribus, a rectore, si affuerit, sin minus ab ecclesiarcho, Theodori studitae catecheses“¹⁾.—Этихъ свидѣтельствъ, приводимыхъ авторомъ изъ первоисточниковъ (Apparatus Benedictinorum и De dominicis et hebdomadibus Graecorum) достаточно, чтобы признать обще-каѳолическое значеніе этихъ поученій. Значить справедливо поется въ одномъ изъ каноновъ церковной службы Θεодору: Verborum tuorum sonus, Donum Dei, ut tonitru ad omnes auditus est, bene prorsus acclamate, terrarum finas; at velut fluvii fremunt doctriinarum tuarum disciplinae, Theodore; quamobrem te, ut divinum depraesonem. nunc dignanter beatificamus“²⁾.

Имя Θεодора Студійскаго вообще играло большую роль въ Русской Церкви; его уставъ, какъ говоритъ Несторъ „всѣ монастыри переяша“, а его поученія краткія и назидательныя были любимы въ монастырской жизни, о чемъ свидѣтельствуется значительное количество рукописей начиная съ XIII-XIV вѣка (Моск. дух. акад. № 52), хотя несомнѣнно таковыя существовали съ XI-го вѣка. Закапанныя воскомъ страницы и почернѣвшіе отъ многократнаго перелистыванья края листовъ являются нѣмыми, но и краснорѣчивыми свидѣтелями того, что книга сія была въ свое время любимой;—такой видъ имѣли тѣ рукописныя собранія поученій Θεодора Студійскаго, которыя намъ пришлось видѣть³⁾.

Въ одномъ изъ поученій, принадлежащемъ пр. Θεодосію (какъ это доказыв. ниж. см. о поученіяхъ VII), которое онъ произнесъ въ Лазареву субботу, есть слѣдующее мѣсто: я вижу васъ „во всѣхъ годинахъ и службахъ обрѣтающесея и божественнаго Θεодора о заповѣдяхъ радующесея потщаніе имѣсте, да тогоже блаженства сподобистесе“. Здѣсь указаны и цѣль и средства: достиженіе того-же блаженства, что и пр. Θεодоръ, составляютъ цѣль монашеской жизни, а тщательное исполненіе заповѣдей его служить къ тому средствомъ. Но считая достаточнымъ для братіи общій подвигъ въ трудѣ, воздержаніи, непрестанномъ возношеніи къ Богу, смиреніи и отсѣченіи воли (о чемъ свидѣлствуютъ и житіе и поученія Θεодосія)—подвигъ тя-

¹⁾ Auvrey; op. cit. Annotatio: de Catechesibus, XII.

²⁾ Ibid., стр. XXXV.

³⁾ Время не позволило намъ остановиться на изученіи одной рукописи Собранія словъ Θεодора студійскаго, которою могли воспользоваться, но мы постараемся скорѣе восполнить этотъ пробѣлъ.

желый и трудно выполнимый, Θεодосій къ себѣ былъ строже, чѣмъ къ другимъ, и помимо общаго подвига онъ подвергалъ себя крайнимъ аскетическимъ испытаніямъ и упражненіямъ воли. Мы видѣли, что еще юношей онъ сталъ носить вѣриги; нѣтъ сомнѣнія, что онъ ихъ не сбросилъ и въ монашествѣ; если же объ этомъ ничего не сказано въ житіи, то это потому, что или веригоношеніе было обычнымъ явленіемъ, или, что вѣриге, никто не зналъ объ этомъ, потому что никто никогда не видѣлъ его нагимъ. Его послѣднія слова были: „о семь же молю вы и заклинаю, да въ ней же есмь одежѣ нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идѣже постыныя дни пребывахъ, ниже *омывайте* убогаго моего тѣла, и да никто же отъ людей мене, но вы единой сами да погребете мене“ ¹⁾. Надо знать, что Θεодосій, какъ особый видъ подвижничества, избралъ неомовеніе и нележаніе, о чемъ свидѣлствуютъ слова Нестора: никто же его николіже видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ токмо руцѣ умывающа“

Уже раньше мы говорили о тяжеломъ испытаніи, какому подвергалъ онъ себя, выходя иногда ночью изъ пещеры, и обнаживъ тѣло до пояса, подвергалъ его укушеніямъ комаровъ и оводовъ, во множествѣ летающихъ надъ берегомъ Днѣпра. Пищу его составлялъ лишь хлѣбъ и варенныя овощи, но безъ масла. Однако, не смотря на это, онъ не былъ угрюмымъ, всегда на лицѣ его отражалось душевное спокойствіе: мѣнилъ ли онъ тѣсто для хлѣбовъ, носилъ ли воду изъ колодца, рубилъ ли дрова, всегда онъ былъ радостенъ и бодръ; объ этомъ онъ заботился не только о себѣ, но и о братіи, всегда напоминая имъ, чтобы они были „помысла не дряхла имуща, но весела“; участвуя во всѣхъ работахъ, первымъ являясь на всѣ церковныя службы, при постоянныхъ заботахъ о нравственномъ преуспѣяніи братіи, онъ даже то краткое время ночи, которое отводилось для сна, между повечеріемъ и заутреней, не употреблялъ для отдыха; онъ обходилъ монашескія келіи, чтобы знать, чѣмъ занимается каждый инокъ, и если заставалъ гдѣнибудь собраніе изъ двухъ или трехъ, то стукомъ въ двери извѣщавъ свой приходъ и удалялся, а на утро въ церкви обличалъ виновнаго, но не сразу, а „издалече нагоняя словами“, желая, чтобы онъ самъ раскаялся въ грѣхѣ; возвратившись послѣ обхода къ себѣ

¹⁾ И здѣсь пр. Θεодосій слѣдовалъ Уставу Студ. монастыря; такъ, въ Коричей Румянц. Музея № 231 на л. 314 сказано: „Чинъ како подобаетъ погребати братію по уставу Монастыря Студійскаго: Аще явихъ почіеть, не достоить тело его видѣти ни измывати“.

въ келію, онъ повергался на землю и съ плачемъ и поклонами (и главою часто о землю биюща) молился до того времени, пока не наступалъ часъ заутрени. Случалось, что будильникъ, или очередной пресвитеръ, тихо подходя къ келіи игумена за благословеніемъ, слышати, какъ онъ молится и кладетъ поклоны. Не желая нарушать молитвеннаго настроенія, они нѣсколько отступали назадъ и потомъ подходили, громко стуча ногами, чтобы онъ могъ слышать и встать отъ молитвы (и начняше рамяно шествовати, и якоже слышааше тутонъ, умолкняше); онъ же притворялся спящимъ и не сразу давалъ имъ благословеніе. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ подвигѣ, ежегодно совершаемомъ пр. Теодосіемъ. Мы имѣемъ въ виду его удаленіе въ пещеру, гдѣ затворившись, онъ проводилъ весь великій постъ до пятницы вербной недѣли. Этотъ трудный подвигъ полного уединенія на опредѣленный срокъ мы встрѣчаемъ у другого великаго основателя лавры—Саввы освященнаго, которому несомнѣнно въ этомъ случаѣ подражали нашъ Теодосій. Въ одномъ поученіи, сказанномъ по возвращеніи изъ пещеры на вечернѣ, наканунѣ Лазаревой субботы (какъ мы предполагаемъ, о чемъ ниже въ отд. о сочин. Теод.), онъ такъ объясняетъ причину своего удаленія въ пещеру: „я же унылый, имѣя въ себѣ корень злого пристрастія (къ маловременной жизни), вслѣдствіе моеи лѣности, и самъ не вхожу въ царство небесное и только вамъ служу препятствіемъ, своею лѣностью и неподобнымъ нравомъ; поэтому я уже нѣсколько разъ рѣшилъ отлучаться отъ васъ, вовсе не изъ желанія подражать „онѣмъ святымъ“ (т. е. Саввѣ и Евфимію, см. ч. II), но чтобы не мѣшать вамъ въ вашемъ подвигѣ“. Конечно, мы видимъ смиреніе игумена и сознаемъ, какъ и братія, что не для того онъ уходилъ въ пещеру, чтобы своею лѣностью и дурнымъ нравомъ не мѣшать братіи подвизаться, а чтобы въ уединеніи, среди строжайшаго воздержанія и молитвы, приготовить себя къ свѣтлому празднику Воскресенія Христова.

Черты смиренія и незлобія такъ рельефно выдѣляются въ общемъ характерѣ Теодосія, особенно изъ приведенныхъ Несторомъ эпизодовъ съ возницею и со вдовою, о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть. Представляя такимъ образомъ яркій примѣръ подвижнической жизни, не заслуживающій ни въ чемъ упрека, онъ справедливо могъ требовать и отъ братіи такого же исполненія правилъ монастырской жизни. поэтому всегда милостивый, съ радостью принимавшій всякое раскаяніе, онъ былъ иногда строгимъ, не терпящимъ нерадѣнія и ослушанія. Въ поученіяхъ своихъ онъ только со слезами обращаться къ братіи, побуждая ихъ къ исправленію, но никогда не

является грознымъ отличителемъ: такъ и въ жизни. любовь и милосердіе брали верхъ надъ всѣми другими чувствами. Сторонникъ, строгаго общинножитія, онъ особенно преслѣдовалъ нарушенія правилъ его, и если находилъ въ келіи у кого либо что нибудь изъ съѣстнаго или одежды и т. п., то бросалъ все въ огонь; такъ одинъ монахъ дѣлалъ полотна и продавалъ ихъ, и за деньги, выручаемая отъ продажи, „сѣтяжалъ имѣнія мало“, которое и показалъ Θεодосію; но Θεодосій, видя въ этомъ нарушеніе правилъ и ослушаніе, велѣлъ бросить это имущество въ огонь—что монахъ и исполнилъ; послѣ этого они оба радовались и благодарили Бога. Вообще же онъ „николиже бѣ напрасенъ ни гнѣвливъ, ни яръ очима, но милосердъ и тихъ и милость имѣя ко всѣмъ“; всякаго брата, „разслабѣвшаго сердцемъ“ подъ тяжестью монастырской жизни, онъ ободрялъ словами „яко не мужьскыя есть душа, еже разслабѣти печальными сими напастьми“. Его отношенія къ братіи взятыя вмѣстѣ съ высотой и чистотой его личной жизни невольно привлекали къ себѣ сердца своей духовной паствы, которая любила своего игумена и уважала, какъ своего духовнаго отца. Нельзя утверждать, чтобы всѣ монахи отличались „добрыми нравы“ и строго подвижнической жизнью; даже напротивъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ поученій, Θεодосій иногда доходилъ до унынія отъ нерадѣнія, лѣности и пристрастія къ мірскому нѣкоторыхъ монаховъ; но были на ряду съ дурными членами и истинные монахи, не только любившіе своего игумена, но и соревнующіе ему въ строгости жизни и подвигѣ. Мы приведемъ примѣръ, въ высшей степени важный для характеристики отношеній къ нему братіи и любви, какою питали къ нему истинные его собратья. Пресвитеръ Даміанъ, по свидѣтельству Нестора, „рвеніемъ подражааше житію и сѣмѣренію преподобнаго своего отца, Θεодосія; о немъ же мнози сѣвѣдѣтельствуютъ.... наипаче же бывши съ тѣмъ в келіи, ти видѣвъше кротость его и неспание, по вся ноци и почитающа съ прилежаніемъ святыя книги“; его желаніемъ было не разставаться съ Θεодосіемъ, о чемъ онъ постоянно молился: „не отлучи мене, молю ти ся владыко, отца и наставника моего, преподобнааго Θεодосія, но съ тѣмъ убо причѣти мя въ свѣтъ томъ, еже еси уготовалъ правдѣникомъ“.

Лучшими свидѣтелями любви и уваженія, какими заслуженно пользовался пр. Θεодосій у братіи, являются чудеса и ореолъ святости, какимъ еще при жизни окружена была личность игумена. Тотъ же Даміанъ рассказывалъ, что ему во время молитвы явился свѣтлый образъ Θεодосія и сказать: о чадо! Господь прислалъ меня извѣстить, что то, о чемъ ты молишься, будетъ тебѣ исполнено;

ты будешь сопричтенъ со святыми и съ ними будешь участникомъ въ царствіи небесномъ; когда же и мнѣ Господь повелитъ отойти отъ міра сего, я приду къ тебѣ и мы будемъ все время вмѣстѣ въ томъ свѣтѣ“. Пораженный видѣніемъ, Даміанъ спросилъ Θεодосія. въ самомъ ли дѣлѣ будетъ такъ, какъ онъ сказалъ ему; но тотъ, ничего не зная о видѣніи, ничего ни сказалъ ему; потомъ же, узнавъ, что было съ Даміаномъ онъ „осклабился лицомъ и мало прослезився рече тому: ей чадо будетъ ти, якоже ти ся обѣщаль ангель, явився въ образѣ моемъ, азъ же грѣшный не могу общникъ быти оная славы“. После же смерти Θεодосія личность его уже сразу была поставлена на недостигаемую для другихъ высоту, и эпитеты „великій“, „святой“ стали украшать его имя. Его называли земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Но не только монахи, а и міряне, и — что особенно важно — народъ любили и уважали нашего великаго игумена. Заслуга пр. Θεодосія велика потому, что въ первый періодъ Христіанства, когда на ряду съ двоевѣріемъ царило еще полное невѣріе, когда среди народа было не мало такихъ, которые не могли и не хотѣли понимать преимущества новой вѣры, когда мысль народная, не способная къ отвлеченному пониманію, нуждалась въ примѣрахъ, подтверждающихъ высоту христіанства; онъ уже явился во всемъ его величіи: смиренный, простой, близкій къ народнымъ нуждамъ, онъ сталъ близокъ народному сердцу и постепенно возвысился въ ихъ воображеніи до великаго, а вмѣстѣ съ признаніемъ его великимъ, стало понятнымъ и величіе христіанства вообще. Такъ мы по отражаемымъ лучамъ легче судимъ о величинѣ и силѣ свѣта солнца. Съ одной стороны грубой и невѣжественный возница говоритъ Θεодосію „всѣ вы чернецы празднолюбцы, ничего не дѣлаете“¹⁾, съ другой же стороны вдова является къ нему, и не подозревая, что говоритъ съ игуменомъ, замѣчаетъ: грѣшенъ ли онъ или нѣтъ, я того не знаю; я только знаю, что онъ многихъ избавляетъ отъ печалей и напастей, потому и пришла къ нему, чтобы онъ и мнѣ помогъ“. Здѣсь, въ этихъ двухъ примѣрахъ отразились два направленія, существовавшія въ народѣ: онъ не понималъ духовнаго

¹⁾ Изъ южно-русскаго *Житія руков.* № 129: „коли уже были въ дорогѣ, возница обачивши на сто мѣ Θεодосію платини волосиные пужыые... мнималъ его быти жебрака (!) якого и реки: слышъ отче, ты завше порожнюешь, а я неборакъ працюю, што не могу на коню ехати, поиди самъ всадъ на коня“ Нѣкоторыя выраженія представляютъ интересъ въ бытовомъ отношеніи, какъ напр. *жебракъ*, отъ гл. *жебратъ* = выманывать, выирашивать (съ отрицат. отгѣнкомъ).

подвига вообще, но уважалъ отдѣльныя личности. II возница, когда узнать, кого онъ заставлялъ ѣхать верхомъ, и съ кѣмъ такъ грубо говорить, то упалъ передъ нимъ, прося прощенія. Онъ не зналъ Феодосія въ лицо, но слышалъ о немъ многое. Слава Феодосія, какъ это явствуетъ отсюда, была распространена и въ простомъ народѣ; а множество народа, толпившагося у воротъ монастыря и желавшаго проститься съ прахомъ Феодосія—свидѣтельствуеть о сильной любви, какую успѣлъ снискать великій игумень.

Высше же классы общества. бояре и князья были особенно расположены къ преподобному и чѣмъ только могли, старались выразить свою любовь и расположеніе и къ нему, и къ устроенной имъ обители. Они приходили къ нему, какъ къ духовному отцу, исповѣдывать свои грѣхи и получали отъ него большое духовное облегченіе. Вліяніе пр. Феодосія на нихъ было очень благотворно, такъ какъ онъ всегда былъ сторонникомъ любви и правды. Несторъ, свидѣтельствуя о заступничествѣ его передъ судьями и князьями, добавляетъ: „не бо можахуть ни въ чемъ преслушати его. вѣдуща и праведна и свята; не бо его честяху честныхъ ради портъ или свѣтлая одежда, или имѣнія ради многоаго, но чистаго ради его житія и свѣтлыя душа, и поученіи того многинхъ. яже княхуть святымъ духомъ отъ устъ его“.

Когда мы будемъ говорить о матеріальномъ благосостояніи монастыря, мы коснемся благотворительности бояръ и князей; теперь же постараемся прослѣдить отношенія между Феодосіемъ и князьями, занимавшими тогда Кіевскій столъ.

Время монашества Феодосія совпало съ тяжелымъ и смутнымъ періодомъ въ отношеніяхъ между князьями. Междоусобія уже были въ полномъ разгарѣ: и народъ и князья участвовали и были дѣйствующими лицами въ смутахъ и насиліяхъ. Всеславъ Полоцкій (1068—1069) заключенъ въ порубъ; народъ его освобождаетъ и провозглашаетъ княземъ; Изяславъ убѣгаетъ къ Ляхамъ, зоветъ на помощь Болеслава и возвращаетъ себѣ Кіевскій столъ, но не на долго. Святославъ (1069—1073) изгоняетъ брата и занимаетъ его столъ, а тотъ снова проситъ помощи у ляховъ, но уже безуспѣшно, и только возвращаетъ себѣ Кіевскій столъ послѣ смерти пр. Феодосія въ 1076 году. Могъ ли пр. Феодосій быть безмолвнымъ свидѣтелемъ происходившаго насилія, попранія крестнаго цѣлованія, божественнаго закона и справедливости? Могло ли не скорбѣть и не обливаться кровью его сердце при видѣ попранной правды и, наконецъ, не побудитъ его подняться со всею силою его авторитета и убѣжденія въ защиту этой правды, и возстановитъ ее хотя

бы цѣною цѣлой жизни? „Истинный монахъ, говоритъ г. Голубинскій, отъ всего отрекся, ничего не боится и ни въ чемъ не нуждается: какая сила и какое богатство, для него совершенно безразличныя, могли бы заградить его обличающія уста“? И дѣйствительно, какъ мы увидимъ, Феодосій не закрывалъ своихъ обличающихъ устъ и передъ княземъ, выступая во всеоружіи правды противъ насилія. Изяславъ и Святославъ—главныя дѣйствующія лица времени Феодосія; и мы теперь посмотримъ, какое нравственное вліяніе имѣлъ на нихъ нашъ игумень, и каковы были ихъ отношенія къ нему и къ его обители. Какъ личность страдающая, князь Изяславъ привлекалъ симпатіи и самого Феодосія, а также и Нестора, вслѣдствіе чего панегирическій тонъ преобладаетъ въ Несторовой характеристикѣ, какъ самого князя, такъ и взаимоотношеній между нимъ и Феодосіемъ: однако, не смотря на это, можно прослѣдить два періода въ отношеніяхъ Изяслава къ Феодосію и, вообще, къ печерскимъ подвижникамъ ¹⁾.

Еще въ то время, когда Феодосій былъ простымъ монахомъ, когда въ тѣсной пещерѣ только зачиналась будущая великая обитель, уже нѣкоторые случаи рѣзко опредѣляли отношенія князя къ подвижникамъ. Какъ извѣстно, одними изъ первыхъ послѣ Феодосія, были пострижены боярскій сынъ и княжескій евнухъ („каженникъ“), нареченные въ монашествѣ Варлаамомъ и Ефремомъ. Постриженіе ихъ вызвало большія непріятности, о которыхъ самъ Несторъ говоритъ: „нѣсть бо лѣпо таити, и еже нанесе врагъ скорбь на преподобныя ею ради“ И боярскій сынъ, а въ особенности „каженникъ“ были для князя полезными людьми; о послѣднемъ говорится: „иже бѣ зѣло любимъ княземъ, придержа у него вся“. Такой же терминъ Несторъ употребляетъ для обозначенія положенія „жецы нѣкоей“, которая привезла въ даръ Феодосіеву монастырю три воза, полныхъ „корчагъ“ вина: жена эта „бѣ предержавши вся въ дому благовѣрнаго князя Всеволода“. Очевидно и здѣсь и тамъ имѣется въ виду должность завѣдующаго хозяйствомъ князя, эконома. Значитъ каженникъ былъ полезнымъ и необходимымъ человекомъ; его честность и исправность, вѣроятно, были причиною того, что онъ „бѣ зѣло любимъ княземъ“. Потеря такого человека была ощутительна для князя, и онъ рѣшилъ воротить его назадъ. Пеще-

¹⁾ „Боголюбивыи же князь Изяславъ, иже понсннѣ теплѣ бѣ на вѣру, яже къ Богу нашему Іисусу Христу и пресвятѣй матери, и послѣже положи душу свою за брата своего, по господню гласу, и любовь имѣя не просту ко отцю нашему Феодосію“; въ другомъ мѣстѣ Несторъ называетъ его „Христолюбцемъ, иже по истинѣ Боголюбець“; и много другихъ такого же рода характеристикъ.

ра же приднѣпровская со своими подвижниками еще не успѣла стяжать себѣ настолько славы, чтобы князь не рѣшился сказать монахамъ, пріютившимъ у себя его вѣрныхъ слугъ: „или убѣдите ихъ воротиться назадъ. или я всѣхъ васъ „на поточенье“ пошлю, а пещеру велю раскопать!“ Испуганные подвижники не знали, что и дѣлать: Никонъ, какъ можно предположить, былъ взятъ изъ пещеры подъ стражу; остальные же „Антоній и иже съ нимъ взявша одежда своя, и отыдоша отъ мѣста своего, хотящъ отыти во ину область“. Но гнѣвъ княжій скоро прошелъ: онъ отпустилъ Никона въ пещеру, а къ удалившимся послать съ мольбою о возвращеніи на прежнее мѣсто, что и было сдѣлано послѣ продолжительнаго увѣщанія¹⁾. Напрасно видѣть въ этомъ случаѣ „столкновеніе двухъ силъ: монашеской или церковной со свѣтской властью, ставшими во враждебныя отношенія“, и отмѣчать его, какъ историческое явленіе, очень рано наблюдаемое на Руси²⁾; это столкновеніе носило чисто личный характеръ, и что это именно такъ, о томъ свидѣлствуютъ дальнѣйшія отношенія княжеской власти къ духовной и въ частности Изяслава къ печерскимъ подвижникамъ.

Можно думать, что этотъ непріятный случай былъ однако причиною дальнѣйшаго сближенія Изяслава съ этою „монашескою“ силой. Уже въ назначеніи того-же Варлаама игуменомъ въ построенномъ имъ монастырѣ св. Дмитрія можно видѣть, что Изяславъ высоко ставилъ и святость обители и ея подвижниковъ: это тѣмъ болѣе очевидно изъ того, что и послѣ смерти Варлаама опъ назначаетъ игумена не изъ своего же монастыря, а изъ печерской обители (христоролюбивый же князь Изяславъ отъ монастыря великаго отца нашего Феодосія избравъ единого отъ братія, иже въ чернеческомъ житіи просіявша. Исанию наричаемаго. того же изведъ, игумена постави въ монастыри своемъ). Самыи фактъ построенія княземъ монастыря не только нельзя считать, яко-бы, посягательствомъ на славу печерскаго монастыря, а напротивъ даже, желаніемъ оставить его неприкосновеннымъ и болѣе или менѣе независимымъ. Оспираясь на слова повѣсти о началѣ печерскаго монастыря, въ которой сказано: „монастырю же совершену, игуменству Варлааму, князь же Изяславъ постави монастырь святаго Дмитрія и выведе Варлаама на игуменство къ святому Дмитрію *хотя створити свои монастырь выше печерскаго монастыря, надѣяся на богатство*“, нѣ-

¹⁾ Объ этомъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Нестора: „и убояся Божія гнѣва отпусти великаго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою“

²⁾ Такъ смотритъ на это г. Яковлевъ: „Древн. кiev. рел. сказ.“, стр. 94.

которые склонны утверждать, что построение Изяславомъ монастыря имѣло именно такую цѣль ¹⁾. Но можно ли считаться съ этимъ наивнымъ замѣчаніемъ автора повѣсти и можно ли признать его исторически-достовернымъ? Это только могъ написать самолюбивый инокъ печерскаго монастыря; историкъ же долженъ болѣе трезво смотрѣть на этотъ фактъ взглядомъ, чуждымъ односторонности и пристрастія. Русскіе князья усвоили себѣ благочестивый обычай греческихъ царей строить такъ называемые ктиторскіе или вотчинные монастыри; каждый родъ желалъ имѣть свой нарочитый монастырь, гдѣ-бы постоянно молились о членахъ его, и куда бы подъ старость, утомленные среди житейской суеты и браней, члены рода могли удалиться, какъ въ тихую пристань, гдѣ нѣтъ ни бурь, ни волненій. Такъ и Изяславъ, по примѣру отца своего Ярослава, построившаго монастырь въ честь своего святого—Георгіевскій, руководимый только чувствомъ благочестія, а отнюдь не соревнованія, построилъ Дмитріевскій монастырь въ честь своего святого, такъ какъ христіанское имя его было Дмитрій. Назначеніе же игуменомъ своего бывшего боярина, на котораго онъ раньше гнѣвался, какъ мы уже сказали, есть фактъ высокой важности, свидѣтельствующій не только о полномъ примиреніи съ нимъ, но и объ уваженіи къ печерской обители. По свидѣтельству той же повѣсти, князь радовался развитію монастыря и даже подарилъ ему гору, на которой была Антоніева пещера (князь же Изяславъ сія слышавъ, радъ бысть и посла къ нимъ боярина своего, дастъ имъ гору ту).

Время же игуменства Феодосія можно считать наилучшимъ въ отношеніяхъ Изяслава къ печерской обители. Личность Феодосія, его смиренный характеръ, чистота и высота его вѣры и убѣжденій способствовали ихъ сближенію. Несторъ свидѣтельствуешь, что князь наипаче зѣло любяше блаженнаго... и часто и призывааше къ собѣ, множицею же и самъ прихожааше къ нему, и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщася отхожааше" ²⁾. Князь любилъ благочестивую бесѣду съ пр. Феодосіемъ и часто приходилъ къ нему, оставаясь полстѣ собесѣдованія на братскій обѣдъ. Феодосій, при всемъ своемъ гостепримствѣ, не могъ, однако, предложить ничего, кромѣ скром-

¹⁾ Г. Яковлевъ, строгій въ разборѣ исторической достоверности свидѣтельствъ Патерика печерскаго, отстаиваетъ эту точку зрѣнія на приведенномъ нами свидѣтельствѣ (ор. cit., стр. 100).

²⁾ Въ южно-русскомъ житіи сказано такъ: „приходилъ до него княжа Изяславъ часто з сыночкомъ своимъ малымъ пѣшо з Клева“ (рукопись Соф. б-ки № 127).

ной братской трапезы, состоящей изъ „хлѣба, сочива и мало рыбъ“; если былъ медъ. то князю и „сущимъ съ нимъ“ предлагали его. какъ питье (еже на потребу пити князю и сущимъ съ нимъ), но часто въ обители его не хватало, какъ въ тотъ вечеръ, когда застигнутый дождемъ, князь неожиданно послѣ вечерняго собесѣдованія, происходившаго обыкновенно въ церкви (сѣдящима има въ церкви на божественнѣи той бесѣдѣ), вынужденъ былъ остаться и на вечернемъ славословіи и на вечерней трапезѣ. Θεодосій послалъ келаря приготовить къ ужину „брашна на ядь князю“, но тотъ пришелъ и заявилъ Θεодосію что меду нѣтъ „ни мало“: „я. говоритъ онъ, опроверотилъ таковыи сосудъ тощъ, и ниць положить“. Только благодаря чуду, какъ говоритъ Несторъ, вышли изъ этого затрудненія.

Θеодосій для Изяслава былъ не только благочестивый собесѣдникъ, но и учитель вѣры, разрѣшавшій ему его сомнѣнія и вопросы. Сохранилось два посланія пр. Θεодосія къ кн. Изяславу: 1) о постѣ въ среду и пятницу и 2) о вѣрѣ латинской (варяжеской); но объ этихъ посланіяхъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ. (См. ч. II, сочин. пр. Θεодосія).

Характерный эпизодъ, свидѣтельствующій о прочно установившихся хорошихъ отношеніяхъ между княземъ и игуменомъ, приведенъ у Нестора, и мы позволимъ себѣ привести его здѣсь. По монастырскому правилу, выведенному изъ наблюденій надъ природою, въ которой послѣ полудня все какъ бы засыпаетъ, послѣ обѣда до вечерняго богослуженія отводилось время для отдыха, чтобы братія окрѣпла передъ продолжительнымъ ночнымъ и заутреннимъ богослуженіемъ. Для того чтобы никто не нарушалъ покоя братіи, Θεодосій запретилъ привратнику впускать въ это время въ монастырь кого бы то ни было. Однажды въ такое именно время пріѣхалъ къ монастырю Изяславъ. Слѣзши съ коня и передавъ его бывшимъ съ нимъ отрокамъ (когда онъ ѣздилъ къ Θεодосію. то распускалъ бояръ по домамъ, а самъ отправлялся съ пятью или шестью отроками), онъ по обыкновенію, подошелъ къ монастырскимъ воротамъ и велѣлъ отворить ихъ. Привратникъ отвѣтилъ изъ за воротъ, что Θεодосій до вечерни велѣлъ никого въ монастырь не впускать. „Но посмотри, вѣдь это я пріѣхалъ, и ты мнѣ одному только открой ворота!“ „Все равно“, отвѣчалъ привратникъ: „я же тебѣ сказалъ, что игумень приказалъ никого не впускать, хотя бы и самъ князь пріѣхалъ; а если тебѣ такъ ужъ надо, потерпи немножко. пока не настанетъ время вечерни, тогда и войдешь!“— „Но вѣдь я князь! что-

же, развѣ ты непустишь и теперь меня?“ Тогда привратникъ при-
никъ къ щелкѣ и узналъ, что это именно былъ князь. Оставивъ
князя за воротами, онъ со страхомъ побѣжалъ къ игумену и раз-
сказать о происшедшемъ. Этотъ эпизодъ невольно напомнилъ ав-
тору житія аналогичный же случай изъ жизни св. ап. Петра. Осво-
божденный чудеснымъ образомъ изъ темницы, онъ подошелъ къ
дому, гдѣ жилъ со своими учениками, и постучался въ ворота:
слуга „изникънувши“ и увидѣвши Петра, отъ смущенія и радости
не открыла воротъ, но побѣжала извѣстить учениковъ, оставивъ
ап. Петра за воротами. Можно ли упрекнуть автора, что онъ вос-
пользовался пришедшей ему на умъ ассоціаціей мысли, можно ли
отсюда только заключать, что и весь эпизодъ составленъ Несторомъ
по аналогіи съ библейскимъ ¹⁾? А между тѣмъ Несторъ, какъ ху-
дожникъ, набросалъ такую интересную картинку, такими характер-
ными чертами изобразилъ и добраго князя, изъ любви и уваженія
къ Θεодосію стоящаго у воротъ и не впускаемаго привратникомъ,
и медлительнаго задремавшаго привратника, который, не желая
протереть глаза и увидѣть, съ кѣмъ онъ ведетъ бесѣду, пускается
въ разглагольствованія со свойственной ему долею грубости.

Но возвратимся къ самому эпизоду. Θεодосій вышелъ къ кня-
зю, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и затѣмъ всѣ пошли по обыкновенію
въ церковь, гдѣ сотворивъ молитву, сѣли для благочестивой бесѣ-
ды. Этотъ случай не только не нарушилъ установившейся любви и
уваженія къ Θεодосію, но даже, какъ говоритъ Несторъ, князь „отъ
того дне большимии начать любити и, и тако имяше его, яко еди-
наго отъ прѣвѣныхъ святыхъ отецъ, и вельми послушааше его, и
творяше вся повелѣная“. Таковы вообще были отношенія Изяслава
къ Θεодосію и къ печерской обители, и эти отношенія, насколько
можно судить по сохранившимся свидѣтельствамъ, оставались не-
измѣнными во все время княженія Изяслава. Загадочною лишь
является причина нерасположенія Изяслава къ такому святому че-
ловѣку, какъ Антоній, который даже вынужденъ былъ оставить свою
пещеру и тайно переселиться въ Черниговъ къ кн. Святославу,
гдѣ и подвизался нѣкоторое время въ пещерѣ на подгородныхъ
Болдиныхъ горахъ. Несторъ говоритъ, что князь сталъ „гнѣватися
на Антонья изъ Всеслава“. Быть можетъ Антоній обличалъ Изя-

¹⁾ Г. Яковлевъ видитъ въ этомъ „желаніе составителей житій сближать изъ
съ житіями извѣстныхъ и прославленныхъ дѣятелей христіанства“ (9 стр.). Но
какое же здѣсь сближеніе. О Θεодосіи здѣсь и рѣчи нѣтъ; здѣсь положеніе Изя-
слава по обстановкѣ сравнивается съ положеніемъ ап. Петра.

слава за нарушение крестнаго цѣлованія по отношенію къ брату Всеславу (лѣтоп. 1074 г.)--сказать трудно. Во всякомъ случаѣ здѣсь нерасположеніе носило исключительно личный характеръ.

Если въ отношеніяхъ Изяслава и Θεодосія мы замѣчаемъ постоянную любовь къ князю у Θεодосія, и постепенный переходъ отъ первоначально недружелюбнаго отношенія къ истинному уваженію къ нему и обители у самого князя, то совершенно обратное явленіе мы наблюдаемъ въ отношеніяхъ съ княземъ Святославомъ: Святославъ уважалъ пр. Θεодосія и всегда первымъ искалъ его любви и расположенія, Θεодосій же сразу выступилъ противъ узурпатора и только мало-по-малу примирился съ нимъ. Постараемся прослѣдить эти отношенія и ихъ основанія. Мы не будемъ разбираться въ этой грустной картинѣ междоусобій въ княжеской семьѣ, когда, по выраженію „Слова о Полку Игоревѣ“, „рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же“. когда право сильнѣйшаго попирало все божескія и человѣческія установленія; отмѣтимъ только совершившійся фактъ. Святославъ и Всеволодъ соединенными силами изгоняютъ изъ Кіева своего старшаго брата Изяслава; довольные успѣхомъ, они устраиваютъ пиръ, и желаютъ чтобы на пиру присутствовали и тотъ человѣкъ, который составлялъ уже славу своей земли и предметъ зависти для другихъ князей (многожды завидяше брату своему, еже такого свѣтилъника имать въ области своей). Это входило въ ихъ интересы: они хотѣли привлечь на свою сторону личность, которая имѣла уже большое вліяніе на народъ, и этимъ оправдать себя въ глазахъ народа. Но всегда кроткій и смиренный Θεодосій сознавалъ, что своимъ приходомъ онъ дастъ оправданіе ихъ злодѣянію, поэтому, когда явился посланникъ съ приглашеніемъ, онъ строго и грозно отвѣтилъ: „Не пойду я на вельзавелъну трапезу, не хочу быть участникомъ пиршества, исполненнаго крови и убійства! Такъ и скажи тѣмъ, кто тебя послать ко мнѣ“. Дошли ли до слуха князей эти слова, или нѣтъ, но Θεодосій остался при своемъ убѣжденіи, а князья продолжали свое дѣло: Святославъ утвердился въ Кіевѣ, а Всеволодъ воротился въ свой удѣлъ. Не будучи въ состояніи быть пассивнымъ зрителемъ совершеннаго насилія и попранія справедливости, онъ вооружается всею силою слова и убѣжденія и выступаетъ противъ князя съ цѣлымъ рядомъ обличеній. Кромѣ обличенія въ церкви, въ присутствіи братіи и народа, онъ иногда писалъ „эпистолы“ къ самому князю, обличая его въ несправедливомъ дѣяніи. Среди нихъ особенное дѣйствіе на князя произвела одна „зѣло великая эпистолія“, начинавшаяся такими словами: „Гласъ крове брата твоего вопіеть на тя къ Богу,

яко авелева на Каина“... и далѣе онъ приводилъ цѣлый рядъ сравненій его съ разными гонителями, убійцами и братоненавистниками¹⁾. Прочитавъ это посланіе, князь „разгнѣвася зѣло, и яко левъ рикнувъ на праведнаго и ударивъ тою о землю“. Пронеслась вѣсть, что Θεодосій осужденъ будетъ на „поточеніе“; братія и бояре упрашивали его прекратить свои обличенія, напоминая ему объ ожидавшемъ его изгнаніи. Но здѣсь именно пр. Θεодосій показалъ себя истиннымъ монахомъ, котораго обличающія уста не могутъ быть закрыты ни славой, ни богатствомъ, ни страхомъ смерти: онъ отвѣчалъ братіи: „Что для меня изгнаніе? развѣ я оставляю дѣтей или имущество? Что я съ собой принесъ въ этотъ міръ? Нагъ я родился, нагимъ я и умру! Я готовъ не только на изгнаніе, но и на самую смерть!“ Какою истинной воинъ Христовъ, поборникъ правды и истины виденъ въ каждомъ словѣ этого отвѣта; онъ знаетъ, что „блаженны суть изгнанные правды ради“—и дѣйствуетъ во имя этой заповѣди. Однако видя, что грознымъ словомъ и обличеніемъ онъ ничего не достигаетъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать мольбою, и, уступая просьбѣ братіи, пересталъ укорять его. Князь, узнавъ объ этой переменѣ, очень обрадовался, потому что надѣялся, что теперь возможно будетъ сближеніе съ пр. Θεодосіемъ, чего онъ такъ давно желалъ. Наконецъ, онъ получилъ разрѣшеніе явиться въ монастырь. Θεодосій съ братією встрѣтилъ его съ честью, приличной князю, и съ поклономъ; князь же, поцѣловавъ Θεодосія, сказалъ, что онъ не смѣлъ раньше явиться въ монастырь, боясь быть не принятымъ, такъ какъ зналъ, что преподобный гнѣвается на него. „Что значить гнѣвъ нашъ для твоей власти? отвѣчалъ Θεодосій: нашъ долгъ—говорить вамъ и обличать васъ для спасенія вашей же души; вамъ же слѣдуетъ слушать насъ“ Затѣмъ они вошли въ церковь, сотворили молитву и сѣли для бесѣды. Θεодосій приводилъ изъ святыхъ книгъ много примѣровъ братней любви и увѣщавалъ князя примириться съ братомъ; князь же оправдывалъ свои поступки, возводя противъ брата цѣлый рядъ обвиненій, дѣлающихъ примиреніе невозможнымъ. Послѣ довольно продолжительной бесѣды князь удался, счастливый совершившимся примиреніемъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ очень любилъ и глу-

¹⁾ Къ великому сожалѣнію, это замѣчательное посланіе не дошло до насъ. Предположеніе, что оно вошло въ лѣтопись, гдѣ приводится сравненіе Святополка съ гонителями и убійцами, остается только предположеніемъ. Быть можетъ въ лѣтописи приводится лишь содержаніе самого посланія, т. е. той части, гдѣ идутъ сравненія; а можетъ быть и дословный отрывокъ изъ этой „зѣло великой эпистоли“.

боко уважалъ. Вѣроятно. и Θεодосіи измѣнили свое мнѣніе о личности самого Святослава, хотя не могъ простить совершеннаго имъ насилія, и въ молитвахъ всегда молился за Изяслава, котораго поминалъ и въ ектеніяхъ, какъ стольнаго князя и старѣйшаго; и только по настоятельной просьбѣ всей братіи онъ сталъ помянуть и Святослава, но послѣ Изяслава. Моральное значеніе частыхъ бесѣдъ Θεодосія сознавалъ и самъ Святославъ, и старался какъ можно ближе стать къ святому; когда извѣщали князя о приходѣ святого. онъ съ радостью шелъ навстрѣчу и говорилъ ему: „истину говорю тебѣ отче: кажется, если бы мнѣ сказали. что отецъ мой воскресъ изъ мертвыхъ, я не такъ бы обрадовался, какъ твоему приходу: впрочемъ, я и не такъ его боялся или смущался, какъ тебя“. Θεодосіи же отвѣчалъ на это: „если ты боишься меня. то исполни мое желаніе и возврати столь брату своему, который далъ ему отецъ“. На это князь ничего не отвѣчалъ: такъ велика была вражда между нимъ и Изяславомъ. Какъ фактъ, свидѣтельствующій о силѣ вліянія Θεодосія и уваженія къ нему Святослава, можно отмѣтить рассказъ Нестора объ одномъ изъ посѣщеній Θεодосіемъ князя. Войдя однажды въ княжескій теремъ, онъ засталъ князя среди веселья: передъ нимъ музыканты играли на гусляхъ, на органахъ и на другихъ инструментахъ ¹⁾. Θεодосіи сѣлъ возлѣ князя, поникъ головою и тихо спросилъ его: такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ? Князь задумался, затѣмъ слѣзы показались у него на глазахъ, и онъ велѣлъ прекратить игру. И съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству Нестора, когда приходилъ къ нему пр. Θεодосіи. то всякія игры и музыка прекращались. Дорожа расположеніемъ къ себѣ Θεодосія, онъ и ему платилъ тѣмъ же и въ особенности желалъ показать свою любовь къ нему передъ народомъ. чтобы возвысить себя въ глазахъ его. Это особенно было замѣтно однажды, когда князь, проѣзжая мимо монастыря, увидѣлъ толпу народа. Это пр. Θεодосіи съ народомъ обсуждали, какое мѣсто выбрать для новой каменной церкви, которую задумалъ строить пр. Θεодосіи; всякіи указывали то одно, то другое мѣсто, но наиболѣе удобнымъ казалось для всѣхъ „княже поле“. Поворотивъ коня, онъ подѣхалъ къ народу и, узнавъ въ чемъ дѣло, сошелъ на землю и указалъ мѣсто на своей землѣ, которое онъ отводитъ подъ церковь. Послѣ совершенной Θεодосіемъ молитвы онъ первый взялъ заступъ и „начатокъ копанію положи“.

¹⁾ Образцы скоморошества и различныхъ потѣхъ, имѣвшихъ мѣсто при княжескихъ дворахъ можно видѣть на фрескахъ Софійскаго собора на стѣнахъ входа на хоры. О нихъ же упоминаетъ и Давидъ Заточникъ въ своемъ Посланіи.

Всѣ такого рода поступки способствовали сближенію князя и съ Ѳеодосіемъ и съ народомъ и пробуждали любовь въ его сердцахъ. А въ ней-то и нуждался князь Святославъ.

Какъ смотрѣть на всѣ эти попытки князя къ сближенію съ Ѳеодосіемъ? Это уже было за годъ до смерти великаго печерскаго игумена; уже слава о немъ разнеслась далеко за Кіевское княжество; для высшихъ образованныхъ классовъ печерскій монастырь стать центромъ просвѣщенія, для народа же онъ сталъ центромъ вѣры, благочестія и святости: личность самого Ѳеодосія уже окружена была ореоломъ святости и народная легенда уже считала его своимъ героемъ. Обитель не была уже бѣдной пещеркой, которую можно было вѣтѣть раскопать, а подвижниковъ нельзя было запугать „поточеніемъ“! И для благополучія князя необходимо было заручиться любовью личности, имѣвшей большое вліяніе не только на народъ, но и на высшій классъ, что могло служить залогомъ любви народной, въ особенности же, когда на совѣсти было „единое пятно“ Но, съ другой стороны, нельзя здѣсь видѣть исключительно политическихъ соображеній: могла быть и, дѣйствительно, была у князя сердечная расположенность ко всѣмъ любимой и уважаемой личности. Духовная пища такъ необходима каждому человеку, а такимъ безмезднымъ раздаятелемъ ея быть пр. Ѳеодосіи; и князь, разъ насытившись благочестивою его бесѣдою, уже жаждать ея и въ другой разъ, и чувствовалъ какое-то духовное влеченіе къ нему, вѣдѣвше, что и говорить, что извѣстіе о воскрешеніи изъ мертвыхъ его отца не такъ бы его обрадовало, какъ извѣстіе о приходѣ блаженнаго Ѳеодосія. Къ несчастью смерть пр. Ѳеодосія случилась въ первый же годъ княженія Святослава, когда благочестіе князя только начало склоняться на свою сторону расположеніе его; но въ предсмертныхъ словахъ, обращенныхъ къ Святославу, уже слышится полное примиреніе съ благочестивымъ княземъ, волею судьбы запятнавшимъ себя преступленіемъ: „се отхожу свѣта сего и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство стефану, не дай его въ обиду“ Князь же, продолжаетъ лѣтописецъ, цѣловавъ его и обѣщая пещи монастыремъ. Пр. Ѳеодосіи не унесъ съ собою вражды противъ князя и смерть, быть можетъ, только ускорила то, что должно было совершиться съ теченіемъ времени.

Любовь современниковъ къ Ѳеодосію не могла не отражаться и на матеріальной сторонѣ его монастыря, и можно утверждать, что тогда уже было положено начало его будущему богатству, хотя это можетъ быть отнесено только къ послѣднимъ годамъ игумен-

ства Феодосія. Самъ онъ не былъ сторонникомъ имущественныхъ владѣній и, какъ говоритъ Несторъ „не хотяше никакоже прилога творити, но бѣ вѣрою и надежею къ Богу всклоняся, якоже паче не имѣти упованія имѣніемъ“. Въ поученіяхъ своихъ онъ не разъ высказывалъ свой взглядъ на этотъ предметъ: „лучше давать чѣмъ принимать“; или въ другомъ: „Неприлично намъ, братіе, ставши иноками и отвергшись всего мірскаго, заботиться о накопленіи имущества даже у себя въ келіи“. Но въ дѣйствительности, окруженный паствою, состоящею изъ людей, менѣе сильныхъ вѣрою, чѣмъ онъ самъ, онъ силою обстоятельствъ вынужденъ былъ не отказываться отъ приношеній не только движимаго, но и недвижимаго имущества. Несторъ упоминаетъ нѣсколько разъ о приношеніяхъ отдѣльными лицами то вина, то деревяннаго масла, необходимыхъ для богослуженія; иногда состоятельные люди присылали цѣлые возы „брашна, хлѣба, сыра, рыбы, сочива, пшена, еще же и меду“ (напр. бояринъ Климентъ). Уходя на войну, нѣкоторые благочестивые люди давали обѣщанія, въ случаѣ благополучнаго возвращенія, жертвовать въ монастырь бл. Феодосія деньги и цѣнныя богослужебныя принадлежности. Такъ, бояринъ Климентъ, по возвращеніи съ поля брани, пожертвовалъ „двѣ гривнѣ золота, также и вѣнецъ святаы Богородицы на иконѣ окова“; онъ же подарилъ въ монастырь цѣнное евангеліе. (Слѣдуетъ отмѣтить важное пожертвованіе игумена Варлаама. Возвращаясь изъ Константинополя, гдѣ онъ купилъ иконъ и книгъ, необходимыхъ для своего монастыря, онъ занемогъ въ пути и скончался въ монастырѣ, что у города Владимира Волынскаго, завѣщавъ все, что было съ нимъ, монастырю Феодосія, куда просилъ перенести и свое тѣло, что и было исполнено).

Что касается пожертвованія Шимономъ варягомъ золотого пояса съ изображеніемъ Христа „како чтуть Латины, въ 50 гривенъ злата“ и такого же вѣнца для церкви пресвятой Богородицы, создаемой пр. Феодосіемъ, то объ этомъ мы подробнѣе остановимся нѣсколько ниже. До насъ не дошло никакихъ дарственныхъ грамотъ или записей о „вданіи“ недвижимыхъ имуществъ въ Печерскій монастырь еще при Феодосіи¹⁾, но существованіе ихъ несо-

¹⁾ Лѣтопись подъ 1096 г. говоритъ о епископѣ Ефремѣ (вѣроятно, бывшемъ монахѣ Печерскаго монастыря), принесшемъ въ даръ Печ. мон. свое суздальское подворье „и съ селы“ (Лавр. стр. 230). Подъ 1158 г. Инат. лѣт. говоритъ о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ († 1086 г.), который вдалъ Печ. мон. „всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Кіева“ Грамота Андрея Боголюбскаго, дарующая монастырю Васильковъ (мѣсто родины Феодосія), считается подложною (Голуб. Ор. с. 599). Но всѣ эти свидѣтельства относятся ко времени послѣ Феодосія.

многнѣнно на основаніи свидѣтельствъ Несторова житія. Онъ часто упоминаетъ о сѣлахъ монастырскихъ, о находящихся при нихъ тиунахъ, приставникахъ и слугахъ¹⁾. Монахи занимались обработкой полей и скотоводствомъ, вели вообще сельское хозяйство²⁾, но нельзя считать, чтобы монастырь представлялъ „полную чашу“: сколько случаевъ отмѣчено въ житіи, когда не хватало часто даже самаго необходимаго, какъ муки на испеченіе хлѣбовъ, вина и лампаднаго масла для богослуженія. Особенно яркій примѣръ въ этомъ отношеніи указываетъ самъ Несторъ, когда въ день праздника Успенія Божьей Матери у нихъ не было деревяннаго масла для лампадъ, такъ что „строитель церковный“ (парамонарь) уже думалъ употребить для той же цѣли льняное масло; къ счастью подошло приношеніе цѣлой большой „корчаги“ деревяннаго масла отъ какого то богатаго лица, благодаря чему монастырь обошелся безъ нарушенія церковнаго обычая. Относительно пищи бывали такіе случаи, что, за неимѣніемъ ничего другого, приходилось варить пшеницу и, размѣшавъ ее съ медомъ, предлагать на трапезу братіи. Однако, такіе случаи бывали сравнительно рѣдко, потому что даже самъ пр. Феодосій находилъ возможнымъ періодически посылать для бѣдныхъ и заключенныхъ цѣлые возы хлѣба. Благотворительность его этимъ не ограничивалась; всегда скорбя о страдающихъ, несчастныхъ и убогихъ, онъ устроилъ близъ монастыря особый дворъ съ церковью во имя первомученика Стефана, куда принималъ всѣхъ „нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, трудноватыхъ“ и на содержаніе ихъ онъ отпускалъ десятину всего дохода.

Это учрежденіе можно считать первою русскою богадѣльней; впоследствии она преобразована въ странноприимницу, существующую и доселѣ. При Феодосіи же пещерская обитель стала центромъ духовнаго (единственнаго въ то время) просвѣщенія. Начало просвѣщенія относится еще къ первому періоду его игуменства. Несторъ, изображая жизнь и занятія первыхъ подвижниковъ, рассказываетъ, что въ келіи Феодосія по ночамъ Иларіонъ, бывший „книгамъ хитръ псати“ занимался списываньемъ книгъ, тутъ же вели-

¹⁾ Выпишемъ нѣкоторыя указанія изъ житія: „друзіи же и села вдавающе на пощеченіе имъ“; разбойники были пойманы „въ единомъ селѣ монастырскѣ“. „отъ единой веси приде мнѣнихъ монастырскій. глаголя, яко хлѣвийѣ, идеже скотъ затворяемъ жилище бѣсомъ есть“. Передъ смертью Феодосій собралъ „всю братію и еже въ селѣхъ... и начатъ казати тиуны, приставники и слугы“ и мн. др.

²⁾ Несторъ, говоря о монастырскомъ благосостояніи послѣ смерти Феодосія, замѣчаетъ: „и въ селѣхъ тѣхъ бысть гобино и въ скотѣхъ же приплодокъ, якоже нѣсть было николѣже“.

кїи Никонъ шивать ихъ, а самъ игумень занимался скромнымъ дѣломъ—пряжею нитей. Въ такой индивидуальной обстановкѣ зачиналось великое дѣло просвѣщенія. Развиваясь съ теченіемъ времени, оно достигло большого развитія. И самъ Θεодосїй не ограничивался поученіями и посланіями; его просвѣтительная дѣятельность простиралась за монастырскія стѣны и проникала въ жидовскія слободы, находившіяся, по всей вѣроятности, за чертою города, такъ какъ одни изъ городскихъ воротъ назывались Жидовскими ¹⁾ (впослѣдствїи Львовскія и Ивановскія, на нынѣшней площади). По свидѣтельству Нестора, пр. Θεодосїй „многашды въ ноши вѣстая, и отан всѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еще о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ и яко отмѣтныи и незаконныи тѣхъ нарицаа“ Самъ онъ былъ человекомъ для своего времени просвѣщеннымъ, такъ что „многожды сего князи и епископи хотѣша искусити оснляюще словеса, но не возмогоша“ Съ чувствомъ гордости за своего любимаго игумена Несторъ добавляетъ: „и акы о камыкъ (!) бо приразившеса, отскакаху!“ Въ послѣдній же годъ жизни Θεодосїа къ нему пришелъ худой юноша, какъ и нѣкогда онъ самъ пришелъ къ старцу Антонію, и былъ принятъ въ монастырь съ радостью. Но такъ какъ, по заведенному уставу, приходящаго не сразу постригали въ монахи, но сначала „повелѣваша ему въ своей одежи ходити, дондеже извычетъ весь устрои манаытскыи; таче по сихъ облачашеть его и въ мншскую одежду и тако пакы во всѣхъ службахъ искушашеть и, и тогда остригъ, облачаше въ мантию“ ²⁾, то и юноша этотъ былъ по-

¹⁾ Патерикъ Печерскїй, сказанїе объ Аганитѣ безмездномъ врачѣ (Яковлевъ. Памятн. литер. XII—XIII в.). Больше подробныхъ свѣдѣнїй объ этихъ слободахъ или колонїяхъ не сохранилось, равно какъ о Евреяхъ вообще; въ лѣтописи подл. 1113 годъ „убїени быша жидове“ въ Кїевѣ; причиною были „рѣзы мнози“ Кїевскїй католич. епископъ Юсифъ Верещинскїй (1596) называетъ „Жидовскимъ городомъ“ одинъ изъ кремлей, окруженный землянымъ валомъ и принадлежавшїй князю Щеку, послѣ смерти котораго онъ былъ заселенъ жидами. Проф. Н. И. Петровъ считаетъ это свѣдѣнїе о жидовскомъ городѣ весьма правдоподобнымъ, какъ совпадающее съ древними извѣстїями о кїевскихъ жидяхъ (Н. И. Петровъ. Ист.-топогр. очерки древняго Кїева, 1897 г., стр. 10).

²⁾ Далѣе слѣдуетъ: „дондеже пакы будетъ червецъ искусенъ житїемъ чистымъ си. Ти тогда сподобашеть прїяти святую схиму“. Значитъ пр. Θεодосїй различалъ „малый“ образъ отъ „великаго“. Это мѣсто изъ житїа между прочимъ доказываетъ, что введенный уставъ былъ именно Алексѣевой редакціи, гдѣ также различаются степенн монашества; Θεодоръ же Студїйскїй въ завѣщанїи игумену говоритъ: „да не дашь того, что называютъ малымъ образомъ, а потомъ какъ бы великаго, ибо одинъ образъ, какъ едино крещенїе, какъ это было у св. отцевъ“ (Migne „Testamentum“ 12).

стриженъ послѣ предварительнаго, довольно продолжительнаго искуса уже не Θεодосіемъ, а его преемникомъ, Стефаномъ. Этотъ юноша былъ въ послѣдствіи великій Несторъ - слава и гордость не только печерской обители, но и всей Руси.

Мы отмѣтили главнѣйшія стороны дѣятельности нашего великаго игумена, какъ она намъ извѣстна по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ. Мысль человѣческая отказывается сразу составить общее представленіе, которое обнимало бы дѣятельность его какъ аскета, проповѣдника, писателя, обличителя, миссіонера, духовнаго пастыря, игумена, основателя и устроителя монастыря, его отношенія къ братіи, народу, боярамъ, князьямъ, христіанамъ, евреямъ, латинянамъ! Неудивительнымъ покажется послѣ этого, что сильный по природѣ организмъ не выдержалъ такой трудной и всесторонней дѣятельности, и пр. Θεодосій скончался въ полномъ расцвѣтѣ силъ духовныхъ, и не окончивъ начатой имъ съ такой любовью и рвеніемъ великой каменной церкви. Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ прекраснаго поэтическаго произведенія легендарнаго характера - сказанія о созданіи Печерской Церкви, находящагося въ посланіи Симона къ Поликарпу, возникшаго въ XII—XIII вѣкѣ¹⁾. Въ немъ, какъ говоритъ незабвенный Шевыревъ, мысль Вѣры сочеталась съ изящными образами. Передадимъ вкратцѣ содержаніе этого сказанія, хотя сознаемся, что отъ этого пропадаетъ вся его прелесть. У князя Всеволода Ярославича былъ на службѣ варягъ Шимонъ, сынъ князя Африкана, изгнанный братомъ его, Якуномъ. Когда князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ пошли противъ Половцевъ, то вмѣстѣ съ ними пошелъ и Шимонъ. Но передъ походомъ князь Всеволодъ, по обычаю того времени, вмѣстѣ съ Шимономъ отправились къ Антонію за благословеніемъ. Антоній благословилъ ихъ и предрекъ Шимону, что Богъ сохранитъ его въ битвѣ, и что тѣло его нѣкогда ляжетъ въ стѣнахъ церкви во имя Божьей Матери, которая будетъ построена въ Печерской обители. На берегахъ Альты произошла битва, равной которой еще не было. Русскіе были разбиты на голову: много потонуло въ рѣкѣ, много погибло отъ руки врага, остальные бѣжали. Шимонъ былъ тяжело раненъ и лежалъ неподвижно. Открывъ глаза онъ вдругъ на небѣ увидѣлъ великую церковь, подобную которой онъ видѣлъ раньше во время бури на морѣ. „Господи! воскликнулъ онъ, собравшись съ силами: избави мя отъ горька сея смерти молитвами твоя Матере и преподобнаго Антонія!—И тутъ же

¹⁾ Яковлевъ. Пам. лит. XII и XIII в.

получить исцеление отъ раба. Возвратившись въ міръ онъ при-
 шель къ Антонию и сказать ему "вѣнъ дивнѣ". Онъ разсказалъ,
 что у отца его былъ крестъ съ навашиемъ Христа - "како члвкъ
 латинскѣ" на Немъ былъ новъ о чрестахъ въ 50 привенъ золота и
 золотой же вѣнъ. Изгнанный Мкуномъ онъ уснть захватить вѣ-
 нъ и новъ, но повѣ, но повѣдичный погосъ ему сказать: "не возстаи нхъ
 на себѣ, но неси въ уготованное мѣсто. нтъ сопржтсѣя нерковъ
 Божей Матери, и отави теологю". Когда онъ вѣнъ по морю на
 кораблѣ, случилсѣя сильная буря. Не было никакой надежды на
 спасеніе. Никонъ въ отчаяніи обратилсѣ съ торжесн мольбой къ
 Богу, и вѣрнъ увнть на небесахъ нерковъ, а какой то погосъ
 ему говорить, что это именно та нерковъ, для которой яви въ-
 нъ и новъ. Ес же вѣнъ онъ и за погосъ бнтя, когда лежалъ
 раненый и почти умирающій. Таинственный погосъ укавалъ и
 разкрь быдущей нерви Антоній наркъ. Никона (Мкуномъ, а
 вѣнъ и новъ перелать теологю. Мъ уже видѣн, что въ по-
 строеніи нерви участвують и живъ и народъ. (Казаніе говорить
 о приходѣ наръ Парырама мастеровъ, которыхъ (ама Богоматерьъ
 Влахернская посала въ міръ, даръ нмъ на три года злата, монн
 (вѣнъхъ, свою икону и обнчѣа (ама погосъ свою новую он-
 тель. Невѣтная сна неса нхъ даю противъ реченія. Нерковъ
 вѣнъхъ нмъ на воздѣхъ.

Но оставалсѣя это сказаніе, потому что нарасно въ перста-
 вѣ мы стараніемъ бы сохрнть прелестъ орннвала. Это народное
 сказаніе свнтьствують о томъ, какъ христианство, снвалсѣя въ
 народной душн, не только не наразнорало его духовныхъ силъ,
 а обновило и возродило нхъ, даръ погосъ поэтическою прелст-
 озной дѣлать.

Но евои релнгозной мрасотѣ это сказаніе можетъ быть срав-
 ниваемо съ заплнннмъ сказаніемъ о св. Рубѣ. Но въ то время
 какъ послѣнее въ ннтературной обработѣ создало вѣнн нмъ
 романовъ, ннне сказаніе, способное такъ-же в лохннть хулоуника,
 остается нерпрнкосновннмъ. Да и равно ли казанн ученіе объ
 этомъ сказаніи, не говорѣ уже о неспецналнстахъ, которые нагрѣ-
 нос и не смѣхали о немъ!

Мъ нѣсколько отвѣстнелъ въ сторону отъ нншего предмета,
 но темеръ объясняемо къ немъ. Прен теологн все свободное вре-
 мѣ находнлсѣя у строющнхся нерви: онъ помоталъ рабочнмъ и
 очень утомлвлсѣя, что врсно отражалсѣя на его орнннзмъ, нлто-
 манномъ и внжнлмъ позынгомъ, и вѣнн заботамъ. Наступнлъ
 погосъ, и пр. теологн, по объясненію, усталсѣя въ нншеру. Но уже

трудно было ему выносить этот тяжелый подвигъ. Уныніе (одинъ изъ 7 грѣбныхъ помысловъ по монашескому кодексу) овладѣло имъ настолько, что и по возвращеніи изъ пещеры онъ не могъ освободиться отъ него.

Объ этомъ онъ говоритъ въ своемъ поученіи, которое мы относимъ пменно къ этому дню: „но милосердный Богъ... напусти на мя духъ унынія, имъ же угнетаемъ есмь и доселѣ“ Тамъ же въ пещерѣ ему было откровеніе о близкой его кончинѣ. И дѣйствительно, возвратившись изъ пещеры, онъ сильно разболѣлся, и во вторую субботу послѣ Пасхи, 3-го мая 1074 года, „въспявшу солнцу“ его не стало. Послѣдніе дни его жизни, его прощальная бесѣда съ братією и самая смерть описаны очень подробно и трогательно, возбуждая въ читателѣ грустное настроеніе.

„И якоже приидѣши соубоити, и дѣи освѣщающа, послаахъ блаженни (10) призвавъ всю братню, и тако по единомуу вса цѣлока палующаса и крѣпаша. ѿ разоушени таковаго имъ настоуха, блаженни же гѣа имъ сице уда моа любилиа и братна, се ко и оутрокою вса кы цѣлоую яко ѿхожую къ вѣдѣрѣ, гѣоу нашегоу ѣ хѣу, и се камъ проуменѣ, югоже сами изволите того послѣшанте, и оѣа того дховнаго себѣ имьте, и того контеса, и по повелѣнню юго вса творите. Кѣ же иже вса словѣмъ и прѣмоудростию сътвори, тѣ вса басловни и сънабѣди, ѿ проныриваго безъ вѣды, и неподвижноу и твѣрдоу иже къ томоу вѣроу ваню да съблюдетъ, въ единооумни, и къ единой любви до послѣдыаго издыханна въкоупѣ соуше, дан же камъ бѣгодать иже работати томоу бес пророка, и быти камъ къ единомуу тѣлѣ, и единымъ дѣмъ, въ съмѣренни соушемъ и въ послѣшанни, да коудете съвѣршени якоже и оѣа вань нѣсьныи съвѣршенѣ юсть, гѣ же коуди съ камн, и ѿ семѣже молю вы и зѣканню, да въ иенже юсмъ ѡдежи нѣны, къ тон да положите ма тако въ пещерѣ, иже постыныи дѣи прѣбывахъ, иже ѡмыванте оубогаго моего тѣла. ¹⁾ и да никѣтоже ѿ людин мене, нѣ кы единыи сами да погрекете въ прѣж реуенѣмъ мѣстѣ тѣло се, си же слышавѣше братна ѿ оустѣ сѣго оѣа, плауѣ и слѣзы мѣз оунию испоуцаахоу. Тауе по гѣхъ сихъ, ѿпѣсти къ вѣнѣ вса, ни единогоже оу себе оставивѣ, единыи же ѿ братнѣ иже всегда слоужаши юмоу, малоу сътвори скважню

¹⁾ Этого требовалъ Уставъ. „Чинъ, какъ подобаетъ погребаги братію по Уставу монастыря Студійскаго: Аще мнихъ поміеть, не достоинъ теле его видѣти ни измывати.“ (Кормчая Рум. муз. № 231 л. 314).

СЪМОТРАШЕ КЮ. И СЕ БЛАЖЕННИ ВЪСТАКЪ И НИЦЪ ЛЕГЪ НА КОЛѢНОУ МОЛАНЕ СЪ СЛЪЗМИ МЛТНВАГО БѢ. Ѡ СІСЕННИ ДІИА СКОЖИ. ВЪСА СТЫИА ПРНЗЫКАК НА ПОМОЦЬ. И НАИНАУЕ ЖЕ СТОУЮ ВѢДУЦЮ НАШЮ КІЮ. И ТОЮ ГѢ БѢ СІСА НАШЕГО ІС ХѢ МОЛА ѠСТАДЪ СКОЖЕМЪ. И О МѢСТѢ ТОМЪ. И ТАКО ПАКЪ ПО МОЛНТВѢ ВЪЗДЕЖЕ НА МѢСТѢ СКОЖЕМЪ. И МАЛО ПОЛЕЖАВЪ. ТАУЕ ВЪЗЪРѢВЪ НАИѢО И КЕЛНКЪМЪ ГЛАМЪ АЦЕ ВЕСЕЛО НМЫН РЕУЕ. КѢГОСЛОКАЕНЪ БѢ АЦЕ ТАКО КЕСТЬ ТО ОУЖЕ НЕ БОЮСА. ИЪ ПАУЕ РАДОУІАСА ѠХОЖЮ СВѢТА СЕГО. СЕ ЖЕ ІАКОЖЕ РАЗОУМѢТИ КЕСТЬ. ІАКО ѠБАВЛЕННІЕ НѢКОІЕ ВІДѢКЪ СІЦЕ ІЗДРЕУЕ. ІАКО ПОТОМЪ ѠПРАТАВЪСА И НОЗЪ ПРОСТЪРЪ. И РОУЦЪ НАПЪРСЪХЪ КРЪСТООБРАЗНЪ ПОЛОЖЪ. ПРѢДАСТЬ СТОУЮ ТОУ ДІИЮ ВЪ РОУЦЪ БѢНИ. И ПРѢЛОЖИСА КЪ СТЫНМЪ ОІЕМЪ+(҃҃҃.) ТЪГДА ЖЕ БРАТНІА СЪТКОРНІА НАДЪ НИМЪ ІАЛУЪ КЕЛНКЪ. И ТАКО ВЪЗЪМЪНІЕ ТОГО НЕСОІА ВЪ ЦРКЪВЪ. И ПО ОБЫУАЮ СТОКЪ ПЕННІЕ СЪТКОРНІА+ ТЪГДА ЖЕ АКЪ ИЪ Ѡ КОІЕГО БОЖЪСТВНАГО ІАВЛЕННІА. ПОДВІЖЕСА КЪРЪНННХЪ МНОЖЪСТВО. НСЪ ОУСЪРЪДНЕМЪ САМИ ПРНДОІА. И БЫІА ПРѢДЪ ВРАТЫ СЪДАЦЕ И ОЖІДАЮЩЕ ДОНЪДЕЖЕ БЛАЖЕНАГО ІЗНЕСОУТЬ+... ОУМРѢТЬ ЖЕ ОІЪ ІАМЪ ѠЕѠДОСІИ. ВЪЛѢТО ҃҃҃. И .Ф. ІАК. МІА.МАІА. ВЪ .Г. ВЪ СОУКОТЪ.ІАКОЖЕ ПРѠРЕУЕ САМЪ. КЪСІАКЪНІЮ СЛІЦЮ+... Мы оставили неприкосновенными эти лучшие строки сочиненія пр. Нестора, и обращаемся къ разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ показаніямъ разныхъ источниковъ о событіяхъ послѣднихъ дней жизни пр. Феодосія. Относительно избранія новаго игумена нѣтъ никакого противорѣчія; разница только въ томъ, что въ лѣтописи, какъ мы уже знаемъ, говорится, что сначала самъ Феодосій предложилъ въ кандидаты Іакова, но, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, братія отказалась и избрала Стефана; въ житіи же Несторъ уже объ Іаковѣ не упоминаетъ, не считая это важнымъ обстоятельствомъ. Однако со стороны, такъ сказать, юридической это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что говоритъ о правахъ братіи въ избраніи себѣ игумена; и датѣе въ исторіи печерекаго монастыря это право подтверждается фактомъ смѣщенія и изгнанія Стефана, и избранія на его мѣсто великаго Никона, пережившаго своего ученика, котораго онъ такъ любилъ. Второй вопросъ касается послѣдняго свиданія князя съ Феодосіемъ. Въ житіи по Хартеппому списку кратко говорится только о томъ, что наканунѣ смерти князь „былъ у него и видѣлъ бо-лестъ его“ Въ лѣтописи переданы послѣднія слова Феодосія: „се отхожу свѣта сего и се предаю ти монастырь на соблюденье, еда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду“ Но въ спискѣ житія по редакціи 2-й Кассі-

ановской приведены эти слова въ значительно измѣненномъ видѣ: „И се поручаю твоему благочестію святыи сей монастырь... да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никтоже отъ клириковъ Софійскихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоего“ Г. Кубаревъ вполне основательно призналъ эту приписку Кассіановской редакціи подложной, указавъ на историческія причины, вызвавшія ее ¹⁾. Признавая достоверность свидѣтельства Лѣтописи, однако не слѣдуетъ видѣть въ этихъ словахъ такого значенія, какое придаетъ имъ преосвящ. Макарій, который склоненъ видѣть въ нихъ фактъ передачи монастыря князю подъ непосредственное его вѣдѣніе и попеченіе. „И дѣйствительно, говоритъ онъ, мы видимъ что въ послѣдующее время настоятель для печерскаго монастыря поставлялся не иначе какъ съ вѣдома, и утвержденія самого князя“ Но гдѣ же это мы видимъ? Изгнаніе Стефана и избраніе Никона свидѣтельствуютъ какъ разъ о противномъ. Вѣрнѣе и проще понимать завѣщаніе Феодосія такимъ образомъ, что онъ просилъ князя не забывать монастыря и помогать ему въ тяжкую минуту.

Великое дѣло народная любовь: для нея нѣтъ границъ ни въ пространствѣ, ни во времени! И заслужившіе ее не умираютъ, но отоидя отъ міра дѣйствительнаго, продолжаютъ жить въ народномъ воображеніи: которое не можетъ разстаться съ возлюбленными имъ образами; на смѣну дѣйствительному оно создаетъ легенду, которая въ постепенной идеализаціи личности доводитъ ее до обожанія. Такъ живутъ въ памяти русскаго народа святой Николаи и печерскіе подвижники Антоній и Феодосій. Уже во время Нестора легенда иногда закрывала дѣйствительность, и самъ Несторъ затруднялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличить первую отъ второй. Этимъ объясняется, почему онъ вкладываетъ въ уста Феодосія такія фразы, которыхъ никогда онъ не могъ сказать. Мы разумѣемъ то мѣсто, гдѣ говорится: „Братія и отци, аще и тѣломъ отхожу отъ васъ, то духомъ присно буду съ вами; и се елико же въ васъ въ монастыри семь умереть, или игуменомъ гдѣ отосланъ, аще и грѣхи будетъ кто сотворить, азъ имамъ о томъ предъ богомъ отвѣщати“ Но крайней мѣрѣ по духу это мѣсто напоминаетъ нѣчто въ родѣ католической сокровищницы. Поэтому и въ Духовномъ регламентѣ въ числѣ статей, отклоняющихъ отъ истиннаго пути спасенія, упоминается и это преданіе (Голубинскій т. I гл. VI стр. 601).

¹⁾ Кубаревъ: О Редакціяхъ „Патерика Печерскаго“, Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1858, III, 119.

Въ слѣдующей части мы будемъ имѣть возможность убѣдиться, какъ гармонія и согласіе между дѣлами и словами проходили черезъ всю его дѣятельность, и какъ именно его убѣжденія отражались въ каждомъ словѣ его поученій.

II.

Сочиненія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

Если одни изъ литературныхъ критиковъ, какъ напримѣръ Сентъ-Бёвъ, изучали произведенія рядомъ съ жизнью писателя, если біографіи становились для нихъ настолько необходимымъ комментариемъ произведеній, что они даже отказывались разсматривать произведенія писателя, біографія котораго имъ была неизвѣстна, то другіе, (какъ Тэнъ) полагали, наоборотъ, что произведенія писателя, внимательно изслѣдованныя, доставляютъ все основныя данныя его характера. Мы не будемъ оспаривать положенія, ставшаго для многихъ общимъ мѣстомъ, что въ произведеніяхъ прямо или косвенно обрисовывается самъ авторъ съ основными чертами его характера, однако не будемъ отрицать и большого вспомогательнаго значенія біографическаго матеріала при изученіи и изслѣдованіи сочиненій писателя. При изслѣдованіи сочиненій пр. Ѳеодосія Печерскаго мы увидимъ, насколько знакомство съ біографіей уясняетъ пониманіе его сочиненій, но также убѣдимся, что для полнаго представленія о личности нашего древняго писателя равно необходимо всестороннее изученіе какъ жизни, такъ и его сочиненій.

Характеръ сочиненій преподобнаго Ѳеодосія со стороны внутренней обуславливался личностью проповѣдника, его индивидуальными чертами, его нравственно-аскетическими убѣжденіями, воспитанными на свѣтлыхъ образцахъ восточныхъ подвижниковъ, въ особенности же подъ вліяніемъ Ѳеодора Студійскаго. Со стороны же

внѣшней характеръ его сочиненій вытекалъ изъ отношенія его къ обществу, великому князю и брати, и во многомъ зависѣлъ также отъ степени развитія его самого и окружавшаго его общества. Задача біографическаго очерка состояла въ томъ, чтобы по возможности освѣтить каждую изъ этихъ причинъ, дѣйствовавшихъ совокупно на нашего проповѣдника; задачу же настоящаго изслѣдованія мы полагаемъ въ томъ, чтобы, сообразуясь съ данными біографіи, правильно оцѣнить его сочиненія и опредѣлить значеніе его, какъ древне-русскаго писателя.

Прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ сочиненій, считаемъ нужнымъ привести въ извѣстность матеріалъ, которымъ мы въ настоящее время располагаемъ, указать литературу интересующаго насъ вопроса.

Мы не имѣемъ какого нибудь отдѣльнаго труда, который бы вполне обнималъ предметъ нашего изслѣдованія; общіе же курсы исторіи русскаго языка и литературы уделяютъ нашему вопросу слишкомъ мало мѣста.

И Галаховъ, и Порфирьевъ, и, въ повѣйшее время, Пыпинъ, и другіе историки русскаго языка и литературы говорятъ о пр. Феодосіи очень мало. Справедливо, что въ сочиненіяхъ общаго характера можно не останавливаться подробно на вопросахъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что они представляютъ въ большей или меньшей степени школьные курсы, учебники, въ которыхъ обращено вниманіе на главные моменты въ исторіи литературы и на ея важнѣйшихъ представителей. Однако, мы вправѣ были бы ожидать отъ современной науки болѣе детальнаго изслѣдованія отечественной литературы, въ особенности ея древняго періода. *Pia desideria!* Наиболее обширнымъ и разработаннымъ намъ представляется трудъ академика Шевырева, не утратившій своего значенія въ нѣкоторой степени и до настоящаго времени. Однако, насъ отдѣляетъ отъ него цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго наука дала много новаго, и съ своей стороны стала предъявлять нѣкоторыя нныя требованія, которымъ названный трудъ не удовлетворяетъ. По занимающему насъ вопросу у акад. Шевырева мы встрѣчаемъ довольно обширное изслѣдованіе, но оно для насъ уже не представляетъ послѣдняго слова науки (См. лекція VI). Значительно большее мѣсто отведено нашему вопросу въ главныхъ трудахъ по исторіи русскаго языка у преосв. Макарія и проф. Голубинскаго. Это объясняется тѣмъ, что въ исторіи русскаго языка нашъ великій подвижникъ занимаетъ болѣе видное мѣсто, какъ главный основатель „слезами, пощеньемъ, молитвою и бдѣніемъ“ печерскаго монастыря, какъ пер-

вый, принявшій въ своемъ монастырѣ уставъ Феодора Студійскаго, а отъ него уже „вся монастыри переяша“, и какъ проповѣдникъ, выступавшій въ борьбѣ съ врагами восточнаго христіанства. У преосвящ. Макарія мы находимъ обстоятельный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ въ его время сочиненій пр. Феодосія; можно пожалѣть, что нашъ ученый историкъ церкви, при своемъ глубокомъ знаніи нашей, южно-славянскои и греческой литературы, какъ бы изъ чувства уваженія и любви къ памяти нашего проповѣдника, не отнесся болѣе критически въ разборѣ его сочиненій, какъ бы не желая подвергать сомнѣнію заслугъ пр. Феодосія, какъ писателя.

Проф. Голубинскій, представляющій полную противоположность пр. Макарію, съ его благоговѣйнымъ отношеніемъ ко всему родному, отнесся болѣе критически къ сочиненіямъ пр. Феодосія, и согласно своему „крайнему разумѣнію“, одни изъ нихъ признавалъ, а другія отрицалъ. Однако онъ не подѣлился съ читателями основаніями для своихъ выводовъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе не могутъ быть нами проверены

Все же эти два труда настолько важны, что составляютъ краеугольный камень нашего изслѣдованія. Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ нашему вопросу. Въ своемъ мѣстѣ, приводя цитаты, мы будемъ указывать статьи, откуда онѣ нами замѣтованы съ обозначеніемъ авторовъ. Тамъ мы встрѣтимся съ почтенными именами И. Срезневскаго, А. Вадковскаго, Н. Петрова, А. Павлова, Н. Попова и многихъ другихъ нашихъ изслѣдователей древней литературы, трудами которыхъ мы пользовались. Что касается изданія сочиненій пр. Феодосія, то и въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано пока очень мало. По этому поводу намъ вспоминаются слова академика Шевырева, сказанныя нѣкогда по этому вопросу. „Намъ недостаетъ, говоритъ почтенный ученый еще въ 1845 году, систематическаго, въ хронологическомъ порядкѣ расположеннаго изданія древнихъ памятниковъ Русской Словесности, а то, что до сихъ поръ было открыто и издано, заставляетъ желать такого изданія отъ современной науки“ Остается добавить, что такого изданія нѣтъ еще и по сіе время. Существующее изданіе сочиненій пр. Феодосія преосв. Макарія ¹⁾ оказалось слишкомъ нецѣпнымъ въ передачѣ текста. Нѣсколько не лучше издано пять

¹⁾ „Сочиненія преп. Феодосія Печерскаго въ подлинномъ текстѣ“ Приготовлены къ изданію пр. Макаріемъ (въ приложевіяхъ къ Ученымъ Запискамъ И. Ак. Н., кв. II, отд. IV).

поученій къ шокамъ проф. Никольскимъ (Н. К. Н.) въ памятникѣхъ древне-русской церковно-учительной литературы (вып. I).

Кромѣ того, Гр. Георгіевскій издалъ 2 поученія изъ сборника румянцевскаго музеума № 406 „какъ принадлежащія пр. Θεодосію, хотя и подписанныя именемъ Θεодора Студійскаго“; такъ называемая, третья редакція поученія „о чапахъ троцарныхъ“ издана въ октябрьской книжкѣ Православнаго Собесѣдника за 1858 г.; нѣкоторыя поученія переведены въ истор. хрестом. Буслеева и Миллера и др. При такомъ количественномъ и качественномъ недостаткѣ въ изданіяхъ сочиненій пр. Θεодосія мы предпочли бы заниматься по рукописямъ, въ которыхъ находятся сочиненія нашего проповѣдника; но, къ великому сожалѣнію, пользованіе рукописями сопряжено съ большими затрудненіями. Мы, однако, имѣли счастье имѣть у себя цѣнное собраніе поученій румянцевскаго музеума № 406, въ которомъ находятся пять поученій пр. Θεодосія брата, *и въ дополненіе къ нему мы пользовались рукописными сборниками Кіево-Печерской лавры № 47 и 48, въ которыхъ оказались также поученія, что и въ Румянцевскомъ Сборникѣ, до сихъ поръ извѣстныя намъ по одному только списку.* Результатомъ занятій по этимъ рукописнымъ собраніямъ явились прилагаемые ниже исправленные дополненные и тщательно свѣренныя тексты 7 поученій преп. Θεодосія брата.

Приступая къ изученію сочиненій пр. Θεодосія и ихъ изслѣдованію, мы намѣтили себѣ нѣсколько вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ и составитъ настоящую часть нашего труда. Прослѣдивъ въ общемъ обзорѣ Θεодосіевыхъ сочиненій исторію ихъ открытія отъ начала и до новѣйшаго времени, мы постараемся путемъ всеобщаго ихъ изученія и анализа выдѣлить подлинныя отъ сомнительныхъ (spuria), или вовсе ему не принадлежащихъ, и такимъ образомъ установить болѣе или менѣе точно объемъ сочиненій пр. Θεодосія, извѣстныхъ до настоящаго времени.

Ознакомившись съ духомъ самихъ произведеній, съ особенностями его языка, мы, быть можетъ, съумѣемъ воспользоваться мнѣніемъ нашего почтеннаго изслѣдователя Ал. Востокова и рѣшить вопросъ о принадлежности пр. Θεодосію нѣкоторыхъ поученій, находящихся въ Румянцевскомъ Сборникѣ XV вѣка № 406, написанныхъ именемъ Θεодора Студита, но ему не принадлежащихъ, которыя, по мнѣнію того же ученаго, могутъ быть отнесены къ Θεодосіевымъ ¹⁾.

¹⁾ А. Востоковъ. Опис. Рукоп. Рум. музеума N CCCCVI. л. 104 и далѣе.

Но прежде, чѣмъ приступить къ общему обзору сочиненій, намъ надо рѣшить одинъ вопросъ, имѣющій принципиальное значеніе. Вопросъ этотъ слѣдующій: писалъ ли пр. Θεодосій свои поученія, или произносилъ ихъ паизустъ, не имѣя заранѣе написанныхъ Рѣшеніе этого вопроса имѣетъ большое значеніе для изслѣдователя, такъ какъ при изученіи дошедшихъ до насъ поученій необходимо уяснить себѣ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ подлинными словами проповѣдника или же только съ его мыслями, облеченными въ чужую форму рукою ли Нестора (въ отрывкахъ житійныхъ и въ тѣтописномъ), или иного кого ишбудъ (въ остальныхъ поученіяхъ). Преосв. Антоній Валковскій ¹⁾ въ своей статьѣ „такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому“, прежде чѣмъ отвергнуть принадлежность ихъ пр. Θεодосію развиваетъ свою мысль о сочиненіяхъ его вообще. Скентическое отношеніе къ открываемымъ поученіямъ нашего проповѣдника онъ основываетъ только на томъ, что въ тѣтописи и въ житіи, кромѣ одного указанія, что пр. Θεодосій „писалъ“ обширное посланіе къ кн. Святославу ²⁾ (до насъ не дошедшее), болѣе ни разу не говорится, чтобы поученія его были кѣмъ-либо, или имъ самимъ записаны.

Насъ удивляетъ подобный домыселъ своею искусственностью: несомнѣнно, что пр. Несторъ не предполагать такого вопроса, иначе бы онъ, говоря, что пр. Θεодосій предлагать братіи поученіе, добавилъ бы: „заранѣе написанное“, или „неписанное“: для проповѣдника-же, хотя-бы обладавшаго самой обширной эрудиціей, знаніемъ Писанія, и Твореній Отцовъ Церкви и даромъ краснорѣчія, все таки необходимо имѣть хотя-бы болѣе или менѣе подробный планъ проповѣди.

Что же касается Θεодосія въ частности, то ему, какъ проповѣднику, предлагавшему братіи въ краткихъ поученіяхъ правила спасительной монашеской жизни, было вполне естественно заранѣе приготовить слово, въ которомъ въ простыхъ и сжатыхъ выраженіяхъ проводилась бы опредѣленная мысль, подтвержденная авторитетомъ Священнаго Писанія. Если же пр. Θεодосій могъ писать „зѣло обширную епистолю“ къ кн. Святославу ³⁾, если онъ могъ

¹⁾ Прав. Соб. 1876 г. Окт. -ноябрь.

²⁾ „Не престаше обличая его, овогда епистолю ниша, послаша къ нему.. Сиде же и послѣ вѣнуса къ нему епистолю велику зѣло, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего вѣншетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина...“ (Яковлевъ. Памятники русской лит. XII и XIII вв. Житіе пр. Θεодосія).

³⁾ Яковлевъ. Памятники др.-рус. писемъ XII—XIII вв.; Житіе пр. Θεодосія, см. равьше.

написать молитву для Шимона Варяга ¹⁾, то почему онъ не могъ писать поученій монахамъ, тѣмъ болѣе, что они составляли ихъ духовную пищу не только въ церкви, но и въ келіяхъ.

Согласившись, что поученія могли быть написаны самимъ пр. Феодосіемъ, и что, такимъ образомъ, при изученіи ихъ, мы можемъ имѣть дѣло съ подлинными словами нашего проповѣдника, мы перейдемъ къ вопросу о возможномъ объемѣ ихъ. Надо замѣтить, что поученія составляютъ главную и большую часть сочиненій пр. Феодосія, что вполне понятно, такъ какъ онъ былъ главнымъ образомъ проповѣдникъ, а не писатель въ современномъ значеніи этого слова.

Мы знаемъ, что пр. Феодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ пр. Феодора Студита ²⁾ и былъ ревностнымъ хранителемъ заветовъ его; поэтому нельзя думать, чтобы онъ же являлся и ихъ нарушителемъ, не исполняя одного изъ главныхъ предписаній о произнесеніи поученій. Поступая же по 11-й заповѣди заповѣщанія пр. Феодора Студійскаго, пр. Феодосій долженъ былъ произносить поученія не менѣе трехъ разъ въ недѣлю ³⁾; и дѣйствительно, у пр. Нестора въ житіи мы находимъ подтвержденіе этого мнѣнія въ указаніяхъ на частые случаи произнесенія поученій пр. Феодосіемъ. Говоря о неуспѣшныхъ заботахъ его о паствѣ, біографъ замѣчаетъ: „имѣяше обычаи сице великій Феодосій яко по вся ноци обходити ему мншovy кельи всѣхъ... егда кого слыше бесѣдуюца два или три шедшесея вкупѣ... утре день призывавъ я... нѣ ту абѣе обличаше ихъ, но яко издадени нагоняше глаголаше к шимъ, хотя увѣдѣти яко къ Богу тщаніе ихъ... и тако вся учаше“ ⁴⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „сими же и инѣми словеса по вся дни не престаѣ ихъ наказаніе“ Однако, поученіями къ братіи не ограничивался кругъ проповѣднической дѣятельности пр. Феодосія: онъ поучалъ иногда князей, и бояръ, и народъ, за что и пользовался у всѣхъ любовью. Изображая его, какъ заступника за всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ у сильныхъ міра сего, которые „не воляху въ чемъ преслунати его“, біографъ объясняетъ причину этого тѣмъ, что

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. біографію гл. I.

³⁾ Migne. Patrologiae Cur. Comp., t. 99; p. 1814. Testamentum 11:

„Παραφολάσεις πάντως τοῦ ποιῆσθαι τρισάκις τὴν κατήχησιν τῇ ἑβδομαδί, καὶ καὶ ἐπέριον ἢ διὰ σαυτοῦ, ἢ δι' ἄλλου τῶν τέκνων. Ἐπειδὴ πατροπαράδοτον τοῦτο καὶ σωτήριον“

⁴⁾ Яковлевъ. Памятники XII - XIII в., стр. 74. Op. cit.

„ти убо его чтыце или честныхъ его портъ, или свѣтлыя одежды, или имѣнья ради много, но чистаго ради его житія и свѣтлыя души, и поученіи его мнози, яже кипяхуть святымъ духомъ отъ устъ его“¹⁾; онъ же приводитъ начало обличительнаго посланія къ кн. Святославу, какъ уже сказано, до насъ не дошедшаго²⁾. Много другихъ указаній можно найти въ житіи и въ лѣтописи, свидѣтельствующихъ о томъ, что пр. Феодосій былъ ревностнымъ проповѣдникомъ, признававшимъ за поученіями большое нравственное, просвѣтительное и укрѣпляющее значеніе, въ особенности же для его молодой паствы, отрѣшившейся „отъ міра и всего яже въ мірѣ“, и взявшей на себя „благіи яремъ“ подвижнической жизни. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось отлучаться изъ обители, онъ „поручаше тому (Никону) братію еже тѣхъ съблюдати духовными словесы, повелѣваше пакы великому Никону, яко и изъ книгъ почитающе, поученіе творяше братіи“³⁾.

Мы не будемъ утверждать, что всѣ поученія пр. Феодосія были имъ написаны и заранѣе приготовлены, однако существованіе подобныхъ поученій легко можемъ доказать ссылкой на нѣкоторыя выраженія изъ его же поученій. Такъ въ одномъ изъ нихъ⁴⁾ говоритъ пр. Феодосій: „и се нынѣ не на укорѣніе написахъ вамъ“; и въ другомъ (spuria)⁵⁾: „тѣмъ убо азъ нынѣ дрѣзнухъ писати вамъ“...

Эти выраженія особенно важны, какъ несомнѣнно доказывающія нашу мысль (къ сожалѣнію первое выраженіе въ изданіи сочиненій пр. Феодосія митр. Макаріемъ было пропущено). Составляя письменныя поученія и посланія, нашъ проповѣдникъ и здѣсь оставался вѣренъ своему идеалу Феодору Студійскому; этотъ послѣдній, отлучаясь изъ обители на короткое, или на болѣе или менѣе продолжительное время, не оставлялъ своей паствы безъ проповѣди, и поручалъ кому либо изъ старшихъ читать уже составленныя поученія, и, такимъ образомъ, находился въ непрерывномъ духовномъ общеніи съ братією, какъ и нашъ пр. Феодосій.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній мы имѣемъ основаніе предположить, что извѣстныя до настоящаго времени поуче-

¹⁾ Op. cit.

²⁾ Ibidem. см. прим. 2. стр. 2.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ См. приложенія I, поуч. V начало: „Слышимъ убо Господа, пророкомъ глаголюща“...

⁵⁾ См. прил. I, поуч. II; онъ же, Рум. Сб. № 406, л. 101 об.

нія и посланія далеко не исчерпываютъ всего, написаннаго пр. Феодосіемъ и извѣстнаго въ свое время; а въ житіи Авраамія Смоленскаго есть очень важное указаніе на существованіе въ то время (XII—XIII вв.) поученій пр. Феодосія: „изъ всѣхъ любя часто почитати ученія преподобнаго Ефрема великаго вселеннаго учителя и Иоанна Златоустаго и Феодосія Печерскаго“¹⁾. Нельзя сомнѣваться, что подъ „ученіями“ составитель житія имѣетъ въ виду „поученія“ пр. Феодосія; а тотъ фактъ, что эти послѣдніе стоятъ въ ряду съ поученіями великихъ проповѣдниковъ Востока и Византіи, говоритъ объ ихъ достоинствахъ, и, быть можетъ, популяриности.

Является вопросъ, почему же отъ этихъ поученій осталось только небольшое количество ихъ, которыя встрѣчаются очень рѣдко, сравнительно съ произведеніями другихъ писателей, иногда въ отрывкахъ, въ испорченныхъ редакціяхъ, такъ что изслѣдователю иногда бываетъ невозможно возстановить первоначальный текстъ?

Отвѣтъ на это дастъ намъ сама исторія южной Руси. Въ стихіи, говоритъ съ грустью незабвенный Н. Срезневскій, истребляли памятники нашей письменности: они сгорали во время пожаровъ, топили въ водѣ, гнили въ подвалахъ. Чѣго не успѣвали сдѣлать стихіи — довершила варварская рука человѣка²⁾.

Проходили вѣка, въ теченіе которыхъ юго-западная Русь вмѣстѣ съ Кіевомъ подвергалась нашествію дикихъ ордъ, страдала отъ междоусобиць, пожаровъ и разореній. Не только отдѣльныя зданія, храмы, но и цѣлые села и города погибли въ этомъ потокѣ разрушенія; память народная не удержала ни числа ихъ, ни названія; но она свято хранила имена дорогихъ ей лицъ, и среди этихъ именъ мы встрѣчаемъ и имя нашего пр. Феодосія Печерскаго. Слава Печерскаго монастыря широкою волною разлилась по всей Руси великой, неся съ собою имена великихъ подвижниковъ Антонія и Феодосія, и привлекая тысячи паломниковъ для поклоненія святымъ мѣстамъ и подвижникамъ. Но имя Феодосія, какъ подвижника,

¹⁾ Авраамій Смоленскій жилъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Житіе его написано его ученикомъ Ефремомъ; находится въ Рукон. Рум. муз. № 161; Сборн. Новг. Соф. библ. № 322. Напечатано въ Прав. Соб. 1858 г., ч. III, стр. 136; отсюда приведена цитата.

²⁾ Съ особенною грустью приходится смотрѣть на обрѣзки древнихъ пергаменныхъ листовъ, зачастую испаяющихся въ старыхъ переплетахъ. Глядя на эти разрѣзанные листы съ находящимися на нихъ письменами, невольно назовешь человѣка, совершившаго это, варваромъ, вандаломъ. А сколько такихъ доскутовъ, обрѣзковъ хотя бы въ Виленской Публ. б-кѣ, извлеченныхъ изъ переплетовъ латинскихъ книжекъ. См. у Добрянскаго: Описаніе, стр. XII

своею славою затмило его какъ писателя, и какъ таковой, онъ сталъ намъ извѣстенъ сравнительно недавно.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда русская мысль какъ бы пробудилась и обратилась отъ такъ долго гипнотизировавшаго ее запада къ своему родному, когда умы изслѣдователей направились къ изученію русской самобытности ¹⁾, сталъ мало по малу проливаться свѣтъ на прошлую исторію родной земли, наступила свѣтлая эпоха на Руси!

Въ это время, въ числѣ многихъ трудовъ и изслѣдованій появляется книга митрополита Евгенія „Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви“ гдѣ впервые упоминается о пр. Феодосіи, какъ писателѣ.

Митр. Евгеній, говоря о житіи пр. Феодосія, написанномъ пр. Несторомъ, сообщаетъ, что тамъ же находятся „многіе его поучительныя слова братіи. А одно его поученіе пространнѣе находится въ I-й части русскаго Временника, изданнаго въ Москвѣ 1820 г.“ ²⁾.

Здѣсь имѣется въ виду слово „о постѣ“, помѣщенное въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, и напечатанное во Временникѣ.

Объ этихъ же отрывкахъ говоритъ проф. Максимовичъ ³⁾, какъ о поученіяхъ пр. Феодосія братіи, такъ какъ другія были еще неизвѣстны; о нихъ же упоминаетъ акад. Шевыревъ ⁴⁾, называя два изъ нихъ: первое „о покаяніи“ и другое „противъ стяжанія“. Преев. Макарій ⁵⁾ опредѣляетъ количество этихъ поученій (4), считая эти отрывки полными; изъ нихъ три находятся въ житіи, а одно въ лѣтописи.

Въ другомъ мѣстѣ мы коснемся вопроса о томъ, могутъ ли эти отрывки считаться полными поученіями пр. Феодосія; тамъ же мы будемъ имѣть дѣло съ мнѣніемъ преев. Антонія Вадковскаго, не признающаго ихъ полными, а только выражающими мысли, быть можетъ, свойственныя нашему проповѣднику, но облеченныя въ форму біографомъ или лѣтописцемъ

¹⁾ Періодъ 1830—40 гг.: Труды Археографической экспедиціи и комиссіи; отдѣльных лицъ: Кавелина, Соловьева, Сахарова, Снѣгирева, Даля. Славнофильское движеніе и его представители.

²⁾ Митр. Евг. „Словарь...“ т. II, 283 и 284 стр. СПб. 1827 г., изд. II (первое же изданіе 1818 г.).

³⁾ Максимовичъ. Лекціи по Исторіи Древне-русской словесности, кн. I, 1839 г.

⁴⁾ С. Шевыревъ. Исторія Русской словесности. СПб. 1887, ч. II, стр. 36, изд. II.

⁵⁾ Пр. Макарій. Исторія Русской Церкви, т. II, стр. 118 по II изд. 1868 г.

Такъ или иначе, но все же эти отрывки не представляют поученій въ такомъ видѣ, въ какомъ они предлагались вниманію слушателей: первымъ же такимъ поученіемъ является открытое въ древне-словенскихъ прологахъ тѣмъ же митрополитомъ Евгеніемъ слово пр. Θεодосія „о казнѣхъ Божіихъ“¹⁾; однако въ этой редакціи слово это до насъ не дошло, такъ какъ въ сохранившихся до нашихъ дней прологахъ его мы не встрѣчаемъ; становится же оно намъ извѣстнымъ по Торжественнику XV вѣка Румянцевскаго музея подь № 435²⁾; тамъ, на листѣ 340 оно озаглавлено такъ: „*мѣца маіа въ г поучение блжнато Θεодосія шюмена печерскаго о казняхъ божіихъ. Нач. наводитъ бгъ по тѣвоу своему казнь каку либо или поанья*“

Честъ открытія этого поученія принадлежитъ великому ученому археографу А. Востокову; имъ же открыто еще пять поученій братіи, подписаннымъ именемъ пр. Θεодосія въ сборникѣ Румянцевскаго музея XV в., помѣщенномъ въ описаніи подь № 406³⁾. Съ предположеніемъ почтеннаго ученаго о принадлежности этихъ поученій Θεодосію Печерскому согласились всѣ изслѣдователи этого вопроса. На этихъ открытіяхъ ученые не остановились: уже академикъ (т Шевыревъ⁴⁾ къ числу извѣстныхъ до него поученій присоединяетъ еще два: 1) „Слово писано святымъ Θεодосіемъ мнихомъ“⁵⁾ (о тропарныхъ чашахъ) и 2) „Слово о іанствѣ всякому христіанину“⁶⁾. Это послѣднее слово, не подписанное именемъ нашего проповѣдника, анонимное, уважаемый профессоръ приписываетъ пр.

¹⁾ Op. cit., стр. 284.

²⁾ Ал. Востоковъ. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянц. муз. СПб. 1842 г., стр. 681.

³⁾ Ibidem. Сборникъ № 406: л. 103, 104, 105 и д. до л. 114.

„Эти пять поученій надписаны именемъ Θεодосія. „Но какого?“ спрашиваетъ А. Востоковъ, и далѣе предполагаетъ подь этимъ именемъ Θεод. Печерскаго.

Поздѣйшіе ученые согласились съ этимъ предположеніемъ.

Тексты ихъ, тщательно исправленные по двумъ редакціямъ Румянцевскаго Сборн. № 406 и Сб. Кіево-Печ. лавры № 47 см. въ 1 приложеніи.

⁴⁾ Op. cit., ч. II, стр. 46.

⁵⁾ Имп. Публ. библ. изъ древнехранилища г. Погодина: „Матица Златая“ № 1024, л. 220 об.

По другимъ спискамъ: по Хартеиному Сборнику Новг. Соф. библ. XV в. № 518. л. 224 „поученіе святаго Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую ведѣлю поста... Списано Θεодосіемъ, худымъ мнихомъ“

По Измарадамъ; Соловецкой 6-ки № 270 и 272; Синодальной 6-ки № 236 и др. 6-ки Царскаго № 142 и др. „Слово святаго священномученика Панкратія“.

⁶⁾ Имп. Публ. 6-ки „Матица Златая“ № 1024, л. 223.

Θеодосію, какъ непосредственно слѣдующее за первымъ въ книгѣ „Матица Златая“ и по содержанію близко подходящее къ поученіямъ его. Однако преосв. Макарій не рѣшается согласиться съ мнѣніемъ акад. Шевырева и приписать это слово пр. Θеодосію, на томъ основаніи, что оно представляетъ „не смотря на свое названіе собственно посланіе духовнаго отца къ духовному сыну (нач.: благословеніе отца духовнаго къ сыновн. Всѣмъ сыну“... и далѣе, „не внялъ еси“¹⁾...

Впослѣдствіи г. Шевыревъ согласился съ этимъ мнѣніемъ²⁾. Такъ же неосновательно преосв. Филаретъ Гумилевскій приписываетъ Θеодосію печерскому „Слово нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ“³⁾. По справедливому замѣчанію пр. Макарія⁴⁾, на томъ основаніи, что въ рукописи, по которой оно издано у г. Буслава (Хрестоматія), оно помѣщено вслѣдъ за двумя посланіями пр. Θеодосія, а по своему содержанію приличествуетъ ему, какъ ревнителю по вѣрѣ—еще нельзя утверждать о принадлежности слова Θеодосію. Въ такомъ случаѣ „можно бы приписать Θеодосію и другимъ нашимъ писателямъ немало безыменныхъ сочиненій“⁵⁾.

Преосв. Макарій въ своемъ сочиненіи уже дѣлаетъ полный обзоръ сочиненій пр. Θеодосія; кромѣ уже перечисленнымъ нами тамъ находимъ поученіе къ келарю⁶⁾, и два посланія къ кн. Изяславу: 1) Вопросеніе Изяслава князя, сына Ярославля, внука Володиміра игумена Θеодосія Печерскаго монастыря“⁷⁾ (о соблюденіи поста въ среду и пятокъ) и 2) того же Θеодосія, къ тому же князю Изяславу „о латынѣхъ“⁸⁾. Къ этимъ поученіямъ и посланіямъ въ

¹⁾ Оп. cit., стр. 110, прим. 205 (по изд. III, ч. 89, т. II).

²⁾ Оп. cit., изд. III, ч. II, ст. 36 „соглашаюсь съ пр. Макаріемъ, что оно не можетъ быть отнесено къ Θеодосію.

³⁾ „Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ весьма древне по содержанію и по рукописямъ, по нѣкоторымъ спискамъ, написано въ ряду съ сочиненіями пр. Θеодосія.. Эта особенность, равно содержаніе слова и известная ревность пр. Θеодосія къ святой вѣрѣ даютъ вѣроятіе той мысли, что пр. Θеодосій писалъ это слово для монастырскихъ своихъ поселеній“ (Русскіе Святые. Май, стр. 59). (Издано слово въ IV т. дѣт. русск. лит. по двумъ редакціямъ XIV и XV вв.).

⁴⁾ Пр. Макарій. Оп. cit., т. II, стр. 132, прим. 229.

⁵⁾ Ibidem, eodemque loco.

⁶⁾ Новг. Соф. библ. „Зборница разная разныхъ св. отецъ“ XIV—XV в. по старому каталогу № 94; л. 121. Напеч. въ прилож. пр. Макарія. Оп. cit., т. II стр. 320.

⁷⁾ По Сборнику Новг. Соф. библ. XV—XVI в. № 522, л. 100, напечатанъ Уч. Зап. 2 от. Ак. Н., т. II.

⁸⁾ Ibidem. л. 102.; напеч. ibid.

обзоръ сочиненій присоединены двѣ молитвы, написанныя по словамъ Нестора, пр. Феодосіемъ: одна „Молитва святаго Феодосія печерскаго за вся христіаны“, находящаяся въ весьма древнемъ спискѣ хартеинои Псалтыри XIII в. (1296 г.), и другая (о которой мы упоминали раньше), написанная по просьбѣ Шимона Варяга. Что касается до молитвъ, помѣщенныхъ у Нестора въ житіи, то вопросъ о подлинности ихъ стоитъ въ связи съ тѣмъ же вопросомъ объ отрывкахъ поученій. О нихъ рѣчь будетъ ниже. Въ новѣйшее время въ наличномъ составѣ сочиненій пр. Феодосія произошли нѣкоторыя измѣненія: въ число ихъ включены, съ одной стороны, 2 новыхъ поученія изъ сборника Румянц. муз. № 406, помѣщенные на л. 99 об. и на 101 об., и написанныя именемъ Ф. Студійскаго ¹⁾, съ другой же стороны, научная критика заподозрила подлинность нѣкоторыхъ изъ поученій, раньше приписанныхъ пр. Феодосію.

Разсмотрѣніемъ этого послѣдняго вопроса мы займемся въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Въ предложенномъ краткомъ историческомъ очеркѣ намъ представляется весь наличный составъ сочиненій пр. Феодосія. Всѣ сочиненія мы можемъ раздѣлить на 4 группы: къ первой группѣ мы отнесемъ два поученія къ народу, — „О казнѣхъ Божіихъ“ ²⁾ и „О чашахъ тропарныхъ“ ³⁾; вторая группа, наиболѣе обширная, будетъ обнимать всѣ поученія братіи; сюда войдутъ пять поученій Румянцевскаго сборника № 406 ⁴⁾: 1) о терпѣніи и о любви; 2) о терпѣ-

¹⁾ Н. К. Н. (Никольскій). Памятники Древне-русской учительской литературы 1894 г., выш. 1, стр. 32.

Г. Георгіевскій. „Христіанство въ пониманіи русскихъ людей въ домонгольскій періодъ.“

²⁾ Торжественникъ Р. М. XV в. № 435. см. раньше.

³⁾ Златая Матица И. П. Б. № 1024, см. раньше; кромѣ того Харт. Сб. Новг. Соф. библ. XV в. № 578, л. 224. Ниже будетъ подробное указаніе сборниковъ и измаратовъ, гдѣ это слово встрѣчается.

⁴⁾ По Рум. Сб. № 406 озаглавлены такъ: 1) л. 103 „Въ среѣ г неѣ пос слѣ стго Феодѣса на уасѣ о терпѣніи и о любви“.

л. 105—2) Въ ует-г-пѣ стго Феодѣса слѣ о трпѣніи и о любви и о постѣ.

л. 108 об.—3) В ует-г-неѣ пѣ стго Феодѣса о трпѣніи и о смиреніи.

л. 111—4) В паѣ-г-неѣ пѣ стго Феодѣса о трпѣніи и о смиреніи.

л. 114 об.—5) В паѣ-г-неѣ пѣ слѣ на уасѣ стго Феодѣса о хожденіи къ цркви и о мѣтвѣ.

Они же найдены нами въ рукои. сборникѣ Лаврской Кіево-Печерской библ. № 47, XVIII в., см. прилож. I.

ніи, и о любви и о постѣ; 3) о терпѣніи и милостынѣ; 4) о терпѣніи и о смиреніи и 5) о хожденіи къ церкви и о молитвѣ. Здѣсь же будетъ рѣшенъ вопросъ о принадлежности пр. Θεодосію еще двухъ поученій къ инокамъ, находящихся въ томъ же сборникѣ вслѣдъ за указанными пятью поученіями. Въ эту же группу войдутъ три житійныхъ отрывка ¹⁾: 1) о подвигѣ, 2) о смиреніи и 3) о нестяжательности; одинъ изъ лѣтописи, „о постѣ“, и отдѣльное поученіе къ келарю.

Третья группа будетъ состоять изъ двухъ посланій къ князю Изяславу ²⁾: 1) „о латынѣхъ“ и 2) „о постѣ въ среду и пятокъ“.

Молитвы же Θεодосія составятъ отдѣльную, четвертую группу.

¹⁾ Названія отрывковъ по изд. Макарія.

²⁾ Ниже будутъ обозначены по возможности всѣ важнѣйшіе и болѣе древніе списки этихъ посланій, встрѣчающихся вообще довольно часто.

Поученія пр. Θεодосія къ народу.

Мы уже упомянули о томъ, что пр. Θεодосій, какъ это видно изъ его біографіи, иногда обращался къ народу съ поученіями. Каковы же были непосредственныя цѣли такихъ поученій? Вообще, проповѣдникъ въ первые вѣка христіанства на Руси считалъ своею священною обязанностию предлагать слушателямъ истины христіанскаго нравственно-догматическаго вѣроученія: поэтому и предметъ такихъ проповѣдей могли служить вопросы вѣры, нравственности и благочестія, изложенные въ формѣ, доступной пониманію темной народнои массы, которая преимущественно составляла контингентъ слушателей церковныхъ поученій. Говорить о томъ, насколько нуждалось тогда общество въ такого рода просвѣтительной дѣятельности нашихъ церковныхъ пастырей—единственныхъ просвѣтителей народа,—мы считаемъ лишнимъ.

Полувѣковое существованіе христіанства, при всей своей нравственной силѣ и чистотѣ, не могло уничтожить слѣдовъ многовѣкового язычества, на смѣну котораго оно явилось; высокіе нравственные идеалы христіанства, не одинаково для всѣхъ доступные пониманію, невольно укладывались рядомъ съ остатками, иногда поэтическаго, но часто безнравственнаго (съ точки зрѣнія христіанской этики) язычества. Результатомъ такого сліянія двухъ противорѣчащихъ началъ явилось особое міровоззрѣніе, которому издревле присвоено названіе „двоевѣріе“. Противъ него-то направлена была дѣятельность нашихъ проповѣдниковъ въ первые вѣка христіанства на Руси.

Общая же картина состоянія вѣры и нравственности сама указывала тѣ стороны, на которыя долженъ былъ обращать вниманіе проповѣдникъ. Среди русскихъ людей того времени еще слишкомъ

сильны были языческія преданія, и суевѣрія. Нѣкоторые собирались, по старинному, у рѣкъ, болотъ, колодцевъ, и тамъ совершали моленія, приносили жертвы идоламъ: другіе предавались чародѣніямъ и волхвованіямъ... Язычество проникало во все народныя игры и увеселенія, перешедшія отъ предковъ, и часто случалось, что во дни праздниковъ церкви христіанскія оставались пусты, а на игрищахъ толпились народъ, раздавались русальныя пѣсни, гусли, сопели, происходили пляски, скоморошество, кулачныя бои.

„Язычество оставалось сильнымъ и въ домашнемъ быту; многіе изъ простаго народа, какъ велось изстари на Руси, похищали себѣ женъ, и вступали съ ними въ бракъ безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, довольствуясь только языческимъ обрядомъ плесканія... Но главными пороками и недостатками того времени можно назвать пьянство, противъ котораго съ такою силою вооружались наши пастыри, и княжескія междоусобія, происходившія почти непрерывно“ (Макарій Ор. Сит. т. II, стр. 282).

Обращаясь къ памятникамъ древне-русской церковно-учительной литературы, мы воочію убѣдимся, что, дѣйствительно, такого рода явленія общественной жизни, рѣзко противорѣчація христіанскому понятію о вѣрѣ и нравственности, были главными пунктами, противъ которыхъ вооружались наши ревнители православія ¹⁾.

Въ древнихъ церковныхъ уставахъ, правилахъ и грамотахъ мы встрѣчаемъ предписанія касательно такого рода явленій: такъ въ церковномъ правилѣ митр. Іоанна къ Іакову Черноризцу, представлявшемъ какъ бы руководство по церковнымъ дѣламъ на всякій случай, мы встрѣчаемъ предписанія относительно вопросовъ вѣры и остатковъ язычества ²⁾.

¹⁾ См. Памятники Др.-рус. п. уч. лит., вып. III, 1897 г. „Поученія противъ язычества и вародныхъ суевѣрій“. Статьи проф. П. В. Владимірова; а также поученія: „Новгородскаго Арх. Луки—Іоанна (XII в.); поученіе „Се же изложено отъ многословныхъ книгъ нѣкимъ христіюбъцемъ.. на раздроушеніе зсти неурязненъ“ (стр. 227) и мн. др.

²⁾ Церковн. Прав. митр. Іоанна къ Іакову Черноризцу“ (по изданію м. Макарія, т. II, прил. 12), правила 7 и 31.

VI) *Иже волхвованія и чародѣнія творяща, иже мужу и женѣ, словесе наказаніемъ показати, и обратити отъ злыхъ якоже отъ зла непреложни будутъ яро казнити на возбраненіе злу, но не до смерти убивати, ни обрзати сихъ телесе не бо приимае церковное наказаніе ученія.*

Прав. 31) *„Якоже рекль еси иже не бываетъ на простыхъ людехъ благословенія и вѣнчанія, но бояромъ токмо и княземъ вѣнчатис, но простымъже людемъ аки меншици поимаютъ жены своя сплясаніемъ и гуденіемъ и плесканіемъ... Иже се тако поимаютъ, якоже блуднымъ опитемія дають.*

Въ компетенцію церковныхъ судовъ входятъ наказанія за „умычку.. потворы, чародѣянія, волхвованія. вѣдство. зелѣнничество, зубоѣжу; или кто молится подъ овиномъ, или въ рощени, или у воды ¹⁾).

Вотъ такого рода общіе вопросы вѣры составляли предметъ заботъ правителей, іерарховъ и пастырей церкви. Кромѣ того, поученія „о казняхъ Божіихъ“, оригинальныя и переводныя, проходятъ почти черезъ всю древне-русскую литературу; такого рода поученія составляли любимѣйшій предметъ нашей древней проповѣди; происхождение свое они ведутъ изъ Греціи, со времени Василія Великаго. Уже у него мы встрѣчаемъ поученія о казняхъ Божіихъ за грѣхи людей; затѣмъ они появляются на востокѣ, у Феодора Студійскаго и у другихъ. При посредствѣ Болгарь они проникають въ нашу духовную литературу, и, какъ сказано выше, проходятъ почти черезъ всю древне-русскую литературу: такъ, даже въ первой половинѣ XV в. мы встрѣчаемъ поученіе о казняхъ Божіихъ у митрополита Фотія, у котораго это была одна изъ любимыхъ темъ.

Такого же характера поученіе къ народу, приписываемое пр. Феодосію, озаглавленное въ единственномъ, до насъ дошедшемъ спискѣ Торжественника XV вѣка, Рум. муз. „м-ца маіа въ г поученіе бл-жнаго Феодосія игумена печерскаго о казняхъ б-жіихъ“. Въ общемъ обзорѣ мы упомянули о времени его открытія; теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о принадлежности его пр. Феодосію, — вопросъ, существующій со времени открытія самого поученія.

Тотъ же ученый, кому принадлежитъ честь самаго открытія этого поученія, уже выразилъ нѣкоторое сомнѣніе въ принадлежности этого поученія пр. Феодосію на томъ основаніи, что первая часть его очень близко подходитъ къ разсужденію лѣтописца о казняхъ Божіихъ, находящемуся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи ²⁾; возможность и причину такого совпаденія онъ предполагалъ въ томъ, что, „быть можетъ, самъ Несторъ передаетъ намъ въ сихъ мѣстахъ своей лѣтописи слова благочестиваго наставника, вперившіяся въ его памяти“ ³⁾. Это сомнѣніе, высказанное въ такой

¹⁾ Грамота новг. князя Всеволода новгородскому владыкѣ или Софійскому собору (по изд. м. Макарія. *Op. cit.*, т. I, стр. 14), данная около 1135 г.

²⁾ В. А. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса, 1893 г.

³⁾ *Op. cit.*, стр. 688; въ лѣтописи же по изданію Археографической Комиссіи 1846 г. СПБ., на стр. 72-73 по Лавр. Списку.

⁴⁾ *Op. cit.* 688.

слабой формѣ, явилось толчкомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ; по слѣдамъ Востокова въ рѣшеніи вопроса объ этомъ поученіи пошелъ И. И. Срезневскій, и въ статьѣ „Источникъ поученія, внесеннаго въ повѣсть временныхъ лѣтъ и приписаннаго пр. Θεодосію Печерскому“¹⁾ называетъ таковымъ Симеоновскій Златоструй, гдѣ помѣщено „Слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ“; въ той же статьѣ онъ рѣшаетъ вопросъ, гдѣ искать древнѣйшій видъ нашего поученія — въ лѣтописи, или въ Торжественникѣ; придя къ убѣжденію, что въ лѣтописи поученіе сохранилось въ болѣе древнемъ видѣ, изслѣдователь, однако, воздерживается отъ категорическаго заключенія, считая, что добытыхъ имъ данныхъ недостаточно для того, чтобы выбросить это поученіе изъ произведеній нашего древняго учителя²⁾.

Идя въ томъ же направленіи, пр. Антоній Вадковскій пошелъ еще дальше; онъ въ своей статьѣ „Такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому“³⁾, на основаніи доказаннаго И. И. Срезневскимъ положенія о болѣе древнемъ видѣ лѣтописнаго отрывка, категорически заключаетъ, что поученіе Торжественника приписано пр. Θεодосію невѣрно. Дѣлая такой выводъ, почтенный изслѣдователь сообщаетъ еще нѣкоторыя новыя данныя, „могущія способствовать къ окончательному уясненію вопроса о происхожденіи поученія о „казняхъ Божіихъ“. Эти новыя данныя заключаются въ найденной имъ третьей русской редакціи этого поученія, находящейся въ концѣ бесѣды Митр. Фотія въ недѣлю мясопустную⁴⁾. Сравнивая эту новую редакцію съ лѣтописною онъ находитъ почти полное сходство не только мысли, но и словъ, и выраженій.

Не допуская мысли, чтобы гордый (?) грекъ, плохо владѣвшій славянскимъ языкомъ, и воспитанный на твореніяхъ своихъ великихъ греческихъ учителей, могъ для своей проповѣди заимствовать изъ славянскаго источника, пр. Ан. Вадковскій полагаетъ, что нужно искать еще первоисточникъ, несомнѣнно греческій, откуда заимствовали и славянскій переводъ Златоструя, и лѣтописецъ, и Фотій. Разницу сравниваемыхъ имъ двухъ редакцій онъ объясняетъ неодинаковымъ развитіемъ и знаніемъ языковъ у переводчиковъ.

Смѣлая заключенія пр. Ан. Вадковскаго не всегда достаточно обоснованы; въ своемъ мѣстѣ мы подробно остановимся на ихъ раз-

¹⁾ Свѣд. и замѣтки о малоизв. и неизв. пам. № 29 (Прилож. къ IX тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ № 6. СПб. 1866).

²⁾ *Op. cit.*, 43.

³⁾ Прав. Соб. 1876 г. Окт.—Ноябрь.

⁴⁾ Напечатано въ Прав. Соб. 1860 г., т. 3, стр. 109—112.

борѣ, теперь же посмотримъ. какъ отнеслись ученые изслѣдователи къ этому вопросу.

Къ мнѣнію А. Вадковскаго примкнулъ В. Яковлевъ ¹⁾ и др., но съ другой стороны, противъ такого мнѣнія выступилъ нашъ археографъ Н. И. Петровъ со статьею „Источники поученія преп. Ѳеодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ“ ²⁾, гдѣ очень обстоятельно, и глубоко-научно указаны источники поученія въ цѣломъ его объемѣ, а не въ одной только первой его части; онъ не соглашается съ мнѣніемъ А. Вадковскаго, замѣчая, что главные его доводы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ принадлежность поученія о Казняхъ Божіихъ пр. Ѳеодосію, не имѣютъ для него значенія.

Такимъ образомъ, мы очутились среди двухъ, прямо противоположныхъ мнѣній, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои основанія и свои авторитеты; непосредственная задача нашего изслѣдованія—принти къ болѣе или менѣе опредѣленному рѣшенію этого вопроса на основаніи извѣстныхъ намъ и новыхъ соображеній и разсужденій.

Итакъ, наши изслѣдователи исторіи русской литературы и церкви въ общемъ ея объемѣ, или по отдѣльнымъ ея вопросамъ, относительно поученія о Казняхъ Божіихъ раздѣлились на два лагеря; къ одному, защищающему принадлежность поученія пр. Ѳеодосію, принадлежатъ: митр. Макарій, пр. Филаретъ, гг. Голубинскій, Сухомлиновъ, Петровъ и др.; къ другому, отрицающему авторство пр. Ѳеодосія—Н. Срезневскій, А. Вадковскій, В. Яковлевъ и др.; къ этимъ послѣднимъ можно причислить имена многихъ ученыхъ, сомнѣвающихся, но не высказывающихъ опредѣленно ни pro, ни contra, какъ Пыпинъ и др.

Не желая сразу становиться на ту или иную сторону, мы сначала предложимъ изслѣдованіе самого поученія, и затѣмъ постараемся высказать свое убѣжденіе, вытекающее изъ предложенныхъ ниже соображеній.

Поученіе о Казняхъ Божіихъ, въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Торжественникѣ, легко можетъ быть раздѣлено на три части; первая часть заключаетъ въ себѣ общую мысль о казняхъ Божіихъ, объ ихъ причинахъ и ихъ проявленіяхъ; во второй части говорится о суетвѣріяхъ, порокахъ и грѣхахъ древне-русскаго общества (о которыхъ мы говорили раньше), и въ третьей части обли-

¹⁾ В. Яковлевъ. Къ лит. истор. древне-русскихъ сборникѣ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса, 1893 г., стр. 15.

²⁾ Труды Кіевской Духовной Академіи за 1887 г., т II.—„Археологическія замѣтки“ Н. И. Петрова.

чается съ особенною силою пьянство и порокъ, равно присущіи не только русскимъ, но и грекамъ, римлянамъ и другимъ народностямъ.

Начало первой части заключаетъ въ себѣ какъ бы приступъ, въ которомъ выражена общая мысль о діаволѣ, какъ врагѣ рода человѣческаго „который радуется всему злему, творимому въ человѣцѣхъ“, и побуждаетъ ихъ къ убійствамъ, ссорамъ, зависти, клеветѣ, однимъ словомъ—ко грѣху. Эта библейская мысль о діаволѣ, какъ о причинѣ грѣха, и несконномъ врагѣ людей, присуща не только міру христіанскому, но, въ той или иной формѣ, она обща всему человѣчеству.

Въ данномъ случаѣ, въ устахъ христіанскаго проповѣдника, мысль эта источникомъ своимъ имѣетъ Библию, гдѣ она выражена кратко ¹⁾; въ поученіи же она нѣсколько распространена. Далѣе, начиная со словъ: „Странѣ убо съгрѣшивши“ и до словъ „Се бо не погански ли творимъ“ идетъ, какъ мы уже сказали, общее сужденіе о казняхъ Божіихъ, причиною которыхъ являются сами люди.

Если Богъ и наказываетъ людей за грѣхи, посылая на нихъ голодъ, бездождіе, враговъ, то, по своему милосердію, онъ и прощаетъ раскаявшихся, и посылаетъ имъ всѣ блага земныя, а въ жизни будущей—вѣчное блаженство. Однако люди, „какъ свиньи“, постоянно находятся въ грѣховной мерзости и обращаютъ на себя гнѣвъ Божій, который проявляется въ различныхъ формахъ. Эта мысль составляетъ содержаніе всей части поученія; въ подтвержденіе истинности ея приводятся библейскіе тексты, выражающіе ту же мысль, въ особенности изъ пророчествъ Исаіи, Амоса, Малахіи, Іоіля и притчъ Соломона. Тексты эти составляютъ большую часть этого отрывка, и приводятся не дословно, а съ большими, или меньшими измѣненіями (что видно будетъ ниже въ приложенной сравнительной таблицѣ текстовъ).

Источникомъ этой части поученія, по мнѣнію Н. И. Срезневскаго, является древній „Златоструй“ Симеона, царя болгарскаго ²⁾. Въ немъ находится „Слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ“, по объему и содержанію значительно больше нашего отрывка. Изъ сопоставленія двухъ редакцій—лѣтописной и сборника, Н. Срезневскій пришелъ къ выводу о болѣе древней лѣтописной редакціи ³⁾; мы же позволимъ себѣ представить параллельно для сравненія три редакціи: Златоструя, Торжественника и Лѣтописи, и посмотримъ, что мы можемъ вывести изъ этого сопоставленія.

¹⁾ Библия. Книга бытія, глава III, стихъ 1—6.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 42.

³⁾ *Ibidem*.

„Слово о ведрѣ и о казняхъ бжїахъ“.

(И. И. Срезневскаго „Свѣд. и зам.“. По списку Златоструя XII в. съ дополненїями по списку 1474 г.).

[Братне таготу грѣховнїю отрасуще ѿ себе въспраньмъ ако отъ сна тажка. отъ безаконїи и ѿ съблазнѣ нашнхъ. въ ннхъ же погразнѣше не можемъ възникнѣти ни възрѣти на высоту неспїю. нѣ въ безаконннхъ нашнхъ хошемъ вса дьни своа жнвѣще нскончати. нсѣконьуваемъ а лъностнїю грѣховнїю и ласкѣрдїемъ (ласкосрдствомъ) омрлннѣше срдїца скоа не помышляюще] казни бжїа аже на ны по вса дни приходати за грѣхы наша. ведрѣмъ (и) грдомъ (и) сланю. (и) глѣдѣмъ морѣмъ болезннн. ратьмн (-оньмн) напастьмн. [тѣмн ко кажа (казна) обрѣцаетъ ны къ себѣ бѣ и казни на ны посылаетъ врьменьна. разумѣти намъ вела и тѣмн ны вела вѣуьна мѣкн гонезнѣти] аще расклавѣшеса въспати пакы възвратнмса на правдѣное жнтне въ немъ же ны бѣ всьгда велати жнтн. глѣть ко самъ пркѣмъ намъ. обра-

„Мїа мїа къ г поученїе блжнago Θεодосїа нгумена пегерскаго о казняхъ бжїа“.

(Горжествен. Рум. Муз. № 435 т. 340—344; издано пр. Макаріемъ въ прил. II отд. Им. Ак. Н. т. II).

[Наводитъ богу по гнѣву своему казни како либо или поганья зане не встанемся къ богу; а усобная рать бываетъ отъ соблазнѣния дїаволя и отъ злыхъ челоуькѣ. богу бо не хоцетъ зла челоуькомъ но блага, а дїаволь радуется всему злomu творимому въ челоуьннхъ исконн бо той естъ врагъ намъ. хоцетъ убннства и кровопролнтья, подвизаа свары и убннства и завнстн и братоненавндѣнїя и наклеветы] стнннъ убо согрѣшнвшей коей либо казнитъ богу смертнїю или глaдомъ или наведеннемъ поганыхъ или бeлoждїемъ и ннѣмъ различннми казннми аще лн покавшеса будемъ внемже ны богу велнть бытн. глаголетъ бо намъ пророкомъ. обратнтесь ко мнѣ всѣмъ срднцемъ вашнмъ постомъ и плачемъ [во всемъ волю божїю творяще] да аще быхомъ зановндѣхъ божїихъ пребылн. то и сдѣяюще прїнмемъ благаа зем-

Лѣтописный отрывокъ по Лаврентьевскому списку.

(Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Сиб. 1846. стр. 72—73).

Наводитъ бо Богу по гнѣву своему иноплеменикы на землю, и тако скрушеннмъ нмъ въспомнянутся къ Богу: усобная же рать бываесть отъ соблазнѣнїа дѣволя. Богу бо не хоцетъ зла челоуькомъ. но блага; а дѣволь радуется злomu убннству и кровопролнтью, подвизаа свары и завнстн, братоненавндѣнїе, клеветы. Землн же согрѣшнвшей которѣй либо, казнитъ Богу смертнїю, лн глaдомъ лн наведеннемъ поганыхъ. лн ведромъ, лн гусеннцею, лн ннѣмн казннми. аще лн покавшеса будемъ въ немъ же ны Богу велнть жнтн. Глаголетъ бо пророкомъ намъ: обратнтесь ко мнѣ всѣмъ срднцемъ вашнмъ постомъ и плачемъ. Да аще снще створнмъ, всѣхъ грѣхъ прощенн будемъ: но мы на злое возвращаемся, акн свннѣя въ катѣ грѣховнѣмъ прнсно валяющеса, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко

Примѣчаніе: Скобки въ 1-мъ столбцѣ мы выдѣлили тѣ части „Слова“, которыя вошли въ составъ „Поученїа“

Скобки же во 2-мъ столбцѣ мы отмѣтили лишнее „Поученїа“ по сравненїю съ „Словомъ“.

ТНТЕСА КЪ МНѢ ВСѢМЪ
СРДЦѢМЪ ВЛШНМЪ ПОСТѢМЪ
И ПЛАЧѢМЪ. И ВЪПЛАЧѢМЪ (РЫ-
ДАННЕМЪ): (ДА) СНА БУДЕТЬ
(УТЬ) ВЪ НАСЪ, ТО НАДЕЖЮ
ИМѢМЪ ВСѢХЪ ГРѢХЪ ПРО-
ЩЕНИ БЫВШЕ И ОРАДУ ПРИ-
АТИ [НЪ НЕ ВИДИМЪ ВАСЪ
ЦЕРКВН (Ъ) СЪБНРАЮЩЕСА..
ИИ ВЪЗВРАЩАЮЩААСА НИКО-
ГОЖЕ О ЗЛОБЪ СВОИХЪ] НЪ
АКЫ СВИННА ВЪ КЛАДЪ ГРѢ-
ХОВНЪ (МЪ) ПРИСНО (КА) КА-
ЛАЮЩЕСА И (-АН) АКЫ (АКО И)
ПЕСИ НА СВОА БЛЮВОННЫ
ВЪЗВРАЩАЮЩЕСА (ЦЫШЕСА).
ТАКО ПРѢБЫВАЕТЪ ТѢМЪ ЖЕ
[НЕ ТЕРПА ЗЛОБЪ НАШИХЪ (ВА-
ШНХЪ)] БѢ ПРОРОКЪМЪ ИМѢ
ГЛѢТЬ. РАЗУМѢХЪ РЕЧЕ АКО
ЖЕСТОКЪ ЕСИ. И ШНА ЖЕЛѢЗНА
ВЫ ТВОА. ТОГО РАДИ УДѢР-
ЖИХЪ О ВАСЪ ДѢЖДЪ ДѢЛЪ
(ПРЕДѢЛЪ) ЖЕ ЕДИНЪ ОДѢЖ-
ДИХЪ И (А) ДРУГАГО НЕ ОДѢЖ-
ДИХЪ И ИСЪШЕ. ПОРОЗИХЪ ВЫ
ЗНОЕМЪ. И РАЗЛУЧНЫМИ АЗА-
МИ (НЕДУГЫ) ТО И ТАКО НЕ
ОБРАТИТЕСА КЪ МНѢ. [ПО-
РЕКОСТЕ СТВОРИМЪ (СЪТВО)
ЗЪЛАА ДА ПРИДУТЬ НА НЫ ДОБ-
РА (БЛАГА) ПОЖРѢМЪ СТУ-
ДЕНЬЦЕМЪ И РѢКАМЪ. И СЪ-
ТЪМЪ. ДА УЛУЧИМЪ ПРЕЩЕННА
СВОА (НАША)] СЕГО РАДИ ВИ-
НОГРАДЫ ВАША. И СМОКВЕН
ВАША И НИВЫ И ДУБРАКЫ
И СЪТРОХЪ ГЛѢТЬ ГѢ. А ЗЛОБЪ

*наа. и по ошествиіи сего
свѣта жизнь виную. но
мы присно акы свиния въ
кладъ грѣховнѣмъ валяясь
грѣхи къ грѣхамъ прила-
гающе во всѣмъ инѣвѣще бѣ
злое предъ очима его тво-
ряще по вся дни. того ради
пророкомъ глаголетъ кнамъ.
разумѣхъ рече яко жесто-
ции каменосердии ленивии
есте творити волю. тою
ради удержалъ отъ васъ
дождь и предѣлъ единъ одо-
дилъ, а другаго не одождилъ.
и исше земля нивъ вашихъ
и поразихъ вы различными
казньми. то и тако не об-
ратистесь ко мнѣ. сего ра-
ди винограды ваша и древа
всякаа носящаа плодъ и ни-
вы и все истрѣхъ глаголетъ
господь и злобъ вашихъ не
могу истерти но посылаю
на вы помалу различныя
напастн [нѣкли покаивше-
ся вѣстѣжестесь отъ злобъ
вашихъ] послахъ на вы смер-
ти тяжкия и на скотъ
вашъ [и отъяхъ отъ васъ
утѣху всяку ници вашей]
но и ту не обратистесь
ко мнѣ но рѣстє мужаем-
ся: еще доколѣ не насыти-
стесь злобъ вашихъ. вы убо
уклонившєся отъ путіи мо-
ихъ глаголетъ господь. [и
сами погибостє съ своїми
беззаконіи] и инѣ многи
съблзните. сего ради буду
свидѣтель скоро на против-*

жестокъ еси, и шія же-
лѣзная твоя, того ради
удержахъ отъ васъ дождь,
предѣлъ единъ одождилъ,
а другаго не одождилъ
исше, и поразихъ вы зно-
емъ и различными казнь-
ми: то и тако не обрати-
стесь ко мнѣ. Сего ради
винограды вашѣ, и смо-
ковѣе ваше, нивы и ду-
бравы ваша истрохъ, гла-
голетъ Господь, а злобъ
вашихъ не могохъ истер-
ти; послахъ на вы различ-
ныя болѣзни и смерти
тяжкия и на скоты казни
свою послахъ, но и ту не
обратистесь, но рѣстє: му-
жаемся. Доколѣ не на-
сытнестесь злобъ вашихъ?
Вы бо уклонистесь отъ
путн моего глаголетъ гос-
подь и соблзните многи:
сего ради буду свѣдѣтель
скоръ на противныя и
на прелюбодѣица и на кле-
нущаяся именемъ моимъ
во лжю, и на лишаящая
мзды наймника, насиль-
ствующая спроты и вло-
вицы и на укланяющая
судъ кривъ. Почто не
въздержаетесь въ грѣ-
сѣхъ вашихъ, но уклони-
стє законы моя и не сохра-
нистє ихъ. Обратистє ко
мнѣ и обрящєся къ вамъ,
глаголетъ господь, и азъ
отверзу вамъ хлѣбн не-
бесныя и отвращю отъ

вѣннхъ не могохъ истърти. послахъ на вы разлнхъны (а) болѣзнь. и смърти тажыи и на скотѣхъ казнь свою показхъ. то и (же) тако не обратитеса нъ рѣсте. мужамъса (-мыса) доколѣ не насытитеса зълость вѣннхъ [рѣкы бо вѣннхъ и ногы ослаблены сѣтъ къ церквѣмъ (ва) и къ добрымъ дѣломъ. и на игрицихъ и на трѣбкы. и на проирицихъ (зала) дѣла чыстрыны. чѣкы стоать зарастыне (-ро-) и игрицихъ чыстрыны (-но-) грѣховнымъ пласкымъ (-сы). да како ны хоцете, мнло-вѣннхъ бѣ въсовьскла чюдна творцихъ (шнмъ) нѣсть бо нѣсть на зълосты. ни на проказы (лестъ) створилъ бѣ. нъ на сновство себѣ (со-) поноса же нѣнемъ невѣрню (-рованню). самъ вѣдкѣ рече. аще есмь оѣвъ вамъ. то кѣде естъ слава моя (и чѣтъ). аще (ли) есмь бѣ вамъ (-шь) то кѣде естъ боязнь моя. Обаче не нрицанте си са на земли ни въ рѣкѣхъ ни въ истоуницѣхъ ни на дарѣ (ли-) азъ бо рѣкою моею чтверднхъ нево. азъ на водѣхъ основлахъ землю. азъ потоунхъ истоуникы и рѣкы на ницию чѣкомъ и скотомъ. азъ рѣкамъ моимъ създѣхъ

ныя и на прелюбодѣя и на кленущаяся и менемъ моимъ и лишаящая мзды наимнику. и насильствующая сиротъ судъ неправъ. пошто презрѣсте словеса моя и уклонистеса отъ закона моего и не схранисте оправданіи моихъ. обратитесь ко мнѣ глаголетъ господь и азъ обращаюся къ вамъ и отверзу члѣби небесныя и възвращу отъ васъ гнѣвъ мой дондеже во всемъ изобилуете. и дамъ всяко обилие вамъ и дола лѣта ваша створю. но вы присно неправды пребываете. Словеса глаголетъ жива, усты же читите мя глаголетъ господь, а сердце ваше далече отстоитъ отъ мене. тою ради и гже просите и не примете. и будетъ бо рече егда призовете мя и не послушаю васъ. възвращу отъ васъ гнѣвъ мой и не обрѣщутъ не во-схотѣша бо рече путемъ моимъ ходити да тою ради затворяетъ богъ небо и не пуцаетъ дождя. о воли злы отверзаетъ градъ пуцаа. и мразомъ плоды поубляя и землю зноемъ томя нашихъ ради беззаконіи. аще ли ся покаемъ отъ злы нашихъ. то акы чадомъ намъ подаетъ богъ вся блава. и одождитъ намъ дождь ранъ и позденъ и наполнятся гумна ваша пшеницы, и въздамъ вамъ

васъ гнѣвъ мой дондеже все обилуетъ вамъ; и не имутъ изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяи богу. гѣмже усты чутуть мя, а сердце ихъ далече отстоитъ мене. Сего ради ихже просимъ. не приемлемъ: будетъ бо рече. егда призовете мя. азъ же не послушаю васъ. Возвращите меня злы, и не обрѣщете. не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ. да того ради затворяетъ себо, ово ли злы отверзаетъ градъ, въ дождя мѣсто пуская, оvoli мразомъ плоды узнобляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злы. Аще ли ся покаемъ отъ злы нашихъ, то акы чадомъ своимъ даетъ намъ вся прошенія и одождитъ намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются то-чичла винная и масляная и въздамъ вамъ за лѣта. яже поаша пружы и хрустове и гусенция, сила моя великая, юже послахъ на вы. глаголетъ господь Вседержитель. Си слышаще, възстѣнемъ на добро, възвращите суда. изба-вите обидимаго; на покаяние придемъ, не възда-

у́лка (н) въса. (н) е́ще же
 скоты (звѣри) польскыя и
 птица нѣсныя. и рыбы морь-
 скыя. и пресмыкающаася
 по земан. законъ (же) мон-
 истинныиъ бѣ съ нимъ (дахъ
 ему). и жизни (ь) и миру
 (ъ) и дахъ ему боазнню бо-
 атнса мене (заповѣдахъ ему
 слѣшатн мене) и отъ лица
 имена моего боатнса ему),
 вы же уклоннстеса ѿ путн
 монхъ глѣтъ гѣ. и съблаз-
 ннсте многы. сего ради бѣду
 съвѣдетель (сви-) скоръ на
 протнвныя. и на прѣлюбо-
 дѣнца (-цѣ) и на кльнуща-
 аса нѣи (именемъ) монмъ
 въложно и на аншлюща (-а)
 шъзы нанмьника. и на на-
 сильствующаасиротѣ и вѣдо-
 вни и на укланяющаа судъ
 крнвъ (во) поуыто не съдѣр-
 заетеса (-дръзъ-) ѿ грѣхъ (о
 грѣсахъ) вашнхъ. но укло-
 ннсте (-са) (н) законы (-а)
 моа (его) и не съхраннсте
 ихъ. обратнстеса убо къ мѣ-
 не и (азъ) обрацюса къ
 вамъ глѣтъ гѣ. въседѣржи-
 тель. и (да) азъ ѿвѣрзу вамъ
 хлаби небесныя. и къзвра-
 цю ѿ васъ гнѣвъ мон донъ-
 деже и все уобнмъ вамъ
 (нзъобнлюю вамъ) не нмуть
 нзнемошн виноградн вашн
 на ннвы. нъ вы отажьуасте
 (-жасте) на ма (къ мнѣ) сло-

*за мѣта яже пружи и гру-
 стове сила моя великаа.
 юже послахъ на вы глаго-
 летъ господь вседержитель.
 Се слышите подвижемся на
 добро. възвщити судъ, изба-
 вите обидимаго и на по-
 каыние приидѣте. не въда-
 юще зла за зло ни клеветы
 за клевету. но любовию при-
 плетемся господевн, по-
 стомъ рыданіемъ и слезами
 омывающе прегрѣшениа на-
 ша, не словомъ нарицаю-
 щеся хрнстіане а погански
 живуще. [се бо не погански
 ли творимъ аще кто усря-
 щетъ черныа или черннню
 то възвращаются, ли сви-
 нню, ли конь лысъ. то се
 не погански ли есть. се бо
 по дьяволу наученю кобъ
 сію держать. друзн же за-
 чиханю вѣрують. юже бы-
 ваетъ на здравне главъ] но
 снми дѣаволь лстнтъ и дру-
 гнми нравы и всяческнми
 лстнми превабляемы отъ
 бога. възгованіемъ чародѣ-
 ннемъ блудомъ запоиствомъ
 рѣзоиманнемъ прикляты
 татѣбою и лжею завнстью,
 клеветою, зубамн, скоморо-
 хн, гусльмн саньамн и
 всякнми шрамн и дѣлесы
 неподобнымн. внднмъ бо и
 ннн злаа дѣла. вси дръзлнвы
 на нѣанство и на блудъ и
 на шры злыа и гъ же ннстъ
 азъ хрнстіаномъ тако тво-
 рнтн.*

юще зла за зло ни кле-
 веты за клевету, но лю-
 бовью прилѣпнмся Госпо-
 ди Бозѣ нашемъ, постомъ
 и рыданіемъ, слезамн омы-
 вающе вся прегрѣшениа,
 не словомъ нарицающеся
 Хрестыанн а поганьскы
 живуще. Се бо не поган-
 скн ли живемъ, аще устрѣ-
 чю вѣрующе? Аще бо кто
 усрящетъ чернорнзца, то
 възвращается. ли одн-
 нецъ, ли свннню, то не
 поганьскы ли се есть? Се
 бо по дьяволу наученю
 кобъ сію держать, друзн
 же и закыханю вѣрують,
 еже бываетъ на здравне
 главъ. Но снми дьяволь
 лстнтъ, и другнми нравы;
 всячьскнми, лстнми, пре-
 вабляя ны отъ бога, тру-
 бамн и скоморохы, гусль-
 мн и русальмн. Внднмъ
 бо нгрнща утолочены и
 людей много множество,
 яко упнхатн начнутъ другъ
 друга, позоры дѣюще отъ
 бѣса замышленаго дѣла,
 а церкви стоятъ; егда же
 бываетъ годъ молитвы, ма-
 ло ихъ обрѣтается въ
 церкви. Да сего ради казнн
 пріемлемъ отъ Бога вся-
 ческыя и нахоженье рат-
 ныхъ, но божью пове-
 лѣнню пріемлемъ казнъ
 грѣхъ ради нашнхъ“...

веса ваша гл҃юще с҃уетнѣ работай бѣ. тѣмъ же виждю (-ждѹ) ако ѹсты тоуноу (тѣкмо) приелжастеса къ мнѣ и ѹстымаа ѹтете ма. а ср҃дце ваше д҃леуе ѡстонт ѡ мене гл҃еть г҃ѣ. того ради нхѣ же просимъ не ѹл҃уземъ (не прїемлемъ) бѹдетъ бо реуе егда призовете ма. азъ же не посл҃шаю васъ. възнищюте мене зѣли и не обращ҃ють. не възсотеша бо ходити п҃темъ моимъ [но ѹклонншася въ слѣдъ с҃уетныхъ бж҃сѣ. и поклонншася тѣлрѣмъ р҃кѹ своею] да того ради зл҃твараетъса (-тво) нѣбо. околи зѣлѣ ѡвѣрзаетъса. градѣмъ въ дѣждѣ мѣсто п҃щѣа околи салноу палды (палъ-) ѹзнабала и земаю ведрѣмъ тома нлинихъ ради зѣлобѣ. нѣ (да) аще са предѣреуенныхъ (прежде) вѣсѣхъ зѣлобѣ ѡвѣржемъ (ѡвѣр-) то ако (и) ѹдомѣ своимъ подлетъ намъ вѣса прошенїа. и одѣждитъ на ны дѣждѣ ранѣ и позднѣ и напѣлантса г҃умьна пшенице (-ца) и прѣлѣютъса тоунаа виныма (винѣ) и сална (ола) и въздамъ вамъ реуе за акта аже поаша пр҃зѣн, и хр҃устоке сѣрне и ѹсѣнница (-ца) снаа бо моа великаа аже посѣлаахъ на вы гл҃еть вѣседержитель (-дрѣ-). Си слышаше [ѹда възлюбелнша наказанна гл҃ѹ г҃нѹ. останѣтса (-мса) ѡ злобѣ (злѣхъ дѣлѣ) влинихъ] навькнѣте с҃удѣ и избавнѣте обнѣднмаго. на покланнѣ ѹстрымитеса (потщнтеса) [протерѣте (пропе-) зарастѣшаа п҃ти къ цр҃квѣмъ бьстра теуенна створнѣ (-нѣте) на добро ногама кашнма] никомѹже въздающе зѣло за зѣло. ни клеветы за клеветѹ. но любовнѹ прилѣпнтеса г҃ѣ (г҃ѣ) бо зѣ влнѣмъ. постѣмъ и рыданнѣмъ (млѣтвѣмъ) салами ѡмывающе вѣса прѣгрѣшенна (своа) (и ѡ всего зла огрѣблѣющеса. блзѣмъ же прилѣплающеся. братолюбнѣмъ цѣвѣтѹше (цѣвѣ-) не тѣуноу посл҃шающе ѹенна. нѣ сѣтворяюще (твораше) повелѣнаа намъ] не словѣмъ нлрнѣающеся тѣкмо кр҃стѣани (хр҃стѣанѣ) а поганьски живѹше.

[никто же бо слышаннѣмъ оправѣдетса отъ кѣ. но творан прѣвѣдѹ приатъ бькаетъ кѣмъ и на того оун свон ѡвѣрзаетъ (признраетъ) и ѹши свон къ млѣтвѣ его прилѣлетъ (и млѣтвѣ его посл҃шаетъ) не вѣсакъ бо реуе гл҃ан мѣнѣ (ми) г҃нѣ г҃нѣ вѣнндетъ въ цр҃ство несное но творан волю оїа моего. Се же естѣ вола ѡца нѣснаго ѹнстота, въздѣржаннѣ ѡ вѣсего пощеннѣ млостыннѣ покланнѣ. аще и (азъ бо) слышию мнѣгы гл҃юща. то ѹто есмь створнаѣ ми да ми са поклати естѣ. нѣ то же и сотона гл҃еть велнчаннѣмъ и зѣлобою ѡпадѣ лица бж҃на и салвы. то ѹто дѣла створнаѣ есмь бѣ (бѣн). нѣ да слышнѣте дѣлаа его кака ти с҃ѣтѣ. снѣцѣ помьсли въ сѣбѣ гл҃а. ако да поставлю прѣстола свон на зѣвздахъ. и бѹдѹ подобнѣмъ вышнѣмѹ. да (и) того ради сѣвѣрженѣмъ прѣлѣщѣннѣмъ ѡ кѣ отстѹпльнѣне (ѡпаднѣе бога) бж҃сѣми прѣтворншася (нарекшася) и

НЕ ДОВѢАЪ ЖЕ ЕМУ СВОА ЗЪЛОБА (ПОГЫБЕЛЪ). Но и Адамъ въ рли сѹща прѣслушаннемъ прѣлсти и прѣстѹпнику заповѣди бѣни сѣтвори его. и сѣмьрти новниина. трети нже бѣ са твора льстню (и) вьса (уеѣкы) сѣврати сѣ пѹти бѣна и мѹцѣ вѣунѣе (нои) повниины створи ны и единаго вьсѣмъ (до нѣѣ же) ровѣ пѣгѹбныи ископаеть (всѣмъ) тако ти есть зълоба непразнина. (и) таково лѹкѣвство. (и) тако неистовство) присно са зълѹ рѣдѹеть. а добра ѹбѣгаеть (ненавидѣть) присно (и) мѣногни (-ни) кѣзныи. ѹѣкы врагы бѣ сѣтворяеть. вьсакыиыи льстыи прѣвѣблѣа (Ѧлѹѹа) ны Ѧ бѣ. трѹбамн (сопѣльми) и скомрахи. и нныи нгрѣми (-а-) вѣкыи кѣ собѣ гѹслыи (и) свирѣлыи пѣлсанѣи смѣхы пѹстонѣныиыи лѣжамн. сѣрашамн. кобыи вѣашьбамн. (и) клеветамн. тѣтѣамн разбон, блѹдомъ. (и) пнаньствомъ завнстыи враженни (-ждами) [да егда бы намъ добрыиыи дѣлы вѣорѹжышеса (-житиса) на нь (и) побѣдити же и (его) тогда мы единако кѣ (вѣ) вьсѣи злобѣ его сластѣю приришемъ. и приемлемъ зълонравѣа его казни. да того рѣди (и) вѣ казни бѣна вѣпаддемъ присно нѣ да вѣзненавидимъ его. и сѣ прѣлстныиыи (сквѣрныиыи) тѣми (его) делесы (дѣлы) ако же (небо) са обѣщѣхомъ на (вѣ) сѣмъ крышении рекуще Ѧрицѣмьса сотони (тмы). и всѣхъ дѣлъ его. и всѣхъ сѣжбѣ его и всѣхъ зълобѣ его. аже выше слышѣсте. и обѣщѣваемса (-щѣхомъ) единаму бѣ творащѣму (сѣтворшѣму) вьсѹ (вьсю) тѣлрѣ видимѹю и невидимѹю. и вѣрѹемъ кѣ сѣтѹю трѣцю. вѣ неразѣльнѹ. (и) вѣ несѣзданѹ. прѣвѣунѹ (и) безнлѹчальнѹ. в единаму бѣжествѣ неразѣчѹбно славиу равьноуьстынѹ и равьнопрѣстольнѹ едина бѣжтво вѣ трѣхъ едина (вѣ трѣхъ) дѣржава. и едина цѣрство. едина гѣство едина уестъ. и поклонанне равьно вѣздѣемъ имъ Ѧ вьсакоа (вьсѣа) тѣари и вьсего дѣхѣнна кѹльно оѣю и сѣи и сѣтѹму дѣхѣ нмынѣ и присно и вѣ вѣкы вѣкомъ].

Первое, что вытекаетъ изъ сопоставленія трехъ редакцій—это полное убѣжденіе въ правильности указанія П. И. Срезневскимъ источника первой части поученія. Несомнѣнно таковымъ является Златоструій Симеона. Его догадка о греческомъ происхожденіи „Слова“ на основаніи существующихъ въ немъ словъ, переведенныхъ съ греческаго (въ родѣ „единецъ“—по гр. *μονος*.. и др.) имѣеть свое основаніе; однако мы считали бы вопросъ о греческомъ происхожденіи слова вполне рѣшеннымъ въ томъ случаѣ, если бы намъ былъ указанъ его греческій первоисточникъ. Такого первоисточника для означеннаго поученія мы не имѣемъ.

Проф. Малининъ ¹⁾ въ „Исслѣдованіи Златооструя по рукописи XII вѣка Императорской Публичной Библіотеки“ (той самой, которую имѣлъ въ виду П. Срезневскій) не указываетъ греческаго подлинника для „Слова о ведрѣхъ и о казнѣхъ Божіихъ“, однако исторія происхожденія Златооструя говоритъ въ пользу того, что въ составъ этого сборника, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время (какъ XII в.), входили исключительно слова греческихъ проповѣдниковъ. Въ краткихъ чертахъ ихъ исторія такова: въ періодъ упадка оригинальной литературы въ Византіи, въ вѣкъ эклектизма, вся литература обратилась въ массу сборниковъ изъ лучшихъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ авторовъ. Главнѣйшимъ источникомъ поучительныхъ и назидательныхъ сборниковъ служили сочиненія Іоанна Златоустаго, отчего и сами сборники стали называться Златоустами. Слова Златоуста здѣсь приводились цѣликомъ, или же въ отрывкахъ и извлеченіяхъ; иногда изъ нѣсколькихъ словъ, сходныхъ по общей мысли, составлялось одно слово сборника. Съ теченіемъ времени составъ этихъ сборниковъ сталъ пополняться произведеніями новыхъ авторовъ, рабски подражавшихъ формѣ и приѣмамъ великаго греческаго проповѣдника.

Какъ памятникъ славянскои письменности (переводной), такого рода сборникъ сталъ намъ извѣстенъ со времени Симеона, царя болгарскаго (IX в.). Просвѣщенный правитель, при всѣхъ своихъ всестороннихъ заботахъ по образованію своего новопросвѣщеннаго народа и по его христіанско-нравственному развитію, особенно дивился словесной мудрости и духовной благодати блаженнаго Іоанна Златоустаго, привыкъ читать всѣ его книги, и собрать слова его въ одну книгу, которую назвалъ Златооструемъ—(„книги златооструя“) ²⁾; эту книгу онъ предназначилъ для спасительнаго и разумнаго чтенія. Въ составъ Златооструя вошло 136 словъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго на книгу Бытія, посланія Апостола Павла, и нѣкоторыя—ему не принадлежащія, но по формѣ близко подходящія къ первымъ. Къ числу этихъ послѣднихъ можетъ быть отнесено слово, послужившее источникомъ для нашего поученія о казняхъ Божіихъ. Мы уже указали на главнѣйшую отличительную черту, такъ называемаго, Византійскаго періода въ области духовной литературы, —на отсутствіе оригинальности и подражаніе великимъ

¹⁾ Вас. Ник. Малининъ. „Исслѣдованіе Златооструя по рук. XII в. Им. Публ. Библіотеки“. Кіевъ, 1878 г. стр. 95.

²⁾ Изъ пролога, или предисловія Златооструя Симеонова.

образцамъ; въ исторіи церковной проповѣди періодъ этотъ начинается съ первыхъ же годовъ V-го вѣка. такъ какъ съ этого времени послѣ Іоанна Златоустаго не было ни одного сколько нибудь выдающагося, оригинальнаго проповѣдника; вообще же этотъ періодъ обнимаетъ время отъ Юстиніана до паденія Константинополя (525—1453 г.), и называется онъ Византійскимъ потому, что Византія въ это время служила центромъ образованности.

Основаніемъ образованія въ это время служили творенія отцовъ и учителей церкви предшествующаго періода и изученія классическихъ литературъ Греціи и Рима, какъ образцовъ для подражанія. Результатомъ такого направленія является довольно богатое по количеству, но бѣдное по оригинальности и творчеству, литературное наслѣдіе отъ этого періода: Антологіи. Пчелы, Сказанія отъ старчества, Прологи—(Синаксары), Патерики—въ области назидательной литературы вообще; Златоструи, Торжественники—въ области проповѣдничества; Хроники, Пален, Хронографы—въ области исторіи.

Подражаніе можетъ простираться на форму и на содержаніе, духъ произведеній. Естественно, что подражать можно и безъ особенныхъ дарованій; въ этомъ именно направленіи шли проповѣдники указаннаго періода. Отличительнымъ характеромъ греческой духовной литературы въ періодъ ея высшаго развитія (въ IV в.) является, такъ называемый „библейзмъ“—придававшій произведенію полное изображеніе духа и буквы библіи; такая черта явилась слѣдствіемъ того, что отцы церкви были всецѣло проникнуты духомъ библіи, и на всѣ предметы своихъ изслѣдованій смотрѣли съ ея точки зрѣнія.

Писатели же византійскаго періода усвоили только внѣшнюю сторону этой характерной черты великихъ писателей IV вѣка. „Читая произведенія византійскихъ писателей, говоритъ одинъ историкъ русской проповѣди ¹⁾, мы поражаемся обиліемъ текстовъ Св. Писанія; случается, что цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій Св. Писанія, а между тѣмъ, тамъ нѣтъ ни одного цѣлаго текста; они взяты изъ разныхъ мѣстъ его, соединены въ одно собственными словами автора и представляютъ собою довольно искусную мозаичную работу. Нерѣдко они оказываются лишними, служа лишь для распространенія мысли, а не для подтвержденія ея.

Большую частію тексты являются составленными самимъ авторомъ и съ буквальною точностью приводятся весьма рѣдко, такъ

¹⁾ М. Поторжинскій. Исторія русской церковной проповѣди. Кіевъ, 1891 г. стр. 7.

что трудно, даже почти невозможно бываетъ указать, откуда заимствованъ тотъ или другой текстъ, потому что въ составъ его вошли отдѣльныя слова изъ разныхъ мѣстъ Св. Писанія или церковныхъ пѣснопѣній..... Стремленіе и привычка говорить текстами не могли не стѣснять свободнаго теченія авторской мысли и придавали выраженію замѣтную искусственность, лишали слогъ писателя простоты и естественности. Такъ обр., византийская проповѣдь по внѣшнему своему виду отличалась библизмомъ и казалась похожею на проповѣдь отцовъ церкви IV в.; но это сходство было больше наружное, чѣмъ внутреннее“.

Можно было бы предположить, что авторъ этой характеристики литературныхъ образцовъ Византийскаго періода имѣлъ передъ собою „Слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ“. Настолько это послѣднее соотвѣтствуетъ приведенной характеристикѣ; тотъ же библизмъ, то же обиліе текстовъ, приведенныхъ не буквально изъ Библии, а въ перифразѣ, близкомъ или болѣе отдаленномъ по отношенію къ подлиннику (что увидимъ ниже въ параллельной таблицѣ текстовъ) и та же „мозаичная работа“. Обиліе текстовъ является даже излишнимъ и служитъ только распространенію мысли, а не для выразительности и подтвержденія ея.

На этомъ основаніи мы, и при сомнительномъ указаніи греческаго оригинала ¹⁾, можемъ утверждать съ полнымъ основаніемъ греческое происхожденіе этого слова и отнести его къ произведеніямъ Византийской литературы.

Изъ сравненія текстовъ мы замѣчаемъ, что лѣтописный отрывокъ ближе подходитъ къ своему источнику, чѣмъ отрывокъ изъ поученія; кромѣ сходства въ содержаніи, равно замѣчаемаго во всѣхъ трехъ редакціяхъ, лѣтописный отрывокъ въ очень многихъ мѣстахъ вполне совпадаетъ съ текстомъ источника.

Такое явленіе нельзя объяснить случайностью; напротивъ, оно даетъ право предположить, что именно это слово Златоструя было для лѣтописца источникомъ, откуда онъ и почерпнулъ приведенное размышленіе о казняхъ Божіихъ. Поэтому, предположеніе пр. А. Валковскаго о существованіи греческаго источника, котораго лѣтописное размышленіе представляетъ дословный переводъ—является совершенно не основательнымъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще тотъ фактъ, что, какъ это видно изъ сравненія, въ лѣтописномъ отрывкѣ есть отдѣльныя слова и даже

¹⁾ См. ниже указаніе на слово Григорія Богослова.

выраженія, общія со „словомъ о ведрѣ“, которыя не входятъ въ отрывокъ изъ поученія. Для примѣра позволимъ себѣ привести нѣсколько такихъ мѣстъ.

Въ текстѣ лѣтописномъ и въ Златоструѣ мы имѣемъ:

„поразихъ вы зноемъ и различными казньми (язьми“ .. по редакціи поученія).

— „Сего ради винограды вашѣ и смоквѣе ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ“..

— „Буду свидѣтель скорѣ на кленущаяся именемъ моимъ волю ... и на насильствующая сиротѣ и вдовицѣ и на уклоняющая судъ кривѣ“

— „И наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила вишняя и масляная, и вздамъ“...

„поразихъ вы различными казньми“.

„сего ради винограды ваша и древа всякая посящая плодъ и нивы и все истрохъ“.

„буду свидѣтель скоро на кленущаяся именемъ моимъ ... и насильствующая сиротѣ судъ неправъ“¹⁾.

„и наполнятся гумна ваша пшеници и вздамъ“ и мн. др.

Съ другою стороны, въ редакціи поученія „Торжественника“ встрѣчаемъ такія мѣста, которыхъ нѣтъ ни въ редакціи Златоструя, ни въ редакціи лѣтописи. Такъ на примѣръ:

По редакціи Торжественника: „обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ въ *всемъ волю божію творяще*“..

— „Да аще быхомъ в заповѣдехъ божіихъ пребыли то и сдѣхояще примемъ благая земная, и по ошестви сего свѣта жизнь вѣчную“....

— „И ише земля нивъ вашихъ“.

По двумъ же остальнымъ редакціямъ: „обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ“

„да аще сице створимъ (-сия будетъ в насъ) всѣхъ грѣхъ прощени будемъ (-то надею имамъ всѣхъ грѣхъ прощени бывше отраду прияти“

„ише“.

¹⁾ Здѣсь сокращеніе влечетъ за собою даже искаженіе смысла: „насильствующая сиротѣ судъ неправъ“.—Что это значитъ? Но быть можетъ это пропускъ писца; и овѣрить это мѣсто при существованіи только одной редакціи поученія невозможно.

— „Но посылаю на вы по малу различныя напасти, нѣкли показавшеся въстягнетеса отъ злюбъ вашнхъ. послахъ на вы смерти тяжкныя. и на скотъ вашъ и отъ-яхъ отъ васъ утѣху всяку пищи вашей“.

— „И възвращу отъ васъ гнѣвъ мой дондеже всемъ избилуете и дамъ всяко обилне вамъ и долга лѣта ваша створю“....

„послахъ на вы различныя бо-лѣзни. и съмерти тяжкы и на скотѣхъ казнь свою показахъ“

„и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой дондеже все обилуетъ вамъ“ и т п

Попробуемъ теперь установить, какая зависимость, и какое соотношение существуетъ въ представленныхъ нами трехъ редакціяхъ. Въ основаніи ихъ лежитъ несомнѣнно редакція Златоструя „Слово о ведрѣ и о казнѣхъ Божіихъ“; лѣтописная редакція представляетъ сокращеніе ея съ нѣкоторыми вставками, какъ напримѣръ, начало ея: „Наводитъ богъ по гнѣву своему казнь каку либо или поганья, зане не встыгнемся къ богу..... и т. д. до словъ: „Земли же согрѣшивши которѣи любо“.. (что уже взято изъ Слова о ведрѣ); или при концѣ: „се бо не погански ли живемъ, аще у срѣсти вѣрующе? Аще бо кто усящеть черноризца, то възвращается“ ... и т. д. до словъ: „но сими дьяволъ лѣститъ“... и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Зависимость этой редакціи отъ первой, и отношеніе къ этой послѣдней, какъ къ источнику, не можетъ подвергаться сомнѣнію. Можно съ достаточными, какъ намъ кажется, основаніями утверждать, что лѣтописецъ позаимствовалъ свое разсужденіе о казняхъ Божіихъ изъ этого источника, несомнѣнно бывшаго у него подъ руками на ряду съ другими пособіями, которыми пользовался онъ при составленіи своей лѣтописи, хронографами (Іоанна Малалы, Георгія Амортала), сборниками, записями и замѣтками

Здѣсь мы держимся мнѣнія иного, нежели А. Востоковъ, который непосредственнымъ источникомъ лѣтописнаго разсужденія считалъ поученіе, приписываемое Феодосію, „вперившееся“ въ память лѣтописца. Мы утверждаемъ *обратную зависимость* между *этими двумя редакціями*. Основаніями для такого нашего утвержденія служатъ выводы, къ которымъ мы пришли послѣ сравненія третьей редакціи съ двумя прочими¹⁾.

¹⁾ Для сокращенія мы будемъ называть редакцію Златоструя—I-ю редакцію, редакцію лѣтописи—II-ю, редакцію Торжественника—III-ю.

Выводы эти слѣдующіе:

I) Редакція вторая стоитъ гораздо ближе къ первой, чѣмъ третья.

II) Все, что не вошло въ редакцію вторую изъ первой, не вошло также и въ третью редакцію.

III) Главнѣйшія вставки второй редакціи (въ началѣ и при концѣ) входятъ всецѣло въ третью редакцію.

IV) Третья редакція не представляетъ точной копійи со второй, такъ какъ въ ней мы замѣчаемъ:

а) незначительныя добавленія отдѣльныхъ словъ и выраженій (сдѣланныя авторомъ),

б) перифразъ отдѣльныхъ выраженій второй редакціи

и с) пропуски и сокращенія (иногда, какъ мы отмѣтили, влекущіе за собою искаженіе смысла).

На основаніи этихъ выводовъ, и принимая во вниманіе *мнѣніе И. Срезневскаго о болѣе древней лѣтописной (второй) редакціи*, мы можемъ прийти къ слѣдующему заключенію относительно третьей редакціи, и ея отношенія къ двумъ другимъ: Непосредственнымъ источникомъ для *третьей редакціи (Торжественника)* является *лѣтописная (вторая)*, а не обратно, какъ думалъ А. Востоковъ.

Мы полагаемъ (на основаніи II и III выводовъ), что авторъ поученія о казняхъ Божіихъ не былъ даже знакомъ съ первоисточникомъ — ред. Златоуструя, а только воспользовался лѣтописнымъ отрывкомъ для первой части своего поученія со всѣми его вставками и пропусками. Однако онъ не былъ только списывателемъ отрывка изъ лѣтописи: въ его поученіи мы замѣчаемъ нѣкоторыя сокращенія, измѣненія и добавленія (впрочемъ, весьма незначительныя), показывающія нѣкоторую авторскую самостоятельность.

Вотъ такое, по нашему мнѣнію, соотношеніе между тремя разобранными нами редакціями.

Исходною точкою нашего настоящаго разсужденія было признаніе за лѣтописною редакціею болѣе древности въ отношеніи отдѣльныхъ формъ, выраженій и близости къ источнику, въ сравненіи съ редакціею Торжественника. Мнѣніе это, съ полною основательностью высказанное И. Срезневскимъ, въ принципѣ никѣмъ не было оспариваемо: однако защитники принадлежности поученія пр. Θεодосію старались всячески объяснить его въ свою сторону.

Такъ проф. Н. И. Петровъ, возражая противъ мнѣнія пр. А. Валковскаго, отрицавшаго принадлежность поученія пр. Θεодосію, замѣчаетъ: „Мы вполне согласны съ мнѣніемъ Срезневскаго и Вал-

ковскаго, что поученіе сохранилось въ лѣтописи въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ въ сборникѣ, и это нисколько не удивительно и весьма понятно, такъ какъ списокъ сборника относится къ болѣе позднему, сравнительно, времени, именно къ XV вѣку; но отсюда, по нашему мнѣнію, нельзя вывести никакого другого заключенія, кромѣ заключенія о разновременности списковъ, или, пожалуй, редакціи разсматриваемаго поученія¹⁾.

Согласимся, однако, что объясненіе, предложенное нашимъ почтеннымъ археографомъ, насъ не удовлетворяетъ. Если списокъ сборника относится къ XV вѣку, то въ свою очередь и древнѣйшіи изъ извѣстныхъ намъ списковъ лѣтописи (въ данномъ случаѣ Лаврентьевскій 1377 г.) относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Слѣдовательно, разница во времени между ними не такъ велика (около полувѣка), чтобы ею можно было объяснить разницу ихъ текстовъ. И лѣтопись, и сборники одинаково претерпѣвали отъ рукъ переписчиковъ. „Наша первоначальная лѣтопись, говоритъ Голубинскій²⁾, дошла до насъ не въ своемъ подлинномъ видѣ, какъ была написана лѣтописцемъ, а подвергшись большому или меньшему измѣненіямъ, несомнѣнно дополненная позднѣйшими вставками и, какъ необходимо думать, потерявъ нѣкоторыя, а можетъ быть даже и довольно значительныя, сокращенія“.

Тѣмъ не менѣе нашъ лѣтописный отрывокъ такъ близокъ къ своему источнику, что мы не можемъ назвать текстъ его испорченнымъ. Намъ могутъ сказать, что лѣтописи, по сравненію съ сборниками поученій, были въ болѣе выгодномъ положеніи: сборники по своему назначенію были въ большемъ употребленіи и имѣлись въ большемъ количествѣ списковъ, поэтому и могли подвергаться большому измѣненіямъ, какъ въ общемъ своемъ составѣ, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ поученій.

Дѣйствительно, наиболѣе распространенныя и популярныя поученія, какъ напр., Іоанна Златоуста или Василія Великаго, дошли до насъ въ большомъ количествѣ списковъ, въ той или иной степени отличныхъ одинъ отъ другого; то же мы видимъ и въ поученіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ проповѣдниковъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, чтобы наше поученіе „О казняхъ Божіихъ“ пользовалось популярностью; то обстоятельство, что оно находится только въ единственномъ спискѣ³⁾ и среди довольно

¹⁾ *Op. cit.*, стр. 93—94.

²⁾ *Op. cit.* т. I, стр. 650, гл. IV—Просвѣщеніе.

³⁾ Имѣющійся другой списокъ его въ рукои. сб-кѣ Киев. Дух. Академіи (Аа 186, л 11—13) представляетъ позднѣйшую копію съ Торжественника Рум. муз. № 435.

многочисленныхъ Торжественниковъ нигдѣ не встрѣчается — скорѣе утверждаетъ противное.

Винѣ переписчика мы можемъ приписать пропуски отдѣльныхъ словъ, невольныя ихъ искаженія (въ родѣ о воли вм: ово ли—ово-ли) ¹⁾, пропуски, или повторенія цѣлыхъ строкъ, влекущіе за собою утрату смысла ²⁾; но значительное измѣненіе первоначальной редакціи посредствомъ введенія цѣлыхъ разсужденій, распространеній и перифраза—есть результатъ переработки, болѣе или менѣе самостоятельнаго труда. Такого рода измѣненія нами были уже отмѣчены. На этомъ основаніи мы не соглашаемся съ мнѣніемъ Н. П. Петрова, и *остаемся при своемъ убѣжденіи о болѣе древней лѣтописной редакціи* и объ отношеніи редакціи сборника къ ней, какъ къ *источнику*.

Въ обзорѣ редакціи мы умышленно обошли четвертую изъ извѣстныхъ намъ редакцій, указанную преосв. Антоніемъ Вадковскимъ; сдѣлали мы это для того, чтобы поговорить о ней отдѣльно. Какъ мы уже упоминали, пр. А. Вадковскій предлагаетъ редакцію изъ поученія Фотія въ недѣлю мясопустную ³⁾ и указываетъ „лапныя“, могущія способствовать окончательному рѣшенію вопроса о поученіи „О казняхъ Божіихъ“ Сравнивая редакцію изъ поученія митр. Фотія съ лѣтописной, и замѣчая, что между ними существуетъ лишь незначительная разница, пр. Вадковскій утверждаетъ, что источникомъ для обѣихъ редакцій было какое-то поученіе на греческомъ языкѣ (но не подлинникъ златоустовскаго поученія), которымъ воспользовался митр. Фотій, и дословный переводъ котораго представляетъ лѣтописное размышленіе. Этимъ положеніемъ Ант. Вадковскій старается умалить значеніе автора русскаго поученія—(которымъ опъ не признаетъ пр. Феодосія),—который, по его мнѣнію, только рабски копировалъ подлинникъ, безъ всякихъ измѣненій, не проявляя въ данномъ случаѣ никакой самостоятельности.

Все разсужденіе автора приведеннаго мнѣнія зиждется на нѣсколько неправильномъ освѣщеніи личности митр. Фотія. По мнѣнію автора, это былъ гордый грекъ, воспитанный на великихъ твореніяхъ Василіевъ, Григоріевъ и Златоустовъ; „ему ли, спраши-

¹⁾ „Да того ради затворяетъ Богъ небо и не пушаетъ дожда о воли (?) зѣ отверзаеть, градъ пушаа“ вм. „ово-ли зѣ отверзаеть“ (По изд. Макарія, стр. 194). Быть можетъ здѣсь ошибка изданія, вообще крайне несправнаго.

²⁾ Раньше отмѣчено.

³⁾ Напечатано въ Праг. Соб. 1860 г. ч. III.

ваетъ онъ, было читать произведенія бѣдной тогдашней русской литературы, питавшейся по большей части крупными, падавшими съ роскошнаго стола этихъ же самыхъ писателей“. Однако, у этого гордаго грека встрѣчается въ поученіи мѣсто очень близко подходящее къ лѣтописному размышленію о казняхъ Божіихъ. Какъ это объяснить?

Давъ такую характеристику, авторъ ея, какъ мы уже сказали, предполагаетъ существованіе греческаго оригинала, которымъ и воспользовался митр. Фотій для своего поученія, не допуская мысли, чтобы онъ замѣтствовалъ разсужденіе о казняхъ Божіихъ изъ русской лѣтописи. „Если бы даже, продолжаетъ изслѣдователь, митр. Фотій по какому нибудь обстоятельству и вздумалъ воспользоваться славянскимъ источникомъ, то воспользовался бы имъ до буквальной точности, безъ всякихъ варіацій“ — такъ какъ онъ былъ грекъ и плохо зналъ славянскій языкъ.

Мы сказали, что митр. Фотій представленъ здѣсь въ неправильномъ свѣтѣ. Постараемся подтвердить нашу мысль болѣе безпристрастными мнѣніями нашихъ авторитетныхъ изслѣдователей.

Отличительнымъ признакомъ его поученія является главнѣйшимъ образомъ ихъ комплиментный характеръ.

Всѣ лучшія мѣста его проповѣдей, какъ оказывается, принадлежатъ не ему, а Іоанну Златоусту или Василию Великому; кромѣ того, его ораторскій кругозоръ ограничивался только тремя предметами, о которыхъ онъ особенно любилъ говорить: объ обязанностяхъ пастырей церкви, о скорой кончинѣ міра и о казняхъ Божіихъ.

Предметъ о казняхъ Божіихъ его особенно занимать, потому что онъ былъ тогда „злобою дня“. Время, когда Фотій былъ (1409—1431 г.) митрополитомъ, представляло печальную картину: междоусобія князей достигли своего апогея: нижегородскій князь Данилъ пригласилъ себя на помощь татаръ для войны съ великимъ княземъ московскимъ; страшный голодъ и еще болѣе страшная черная смерть дѣлаютъ свое дѣло, а ко всему этому ересь стригольниковъ, все еще волнуя умы людей, какъ бы завершала картину народнаго бѣдствія. Въ эту тяжелую пору выступаетъ митр. Фотій, какъ „пастырь добрый“. Онъ указываетъ народу причины бѣдствій и своимъ пастырскимъ словомъ призываетъ къ покаянію и исправленію. Изображая современныя бѣдствія, проповѣдникъ представляетъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній и художественныхъ картинъ... Но по точномъ изслѣдованіи оказывается, что эти лучшія мѣста принадлежатъ не Фотию, а св. Василию Великому.

Таковъ общій характеръ проповѣдей митр. Фотія.

Пользовался ли онъ исключительно греческими источниками, или, быть можетъ, онъ иногда прибѣгалъ и къ славянскимъ? Мы имѣемъ свидѣтельства ученыхъ, утверждающихъ, что и славянскіе источники иногда служили ему для его компилятивныхъ трудовъ. Такъ, проф. А. Павловъ нашелъ, что въ посланіи противъ литовскаго митрополита Григорія Цамвлака Фотіи приводитъ до 30 соборныхъ и апостольскихъ правилъ съ толкованіями. Мы, говоритъ Павловъ ¹⁾, сравнили всѣ эти правила съ текстомъ ихъ по рукописной Кормчегѣ конца XV вѣка, находящейся въ бывшей Соловецкой библиотекѣ (№ 477) и убѣдились, что Фотіи не вновь переводилъ нужныя ему правила, а буквально выписывалъ ихъ (и толкованія) изъ готовой славянской Кормчегѣ, такъ называемой „Софійской редакціи“. „Между тѣмъ, продолжаетъ А. Павловъ, объ этомъ митрополитѣ сохранилось положительное извѣстіе, что онъ привезъ съ собою на Русь греческій списокъ номоканона, который хранился потомъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ“

Это сообщеніе нашего изслѣдователя очень важно для насъ потому, что констатируетъ фактъ пользованія митр. Фотіемъ славянскими произведеніями вообще для своихъ сочиненій.

Допуская возможность этого, пр. А. Вадковскій полагаетъ, что при неудовлетворительномъ знаніи славянскаго языка митр. Фотіи могли только *дословно* заимствовать изъ славянскаго источника, безъ всякихъ варьяцій. Выставленная здѣсь причина намъ кажется сомнительною. Пробывъ двадцать два года митрополитомъ „всея Руси“ при постоянномъ общеніи съ русскимъ обществомъ, выступая передъ нимъ въ качествѣ проповѣдника и обличителя, Фотіи не могли обладать настолько скудными знаніями славянскаго языка, чтобы простыя „варьяціи“, перифразъ и даже свободное выраженіе были ему не подъ силу. Почти всѣ его поученія—компиляціи съ греческихъ источниковъ, и встрѣчающіяся въ нихъ его собственныя мысли и выраженія написаны языкомъ славянскимъ. И хотя языкъ во многихъ мѣстахъ отличается чрезвычайною темнотою и запутанностью, но причина этого не столько въ слабомъ знаніи языка, сколько въ желаніи выразиться витіевато, а не просто. Акад. Шевыревъ говоритъ о Фотіѣ, какъ проповѣдникѣ, который „сѣумѣлъ побѣдить и пренятствія языка ему чуждаго“; да и самъ А. Вад-

¹⁾ А. Павловъ. Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Казань, 1869 г. стр. 11, прим. 19.

ковскій въ другой статьѣ ¹⁾ называетъ языкъ Фотія „сильнымъ и энергичнымъ“ и оправдываетъ Шевырева, „восторгавшагося литературными достоинствами“ его поученія.

Наконецъ, при слабомъ знаніи языка Фотій не могъ быть популярнымъ, тогда какъ тотъ же пр. А. Вадковскій говоритъ, что его „поученіе въ недѣлю мясопустную пользовалось наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ у современниковъ, и въ эту недѣлю читалась неоднократно въ церквахъ“ ²⁾.

При такомъ взглядѣ на митр. Фотія, какъ писателя и проповѣдника, для насъ не покажется невозможнымъ предположеніе о заимствованіи имъ изъ славянскаго источника цѣлаго разсужденія о казняхъ Божіихъ, о которыхъ онъ такъ любилъ говорить. Вообще все это поученіе въ цѣломъ видѣ, какъ оно представляется въ Торжественникѣ, по формѣ и содержанію близко подходитъ къ поученіямъ митр. Фотія.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, первую часть поученія, мы, на основаніи данныхъ, добытыхъ наукою и на основаніи нѣкоторыхъ нашихъ личныхъ соображеній, пришли къ заключенію, что эта часть представляетъ не самостоятельное произведеніе, а *компиляцію, источникомъ которой служитъ мѣтотписное размышленіе о казняхъ Божіихъ, нагодящееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ иждь 1067 годомъ.*

Здѣсь мы имѣли возможность прослѣдить, какимъ образомъ поученія о казняхъ Божіихъ проходятъ черезъ всю нашу древнюю духовную литературу. Прототипомъ такого рода разсужденій о казняхъ Божіихъ, посылаемыхъ на людей за грѣхи ихъ, являются еще ветхозавѣтныя пророчества. Въ нихъ часто мы встрѣчаемъ грозныя картины Божьихъ наказаній. Чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ влияние Библии сказывалось въ произведеніяхъ духовныхъ проповѣдниковъ о казняхъ Божіихъ, мы позволимъ себѣ представить параллельно библейскіе тексты, и соответствующія имъ выраженія изъ слова „о ведрѣ и о казнѣхъ Божіихъ“ Златоструя и изъ поученія „о казняхъ Божіихъ“ Торжественника.

Должны оговориться, что часть изъ приведенныхъ ниже текстовъ библии была указана раньше П. Срезневскимъ и Н. Петровымъ.

¹⁾ „О поученіяхъ Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Руси“ (Прав. Соб., 1875 г. Мартъ, стр. 291)

²⁾ Ibid. стр. 313.

Тексты по Библии.

Изъ слова Златоструя.

Изъ поуч. Торжественника.

„И нынѣ глаголетъ Господь Богъ вашъ обратитеса ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашнимъ въ постѣ и плауи и въ рыданїи“ (Іоиль 2 гл. ст. 12).

„Вѣмъ ако жестокъ еси, и жила желазна вѣла твоя и уело твое мѣдано“ (Ис. гл. 48 ст. 4).

„И азъ удержалъ дождь отъ васъ прежде трехъ мѣсѣцевъ жатвы, и надождю на единъ градъ, а на другїи не надождю уастъ една надождѣтса, а уастъ на ню же не надождю нзсохнеть“ (Амосъ гл. 4 ст. 7—8).

„Побнхъ вы рѣджеженїемъ и златенницею умножисте вертоградн ваша и мѣланїи ваша. сїа подошла гусеницы и ниже тако обратистеса ко мнѣ глѣть гдѣ“ (Амосъ ст. 9).

„Послахъ на вы смерть... и ниже тако обратистеса ко мнѣ глѣть гдѣ“ (Ibid. ст. 10).

„Буду свидѣтель скоро на уродѣи и на прелюбодѣицы и на кленуцѣмаса нменемъ монимъ во ажѣ, и

„Глаголетъ бо самъ прѣкъмъ обратитеса къ мнѣ всѣмъ срѣцымъ вашнимъ постымъ и плауымъ“.

„Бѣ прѣорѣкъмъ намъ глѣть: разумѣхъ реуе ако жестокъ еси и шна желазна вѣла твоя“.

„того ради удержалъ отъ васъ дождь предѣлъ единъ отждождихъ а другаго не отждѣждихъ и нсше“.

„Поразихъ вы зноемъ и разануымн азамн, то и тако не обратистеса къ мнѣ... сего ради винограды ваша и смоктѣи ваша и ниви и дѣбровн истерохъ глѣть гдѣ, а злѣбѣкъ вашнхъ не могахъ истѣрти“.

„Послахъ на вы разлануымн болѣзни. и съмѣрѣти тажкы. и на скотѣхъ казнь свою показалъ, то и тако не обратистеса“.

„Буду свидѣтель скоро на противныа. и на прѣлюбодѣица и на кленуцѣмаса нменемъ монимъ въ

„Глаголетъ бо намъ про рокомъ обратитеса ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашнимъ постомъ и плауемъ“.

„разумѣхъ ако жестоцин, каменосердїи. лениви есте творити волю“.

„того ради удержалъ отъ васъ дождь и предѣлъ единъ одождохъ, а другаго не одождохъ и нсше траканинѣ вашнхъ“.

„Поразихъ вы разануымн ми казнымн: то и тако не обратистеса ко мнѣ. сего ради винограды ваша и дрека всакаа, носѣцѣла плодъ и ниви и все истрохъ, глѣть гдѣ, а злобѣкъ вашнхъ не могу истѣрти“.

„Послахъ на вы смерти тажкїа и на скотѣ вашн, и отлахъ отъ васъ утѣху всакѣ пица вашѣа но и тѣ не обратистеса ко мнѣ“.

„Буду свидѣтель скоро на противныа и на прелюбодѣа и на кленуцѣмаса нменемъ монимъ, и лишуцѣла

на лишающыа мзды наем-
ника, и на насильствующыа
вдовицѣ, и пхлющыа си-
рма, и на укланяющыа судѣ
пришельца. и на небоа-
щыася мене, глаголетъ Гдѣ
Вседержитель.... и вы сыны
Іаковли не удаляетеса отъ
грѣхъ отецъ вашихъ. Укло-
нитеса отъ законовъ мо-
ихъ и не сохранисте, обра-
титеса ко мнѣ и обратица
къ вамъ, глаголетъ Господь
вседержитель... аще не от-
верзу вамъ хлѣбѣи нѣбныхъ
и издѣю вамъ благослове-
ніе, дондеже удовантеса и
раздѣлю вамъ въ бранию
и не имамъ нстанти вамъ
плодовъ земныхъ и не из-
неможетъ вашъ виноградъ
на селѣ, глаголетъ Господь
вседержитель отаготнсте на
ма словеса ваша, глаголетъ
господь. и рѣсть: сѣтенъ
работай Богу“ (Малахія
гл. III ст. 5, 6, 7; 10, 11,
12, 13 и 14 ст.).

„Будеть бо егда призо-
вете ма азъ же не послу-
шаю васъ: взыщутъ мене
здѣи и не обрацутъ. Коз-
ненавидѣша бо премудр-
ствѣ, словесе же Гдѣна не прѣаша“
(Кн. Притч. I, 28—29).

„И уда сїона радунтеса...
о гдѣ Бозѣ камнемъ... ако

лѣжю и на лишающыа
мзды наемника и на на-
сильствующыа сироты и
вдовици и на укланяющыа
судѣ кривѣ. поуэто не съдѣр-
застеса отъ грѣхъ вашихъ
нѣ уклонитеса закона мо-
его и не сохранисте ихъ
обратитеса убо къ мнѣ и
обратица къ вамъ глѣтъ
гдѣ вседержитель. и азъ
отверзу вамъ хлѣбѣи нѣбес-
ныхъ и възвращю отъ васъ
гнѣвъ мой дондеже все
уобнимъ вамъ. не имутъ из-
немоци виноградѣи
ни нины. нѣ вы отажуасте
на ма словеса ваша глѣщѣе.
сѣтенъ работай бѣ“

„Будеть бо реуе. егда
призовете ма азъ же не
послушаю васъ: възнищютъ
менѣи здѣи и не обрацутъ:
не възхотѣша бо ходити
путьмъ монимъ“

„Ако удомъ своимъ по-
дасть намъ вса прошенна
дасть Богъ вса блгга, и

мзды наемнику и насиль-
ствуща сиротѣ судѣ не-
правѣ. Поуэто презрѣсте сло-
веса моя, и уклонитеса
отъ закона моего и не со-
хранисте оправданій моихъ.
Обратитеса ко мнѣ глаго-
летъ господь и азъ обра-
цица къ вамъ и отверзу
хлѣбѣи небесныхъ и възвращю
отъ васъ гнѣвъ мой донѣ-
деже въ всемъ изобначете
и дамъ всако обнѣе вамъ“.

„Будеть бо реуе. егда
призовете ма и не послу-
шаю васъ; взыщутъ мене
здѣи и не обрацутъ не
возхотѣша бо, реуе, путемъ
монимъ ходити“.

„Ако удомъ намъ по-
дасть Богъ вса блгга, и

ОДОЖДИТЬ ВАМЪ ДОЖДЬ РАН- НІЙ И ПОЗДНІЙ АКОЖЕ И ПРЕЖДЕ И НАПОЛНАТСА ГҀМНА ВША ПШЕННИЦИ И ПРЕНЗДІ- ЮТСА ТОУІЛА ВНОМЪ И СЛЕ- ЕМЪ И ВОЗДАМЪ ВАМЪ ВМѢСТО ЛЪТЪ ВЪ НАЖЕ ПОАДОША ПРҀЗНИ И МИНИЦА И МЪЛЕВЕ И ГҀСЕНИЦА СИЛА МОА ВЕ- ЛНКА, ЮЖЕ ПОСЛАХЪ НА ВМ	И ОДЪЖДИТЬ НА НИ ДЪЖДЬ РАНЪ И ПОЗДНЪ И НАПЛА- НАТСА ГҀМНА ПШЕННИЦЕ И ПРѢЛЪЮТСА ТОУНАИ ВНИНКА И СЛЕННА И ВЪЗДАМЪ ВАМЪ РЕУЕ ЗА ЛЪТА АЖЕ ПОАША ПРҀЗНИ И ХРҀСТОВЕ СЪРНЕ УСЪ- ИНИЦА. СИЛА БО МОА ВЕЛНКА АЖЕ ПОСЛАХЪ НА ВМ	ОДОЖДИТЬ НАМЪ ДОЖДЬ РАНЪ И ПОЗДЕНЪ И НАПОЛНАТСА ГҀМНА ВАША ПШЕННИЦИ И КЪЗДАМЪ ВАМЪ ЗА ЛЪТА АЖЕ ПРҀЗНИ И ХРҀСТОВЕ СИЛА МОА ВЕЛНКА ЮЖЕ ПОСЛАХЪ НА ВМ
--	--	--

(Юль г. 2. ст. 23—25).

Мы ограничились здѣсь только выборомъ текстовъ изъ Библии, со-
отвѣтствующихъ сходнымъ выраженіямъ въ поученіяхъ Златоструя и Тор-
жественника, чтобы наглядно представить въ какой мѣрѣ сказывалось влія-
ніе библии—„библеизмъ“, о которомъ мы говорили раньше, а также, чтобы
видѣть, какимъ измѣненіямъ подвергался текстъ библии въ цитруемыхъ по-
ученіяхъ.

Теперь перейдемъ къ разбору второй части нашего поученія о Казняхъ
Божіихъ.

„Се бо не погански ли творимъ“? задаетъ авторъ риторическій вопросъ.
и въ отвѣтъ на него приводитъ цѣлый рядъ „поганскихъ“ дѣлъ: вѣра въ
дурную встрѣчу (монаха, лысаго коня, свинью), въ зачиханье, „которое часто
бываетъ полезно для головы“: волхвованіе, блудъ, завоиство, скоморошество,
гусли и игры всякія ... все это дѣла такого рода, которыхъ „пѣсть лѣзѣ
христіаномъ творити“

Къ числу поганскихъ дѣлъ относится неблагоговѣйное стояніе въ церкви,
разговоры, шопоть и смѣхъ, какіе происходили иногда въ церкви.

Проповѣдникъ даже совѣтуетъ всякому, кто замѣтитъ это, подойти и
сдѣлать замѣчаніе: „възбрани ему и поноси ему тяжцѣ“. Совѣтуя слушате-
лямъ собираться въ церковь для молитвы, онъ однако говоритъ, что не вся-
кая молитва угодна Богу: необходимо, чтобы душа молящагося была чиста,
чтобы руки не имѣли за собою грѣха грабежа или лихонмства.

Въ приведенной раньше сравнительной таблицѣ текстовъ поученій мы
отчасти указали источникъ этого мѣста поученія—тотъ же Златоструй, или
собственно даже лѣтописный отрывокъ, гдѣ говорится о различной „коби“:
встрѣчѣ, чиханьѣ, волхвованьѣ.

Упомянутое об этих поганских дѣлахъ мы встрѣчаемъ очень часто въ поученіяхъ противъ древне-русскаго язычества и народныхъ суевѣрій¹⁾; точно также въ одномъ поученіи, дошедшемъ до насъ въ сборникѣ XVI вѣка—Измарагдѣ Троицко-Серг. Лавры № 202²⁾ находится подобный же перечень „поганскихъ дѣлъ“.

Это поученіе представляетъ для насъ еще и тотъ интересъ, что въ немъ мы видимъ какъ бы отголосокъ поученій о казняхъ Божіихъ. Нѣкоторыя выраженія намъ напоминаютъ подобныя же изъ Златоструя или Торжественника Рум. Музея. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ нихъ:

„Суть бо во христіанехъ нѣцы иже имя христіанское токмо приѣмше на большее осуженіе себѣ, воли Божіи не творяще, а погански живутъ“

„За то на ны казнь посылаетъ Богъ, овогда ведромъ, иногда пожаромъ и ииѣми бѣдами сему же и ина вина подобна еже немощь волшебами лечать, и наузы, и чарамъ“.....

„Да того дѣля, мнози казни отъ Бога за неправды наша бывають. Господь не рече лековати чарамъ ни наузы, ни встрѣчу, ни въ полазѣ, ни въ чохѣ вѣровати; то бо поганское дѣло есть“ и др.

Что касается совѣтовъ относительно благоговѣйнаго стоянія въ церкви, то это мѣсто можетъ быть признано вполне самостоятельнымъ. Впрочемъ, защитники принадлежности поученія пр. Феодосію могли опереться на это мѣсто, которое могло бы косвеннымъ образомъ служить доказательствомъ ихъ мнѣнія. Дѣло въ томъ, что аналогичное разсужденіе мы встрѣчаемъ у Феодора Студійскаго³⁾, а извѣстно, что этотъ послѣдній оказалъ большое вліяніе на проповѣди нашего пр. Феодосія, какъ на форму, такъ и на ихъ содержаніе; кромѣ того и у самого преп. Феодосія въ одномъ изъ поученій къ инокамъ есть мѣсто, гдѣ онъ тоже совѣтуетъ инокамъ въ церкви „на мѣсто свое шедше, стати лѣпо есть со всякою кротостію, сонъ отложивше, и мертва себѣ створити“⁴⁾. Мы же за-

¹⁾ См. поученія противъ древне-русскаго язычества и народныхъ суевѣрій П. В. Владимирова. Въ изданіи Пономарева „Памятники“ за 1897 г. вып. III; поуч. I, II, VII и др.

²⁾ „Памятники“ 1897. вып. III. Издано Пономаревымъ въ „Почуеніяхъ о разныхъ истинвахъ вѣры благочестія и христ. жизни“ Поуч. 11-ое. стр. 38.

Тоже видимъ въ поуч. О Мытарствахъ св. Кирилла (Туровскаго?) Мытарства 7. 8. 11, 13—плясаніе, рѣзонаніе, пьянство, чародѣйство и др. (По изд. Изв. Ак. Н. т. IV. стр. 180).

³⁾ См. поученіе 91 по изд. Оптинской Пустыни.

⁴⁾ Поученіе къ инокамъ см. прим. I, поуч. IV

мѣтимъ, что подобное увѣщаніе слушателей стоятъ благоговѣнно въ церкви нисколько не характерно и не оригинально и не можетъ быть относимо къ какому нибудь опредѣленному лицу. Въ поученіи Новгородскаго архіепископа Луки—Іоанна (XII в.) ¹⁾ есть такое наставленіе: „А о церковномъ стояннѣ сваритесь на люди, отъ мълчатъ, наипаче же на женѣ: отинудь бо не вѣдаемъ ся почто ходяче“ (пров. 24)—здѣсь архіепископъ совѣтуетъ іереямъ порицать людей, допускающихъ въ церкви разговоры, въ особенности женщины, которыя точно сами не знаютъ, зачѣмъ они пришли туда. Мы замѣчаемъ, что и здѣсь мысль очень схожа съ тою же мыслью въ поученіи.

• Начиная же со словъ „да ся исправитъ молитва моя“ и далѣе, включительно до словъ „руцѣ твои исполнѣ неправды“ поученіе заимствовано изъ „слова о постѣ и покаяніи“, приписываемаго Іоанну Златоустому. Объ этомъ говоритъ нашъ ученый Н. И. Петровъ въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи“. При описаніи „Сборника изъ проложныхъ житій, поученій, твореній Максима грека и другихъ рукописей XVII вѣка“ (по Описанію № 521, по каталогу № 49) почтенный профессоръ обращаетъ вниманіе на „Слово Іоанна Златоустаго о постѣ и молитвѣ“ на л. 86 об. (начин. „да исправится рече молитва моя“) и отмѣчаетъ близкое сходство его съ разсматриваемымъ мѣстомъ поученія. А въ статьѣ, уже раньше нами отмѣченной, онъ указываетъ какъ греческій оригиналъ этого отрывка, такъ и редакцію славянскаго перевода его, которымъ пользовался авторъ нашего поученія. „Такъ какъ, говоритъ онъ, отрывокъ въ томъ же самомъ объемѣ помѣщается въ богословскихъ вопросахъ и отвѣтахъ Анастасія Синаита, входящихъ въ составъ Святославова сборника 1073 г.; то нѣтъ сомнѣнія, что составитель поученія пользовался однимъ изъ списковъ этого Изборника“ (op. cit. 87). Мы предлагаемъ параллельно для сравненія три текста: Изборника Святослава, Анастасія Синаита и поученія.

¹⁾ По изданію Пономарева 1897 г. „Памятники“ стр. 248.

У Іоанна Златоуста „како достоинъ въ церкви стояти на молитвѣ“—*ibid.* вып. IV. стр. 152.

Изъ поученія пр. Θε-
одосія Οκαζνѣхъ Βο-
ζήνηхъ

(по изданію пр. Макарія *ibid.*.)

Да ся исправитъ мо-
литва моя яко кадила предъ
тобою, воздъниіе руку мою
жертва вечерняя. Да аще
руцѣ твои ничтоже има-
та грабленія: добре то гла-
голюши, река: воздъниіе руку
моею. Оглядай убо руцѣ си
и испытай о нею, да аще
ничтоже имата грабленія
и нечистаю тѣзоиманья.
Аще ли еси грабилъ, или
приклады ималъ или кор-
чемный прикупъ, или кою
чѣмъ приобидѣлъ еси еже
святое писаніе отрекло: то
не глаголи, не възвышай
руки си, дондеже оисти-
нися отъ всего зла. Аще
бо възмеші въздѣти руцѣ
попущеніемъ Божиємъ: то
молитва ти будетъ гнусна
и неприятна боюмъ. Но
слыша Господа глаголюща
пророкомъ: егда руцѣ твои
простреши ко мнѣ, отвра-
цію очи свои отъ васъ, и
аще умножиши молитву
не послушаю тебе, глаго-
летъ Господь, руцѣ твои
исполнѣ неправды"

„Того же (Златоуста-
лого) еже о Алѣукѣ“

(Изборникъ Святослава 1073 г.
Анастасиеви Отвѣти..)

Да исправитъся, рече, мо-
литва моя акы тѣмънѣ
предъ тобомъ, въздѣнниіе
рѣжкоу моею жьртва вечерь-
ная. да аште ниутьтоже рѣ-
цѣ твои имата грабленаяго
то добръ вѣпниши. въздѣн-
ниіе рѣжкѣ моею рекуи.
огаждан оубо рѣцѣ си. и
испытан отъ неѣ. да аште
ниуесо же имата грабле-
наго и неусталго, то тѣгда
гѣн съ оупѣванниемъ. да
исправитъся молитва моя.
аште ли неси убо грабнаѣ
или сътвориша отъ отѣре-
ченнихъ, то не вѣпни, ни
рѣжкоу възвышиши, дондеже
зѣла са останеші. аште ко
и възможеші възвышати
и, попоуштенниемъ божи-
немъ, то мѣтва ти коудеть
акы гноусяна и съпроста не
вѣзидеть на нѣо. нѣ и ты
оуслышиши, кѣгда рѣцѣ свои
прострениши кѣ мнѣ. отѣвра-
шитоу оуи свои отъ тебе. и
аште оумножиши мѣтѣж не
послоушаѣ тебе, рече гос-
подь.

(По изданію Барсова въ Чте-
ніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и
Древн Россійскихъ 1883 года
кн. 4 (окт.-дек.) стр. 72).

Τοῦ αὐτοῦ (τοῦ Χρυ-
σοστόμου) ἐκ τοῦ περὶ
νησείας.

Κατευθύνθητω, φησὶν, ἡ
προσευχὴ μου. ὡς θυμίαμα
ἐνώπιόν σου ἔπχρσις τῶν
χειρῶν μου, θυσία ἑσπερινή.
καὶ ἔάν μηδὲν αἱ χεῖρες σου
κέκτηνται ἀρπακτικόν, καλῶς
βοᾷς ἔπαρσις τῶν χειρῶν
μου. περιβλεψε τοίνυν τὰς
χεῖρας, κατὰμυθε ταύτας. καὶ
ἔάν μηδὲν κέκτηνται ἀρπακ-
τικόν, ἢ βίπαρὸν, τότε λέγε
μετὰ θάρσου, κατευθύνθητω
ἡ προσευχὴ μου. ἔάν δέ τι
ἤρπασας ἢ ἔμπραξάς τι τῶν
ἀπηγορευμένων, μὴ βόησης.
μηδὲ τὰς χεῖρας ὑψώσης.
ἕως ἂν τοῦ κακοῦ παύσῃ.
ἐπεὶ ἔάν καὶ δυνήθῃς ὑψῶσαι
ταύτας κατὰ συγχώρησιν θεοῦ.
ἡ προσευχὴ σου. ὡς μεμο-
λυσμένη, οὐδ' ὄλωσ ἀνέρχεται
εἰς τὸν οὐρανόν. ἀλλὰ καὶ σὺ
ἀκούσεις, ὅταν τὰς χεῖρας
ἔκτεινης πρὸς με, ἀποστρέψω
τοὺς ὀφθαλμούς μου ἀπὸ σου.
καὶ ἔάν πληθύνεις τὴν δέησιν.
οὐκ εἰσακούσωμαι σοῦ, λέγει
κύριος.

(Patr. Cur. compl. Ser. Graeca
Prior. Migne t. ZXXXIX.
Sancti Anastasii Sinaitae Quaes-
tiones. Quaestio 1 p. 339 n 340).

Сравнивая греческій текст „Περὶ νηστείας“ съ переводомъ его по Изборнику, мы замѣчаемъ, что переводъ сдѣланъ буквальный и почти вездѣ точный. Только въ началѣ, послѣ словъ „жертва вечерняя“ мы замѣчаемъ вставку, очевидно, переводчика: „да аште ничьтоже руцѣ твои имата грабленааго, то добрѣ въпиши въадѣяние рукоу моею рекуи“, —въ греческомъ же текстѣ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія; къ числу неточностей можно отнести переводъ греч. слова „ὁ δὸλω“ на слав. языкъ словомъ „съпрости“ Быть можетъ, здѣсь οὐδ' ἄλω—„не вполне; не совершенно“ болѣе подходит по смыслу. Что же касается до текстовъ славянскихъ, то при всемъ ихъ сходствѣ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя незначительныя отступленія въ текстѣ поученія отъ его источника—слова объ алчбѣ Іоанна Златоуста.

Такого рода явленіе, отмѣченное нами уже раньше, при разборѣ первой части поученія, является результатомъ сознательной переработки источника авторомъ; однако, эти измѣненія слишкомъ незначительны и ограничиваются пропускомъ или вставкою нѣсколькихъ словъ или небольшого выраженія. Такъ въ словѣ „о алчбѣ“ сказано „аще ничесоже имата грабленааго и печистаго, то тьгда“... въ поученіи же: „аще ничьтоже имата граблення и печистаго *ръюимания*, аще ли еси *грабилъ* или *приклады* ималъ, или *кориемныи прикупъ*“... Здѣсь видно желаніе автора распространить общее выраженіе „имата грабленааго и печистаго“ и представить болѣе подробный перечень „печистаго“, какой предлагала ему дѣйствительность: ростовщичество, грабежъ, винные откупа (?) и т. п.

Отмѣтимъ еще одну вставку; въ „словѣ о алчбѣ“, —въ концѣ отрывка: „и аште оумножиши млтву не послушаю тебе, рече господь“; въ поученіи же къ этому прибавлено: „руцѣ твои исполнь неправды“ Здѣсь авторъ поученія продолжаетъ библейскій текстъ, недоконченный въ словѣ, и этимъ обнаруживаетъ какъ знаніе библіи, такъ и пониманіе даннаго мѣста поученія, гдѣ именно для полного пониманія высказанной мысли не доставало этихъ словъ.

Такого рода незначительныя отступленія отъ источника не измѣняютъ нашего мнѣнія объ авторѣ поученія, высказаннаго раньше; и здѣсь авторъ въ сильной степени пользовался чужимъ произведеніемъ, строго выдерживая компилятивный характеръ своего сочиненія.

Итакъ, эта часть поученія заимствована изъ „слова о алчбѣ“, приписываемаго Іоанну Златоустому, и находящагося въ первомъ

отвѣтъ св. Анастасія Синаита. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ списковъ „отвѣтовъ“ находится въ Изборникѣ Святослава 1073 года.

Какъ мы видѣли, редакція нашего поученія очень близко подходитъ къ редакціи Изборника: нашъ почтенный изслѣдователь, указавшій источникъ для этой части поученія, полагаетъ, что именно этою редакціею Изборника пользовался составитель поученія (по мнѣнію Н. И. Петрова — пр. Θεодосіѣ Печерскіѣ).

Могъ ли преп. Θεодосіѣ,—какъ полагаетъ преосв. Макаріѣ,— произнести это слово въ 1067 г. и пользоваться для составленія его Изборникомъ Святослава, написаннымъ въ 1073 году? До насъ не дошелъ болѣе древній списокъ Анастасіевыхъ отвѣтовъ, откуда бы могъ предполагаемый авторъ поученія воспользоваться ими; пожалуй, можно предположить, что Θεодосіѣ могъ воспользоваться Болгарскимъ оригиналомъ Изборника,—сборникомъ, написаннымъ въ X вѣкѣ для Болгарскаго князя Симеона; но не лучше ли, и не легче ли думать, что составитель поученія пользовался спискомъ „Вопросовъ и отвѣтовъ“ XV вѣка, находящимся въ Румянцевскомъ музеумѣ подъ № 6¹⁾ По поводу этого сборника А. Востоковъ нѣкогда, занятый составленіемъ каталога Румянцевскаго музеума, писалъ Калайдовичу²⁾: „Продолжая описаніе рукописей Канцлерскихъ, нашелъ я между ними въ одной рукописи, на бумагѣ, въ 4^о, XV вѣка Анастасіевы отвѣты, то самое сочиненіе, которое занимаетъ большую часть Изборника 1073 года и тотъ самый переводъ, съ сохраненіемъ всѣхъ древнихъ Болгарскихъ словъ, только съ перемѣною правописанія на русское 15-го вѣка“

Изъ этого письма видно, что въ сборникѣ XV вѣка существовали Анастасіевы отвѣты въ той же редакціи, что и въ Изборникѣ Святослава. Гораздо легче составитель поученія могъ пользоваться этимъ сборникомъ, который по составу своему могъ служить пособіемъ для составленія поученій по разнымъ вопросамъ вѣры.

Намъ остается теперь перейти къ разбору третьей и, вмѣстѣ, послѣдней части поученія о Казняхъ Божіихъ. Сказавъ о молитвѣ, проповѣдникъ далѣе говоритъ о постѣ, установленномъ святыми отцами, и о духовномъ празднованіи, а не тѣлесномъ; люди должны не чреву своему работать, а больше заботиться о питаніи своей души хлѣбомъ ангельскимъ, снесеннымъ ангелами съ неба въ свя-

¹⁾ Или по другому какому либо списку Изборника Святослава; или же по Сборн. Новгор. Соф. биб-ки № 1285 XV в.—представляющему въ себѣ много статей сходныхъ со Сборн. Святослава.

²⁾ К. Θ. Калайдовичъ. П. Безсонова, стр. 204.

щенихъ книгахъ ... и въ особенности же люди молжны беречься пьянства. „О горе, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ!—воскликаетъ проповѣдникъ, и перечисляетъ, какія печальныя послѣдствія влечетъ за собою пьянство: отъ пьяницъ отступаетъ Богъ и ангелы, а на ихъ мѣсто являются бѣсы, которые приносятъ дьяволу жертву „пьянственную отъ пьяницъ“. Діаволь радуется о пьяницахъ, и посылаетъ бѣсовъ научать христіанъ пьянству и другимъ діавольскимъ желаніямъ.

Опечаленные этимъ ангелы обратились къ святымъ отцамъ, чтобы тѣ „писаніемъ“ отучили христіанъ отъ пьянства, *но не отъ питья вообще*: „ино бо пьянство есть злое, а ино питье въ мѣру и въ законъ, и въ подобное время и въ славу Божию“. Святые отцы написали христіанамъ „правовѣрное ученіе“; тѣ люди, которые будутъ поступать по этимъ правиламъ св. отцовъ, получаютъ жизнь вѣчную, а не исполняющіе ихъ—будутъ съ діаволомъ осуждены на вѣчныя страданія.

Въ заключеніи проповѣдникъ обращается къ слушателямъ, предлагая имъ работать во имя Бога, исполнять его заповѣди, чтобы жить о Христвъ Исусѣ, „ему же слава съ отцемъ и святымъ духомъ“.

Кромѣ начальныхъ словъ этой части „И се возлюбленная чада будете вѣдуще“ и заключенія, содержаніе котораго уже передано, все остальное слово въ слово заимствовано изъ „Поученія святаго Василия о томъ, како подобаетъ въздрѣжотися отъ пьянства“¹⁾ Это слово открыто Н. Срезневскимъ въ Дубенскомъ Сборникѣ правилъ и поученій²⁾. Впрочемъ, раньше его пр. Филаретъ³⁾ указалъ слово, сходное съ этою частью поученія „Послѣднее наставленіе, говорить онъ, наставленіе о пьянствѣ встрѣчается по рукописи и въ отдѣльномъ видѣ, съ надписью: „слово св. отецъ о пьянствѣ“. Онъ имѣетъ въ виду сборникъ Рум. Муз. № 358, гдѣ на л. 317 (По опис. Востокова) находится „**сѣбъ стѣхъ оцѣ о пьянстве поученѣ**“.

Кромѣ того, Н. П. Петровъ отмѣчаетъ „слово св. отецъ поученіе о праздницѣхъ господьскихъ Василия Новаго“⁴⁾ (которое

¹⁾ По изданію Пономарева, „Памятники“, вып. IV, стр. 95. „Слова и поученія противъ пьянства“.

²⁾ „Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстн. и неизв. пам.“ 1874 г., стр. 321.

³⁾ „Обзоръ писателей духовнаго чина“, стр. 17.

⁴⁾ Опис. рукоп. церк.-арх. муз., стр. 448.

Василій Новый († 944 г.). Жизнь его описана ученикомъ его Григоріемъ.

является здѣсь въ такомъ же объемѣ, какъ и рассматриваемая часть поученія), какъ источникъ для этой части поученія. Мы имѣли возможность ознакомиться съ текстомъ поученія „Василія Новаго“ и нашли, что оно мало чѣмъ отличается отъ второй части поученія Дубенскаго Сборника, такъ что для насъ безразлично, какую изъ этихъ редакцій считать источникомъ поученія. Для насъ важнѣе было бы установить русское ли это поученіе, или переводное съ греческаго, а также и автора его.

Что оно не русскаго происхожденія—объ этомъ въ слабой степени говоритъ одно мѣсто его: „Ангели же повѣдаху святымъ отцемъ... да быша писаніемъ отлучили крестьянъ отъ пьянства, *и не отъ нитья еже въ мѣру въ подобное время въ законъ и въ славу Божию*“ Здѣсь какъ бы сказано въ оппозицію богомиламъ, между прочимъ, запрещавшимъ нить вино. Но это, повторяемъ, лишь слабая наша догадка, не больше.

Что оно не принадлежитъ Василію Новому—можно болѣе положительно утверждать на томъ основаніи, что мы ничего не знаемъ о томъ, чтобы этотъ святой оставилъ послѣ себя какія бы то ни было письменныя произведенія; что же касается до надписанія поученія именемъ его въ указанномъ сборникѣ, то мы должны замѣтить, что надписанію не всегда можно довѣрять, и кромѣ того, не вездѣ это слово надписано именемъ Василія Новаго: такъ въ „Измарагдѣ“ (1 ред.), изслѣдованномъ г. Яковлевымъ оно надписано: „слово святыхъ отецъ о празднованіи духовнѣмъ и о пьянствѣ“

Проф. Н. И. Петровъ авторомъ этого слова склоненъ считать ученика Василія Новаго—Григорія: „Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что это слово заимствовано изъ произведеній Григорія, ученика Василія Новаго, такъ какъ не противорѣчитъ содержанию и духу этихъ произведеній“²⁾.

Не имѣя возможности ознакомиться съ произведеніями Григорія, мы въ этомъ случаѣ присоединяемся къ мнѣнію нашего уважаемаго изслѣдователя.

И въ данномъ случаѣ для большей наглядности мы ниже представимъ параллельную таблицу двухъ текстовъ: изъ поученія о „Казняхъ Божіихъ“ и изъ „Слова св. отецъ поученіе о празднѣхъ господьскихъ Василія Новаго“ (по сборнику словъ и житій

¹⁾ См. О псевдонимахъ... статья Сухомлинова въ Изв. II отд. Ак. наукъ. т. IV, стр. 118.

²⁾ Op. cit., 92 стр., прим. I.

XVI и XVII вв. Кіевскої духовної академії—0.4.79 л. 272 об. —275).
Ізъ сравненія этихъ двухъ текстовъ можно убѣдиться въ дѣйстви-
тельности замѣтванія авторомъ нашего поученія изъ слова „Ва-
силія Новаго“.

Ізъ поученія „О казняхъ
Божіихъ“

(По изданію пр. Макарія).

*И се возлюбленная чада будете
выдуща святіи отци наши уста-
вили (?) постныя дни по наученію
исполню и по заповѣди святыхъ
апостоль, святыхъ праздники празд-
новати дуговно заповѣдаша, а не
тѣлесно, не чреву работающе без-
однымъ пьянствомъ, но Богу моля-
щеса о своиѣ согрѣшеніихъ немощ-
ныя накормляюще с собою в подобно
время, тѣло кормяще земнымъ браш-
номъ, а душу дуговнымъ. Тоже
брашно въ судѣхъ (?) книжныхъ
с небесе смесено, иже глаголется
глаголь ангельскій ясть человекъ,
брашно посла имъ до изобилія,
рече писанія святыхъ книгъ. Тако
праздновати святыхъ праздники,
якоже велятъ святци; тако и сами
творили и спаслися суть. Все же
любовію творяще: без тоа бо ни-
кая же добродѣтель приносится
къ Богу,—и мирно живуща не ток-
мо съ други, но и со враги, но съ
своими враги. а не съ божьими.
Свои же намъ врази суть: аще
кому кто или сына или брата за-
клялъ бы предъ очима. А божіи
суть врази: жидове, еретици дер-
жаще кривую вѣру, и прящеса
по чужой вѣрь. На праздники же
великія пировъ не творити, пьян-
ства бѣгати, испити мало и блю-*

„Слово св. отецъ поученіе о
праздницѣхъ господьскихъ
Василія Новаго“.

*Святіи отци уставилиа пост-
ныя дни по наученію Господню и
и по заповѣдѣмъ святыхъ апостоль.
[Рождество Христово уставилиа
Иванъ Златоустъ и крещеніе Ва-
силей, рекомое Богоявленіе, а пасху
Григорій боисловець] уставилиа
праздновати дуговно, а не тѣлес-
но, не чреву работающе безоднымъ
пьянствомъ но молящеса Господеви
о своемъ согрѣшеніи, немощныи
накормляюща со собою въ подобнае
время, тѣло кормяще земнымъ браш-
номъ, а душу дуговнымъ брашномъ.
Тоже брашно лежитъ въ сосудѣхъ
книжныхъ смесено съ небеси. [О
томъ же брашнѣ естъ речено] иже
глаголется глаголь ангельскій ясть
человекъ, брашно посла имъ до оби-
лія дому твоего: [домъ Божіи и
святіи церкви, а питіе—книжная
словеса а еже уньются, рече умуд-
рятся книжными ученми, да се
слышавше братіе подвижемся] та-
ко праздновати якоже [Василіи
великіи и вси] святіи велятъ, та-
коже и сами дѣлаи. Все же съ
любовію творящи: без тоа бо ни-
кая добродѣтель приносится къ
Богу и мирно живуща не токмо
съ любимыми но и съ враги своими,
а не съ Божьими. [Видомо же бу-
ди. чтоже] свои врази суть: аще*

сти душа своя, и стиречи часа, в
 онъже богу молишия трезвымъ
 умомъ, а не пьянымъ якоже Петръ
 Апостолъ рече: братія, будите
 трезви якоже суностатъ вашъ діа-
 волъ ищеть пѣаныгъ да я пожретъ.
 О юрѣ, наки реку, о юрѣ пребы-
 вающимъ въ пѣанствѣ. Пѣанствомъ
 ангела хранителя своего отгонимъ
 отъ себе, и змию быси привлчимъ
 къ себѣ, и Святаго Духа далече
 есмы пѣанства ради, а близь ада,
 и слова Божія не имуще въ устыгъ
 своихъ, тили ради пѣанственныя.
 Бьси бо ради бывають о нашемъ
 пѣанствѣ, и радующеся приносятъ
 діаволу жертву пѣанственную отъ
 пѣаницъ; діаволъ же радуясь глаго-
 летъ яко николиже тако веселюся
 и радуюся о жертвагъ поаныхъ
 языкъ якоже о пѣанствѣ христіа-
 ныгъ; всяка бо дѣла моего готѣнія
 въ пѣаницагъ суть. Писано бо есть
 яко и поанья набдитъ боги, а пѣа-
 ниць ненавидитъ и отвращаетъ
 отъ нихъ. Но толко суностатъ
 нашъ радуется о нашемъ пѣанствѣ,
 а искони бо не гощетъ добра роду
 чловѣчу и глаголетъ, яко мои суть
 пѣани, а трезви суть Божіи. И
 посылаетъ діаволъ бьсы рекъ: идете
 поучайте христіаны на пѣанство
 и на всяку дѣтель моего готѣнія.
 Ангели же святіи, пригодяще, по-
 выдали се святымъ отцамъ с неча-
 лѣю великою, да быши писаніемъ
 отлучили христіанъ отъ пѣанства,
 а не отъ питья: ино бо пѣанство
 есть злое, а ино питье въ мѣру, и
 въ законъ и в подобное время и в
 славу Божію. Святіи же отци

кто кому сына или брата зклялъ
 предъ очима его то отдати ему и
 простити его. А се суть Божіи
 врази: жидове и еретици держатъ
 кривую вѣру, [сворачивающуюся на
 иновѣріе] и прищеса по чужой
 вѣрѣ, [и гваляще чужую вѣру и
 двоевѣріе любяще, то съ тѣми мири
 николи же не держати, ни любви,
 доидеже останется тою, то же ся
 с ними мирити о Христь]. На
 празднигы же великыя пировѣ не
 дѣяти. пѣанства бытати иснива-
 ти мало, баксти душе своя и стире-
 щи часа въ онъже богу молиши-
 ся трезвымъ умомъ, а не пьянымъ
 якоже Петръ глаголетъ: братіе
 трезви будете яко суностатъ вашъ
 діаволъ ищеть пѣаныгъ да и по-
 жираетъ. О юрѣ, [како ся пѣанымъ
 ухоронити и лежаща яко и мерт-
 вымъ, а отъ Бога отбьшимъ пѣан-
 ства ради, и удалымъ отъ свя-
 таго дуга смрада ради пѣанствен-
 наго] и слова божія неимуцимъ
 тили ради пѣанственныя во устыгъ
 своихъ. [и ангелу гранишелоу от-
 бьшию и плачущесе пѣанства ради].
 бьсомъ же веселяцимъся о пѣани-
 цагъ и радующеся приносятъ жер-
 тву ко діаволу отъ пѣаницъ; діа-
 волъ же радуясь глаголетъ, яко ни-
 коли же тако веселюся и радуюся
 о жертвагъ поаныхъ чловѣкъ, яко-
 же о пѣаныгъ христіаныгъ всяка
 бо дѣлеса моего готѣнія за ними
 суть [И лучше ми суть пѣаници
 и запоицы отъ христіанъ нежелю
 отъ поаныхъ идоломольцевъ (идоло-
 жьрци)] яко и поаныхъ Богъ на-
 бдитъ, а пѣаниць ненавидитъ и

написана честное сеи правивърное учение предаша христіаномъ, на провоженіе жизни сея, и на причастіе вѣчныя жизни, да кто послушаетъ сею правила святыхъ отецъ и поживетъ мѣта своя творя волю божію, житель будетъ вѣчныя жизни; не послушавшей силъ книгъ осужденъ будетъ съ діаволомъ в муку вѣчную. Се слышаще братіи подвижемся работати Господеви, и заповѣди его творити и в законъ его поживемъ вся дни живота нашего о Христѣ Иисусѣ. ему же слава съ отцемъ и святымъ духомъ и нынѣ и присно.

иушается ихъ, азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяніи а трезви божіи. И се рекъ діаволъ и рече бѣсомъ: идите научайте крестьяны на пьянство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Ангели же святіи приходящимъ повѣдагу святымъ отцамъ съ великою печалію да быша писаніемъ отлучили крестьянъ от пьянства и не отъ питья, еже въ мѣру, въ подобное время въ законъ и въ славу Божію. Святіи же отци написавше честное се учение вѣрно предаша крестьяномъ на провоженіе жизни сея и на причастіе жизни вѣчныя, да кто послушаетъ сею правила святыхъ отецъ и поживетъ въ трезвъ умъ, дѣла творя достойна Богу и (зи)житель будетъ вѣчныя жизни наслаждаяся вѣчныхъ благу, а кто не слушая. осужденъ будетъ со діаволомъ въ муку вѣчную. И се слышавше братіе подвижемся трезвымъ умомъ работати богу и заповѣди его не ложно сохранити. и въ законъ его поживемъ день и ноць, славяще святую триницю, отца и сына и святаго духа нынѣ и присно...

Если въ предшествующихъ случаяхъ, сравнивая тѣ или ниня мѣста поученія съ ихъ источниками, мы замѣчали нѣкоторыя, правда весьма немногочисленныя, измѣненія въ редакціи поученія, которыя свидѣтельствовали о нѣкоторой авторской самостоятельности, то въ данномъ случаѣ мы не можемъ отмѣтить даже и такой слабой ея степени. и видимъ лишь самую простую компиляцію.

Мы сказали, что самостоятельными въ этомъ большемъ отрывкѣ являются только нѣсколько начальныхъ словъ и, пожалуй, заключеніе; все же остальное, какъ мы убѣдились, дословно взято изъ слова „Василія Новаго“. Однако, въ поученіи мы замѣчаемъ нѣкоторыя сокращенія слова; мы не имѣемъ возможности провѣ-

рить, кѣмъ они сдѣланы—составителемъ поученія или переписчикомъ; но, во всякомъ случаѣ, они отличаютъ чье-то невѣжество, и непониманіе. Мы приведемъ наиболѣе неудачныя сокращенія; такъ въ поученіи мы имѣемъ: „всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть, писано бо есть яко и поганья набдѣтъ Богъ“... а въ словѣ Вас Н.:—„всяка бо дѣла моего хотѣнія за ними суть; и лучше ми суть пьяницы и запоицы отъ крестьянъ, нежели отъ поганыхъ идоложрѣцовъ: яко и поганыхъ богъ набдѣтъ, а пьяницъ ненави- дить“. Какъ видимъ, въ „словѣ“ мысль полная и ясная; въ поуче- нии же, вслѣдствіе сокращенія, она не такъ ясна; далѣе, въ „словѣ“ мы имѣемъ: „и ангелу хранителю отбѣгну и плачущуся пьянства ради, бѣсомъ же веселящимся о пьяницахъ и радующеся прино- сятъ жертву ко діаволу отъ пьяницъ“: въ поученіи же первая часть этого разсужденія опущена, тамъ сказано только: „бѣси бо ради бывають о нашемъ піанствѣ и радующеся приносятъ діаволу жертву“ ...—и этимъ искажена мысль объ ангелахъ, желающихъ людямъ блага, и плачущихъ объ ихъ грѣхахъ, какъ противополож- ность бѣсамъ, радующимся грѣху

Отмѣтимъ еще совершенно испорченное мѣсто въ поученіи: „тоже брашно *въ судьхъ книжныгъ* с небесе снесено, иже глаголется хлѣбъ ангельскій ясть человекъ, брашно посла имъ до изобилія, рекше писаніе святыхъ книгъ. Тако праздновати“... этому темному мѣсту соответствуетъ въ словѣ: „Тоже брашно лежитъ *въ сосудьхъ книжныгъ* снесено съ небеси. О томъ же брашнѣ есть реченно, иже глаголется хлѣбъ ангельскій ясть человекъ, брашно посла имъ до обилія дому твоего—домъ Божій и святини церкви, а питіе—книж- ная словеса, а еже упьются—рече, умудрятся книжными ученіи. Да се слышавше братіе подвигнемся тако праздновати“...

Какъ видимъ, въ послѣднемъ случаѣ авторъ подробно разви- ваетъ мысль о книгахъ, заключающихъ въ себѣ духовную пищу для человека, какъ о хлѣбѣ ангельскомъ. Эта мысль о почитаніи книж- номъ не чужда была и русскому обществу древняго періода. Всѣмъ извѣстно разсужденіе лѣтописца по этому поводу¹⁾.

Припомнимъ также, что и въ Изборникѣ Святослава 1073 года есть статья о книжномъ почитаніи. „Какъ для коня правитель и воздержаніе есть узда такъ для праведника книга:... какъ плѣн- никъ думаетъ о своихъ родителяхъ, такъ праведникъ о почитаніи книжномъ“

¹⁾ См. Лаврентьевская Лѣтопись подъ 1037 годомъ. (По изд. Археографиче- ской комиссіи).

Другіе, не менѣе значительные пропуски мы уже отмѣтили въ самомъ текстѣ, поэтому считаемъ лишнимъ приводить ихъ отдѣльно.

Что касается словъ и поученій „о пьянствѣ“ или „противъ пьянства“ вообще, можно замѣтить, что они существовали въ довольно большомъ количествѣ въ нашей древней духовной литературѣ, служа орудіемъ для борьбы церкви съ этимъ стариннымъ русскимъ недугомъ.

Наряду со „словами“ чисто русскаго происхожденія встрѣчаются слова южно-славянскія и переводныя греческія, однако, съ большею или меньшею аккомодациею къ русской дѣйствительности, что значительно затрудняетъ рѣшеніе вопроса объ ихъ происхожденіи. Довольно полный подборъ древне-русскихъ словъ и поученій этого рода сдѣланъ съ цѣлями религіозно-назидательными въ изданіи Троицко-Сергіевой Лавры: „Троицкая народная бесѣда“ въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „Всѣмъ пьющимъ и непьющимъ много-полезная книжица о погибельномъ пьянствѣ“

Мы разсмотрѣли все поученіе о Казняхъ Божіихъ, представляя и провѣряя источники, послужившіе автору для составленія поученія; теперь намъ предстоитъ высказать свое окончательное сужденіе по вопросу о принадлежности этого поученія преп. Феодосію.

Какъ мы видѣли, все поученіе состоитъ изъ трехъ разсужденій: о казняхъ Божіихъ, о молитвѣ и противъ пьянства; каждое изъ этихъ разсужденій не есть произведеніе предполагаемаго автора поученія, но оказывается заимствованнымъ изъ трехъ различныхъ источниковъ.

Степень заимствованія не вездѣ одинакова: то она удаляется до передачи источника перифразомъ, но съ соблюденіемъ въ изложеніи мыслей порядка источника, то приближается настолько къ нему, что переходитъ въ простую копировку подлинника, обращая, такимъ образомъ, писателя въ простого списывателя. При такомъ отношеніи къ источникамъ авторская индивидуальность выразилась только въ выборѣ и въ нѣкоторыхъ весьма незначительныхъ, часто неудачныхъ, замѣненіяхъ текста источниковъ. Мы имѣли возможность убѣдиться, какъ сокращенія или дополненія часто влекли за собою искаженіе мысли подлинника.

Что касается самихъ источниковъ, то они по характеру своему слишкомъ разнородны для того, чтобы изъ нихъ можно было бы составить одно стройное цѣльное произведеніе: продуктъ подража-

тельной греческой литературы Византийского периода, какимъ намъ представляется „слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ Златоструя“ легъ въ основаніе поученія. Уже самый выборъ этого источника при существованіи разсужденій на подобную же тему у знаменитыхъ представителей блестящей поры проповѣдничества—отцевъ церкви Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова—говорить не въ пользу составителя.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить „бесѣду святаго Григорія Θεолога о избіеніи града“, напечатанную въ Изв. Ак. Наукъ II-го отд. (т. IV. стр. 295) по рукописи XI вѣка. Въ этомъ словѣ находимъ слѣдующія мѣста и выраженія сходныя съ подобными же въ поученіи Златоструя „о ведрѣ“, послужившемъ источникомъ для лѣтописнаго разсужденія.

— „И оудръжахъ отъ васъ дѣждь; (пре)дѣлъ единый одѣженъ кысть, и (пре)дѣлъ югоже не одѣдихъ нсыше и ресте мжжемъса.... виноградъ ваша и лугъ ваша и жита ваша побихъ, и зѣлобы ваша не истрыгъ Радоумъжъ, яко жестоко еси и жила желѣзна вым твою.... (стр. 302).

... Овъ отъ насъ оуцѣшнн пщѣа, и уастъ отъ земля его прннѣтъ, зѣа ли укрдѣ, ли обндѣвъ... овъ анхвами и прнбѣткомъ землю осквернн... овъ вдовнѣа и снра... Снхъ радн ли затварѣтъса небо ли зѣаъ отъеръзѣтъса овогда ведро твора, овогда сланною оубнкла, овогда градъ въ дѣжда мѣсто пщѣаа нмнѣшьнѣжъ нлшж казнѣ“.... (310).

Несомнѣнно, что авторъ поученія „о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ“, вошедшаго въ переводѣ въ составъ Симеоновскаго Златоструя, былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ Григорія Богослова, которое, такимъ образомъ, было однимъ изъ его источниковъ. Это положеніе еще болѣе доказываетъ греческое происхожденіе слова-мнѣніе, высказанное П. Срезневскимъ въ формѣ догадки.

Къ этому общему разсужденію авторъ присоединилъ разсужденіе о молитвѣ, не имѣющее внутренней непосредственной связи съ предыдущимъ, и, наконецъ, совершенно искусственно и непоследовательно закончилъ поученіе довольно обширнымъ разсужденіемъ противъ пьянства.

Разсматривая поученіе въ цѣломъ видѣ, мы не замѣчаемъ въ немъ ни безискусственной простоты изложенія, ни искренности,— что составляетъ характерную черту Θεодосіевыхъ поученій (какъ увидимъ ниже), не видимъ также стройности и соразмѣрности отдѣльныхъ частей, какими отличаются даже искусственныя произведенія Византийскаго періода, не говоря уже о художественныхъ

бесѣдахъ Іоанна Златоустаго. Единство мысли —эта Ориаднина нить, которая необходимо должна проходить черезъ всякое произведение, будь то философское сочиненіе или поученіе братин— здѣсь не соблюдено. Вообще, по своему построенію оно напоминаетъ неудачныя подражанія и компиляціи, какія мы въ особенности замѣчаемъ въ поученіяхъ митр. Фотія.

Вполнѣ естественнымъ является вопросъ *не объ авторѣ* поученія, которое, какъ мы видѣли, состоитъ изъ произведеній трехъ различныхъ авторовъ, —а *объ объединителѣ* этихъ 3-хъ разнородныхъ разсужденій въ одно поученіе, озаглавленное „поученіе о Казняхъ Божіихъ“.

Мы видѣли, что митр. Макарій нисколько не сомнѣвается признать „авторомъ“ этого поученія пр. Феодосія: И. И. Срезневскій и проф. Голубинскій тогда еще не имѣли достаточныхъ основаній вполнѣ отрицать авторство пр. Феодосія; пр. Антоній Вадковскій уже категорически отрицаетъ принадлежность поученія нашему проповѣднику, хотя его выводы не достаточно обоснованы.

Нашъ уважаемый изслѣдователь Н. И. Петровъ очень обстоятельно указалъ источники поученія, но почему-то находитъ возможнымъ считать пр. Феодосія „авторомъ“ этого поученія.

Теперь мы предложимъ соображенія, вытекающія изъ нашего изслѣдованія, на основаніи которыхъ мы отказываемся признать составителемъ (а не авторомъ—о чемъ и рѣчи быть не можетъ) этого поученія преп. Феодосія Петерскаго.

Первое и главное, что дало поводъ приписать это поученіе нашему проповѣднику—надписаніе его именемъ пр. Феодосія въ единственномъ до насъ дошедшемъ спискѣ „Торжественника“ № 435 Рум. Музеума — („мѣа майа въ г—поученіе бл҃жнаго Феодосіа игумена петерскаго о казнѣ Божій“). Не сомнѣваясь въ достовѣрности его, ученые въ первое время не отнеслись болѣе критически къ этому свидѣтельству; но уже ак. И. Срезневскій, относясь скептически къ этому надписанію, предположилъ, что, помѣщенное подъ 3 мая поученіе могло быть приписано Феодосію только на томъ основаніи, что въ этотъ день празднуется память его; предположеніе это основано на аналогичномъ явленіи, наблюдаемомъ въ томъ же сборникѣ: тамъ, подъ 9 мая, въ день празднованія перенесенія мощей св. Николая находится поученіе, названное „слово иже во святыхъ отца нашего Николая на перенесеніе честныхъ его мощей“¹⁾, хотя это послѣднее ему не принадлежитъ.

¹⁾ Свѣд. и зам. Ор. cit., стр. 35.

Это остроумное предположеніе изслѣдователя подорвало авторитетъ написанія поученія именемъ Θεодосія. тѣмъ болѣе, что „псевдонимы“ были очень развиты въ нашей древней духовной литературѣ.

„Что составляетъ камень преткновенія въ изслѣдованіи рукописныхъ произведеній нашей древней словесности—это точное опредѣленіе ихъ авторовъ. Большею частію имена писателей исчезли вмѣстѣ съ ними, а иногда не были извѣстны и при жизни ихъ“¹⁾.

Поэтому изслѣдователь вопроса о принадлежности поученія „О казняхъ Божіихъ“ пр. Θεодосію, игнорируя свидѣтельство сборника, долженъ искать внутренняго соответствія между этимъ поученіемъ и другими, несомнѣнными, въ которыхъ выразился складъ мысли, убѣжденій и духъ нашего проповѣдника.

Митр. Макарій указываетъ обстоятельства, при которыхъ это поученіе могло быть произнесено пр. Θεодосіемъ: „оно (это поученіе) написано, вѣроятно, по случаю нашествія половцевъ на землю русскую въ 1067 г., когда три князя наши Пяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерѣли отъ нихъ пораженіе на рѣкѣ Алтѣ (Лѣтѣ) и вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевѣ произошелъ мятежь“²⁾; подъ тѣмъ же годомъ у лѣтописца мы встрѣчаемъ разсужденіе, какъ мы видѣли, сходное съ отрывкомъ изъ поученія. Почему лѣтописецъ приводитъ это разсужденіе отъ своего имени, а не указываетъ его дѣйствительнаго автора, если таковымъ быть пр. Θεодосій? Мы видѣли, что и въ лѣтописи (будь то Несторъ или кто иной), и въ житіи приводятся отрывки изъ поученій пр. Θεодосія; мы легко могли замѣтить, съ какою любовью и глубокимъ уваженіемъ въ лѣтописи, какъ и въ житіи, говорится о нашемъ проповѣдникѣ: лѣтописецъ старается воспроизвести нѣкоторыя изъ поученій, сказанныя по какому либо особому случаю (какъ напр. посланіе къ Святославу) и вдругъ тотъ же лѣтописецъ является „плагіаторомъ“ у того же Θεодосія. Если бы дѣйствительно лѣтописецъ привелъ разсужденіе изъ поученія пр. Θεодосія, то мы въ правѣ были бы ожидать отъ него указанія, что онъ приводитъ разсужденіе изъ слова, сказаннаго пр. Θεодосіемъ. И это только способствовало бы большей славѣ печерскаго игумена, о которой такъ естественно долженъ быть за-

¹⁾ Сухомяновъ. „О псевдонимахъ въ др.-рус. словесности“ Изв. II отд. Ак. наукъ, т. IV, стр. 118.

²⁾ Макарій: „Преподобный Θεодосій печ. какъ писатель“ (Изв. Ак. наукъ II, отд. т. IV, стр. 275).

ботиться лѣтописецъ, будучи самъ печерскимъ инокомъ. Непослѣдовательность эту можно только объяснить тѣмъ, что лѣтописецъ приводитъ разсужденіе не изъ слова пр. Феодосія, а пользуется поученіемъ Златоуструа о ведрѣхъ и о казняхъ Божіихъ. Однако, допустимъ даже, что это слово могло быть произнесено преп. Феодосіемъ по случаю бывшаго тогда народнаго бѣдствія. Но въ поученіи мы видимъ только общее разсужденіе о казняхъ Божіихъ и о пьянствѣ,—такъ что приурочить это поученіе къ опредѣленному дню или случаю нѣтъ никакого основанія.

Обратимся теперь къ формѣ самого поученія и его содержанію. Мы видѣли, что это поученіе довольно обширно, тогда какъ поученія пр. Феодосія болѣе или менѣе кратки. вмѣсто простоты видимъ неудачную искусственность; но самое главное—это компилятивный характеръ поученія, совершенно не свойственный нашему Феодосію.

Ниже мы увидимъ, что въ поученіяхъ его, въ формѣ и содержаніи замѣтно вліяніе пр. Феодора Студійскаго; мы найдемъ это соотвѣтствіе не только въ поученіяхъ, но и въ жизни нашего подвижника, который во всемъ былъ проникнутъ духомъ великаго подвижника Востока—этимъ объясняется сходство мыслей и даже выраженій въ поученіяхъ Феодосія съ катехизическими оглашеніями и уставомъ Феодора Студійскаго. Здѣсь же мы видимъ сплошное заимствованіе: проповѣдникъ говоритъ исключительно чужими словами, не надѣясь на свои силы, но скрывая источникъ, откуда онъ черпаетъ свое краснорѣчіе.

Пр. Феодосій, когда приводитъ чужую мысль (большею частію изъ устава) то иногда добавляетъ „якоже въ уставѣ пишется“ или „яко богоносный Феодоръ рече“.; однако, онъ пользовался такою любовью и уваженіемъ у современниковъ, князей, братіи и мірянъ, что и самъ не облакался въ свѣтлыя ризы, да и своихъ поученій не старался облакать въ блестящую форму; онъ говорилъ просто, иногда „любовно“, иногда строго обличая своимъ словомъ. Доказательствомъ авторитета, какимъ заслуженно пользовался пр. Феодосій, и какое значеніе имѣли не только его поученія, но даже нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ, можетъ служить слѣдующій фактъ изъ его жизни. Однажды пр. Феодосій вошелъ къ князю Святославу и засталъ его веселящимся среди музыки, пѣнія и пляски—обычныхъ княжескихъ забавъ. Онъ не разразился обличительной рѣчью противъ такого безчинства;—онъ сѣлъ вблизи князя, головою поникъ, и сказалъ ему тихо: „то будетъ ли еще на ономъ свѣтѣ“? —И умллився князь, говоритъ біографъ, абие о семъ словѣ

блаженнаго и мало прослезився повелѣтъ тѣмъ престати“. При такомъ авторитетѣ и всеобщемъ уваженіи пр. Феодосіи никогда не свизошелъ бы до того, чтобы подъ своимъ именемъ предлагать поученія, составленныя изъ произведенія разныхъ авторовъ.

Въ частности же, источникомъ для второй части поученія служилъ, какъ мы видѣли, отрывокъ изъ отвѣтовъ Анастасія Синаита. каковымъ едва ли могъ пользоваться пр. Феодосіи, потому что мы не имѣемъ данныхъ, доказывающихъ существованіе Анастасіевыхъ отвѣтовъ у насъ (помимо Изборника 1073 г.) въ XI вѣкѣ. Пользоваться же въ 1067 году Изборникомъ онъ не могъ, потому что этотъ послѣдній былъ переписанъ для князя въ 1073 году.

Наконецъ, нѣкоторыя мысли поученія не согласуются съ строго-аскетическими воззрѣніями пр. Феодосія; такъ напримѣръ, въ третьей части поученія проповѣдникъ вооружается не противъ питья вина вообще, а только противъ пьянства; питье же „въ мѣру“, „въ законъ“ проповѣдникъ санкціонируетъ, приводя легендарное какое то сказаніе о томъ, какъ ангелы „съ печалью великою“ просили св. отцевъ, чтобы тѣ „писаніемъ быша отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья“. Хотя это мысли заимствованы, но разъ онѣ высказаны проповѣдникомъ, слѣдовательно онѣ съ ними согласенъ.

Итакъ, по нашему крайнему разумѣнію, на основаніи приведенныхъ выше соображеній, *мы не признаемъ преп. Феодосія Печерскаго ни авторомъ — въ тѣсномъ смыслѣ, ни составителемъ этого поученія.*

Мы полагаемъ, что выбрасывая это нескладное произведеніе изъ числа сочиненій пр. Феодосія, мы не только не умаляемъ значенія нашего древняго писателя, а напротивъ. очищаемъ его имя отъ обременительныхъ, сгоряча приписанныхъ ему произведеній, чтобы тѣмъ яснѣе представить нашего аскета-проповѣдника, для котораго не существовало славы міра сего.

Ибо чѣмъ инымъ, какъ не исканіемъ „тщей славы и изгыбающей“ ¹⁾ объяснить желаніе составителя поученія блистать искусственными перлами чужого краснорѣчія!

¹⁾ Изъ поуч. пр. Феодосія

Поученіе о чашахъ тропарныхъ.

Кромѣ поученія о Казняхъ Божіихъ, преп. Феодосію Печерскому приписываютъ еще одно поученіе къ народу русскому „о чашахъ тропарныхъ“.

Довольно значительное количество списковъ этого поученія, дошедшихъ до нашего времени, можно раздѣлить на три категоріи по надписаніямъ. Къ первой категоріи мы отнесемъ тѣ списки, въ которыхъ это поученіе приписывается священномученику Панкратію. Такого рода списки мы встрѣчаемъ въ сборникахъ, такъ называемыхъ, Измарагдахъ второй редакціи¹⁾. Почтенный изслѣдователь Измарагда, представляя составъ этой редакціи отмѣчаетъ въ 94 главѣ его „Слово святаго священномученика Панкратія“. Начало: „Услышите, братія, извѣстно, яко обѣдней трапеза двѣ молитвы еста“²⁾. Хотя, впрочемъ, это же поученіе съ такимъ же надписаніемъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ Измарагда, такъ называемой, третьей редакціи (какъ на примѣръ, въ Сборникѣ СПб. Дух. Акад. № 41/1118 л. 36 об.—Слово св. Панкратія).

Мы укажемъ главнѣйшіе списки этой II редакціи, гдѣ встрѣчается поученіе о чашахъ тропарныхъ съ именемъ св. Панкратія: Измарагдъ Соловецкой б-ки № 359 XV в. (описанъ у Горскаго и Невоструева; издано въ Прав. Соб. 1858 г. ч. III); той же б-ки № 270 и 272 (XV—XVI в.); Синодальной б-ки № 230 (XV в.); Имп. пуб. б-ки древне-хранилища Погодина № 1017—полуустав. 1527 г.; *ibid.* № 1020—полууст. XVII в.; *ibid.* № 1021—полууст. XVII в.; *ibid.* I № 213 изъ рукоп. Толстого и др. Ко второй категоріи отнесемъ единственный списокъ Сборника Новгородской Софійской библиотеки № 578 (XV в.), гдѣ поученіе озаглавлено такъ: „поученіе святаго Панкратія о крещеніи обѣда и шити въ первую недѣлю поста св. Апостола списано Феодосіемъ худымъ мнхомъ“—(издано преосв. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ кн. II отд. III); и къ третьей

¹⁾ В. Яковлевъ. „Опытъ изслѣдованія Измарагда“ Одесса. 1893 г.

„Дошедшія до насъ рукописи Измарагда... должны быть раздѣлены на 5 редакцій“.

I-я редакція наиболѣе древняя (восх. къ XIV в.)—очень немнога списковъ ея (3).

II-я редакція наиболѣе распространена въ древн. Руси (XV—XVIII в.). Составъ ея см. стр. 171 *op. cit.*

Остальныя III ред. представляютъ передѣлку изъ 2-хъ основныхъ.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 184.

категоріи — также единственный списокъ XV—XVI в. Матицы Златой—№ 1024 Им. П. Б-ки Погодинскаго Древнехранилища, гдѣ поученіе озаглавлено кратко: „слово писано святымъ Θεодосіемъ мнихомъ (издано *ibidem*).

По объему списка первой категоріи (какъ напр., по Измарагду Солов. б-ки № 359—Изд. Прав. Соб. 1858 г. ч. III) обширнѣе остальныхъ; также и по содержанію списка первой категоріи отличаются отъ другихъ.

Наиболѣе важнымъ представляется слѣдующее мѣсто въ нѣкоторыхъ спискахъ первой категоріи, не вошедшее въ остальные списки второй и третьей категоріи: „егда же обѣдъ поставится Христосъ Богъ славется, и съети пити дѣло есть; обѣдающе же пустошныхъ не глаголати Нифонтово воспоминающе видѣніе иже челоуѣка видѣ съ женою и съ дѣтми обѣдающа, предъ ними нѣкія въ красныхъ стояще ризахъ числомъ елико ядущихъ. Нифонтъ же чюдящъ моляше Бога да проявитъ; бѣша бо обѣдающи убози и стояще въ чистыхъ одеждахъ, откры ему Богъ, яко ангелы суть, никогда бо не отходятъ блюдуще вѣрныя, но егда смѣхъ или кощоны начнутъ, ли клеветами осуждати кого то отходятъ ангелы и бѣсъ пришедъ насѣваетъ злая; того дѣля останитесь неподобныхъ глаголати обѣдающе егда же отобѣдающе“ .. и далѣе какъ и у другихъ (по изданію въ Правосл. Соб. 1858 г. окт. стр. 257).

Ниже мы будемъ говорить о значеніи этого мѣста, и его происхожденіи, а также и о причинахъ, почему оно не вошло въ нѣкоторые другіе списки: теперь же обратимся къ вопросу о надписаніяхъ этого поученія, и постараемся дать объясненіе ихъ различію. Ученые отдавали предпочтеніе той или иной категоріи, и сообразно съ этимъ, подразумѣвая подъ Θεодосіемъ нашего печерскаго проповѣдника, относили это поученіе къ числу сочиненій его, или же отрицали это предположеніе.

Преосв. Макарій, разбирая поученіе о тропарныхъ чашахъ по спискамъ только 2-й и 3-ей категоріи, предлагаетъ слѣдующее объясненіе различія въ надписаніяхъ: „это слово помѣщается также въ Сборн. Новг. Соф. б-ки XV в. № 578 л. 234 подъ заглавіемъ „поученіе св. Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую недѣлю поста Св. Апостоль списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ“. Въ числѣ святыхъ извѣстны только два Панкратія: священномученикъ Панкратій, жившій въ первомъ вѣкѣ и не оставившій никакого писанія, и преп. Панкратій киевопечерскій, извѣстный по одному имени. Поэтому выраженіе „поученіе св. Панкратія“ можно считать *выдумкою или ошибкою писца*, а самое поученіе приписать тому, о

комъ сказано: „списано Феодосіемъ худымъ мнхомъ“ и кому оно дѣйствительно приписывается въ другомъ вышеупомянутомъ спискѣ (т. е. № 1024 Погодинскомъ).—*Op. cit.* p. 109.

Объяснивъ имя св. Панкратія „выдумкою или ошибкою писца“ преосв. Макаріи обходитъ молчаніемъ надписаніе въ спискахъ первой категоріи, гдѣ вовсе не упомянуто имени Феодосія, хотя такіе списки и древнѣе (какъ увидимъ ниже) и встрѣчаются въ несравненно большемъ количествѣ. Сомнительнымъ также является толкованіе словъ „списано“ и „писано“ въ смыслѣ „сочинено“ или „составлено“ Въ послѣсловіяхъ нашихъ рукописныхъ сборниковъ мы часто встрѣчаемъ выраженія въ родѣ: „списано“, „списано“, „а се азъ писалъ“, „радъ писецъ дописавъ...“ и, конечно, понимаемъ эти выраженія въ ихъ прямомъ значеніи — переписалъ, списалъ,—и никакъ не считаемъ ихъ переписчиковъ сочинителями статей, помѣщенныхъ въ сборникахъ.

Обращаясь далѣе къ авторитету ученыхъ, мы замѣчаемъ, что и уважаемый проф. Голубинскій въ вопросѣ о надписаніяхъ поученія о тропарныхъ чашахъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Игнорируя надписаніемъ св. Панкратія въ пользу Феодосія (печерскаго), онъ объясняетъ, что, „если единогласное свидѣтельство многихъ рукописей *нисколько не говоритъ (?)* за то, чтобы поученіе дѣйствительно принадлежало священномученику Панкратію, то нисколько не говоритъ и противъ того, чтобы оно принадлежало Феодосію“ (*op. cit.* t. I, стр. 676, пр 2).

Если же, какъ выходитъ по мнѣнію уважаемаго изслѣдователя, надписанія ничего не говорятъ ни за, ни противъ, то мы не видимъ ни причины, ни основаній, по которымъ это поученіе приписывается Феодосію и именно Печерскому

Однако у Горскаго и Невоструева¹⁾, мы встрѣчаемъ мнѣніе, высказанное съ большою основательностью. Принимая въ соображеніе всѣ три рода надписаній, почтенные археографы предполагаютъ, что слово это заимствовано изъ книги, гдѣ помѣщено было житіе св. Панкратія, какъ извѣстно (?) переведенное въ глубокой древности по повелѣнію Іоанна, Архіепископа Болгарскаго²⁾. Но во

¹⁾ Опис. рукоп. Синод. 6-ки (отд. II, ч. III, стр. 67—68).

²⁾ По мнѣнію Голубинскаго переведено въ Болгаріи въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка вмѣстѣ съ житіемъ Антонія. (*Op. cit.*, II, 747).

Пр. Порфирій Успенскій полагаетъ, что житіе переведено на слав. языкъ въ началѣ X вѣка: „Я полагаю, что около 906 года переведено было съ греческаго на славяно-сербское варѣчіе житіе Панкратія и переведено въ Сициліи по благо-

всякомъ случаѣ Θεοδοσίη, имя котораго встрѣчается только въ 2-хъ спискахъ, не является писателемъ, сочинителемъ этого слова, а переписчикомъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и преосв. Антоній Вадковскій; онъ также не соглашается понимать слова „списано“ и „писано“ въ смыслъ „сочинено“. Во всякомъ случаѣ, говоритъ изслѣдователь, авторомъ этого поученія можетъ быть кто-нибудь иной, но ни Θεοδοσίη Печерскіи. ни Θεοδοσίη худыи мнихъ“ (op. cit. 297).

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ этихъ послѣднихъ изслѣдователей, мы все таки стараемся дать объясненіе имени Θεοδοсіа, встрѣчающемуся въ двухъ спискахъ.

Припомнимъ, что подобное явленіе наблюдалось уже въ исторіи нашей литературы. Такъ на примѣръ, акад. Шевыревъ, какъ извѣстно, склоненъ былъ приписать пр. Θεοδοсію Печерскому „Житіе св. князя Владиміра“. Какъ выяснилось впоследствии, нашъ ученый былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ заключеніи „Слова“ по одному изъ рукописныхъ патериковъ Румянцевскаго Музеума ¹⁾ находится имя Θεοδοсіа. Въ этомъ патерикѣ помѣщено „Слово о томъ, како крестися Владиміръ, возмя Корсунъ“, излагающее въ краткихъ чертахъ и послѣдующую жизнь равноапостольнаго князя до его кончины.

Въ заключеніи этого слова, которое особенно въ первой половинѣ почти буквально сходно съ лѣтописныхъ сказаніемъ о томъ же предметѣ, писатель выразился „юже (sc. неизреченную радость) буди уллучити всѣмъ крестьяномъ и мнѣ „грѣшному Θεοδοсію“ и такимъ образомъ, назвалъ свое имя. Подъ этимъ Θεοδοсіемъ акад. Шевыревъ предполагалъ Θεοδοсіа Печерскаго, по мнѣнію же другого, — академика П. Буткова — писателемъ могъ быть тотъ инокъ Θεοδοсіи, который въ XII вѣкѣ перевелъ для князя Николая Святоши посланіе Льва папы римскаго къ Константиноп. патриарху Флавіану ²⁾.

словенію тамошняго Катанскаго епископа Кирилла и для тамошнихъ матросовъ-славянъ. Изъ Сициліи же привезено въ Далмацію сербами, часто ѣздившими на корабляхъ къ берегамъ сего острова“. (Первое путешествіе на Аѳонъ, т. I, стр. 96).

Мы болѣе склонны согласиться съ мнѣніемъ пр. Голубинскаго, Горскаго и Невоструева.

¹⁾ № 437 по описанію Востокова; л. 263 XV вѣка, по мнѣнію же проф. Голубинскаго второй половины XVII в.

²⁾ Бутковъ: „Разборъ трехъ древнѣйшихъ памятниковъ русской духовной литературы“ Современникъ 1852 г., ч. II, отд. II, стр. 89

Впослѣдствіи орд. акад. Макаріи, еп. Винницкій, доказать, что этотъ Θεодосій былъ только переписчикомъ житія Владимірова, и подѣ этимъ именемъ предполагаетъ митрополита Θεодосія (1461—1465), любившаго заниматься книжными трудами ¹⁾. Мы полагаемъ, что и въ данномъ случаѣ имѣемъ совершенно аналогичное явленіе.

Какъ мы уже отмѣтили, существуетъ только два списка съ упоминаніемъ имени Θεодосія: Погодинскій и Новгородскій; разсматривая поученіе о чашахъ тропарныхъ, изданное преосв. Макаріемъ по этимъ двумъ спискамъ, мы не можемъ не замѣтить, что имѣемъ дѣло не съ двумя различными редакціями, а лишь съ двумя списками одной и той же редакціи.

Сравнивая оба текста, мы не встрѣчаемъ въ списокѣ Погодинскомъ ни словъ, ни выраженій, которыхъ бы не находили и въ другомъ списокѣ—Новгородскомъ, замѣчаемъ лишь иногда пропуски словъ и нѣкоторыя неправильности, впрочемъ весьма незначительныя. Какъ уже отмѣтилъ преосв. Макарій, въ списокѣ Погодинскомъ нѣтъ обычнаго заключительнаго славословія, которое есть въ другомъ списокѣ: „получити такоже творящимъ милость божію (о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже подобаетъ“ .. и далѣе обычное заключеніе) ²⁾. Отмѣтимъ еще замѣченные нами пропуски: „тренаревъ же не (повелѣваемъ) молвити чашамъ въ шру“; „аще хоцещи (мой другъ присно быти) и мя заступницю имѣти“ .. „да своимъ дѣломъ вѣру име(те); „аще быша и всея земли сошлись понове, ти молитву быша сотворили (ни тако быша могли прогнати злаго) пьянства самовольнаго бѣса“ —Эти пропуски, неказавшіе зачастую самый смыслъ, какъ видимъ, совершенно пополняются текстомъ Новгородскаго списка; отмѣтимъ еще нѣкоторыя измѣненія словъ, замѣчаемыя въ списокѣ Погодинскомъ: „Дѣвица (Дѣва) Марія“, „аще хоцещи послушай мя (и его же аще хоцещи, послушаву мя имѣти) отверзися нитія“ Эти ошибки объясняются лишь невѣжествомъ и небреженіемъ переписчика, чѣмъ объясняютъ подобныя же ошибки, въ родѣ „не стерпѣвъ“ вм. слова „Несторъ“ „отъ нихъ“ вм. „Юніи“: или вм.: „се роду и рожаницѣ крають“ —„середу“. и другія, замѣчаемыя зачастую въ нашихъ рукописяхъ.

Однако, исправивъ эти ошибки и возстановивъ пропущенныя мѣста, мы получимъ два тождественныхъ списка. Это обстоятель-

¹⁾ „Записка о Θεодосіи писателѣ житія Володимерова“ Изв. Акад. наукъ II отд., т. IV, стр. 113.

²⁾ Въ скобкахъ мы будемъ помѣщать слова и выраженія по Новгородскому списку, пропущенныя или испорченныя въ списокѣ Погодинскомъ.

ство даетъ намъ основаніе установить отношеніе Новгородскаго списка къ Погодинскому, какъ оригинала къ копіи. При замѣченной нами склонности переписчика сокращать текстъ подлинника, для насъ не покажется удивительнымъ, что тотъ же переписчикъ вмѣсто длиннаго заглавія „Поученіе святаго Панкратія о крещеніи обѣда и питія в первую недѣлю поста святыхъ апостолъ, списано Феодосіемъ худымъ мнихомъ“¹⁾—привелъ сокращенное „Слово писано святымъ Феодосіемъ мнихомъ“ Какъ видимъ, имя Феодосія ввело переписчика въ заблужденіе, и онъ рѣшилъ добавить слово „святымъ“, вмѣсто пропущеннаго „худымъ“.

Теперь постараемся объяснить, какимъ образомъ имя Феодосія, какъ „писателя“ поученія Панкратія, очутилось въ Новгородскомъ спискѣ.

Мы не имѣли возможности близко ознакомиться со сборникомъ Новгородской Б-ки № 578, гдѣ помѣщается поученіе о чашахъ тропарныхъ, а описаніе его въ предисловіи къ изданію Лаврентьевской лѣтописи (стр. XVI подъ п. 8) слишкомъ кратко. Но небольшая замѣтка, упомянутого выше, акад. п. Макарія Винницкаго, касающаяся этого сборника, оказала намъ большую услугу.

Сборникъ № 578 состоитъ изъ двухъ частей: первая часть заключаетъ житіе Варлаама и Юсафа Царевича, вторая же часть содержитъ нѣкоторыя отдѣльныя статьи и Патерикъ особой редакціи²⁾. Въ этомъ патерикѣ въ нѣкоторыхъ статьяхъ его встрѣчается имя Феодосія; мы уже упомянули о житіи кн. Владиміра, въ которомъ приведено имя Феодосія; приведемъ еще нѣкоторыя статьи, гдѣ встрѣчается то же имя.

1) „Слово ансифорѣ (т. е. о Онисифорѣ) и о прозорствѣ его да и мы грѣшныи покаемся“ (л. 154)—которое находится и во многихъ другихъ спискахъ Патериковъ—начинается словами: „а се ти брате скажу что ради мое тцаніе къ е҃ма Антонию и Феодосію....“ и въ самомъ концѣ написано: „сего дѣля азъ грѣшныи Феодосіи мнихъ, недостойныи ереи, тужю и плачу и желаю тамо ми скончатись да быхъ точию положенъ быль въ божественнѣи тои персти, да поне малу отраду приять быхъ многихъ ми грѣховъ святыхъ ради“ (л. 155 об.). Здѣсь слова „азъ грѣшныи Феодосіи мнихъ“

¹⁾ Ниже мы приведемъ соображенія проф. Н. И. Петрова по вопросу объ этомъ поученіи, тогда же установимъ окончательно предполагаемое заглавіе его съ объясненіемъ имени св. Панкратія.

²⁾ „Феодосіевская“, какъ ее называетъ пр. Макарій, нынѣ находится въ С.-Петербургской Духовной Академіи.

поставлены вмѣсто словъ сочинителя „сего ради азъ грѣшный епископъ Симопъ, тужю и скорблю“... какъ это видимъ въ другихъ патерникахъ.

Отсюда можно предположить, что этотъ Θεодосій жилъ послѣ св. Симона.

II) Въ „словѣ о Моисеѣ Угрипѣ, новомъ Иосифѣ“ (л. 161 об.) въ концѣ сказано: „оуспе о Гдѣи в добрѣ исповѣданнѣ, того мѣтвами Гдѣи спаси грѣшнаго раба твоего *Феодосія*, аминь“ (л. 165 об.)

Мы знаемъ, что слово о Моисеѣ Угрипѣ находится въ посланнѣ черноризца Поликарпа къ Акиндину; значить этотъ Θεодосій жилъ и послѣ Поликарпа.

III) Въ концѣ „слова о иномъ затворницѣ“ т. е. о Лаврентіѣ. сказано: „сего ради писахъ ти кире Анкудине да не крыются твою невидѣния дивная чудеса стѣхъ мужъ; блаженъ сподобившійся съ тѣми написанъ быти и положенъ быти, с ними же и *мене Феодосія грѣшнаго* да сподобитъ Господь мѣсти въ день судный молитвами ихъ аминь“

И здѣсь слова „*Феодосія грѣшнаго*“ вставлены въ заключительную фразу черноризца Поликарпа: „сего ради вписахъ ти господине Анкудине, да не... съ ними же и мене Гдѣ да сподобитъ милости въ день судный мѣтвами ихъ. аминь“

Наконецъ въ томъ же сборникѣ, вслѣдъ за статьями изъ Печерскаго Патерника, помѣщено нѣсколько другихъ статей, написанныхъ тою же рукою—по свидѣтельству акад. еп. Макарія.—въ томъ числѣ и поученіе о чашахъ тропарныхъ, озаглавленное: „Поученіе святого Панкратія о крещеннѣ обѣда и питія въ первую недѣлю поста святыхъ апостоль. *списано Феодосиемъ худымъ мнихомъ*“ (л. 224)

Нельзя сомнѣваться, что этотъ Θεодосій, который называетъ себя въ этомъ сборникѣ то грѣшнымъ, то грѣшнымъ мнихомъ, недостойнымъ ереемъ, грѣшнымъ рабомъ, худымъ мнихомъ, былъ не болѣе, какъ переписчикъ, который только по обычаю, нерѣдко наблюдаемому, не желалъ остаться въ неизвѣстности, и со скромностью, свойственной нашимъ древнимъ писцамъ, вставилъ, гдѣ это было возможно, свое имя, окруживъ его различными эпитетами: худой, грѣшный, недостойный¹⁾. Да онъ и не желалъ, чтобы

¹⁾ По этому вопросу см. у Сухомлинова о псевдонимахъ:

— „писана книга рукою многогрѣшнаго, малѣшаго въ единообразныхъ, и въ грѣшницѣхъ прѣваго и непотребнаго въ братствѣ, смиреннаго многими грѣхи священноинока Макарьяца“—какъ образецъ такого уничиженнаго упоминанія писца о себѣ приведенъ у М. И. Сухомлинова. *Op. cit.*, 118.

его считали авторомъ. почему и добавили въ поученіи: „списано“ Феодосіемъ, худымъ мнхомъ.

Кто былъ этотъ Феодосій, — былъ ли онъ тотъ монахъ, впоследствии митрополитъ Всероссійскій, о которомъ говоритъ ак. Макарій, или онъ былъ простымъ „недостойнымъ ереемъ“—онъ для насъ есть только переписчикъ, и поэтому вопросъ о немъ не имѣетъ мѣста въ Исторіи Русской Литературы.

Ничто однако не препятствуетъ считать его составителемъ редакціи Патерика, которая, какъ видимъ, не безъ основанія названа преосв. Макаріемъ Феодосіевскою; въ такомъ случаѣ время его жизни, вмѣстѣ съ временемъ составленія Патерика, будетъ отнесено къ XV вѣку.

Теперь мы можемъ себѣ представить, какимъ образомъ возникъ вопросъ о принадлежности поученія о чашахъ тропарныхъ пр. Феодосію. Исторія его такова. Въ составъ Измарагдовъ второй редакціи вошло поученіе, приписываемое священномученику Панкратію. Хотя это слово, по основательному мнѣнію Горскаго и Невоструева, не русскаго происхожденія, и описываемые въ немъ обычаи не русскіе, а южно-славянскіе, тѣмъ не менѣе оно, по характеру своему, соотвѣтствовало тому направленію, какое замѣчается во II редакціи Измарагда. Почтенный изслѣдователь въ числѣ вопросовъ, входящихъ въ составъ поученій этой редакціи, отмѣчаетъ вопросъ о милостынѣ, о „приносахъ“ въ церковь, о пьянствѣ и др. — какіе именно вопросы и затрагиваются въ поученіи св. Панкратія.

Широкое распространеніе Измарагдовъ II-й редакціи, предназначенныхъ для назидательнаго чтенія мірянамъ, объясняется тѣмъ, что они удовлетворяли духовнымъ потребностямъ читателей. Составитель Патерика XV вѣка, такъ называемаго Феодосіевскаго, кромѣ статей, входившихъ ранѣе въ составъ Патериковъ, внесъ туда еще нѣсколько новыхъ статей, взявъ нѣкоторыя изъ наиболѣе популярныхъ въ то время сборниковъ — Измарагдовъ. Какъ мы замѣтили, въ числѣ такихъ статей находилось и поученіе о чашахъ тропарныхъ. Не желая остаться въ неизвѣстности, составитель Патерика, или переписчикъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминаетъ о себѣ; такъ и въ данномъ случаѣ, переписывая поученіе св. Панкратія, онъ позволилъ себѣ добавить „списано Феодосіемъ худымъ мнхомъ“ — и такимъ образомъ явился невольной причиною многихъ дальнѣйшихъ заблужденій. При составленіи сборника „Матицы Златой“ кто либо изъ переписчиковъ, со свойственной имъ перѣдко поспѣшностью, какъ мы уже предположили раньше, вмѣсто длин-

наго заглавія приводить краткое: „слово писано святымъ Феодосіемъ мнихомъ“

И вотъ ученые, пренебрегая свидѣтельствомъ столькихъ рукописей, съ цѣлымъ рядомъ догадокъ и предположеній, на основаніи надписанія въ двухъ только рукописяхъ, изъ которыхъ одна представляетъ списокъ съ другой, приписываютъ поученіе о чашахъ тропарныхъ препод. Феодосію Печерскому—на что мы не имѣемъ никакого основанія.

Объяснивъ такимъ образомъ, почему мы не считаемъ авторомъ поученія о чашахъ тропарныхъ преп. Феодосія Печерскаго, мы все же считаемъ не лишнимъ остановиться на разборѣ этого поученія, надѣясь, что нѣкоторыми соображеніями, выведенными изъ анализа, мы будемъ способствовать окончательному утвержденію нашего мнѣнія объ этомъ поученіи.

Итакъ, мы будемъ имѣть въ виду это поученіе въ его полной редакціи и надписанное именемъ св. Панкратія. Подъ этимъ Панкратіемъ всѣ ученые единогласно разумѣютъ епископа Тавроменійскаго, ученика св. Апостола Петра, жившаго въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. (Отъ этого святого не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ; да и помимо этого, онъ не могъ писать поученія о пѣніи тропарей въ I-мъ вѣкѣ, потому что, по изслѣдованію проф. И. Маневцова ¹⁾, пѣніе тропарей, даже какъ гимнографическій элементъ церковнаго богослуженія—возникло не ранѣе V—VI вѣка, а изъ богослуженія въ жителіи бытъ оно перешло значительно позже. Однако не безъ основанія это поученіе надписано именемъ Панкратія, хотя несомнѣнно ему не принадлежащее. Въ этомъ поученіи одною изъ главныхъ является мысль о необходимости вкушать пищу съ благоговѣніемъ, какъ даръ Божій; здѣсь предписывается приступать къ трапезѣ съ молитвою, во время самой трапезы вести себя благочинно и даже ничего не говорить, и вставать отъ трапезы также съ молитвою.

Изъ жизни св. Панкратія мы узнаемъ, что онъ старался вселить въ ученикахъ своихъ и новообращенныхъ христіанахъ отвращеніе отъ языческихъ пиршествъ съ пѣніемъ, плясками и безобразіями, (съ какими мы знакомимся между прочимъ у Петропія „Пиръ у Тримальхіона“) и напротивъ показать превосходство скромной христіанской трапезы. Самая смерть епископа Тавроменійскаго на пиру у приставника Аргатаря такъ краснорѣчиво говоритъ о

¹⁾ О пѣсенномъ послѣдованіи. Его древнѣйшая основа и общій строй. Стр. 28—„Творенія св. отцевъ“ за 1880 г., кн. 3.

томъ, что у него не расходилось слово съ дѣломъ. Приглашенный на обѣдъ къ приставнику, св. Панкратіи, причастившись Тѣла и Крови Христовой, (такъ какъ ему было откровеніе о близкой его кончинѣ) явился въ преторъ. Всѣ сѣли за столъ. Но Панкратіи ничего ни ѣлъ, а только помышлялъ о вѣчной жизни и о вѣчныхъ благахъ. Послѣ обѣда принесены были гусли и началась пляска: принесенъ былъ и идолъ бога Скамандра. Но св. Панкратіи сотворилъ крестное знаменіе и оттого идолъ ужалъ и разбился.

Тогда идолопоклонники начали бить его по головѣ и по лицу и, скрежеща зубами, потащили его по землѣ и привели къ распалинѣ, гдѣ и убили его—кто ножомъ, кто камнемъ, кто деревомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ знакомство съ жизнью св. Панкратія даетъ намъ основаніе предположить, вмѣстѣ съ почтенными изслѣдователями Горскимъ и Новоструевымъ, что это поученіе могло быть помѣщено гдѣ нибудь въ книгѣ встѣдъ за житіемъ св. Панкратія, и, по сходству мыслей, развиваемыхъ въ поученіи, съ мыслями, высказываемыми св. Панкратіемъ въ жизни, (въ чемъ мы убѣдимся ниже), могло быть усвоено этому послѣднему.

Теперь обратимся къ содержанію поученія.

„И се буди вѣдомо, на обѣднѣ и трапезѣ двѣ молитвы еста (суть), едина въ починѣ а другая въ концѣ обѣда“ — говорится въ началѣ поученія; проповѣдникъ въ подтвержденіе своего наставленія ссылается на святыхъ отцовъ, которые установили такой обычай. По въ установленіямъ святыхъ отцовъ проповѣдникъ несомнѣнно понимаетъ всѣ правила, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ Книгъ Кормчихъ и Номоканоновъ, а также и правила, вошедшія въ церковные „Уставы“. Мы полагаемъ, что это мѣсто основано на одномъ изъ правилъ „Устава“, по которому трапеза иноковъ благословлялась служащимъ іеромонахомъ съ слѣдующею молитвою: „Христе Боже молитвами отецъ нашихъ благослови брашно и питаніе наше нынѣ и присно“, на что братья отвѣчали „Аминь“ и приступали къ трапезованію ²⁾, а по окончаніи трапезы игуменъ произносилъ молитву: „Господи Исусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ“, на что братія отвѣчала „Аминь“

¹⁾ Это изъ сокращеннаго житія Панкратія у преосв. Порфирія Успенскаго. Первое путешествіе на Афонъ, стр. 80, т. II.

²⁾ Исторія православнаго русскаго монашества отъ основанія Печерской обители преподобнымъ Антоніемъ до основанія Лавры св. Троицы Сергіемъ—П. Казанскій. Москва. 1855. стр. 32—34.

Далѣе въ поученіи говорится: „установлено же есть и кутья въ похвалу святымъ крестити въ честь, а не въ оставленіе грѣхомъ: ни кацѣмъ бо приношеніемъ очищаются грѣхи, токмо тѣломъ Христовымъ и кровію; установлено же есть и за упокои кутня крестити усопшимъ“.

Кутья (или „коливо“) приносилась въ церковь при богослуженіи — и „за здравіе“, и „за упокой“. Этотъ обычай очень рано перешелъ въ русскую церковь, но, вѣроятно, въ древности неправильно понимали его назначеніе служить лишь въ похвалу святымъ, а не въ очищеніе грѣховъ— „какъ тѣло и кровь Христова“. Поэтому проповѣдникъ предлагаетъ разъясненіе дѣйствительнаго значенія этого обычая, какъ онъ установленъ. Еще Кирикъ не ясно представлялъ себѣ назначеніе кутьи, когда спрашивалъ у Климъ (Климентъ Смолятича?) о томъ, сколько нужно свѣчей для кутьи: „Слышалъ я нѣгдѣ, что надъ кутьею за упокой нужно зажигать двѣ свѣчи или четыре или „колико хочяче ладно“, а за здравіе пять или три“. Климъ отвѣтилъ ему на это: „сколько хочешь — и за здравіе и за упокой, но безъ просфоръ, ибо просфора проскомисается въ алтарь и не кладется на кутью“. Тотъ же Кирикъ спрашиваетъ у Саввы: „если живой человекъ даетъ пѣть за себя со рокоустъ, должно ли служить за него, и посылать ему самому кутью?“¹⁾ — Словомъ, у насъ во второй половинѣ XII вѣка, кутья, какъ родъ церковныхъ приношеній, и ея назначеніе не ясно понимались даже русскимъ духовенствомъ.

Едва-ли поэтому пр. Феодосій, жившій почти на столѣтіе раньше Кирика, могъ знать все, что „установлено“ о кутьѣ и излагать объ этомъ въ своемъ поученіи.

„Въ алтарь же недостонтъ вносить ничтоже снѣдно, ни питія, но токмо просфору и темьянъ и свѣчи, иже есть на службу“ — Въ русской церкви такого явленія не наблюдалось, чтобы въ алтарь вносили съѣстные продукты, такъ какъ Кирикъ говоритъ, что только въ Царьградѣ въ монастыряхъ приносятъ въ алтарь и вино, и ладапъ, и свѣчи, и затѣмъ для освященія горохъ, бобы, сочевицу, ривифъ и овощи, какія есть. „Это написалъ я, прибавляетъ Кирикъ, не для того, что должно дѣлать все это, а вѣдѣнія ради, когда что такое случится (ibid.)“

Очевидно, еще Кирикъ не зналъ правилъ, запрещающихъ вносить въ алтарь „снѣдно или питія“, находящихся въ Кормчей.

¹⁾ „Вопросы Кирика“ по Голубинскому, *op. cit.*, т. I, стр. 395–96, и пресв. Макарію, *op. cit.*, т. III, стр. 235.

Тамъ мы находимъ слѣдующія правила: 1) „Аще который презвитеръ млеко и медъ, или въ вина мѣсто оловину или медовину, или животнo нѣкое или сочиво ко олтаревн принесеть, свѣне токмо младыхъ сочивъ и гроздія и масла и ѳміама, да извержется“, говоритъ 3-е апостольское правило ¹⁾.

2) Хлѣбъ и вино съ водою да приносится токмо ²⁾ (37 правило помѣстнаго Карфагенскаго собора).

3) „во олтарь не подобаеть меда и млека приносити“ ³⁾. (57 правило VI вселенскаго собора).

Это даетъ намъ полное основаніе утверждать, что во время Кирика у насъ еще не были извѣстны эти постановленія, такъ какъ въ своихъ вопросахъ Кирикъ приводитъ правила св. отцевъ, которыя были ему извѣстны: Тимофея Александрійскаго, св. Василія Великаго и св. Іоанна Постника и др.

Слѣдовательно, и во время Θεодосія Печерскаго эти постановленія также не могли быть извѣстны.

Послѣ этихъ замѣчаній въ поученіи слѣдуетъ наставленіе о питіи во время трапезы: „Тренаревъ же не повелѣваемъ молвити чашамъ въ пиру лише тріи: поставивше обѣдъ славиться Христосъ Богъ нашъ, и ясти и пити лѣно есть и честно; егда же кончается обѣдъ и прославится Дѣва Марія, рождающая Христа Бога Нашего, и третье его господарю; а лише не велимъ“

Относительно тронарныхъ чашъ мы ничего не имѣемъ въ правилахъ и постановленіяхъ св. отцевъ. Точно также мы не имѣемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы въ древней Руси существовали обычаи на обѣдахъ пить вино, сопровождая каждую чашу пѣніемъ тронаря. Но воплнѣ справедливому мнѣнію Горскаго и Невоструева, описываемые здѣсь обычаи не русскіе, а южно-славянскіе, гдѣ угощеніе чашами сопровождалось именно произнесеніемъ тронарей или славословіи ⁴⁾.

Да и выраженія „Дѣва Марія“ и „господарь“ не употреблялись въ древней Руси, но существуютъ до сихъ поръ у Болгаръ и Сербовъ.

Въ одной изъ редакцій поученія здѣсь же приведено „Нифонтово видѣніе“ (см. раньше) какъ бы въ подтвержденіе мысли о

¹⁾ Кормчая, на двѣ части раздѣленная, ч. I, т. I, л. I.

²⁾ Ibid., ч. I, гл. 15, л. 52.

³⁾ Ibid., ч. I, гл. 17, л. 77.

⁴⁾ Примѣры такихъ угощеній указаны Jahrbüch. für Slaw. Litterat. 1845 г. стр. 386, 387.

томъ, что „ясти и пити лѣпо есть и честно“ Это мѣсто взято изъ житія Нифонта, гдѣ оно читается такъ: „И потомъ ходя преподобны обрѣте человекѣа сѣдяща обѣдающа з женою своею и з дѣми и видѣ нѣкаторы красны каженикы во свѣтлы^х одежа^х предстояща предъ ядущими во хлѣвниѣ той, бѣ же их числомъ елико и ядущихъ во хлѣвниѣ той нищихъ бяху ядущихъ, видя же рабъ божи се и почюдися глаголя, оле что се будетъ, сѣдящи убози суть зело а предстоящи во свѣтлы^х одежа^х. и недомыслящу же ся ему что се будетъ, яви ему Богъ кто си суть предстоящи, ангели божи суть имѣють таковъ чинъ да во время обѣда предстануть связавше руцѣ яко блази служители Божи: да егда начнется слово клеветно или ипо неподобно къ бу глти на трапезѣ да яко се пчелы отгоняють дымъ тако и злая бесѣда отгонитъ аггели бжи, и излазящимъ святымъ аггломъ приходитъ темень мраченъ злии духъ и всѣваеть злое посреди обѣдающихъ дымъ зломраченъ на ня проливая“¹⁾.

Замѣтимъ, что эпизоды изъ апокрифическаго Нифонтова житія иногда встрѣчаются въ Измарагдахъ въ видѣ отдѣльныхъ поученій, такъ напримѣръ: „Слово св. Нифонта о русалияхъ“²⁾. „Слово св. отца Нифонта къ вѣрнымъ“³⁾, и др. Очевидно, легендарный характеръ житія правился составителямъ поученій, если они пользовались имъ, не смотря на существованіе запрещенія. Именно, въ Кормчей есть такой вопросъ: „Аще подобаетъ.. почитати и хранити... святаго Нифонта житіе?—На что дается отрицательный отвѣтъ: „Ни, понеже въ различныхъ мѣстахъ развращено есть святаго Нифонта житіе, и не пріяхомъ его, яко не предано быеть“ (Кормчая Книга. Ч. II л. 100, вопросъ 19).

Отсутствіе этой вставки въ нѣкоторыхъ спискахъ поученія о чашахъ тропарныхъ можно объяснить тѣмъ, что составители сборниковъ, зная правило, воспрещавшее пользованіе житіемъ Нифонта, опускали это мѣсто въ поученіи, другіе же, незнакомые съ этимъ правиломъ, оставляли его.

Однако, обратимся къ поученію. „Или кто смель имать да попытай въ святомъ писаніи, како ти рекла святая Богородица къ святому Василию“ И далѣе излагается, что именно Богородица го-

¹⁾ „Житіе пр. Нифонта“ изъ рукописи кн. Волковскаго № LXXI списано Феод. Елисеѣвичъ. СПб., вып. II, стр. 101—102. 1880 г. Изданіе Общества любителей древней письменности.

²⁾ Измарагдъ, 1 ред. глава 23.

³⁾ Ibid., гл. 50.

ворила Василию: если онъ хочетъ быть всегда другомъ Ея, и имѣти Богородицу заступницей во всѣхъ бѣдахъ, то долженъ отказаться отъ питья (вина) и не обращаться съ молитвою въ нетрезвомъ видѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ не только молитва его не будетъ услышана Богомъ, но, напротивъ, она разгнѣвитъ Его и повлечетъ за собой осужденіе въ муку вѣчную.

Это мѣсто представляетъ одно изъ легендарныхъ апокрифическихъ сказаній о пресвятой Богородицѣ, столь многочисленныхъ въ христіанской церкви. Возникли они въ различныя эпохи христіанской исторіи, начиная съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и развились какъ въ западной церкви ¹⁾, такъ и въ восточной. Однако, въ обзорѣ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, извѣстныхъ и распространенныхъ въ Древней Руси, мы не находимъ соотвѣтствующаго, или даже близко подходящаго къ сказанію, помѣщенному въ поученіи ²⁾. Вѣроятно, это сказаніе греческаго происхожденія, которое перешло къ южнымъ славянамъ, но оттуда не было занесено къ намъ. По мнѣнію проф. Голубинскаго подъ Василиемъ здѣсь подразумѣвается Василій Новый († 944 г.) Однако у акад. Веселовскаго, въ его „Розысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“ ³⁾, въ гл. XII, гдѣ онъ специально изслѣдуетъ житіе Василія Новаго („Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи“) мы не видимъ никакихъ указаній на существованіе этого сказанія въ житіи Такимъ образомъ, мы точно не можемъ установить, какое это „святое писаніе“, на которое ссылается проповѣдникъ въ этомъ мѣстѣ поученія.

Сопоставляя выраженіе настоящаго поученія „отверзися питіа“ съ выраженіемъ изъ слова о казнѣхъ Божіихъ „... да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо піанство есть злое а ино питье въ мѣру и въ законъ“,—мы замѣчаемъ противорѣчіе, которое ясно свидѣтельствуется о томъ, что оба эти поученія, въ которыхъ встрѣчаются эти выраженія, не могутъ принадлежать одному и тому же лицу—ни Василию Новому, ни Феодосію Печерскому.

¹⁾ Готье—*Mirata de Notre Dame*—около 50,000 стиховъ—о чудесахъ Д. М. заимствованы изъ различныхъ источниковъ.

²⁾ Свящ. Смирновъ. Правосл. Обзор. 1873 г.

Сахаровъ: Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распротр. въ древней Руси. (Христ. чтеніе за 1898 г. Мартъ - Декабрь).

³⁾ См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, т. 46, СПб., 1890 г

Авторъ поученія, какъ бы не вполне увѣренный въ убѣдительности ссылки на такого рода „святое писаніе“, далѣе приводитъ свидѣтельство заповѣдей святыхъ отецъ, воспрещающихъ пьянство: „аще упонѣтъ другъ друга за любовь или святыми заклинающая да постится три (7) днѣи; или блюеть, то ѿ (40) днѣи о хлѣбѣ и о водѣ“. „И много объ этомъ сказано въ отеческихъ указахъ, продолжаетъ проповѣдникъ:—но умнымъ достаточно и этого указанія, а бессмысленнымъ хотя бы привести указанія изъ всѣхъ книгъ—они бы не поняли, да и не повѣрили-бы“.

Дѣйствительно, въ заповѣдяхъ святыхъ отцовъ мы встрѣчаемъ правила, запрещающія пьянство; еще въ отвѣтахъ Нифонта Кирику мы читаемъ: „если человекъ, принявъ причащеніе, изблюеть отъ объяденія или отъ пьянства, подвергается эпитиміи на 40 днѣи“ (Макарій оп. cit. т. III стр. 229). Стѣдовательно, можно заключить, что авторъ поученія былъ знакомъ съ постановленіями отцовъ церкви противъ пьянства, вошедшими въ составъ Кормчей.

Здѣсь оканчивается первая часть поученія, состоящая, какъ мы видимъ, изъ наставленій, основанныхъ на „святомъ писаніи“ и на заповѣдяхъ св. отцовъ церкви. Далѣе въ поученіи слѣдуетъ картинное описаніе всеи мерзости состоянія опьяненія „О гдѣ то множество тропарей, пѣтыхъ съ чашами (вина), пусть бы они избавили отъ бѣды этихъ людей, бѣснующихся по своей волѣ! Вѣдь бѣсноватый страдаетъ невольно, за что получить жизнь вѣчную, а пьяный страдаетъ по своей волѣ, и заслужитъ лишь вѣчную муку“.

Описаніе мерзости опьяненія, совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ настоящемъ поученіи, мы встрѣчаемъ во многихъ словахъ, направленныхъ противъ пьянства. Древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ словъ такого рода является „слово святаго Василія Великаго о томъ, како подобаетъ въздрѣжатися отъ пьянства“¹⁾, о которомъ мы упоминали раньше, какъ объ источникѣ для третьей части поученія о казнѣхъ Божіихъ. Соответствующее же мѣсто мы находимъ въ „Словѣ св. Кирилла философа о хмельномъ питіи ко всѣмъ людямъ“²⁾. Въ этомъ словѣ особенно подробно и картинно описаны пьяницы и всѣ дурныя послѣдствія пьянства.

- - -

¹⁾ Издано 2 раза: 1) у И. Срезневскаго по списку XII вѣка въ Свѣд. и зам. о замѣч. и малоизв. пам. 1874 г., стр. 321,

и 2) у Пономарева въ „Памятникахъ“, вып. III, стр. 95.

²⁾ Издано въ „Памятникахъ“, *ibidem*, стр. 287—288, а также Пѣтуховымъ по списку XVII в. (Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., т. 42).

Это мѣсто не представляетъ особаго значенія ни по оригинальности мысли, ни по соответствію главной основной мысли поученія, почему мы считаемъ лишнимъ останавливаться на немъ и переходимъ къ дальнѣйшему изложенію содержанія и анализу поученія.

Указавъ на всю мерзость и грѣховность пьянства, хотя бы оно и сопровождалось пѣніемъ тропарей, авторъ заканчиваетъ свое поученіе замѣчаніемъ, что поэтому то святые отцы „установили“ произносить тропари только въ нарочитые праздники, „понеже трепарь плача не рождаетъ“; если же и въ церкви, и пѣтый трезвыми людьми, тропарь не рождаетъ плача, то тѣмъ болѣе пѣтый пьяными, тропарь только производитъ грѣхъ и мученія.

Относительно выраженія „трепарь плача не рождаетъ“ слѣдуетъ замѣтить, что оно заимствовано изъ разсказа объ аввѣ Памво, помѣщенномъ въ „Пандектъ“ Никона Черногорца, въ 29 словѣ. Тамъ разсказывается, какъ авва Памво „посла ученика своего во градъ Александрію продати рукодѣлія его“: молодой монахъ пробылъ 15 дней въ городѣ, и, не имѣя постояннаго жилья, приходилъ почевать „на прутѣ црквиѣмъ“ св. Марка. Здѣсь онъ познакомился съ порядкомъ тамошней службы, „навыче же и тропаря“. По возвращеніи домою ему показалась скучною монастырская служба, и на вопросъ старца о причинахъ этого онъ отвѣчалъ: „мы не поемъ ни каноновъ, ни тропарей, какъ это заведено въ Александріи“ „Горе намъ, чадо, отвѣтить на эти слова старецъ: „яко при сиѣша дніе яко да оставляють иноцы твердую пищу и послѣдуютъ пѣснемъ и гласомъ. *Кое убо умиленіе и слезы рождаются отъ тропарей?*“¹⁾.

Хотя этотъ разсказъ, встрѣчающійся въ Пандектахъ Никона Черногорца, взятъ имъ изъ Скитскаго Патерика²⁾, но выраженіе поученія „святїи отци установиша въ уставныхъ книгахъ“, говоритъ именно за то, что подъ уставными книгами разумѣются „Пандекты“. Никонъ же Черногорецъ жилъ во II-й половинѣ XI вѣка, составленіе же Пандектовъ, по вычисленію ученыхъ, относится къ періоду между 1059—1067 годами (во время правленія Константина Дуки)—слѣдовательно, *пржи. Осодосїи ни въ какомъ случаѣ не могъ*

¹⁾ Сборн. № 533 Кіевскаго Церк. Арх. Музея, л. 82. М-ца Ноября въ 16 день: Слово св. Отца Памвы, поученіе къ ученику своему. Нач.: Авва Памво посла ученика своего... и т. д.

²⁾ Напр. Скитскій Патерикъ № 705 Тр. Серг. Лавры XV в., л. 9 об.

Объ Аввѣ Памво: „Отецъ Памво посла ученика во градъ Александри.“

пользоваться ими и опираться на ихъ установленія въ поученіяхъ. Это обстоятельство совершенно отрицаетъ принадлежность поученія о чашахъ тропарныхъ преподобному Ѳеодосію Печерскому.

Резюмируя все вышесказанное, мы придемъ къ такимъ результатамъ нашего изслѣдованія.

Главнѣйшимъ источникомъ поученія о тропарныхъ чашахъ являются „заповѣди святыхъ отецъ“, на которыя ссылается самъ авторъ. Мы имѣли возможность убѣдиться, что для составленія этого поученія необходимо было знакомство автора не только съ „худыми номоканунцами“, какими пользовался напр. Кирикъ въ своихъ вопросахъ, и какіе были въ большомъ употребленіи въ его время, но также и съ Кормчей въ полномъ ея объемѣ (напр. въ вопросахъ о кутьѣ, о запрещеніи вносить въ алтарь „снѣдно или питіе“ и др.). Однако вопросъ о томъ, когда у насъ появился и вошелъ во всеобщее употребленіе славянскій переводъ греческаго номоканона, остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ. Специальные изслѣдователи этого вопроса съ одинаковой вѣроятностью указываютъ двѣ различныя эпохи для появленія на славянскомъ языкѣ у насъ номоканона.

Такъ, баронъ Розенкампфъ склоняется къ мысли, что во второй половинѣ XIII вѣка церковныя правила употреблялись у насъ почти исключительно въ подлинномъ греческомъ текстѣ ¹⁾. Мнѣніе его раздѣляетъ другой ученый Калачевъ въ сочиненіи „о значеніи кормчей въ системѣ древняго русскаго права“.

Но, съ другой стороны, А. Павловъ утверждаетъ, что до времени митрополита Кирилла II (1224—1233 г.) въ русской Церкви существовали и употреблялись въ славянскомъ переводѣ тѣ же самыя номоканоны, какіе существовали и употреблялись и въ греческой ²⁾. Однако, при отсутствіи достаточныхъ фактическихъ данныхъ, доказывающихъ его положеніе, почтенный ученый иногда бываетъ вынужденъ заключать „а necesse ad esse“, каковой законъ въ данномъ случаѣ непримѣнимъ.

Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ сужденій намъ приходится согласиться съ мнѣніемъ преосв. Макарія, который, подвергая строгой научной критикѣ всѣ свидѣтельства, говорящія о существованіи у насъ славянскаго перевода церковныхъ правилъ въ XI и XII вѣкѣ, приходитъ къ заключенію, что *нѣкоторыя* церковныя правила дѣйствительно были извѣстны тогда у насъ на славянскомъ языкѣ

¹⁾ „Обозрѣніе кормчей“. СПб. 1839 г., стр. 46—48

²⁾ „Первоначальный Славяно-Русскій Номоканонъ“. Казань, 1869 г., стр. 80—81.

и употреблялись въ *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, а отнюдь не даютъ права заключать, чтобы существовали у насъ въ то время *всѣ церковныя правила по-славянски*, и находились бы во всеобщемъ церковномъ употребленіи ¹⁾).

Слѣдовательно, если поученіе о чашахъ тропарныхъ признать сочиненіемъ пр. Феодосія Печерскаго, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо признать и существованіе въ его время (XI вѣкъ) на славянскомъ языкѣ у насъ полной Кормчей,—на что, какъ мы видѣли, ученые не имѣютъ достаточныхъ основаній.

Но еще болѣе затрудненій встрѣчаемъ мы въ попыткѣ объяснить, какимъ образомъ преп. Феодосій могъ быть знакомъ съ сочиненіями Никона Черногорца. Хотя эти послѣднія и рано были переведены на славянскій языкъ и встрѣчаются въ спискахъ даже XII—XIII вѣковъ, однако, составленныя около 1068 года (арх. Сергій, пр. Голубинскій, Мансветовъ) въ Антиохіи, они не могли тотчасъ же быть извѣстны на Руси, такъ какъ для этого они должны были сначала пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность, затѣмъ быть переведенными на южно-славянскіе языки и оттуда уже проникнуть къ намъ. Совершеніе такого сложнаго процесса немыслимо въ теченіе около пятилѣтія (1068—1074,—т. е. отъ времени составленія Паидектовъ и Тактикона и до года смерти преп. Феодосія).

Какъ видимъ, для того, чтобы причислить это поученіе къ сочиненіямъ преп. Феодосія, необходимо дѣлать цѣлый рядъ предположеній, догадокъ, натяжекъ и искусственныхъ разсужденій. Такъ, начиная съ заглавія, мы должны пренебрегать свидѣтельствомъ многихъ рукописей въ пользу одной (другая же составляетъ ея копию). Должны „списателя“ Феодосія худого мниха, считать сочинителемъ поученія пр. Феодосіемъ Печерскимъ, хотя нами предложено, кажется, вѣрное объясненіе этого надписанія.—Это со стороны внѣшней.

Съ внутренней же стороны, со стороны содержанія, мы должны сдѣлать цѣлый рядъ, иногда немыслимыхъ предположеній и допущеній.

Тогда какъ ничто не препятствуетъ, и даже способствуетъ признанію за этимъ поученіемъ южно-славянскаго происхожденія какъ это утверждаютъ почтенные изслѣдователи Горскій и Невоструевъ, съ полною основательнымъ мнѣніемъ которыхъ мы и соглашаемся. Въ заключеніе своихъ разсужденій по вопросу о при-

¹⁾ Пр. Макарій. *Op. cit.*, т. V, стр. 3

надлежности этого поучения пр. Θεодосію мы остановимся на новой, въ высшей степени интересной попыткѣ утвердить это поучение за печерскимъ игуменомъ, высказанной въ краткой замѣткѣ нашимъ уважаемымъ археографомъ, проф. Н. П. Петровымъ (Изв. Отд. рус. яз. и слов. П. А. Н. т. II кн. 3. 1897 г. стр. 783—85).

Надписаніе этого поучения именемъ священномученика Панкратія авторъ замѣтки считаетъ однимъ изъ доказательствъ принадлежности поучения пр. Θεодосію, въ то время какъ другіе ученые, какъ Горскій и Невоструевъ, и преосв. Антоній Вадковскій, пользуются этимъ надписаніемъ для доказательства совершенно противнаго мнѣнія. Вотъ что говоритъ проф. Н. П. Петровъ: „Мы съ своей стороны находимъ возможнымъ объяснить появленіе имени св. Панкратія въ заглавіи разсматриваемаго поучения въ пользу принадлежности его пр. Θεодосію Печерскому. Память священикомъ Панкратія совершается православною церковью 9 февраля, а въ одномъ изъ старѣйшихъ списковъ сего поучения сказано, что оно произнесено „въ первую недѣлю св. апостоль“ Если здѣсь первую недѣлю (т. е. воскресенье) поста считать первой недѣлю не апостольскаго, а Великаго поста, то она можетъ иногда совпадать съ памятью св. Панкратія, 9 февраля, когда пасха бываетъ 23-го марта. На Великій, а не на апостольскій постъ указываетъ и упоминаніе поучения о кутьѣ, и донынѣ освящаемой наканунѣ первой недѣли Великаго поста, на память св. священномуч. Θεодора Тирона. Совпаденіе же первой недѣли Великаго поста съ 9 февраля, а слѣдовательно и празднованіе Пасхи 23 марта, при жизни пр. Θεодосія Печерскаго были именно въ 1068 году и послѣ его кончины, до конца дотатарскаго періода повторилась лишь въ 1231 году (авторъ замѣтки пользовался „Краткими таблицами для исторіи, хронологіи и проч.“ Н. Горбачевскаго. Вильно 1867 г.). По всему вѣроятію поученіе и произнесено было пр. Θεодосіемъ въ 1068 году, на память св.-муч. Панкратія, упоминаемаго въ заглавіи поучения. На этомъ основаніи заглавіе поучения пр. Θεодосія, темного испорченнаго позднѣйшимъ переписчикомъ, должно быть восстановлено такъ: „Почуеніе на память св. Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую недѣлю великаго поста св. апостоль. списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ“.

Такое совпаденіе, дѣйствительно имѣвшее мѣсто въ 1068 году, если таблицы г. Горбачевскаго составлены правильно, и 1068 годъ не считать *високоснымъ* (въ противномъ случаѣ празднованіе св. Панкратія приходится не въ „недѣлю первую“ великаго поста, а въ субботу) даетъ поводъ къ догадкѣ, на первый взглядъ вполне основа-

тельной. Конечно, нѣтъ большой натяжки въ томъ, что вмѣсто поста св. апостоль имѣть въ виду Великій постъ, да и упоминаніе о кутьѣ служить вѣскимъ доказательствомъ возможности такого замѣщенія и даже необходимости его, какъ это указано уважаемымъ проф. Н. И. Петровымъ; и если бы только это было причиной отрицанія принадлежности поученія пр. Θεодосію, то, благодаря высказанной догадкѣ, причина эта была бы устранена; но мы видѣли, что въ самомъ содержаніи поученія есть много оснований, заставляющихъ насъ держаться въ этомъ вопросѣ иного мнѣнія. Но главное и, какъ намъ кажется, неопровержимое доказательство того, что это поученіе *не могло быть произнесено* пр. Θεодосіемъ въ *первую* недѣлю Великаго поста, заключается въ томъ, что онъ *вообще въ теченіе всего поста не предмалъ поученій братіи, потому что, обрекая себя на безмолвіе, онъ удалялся въ недѣлю мясопустную въ свою пещеру* „иде же и чѣстьное тѣло его положено бысть и ту же затворяшеся единъ до врьбня недѣля“ и только въ пятницу этой недѣли во время вечерняго богослуженія онъ „прихожаше къ братіи и ставъ въ двѣрхъ церковныхъ учааше вся, и утѣшая подвига ради и пощенія ихъ, себе же недостойна творя“

Въ виду этого послѣдняго соображенія мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ почтеннымъ профессоромъ Н. И. Петровымъ въ цитуемой замѣткѣ, и остаемся при своемъ прежнемъ взглядѣ на разбираемое поученіе, какъ не принадлежащее пр. Θεодосію Печерскому; тѣмъ не менѣе, благодаря соображеніямъ уважаемаго нашего архографа, намъ представляется яснымъ и вполне объяснимымъ надписаніе во многихъ спискахъ поученія именемъ Панкратія. Такъ какъ исторія духовной письменности не знаетъ писателя съ этимъ именемъ, то догадка проф. Петрова, что поученіе было произнесено „на память“ св. Панкратія, празднуемаго церковью 9 февраля, какъ произносились „на память“ св. Николая, св. Іоанна Златоустаго и др. — вполне основательна, и къ ней мы присоединяемся. Итакъ, это поученіе анонимно и должно быть озаглавлено такъ: „Почуеніе на память св. Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую недѣлю великаго поста“. Θεодосіи же „худый мнихъ“ былъ лишь переписчикомъ, о чемъ мы уже говорили раньше.

Мы разсмотрѣли два поученія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, входили въ число сочиненій преп. Θεодосія Печерскаго.

Результатомъ нашего изслѣдованія явилось убѣжденіе въ томъ, что поученія „О казняхъ Божіихъ“ и „о чашахъ тропарныхъ“

не могутъ быть отнесены къ числу сочиненій нашего древне-русскаго проповѣдника.

Въ слѣдующей главѣ мы перейдемъ къ обзору поученій преп. Ѳеодосія Печерскаго къ инокамъ

Поученія преп. Ѳеодосія Печерскаго къ инокамъ ¹⁾

Мы разсмотрѣли два поученія „о Казняхъ Божіихъ“ и „о тронарныхъ чашахъ“, причисляемая нѣкоторыми историками русскаго литературнаго сочиненій преп. Ѳеодосія; однако, по изслѣдованіи этихъ поученій, мы пришли къ заключенію, *что считать ихъ таковыми, принявъ во вниманіе данныя, добытыя изъ ихъ анализа, нѣтъ никакого основанія*. Вполнѣ допуская возможность существованія такого рода поученій къ народу русскому, на основаніи имѣющихся данныхъ (въ житіи соч. Нестора — см. раньше), мы только констатировали фактъ, что время не пощадило драгоценныхъ памятниковъ народно-учительной проповѣди преп. Ѳеодосія и не сохранило ихъ до нашихъ дней. А можетъ быть, гдѣ нибудь въ мрачной монастырской библіотекѣ, куда не проникалъ еще пытливыи умъ изслѣдователя родной письменности, въ какомъ нибудь древнемъ учебномъ сборникѣ они покоятся, дожидаясь счастливаго дня, когда наконецъ кто нибудь, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ“, откроетъ ихъ ученому міру.

Но до насъ дошло пять поученій пр. Ѳеодосія къ инокамъ, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался. Открытыя нашимъ великимъ археографомъ А. Востоковымъ въ сборникѣ № 406 Румянцевскаго Музеума, они единогласно были отнесены къ числу сочиненій пр. Ѳеодосія всѣми послѣдующими учеными

„Подлинность этихъ поученій не можетъ подлежать сомнѣнію“ говорятъ преосв. Макаріи (ор. cit t II стр. 122).

„Въ настоящее время изъ его (пр. Ѳеодосія) поученій къ монахамъ извѣстны пять, дошедшія до насъ въ полномъ и подлин-

¹⁾ См. приложение I.

номъ видѣ” замѣчаетъ проф. Голубинскій (op. cit. t. I ч. I стр. 673).

„Поученія къ братіи дошли до насъ въ отрывкахъ и полныя, въ числѣ пяти“—встрѣчаемъ мы у акад. Шевырева (op. cit. ч. II стр. 23).

„Независимо отъ надписанія ихъ, почти каждая строчка говоритъ, что это наставленія пр. Феодосія Печерскаго“ такъ говорится у арх. Филарета (Обз. пис. стр. 19).

Даже преосв. Антоній Вадковскій считаетъ, что эти пять поученій дѣйствительно могутъ принадлежать пр. Феодосію печерскому (Прав. Соб. 76 г. op. cit.)

При такомъ единогласномъ и вполне основательномъ свидѣтельствѣ ученыхъ мы не имѣемъ причины относиться скептически къ ихъ мнѣнію по этому вопросу. Дѣйствительно, тотъ образъ нашего аскета-проповѣдника, какой мы находимъ въ его житіи, написанномъ Несторомъ, съ его убѣжденіями и безпредѣльною заботою о нравственномъ преуспѣянніи его паствы, всецѣло отражается въ этихъ пяти небольшихъ поученіяхъ, которымъ мы посвящаемъ дальнѣйшее свое изслѣдованіе.

Извѣстныя до послѣдняго времени только по одному списку Румянцевскаго Музеума, эти поученія были изданы два раза: преосв. Макаріемъ въ Ученыхъ запискахъ Императорской Академіи Наукъ Второго отдѣленія (кн. II отд. III стр. 203—212) и въ „Памятникахъ Древне-русской церковно-учительной литературы“ (вып. I стр. 33—43).

Второе изданіе, какъ говоритъ самъ издатель въ предисловіи, было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что предшествующее изданіе пр. Макарія оказалось слишкомъ несправнымъ въ передачѣ текста подлинника. Дѣйствительно, сличая тексты печатные съ текстами рукописными бывшаго у насъ сборника № 406 Рум. Муз., мы убѣдились, что изданіе этихъ поученій пр. Макаріемъ неудовлетворительно. Намъ нѣтъ надобности перечислять все ошибки изданія, такъ какъ ихъ слишкомъ много; однако, позволимъ себѣ отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе важныя.

Такъ въ изданіи пр. Макарія мы встрѣчаемъ: „иже душа свою“—въ сборникѣ же: „иже душаъ свою“, „тѣ ни“ вм. „тѣни“; „ей“ вм. „си“; „общици“ вм. „обѣщици“; замѣчательно испорченная фраза: „и очи недремливи, убо вни. И во трубѣ убуждающе насъ..“ въ сборникѣ же: „и очи недремливи (о)уховни бо трубѣ,

убуждати насъ"¹⁾: „пророка Давида и царесаалмоса“ вм. „пророка Давида и царя псалмосъ“ и мн. др., мы не упоминаемъ многочисленныхъ пропусковъ ъ и ѣ, или произвольной замѣны ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ о, е; отмѣтимъ также очень важное мѣсто²⁾, пропущенное въ изданіи: „и се нынѣ не на укорѣніе вамъ написашъ. но.“³⁾. Указанія этихъ несправностей вполне, намъ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, насколько неудовлетворительно изданіе пр. Макарія, о чемъ упоминается и въ предисловіи къ изданію этихъ же поученій подъ редакціей г. Пономарева въ названныхъ выше „Памятникахъ“.

Мы не можемъ не привѣтствовать высокой задачи издателей Памятниковъ „идти навстрѣчу насущной потребности нашихъ школъ и русскаго образованія вообще, а именно: сдѣлать такіе памятники (произведенія древне-русской литературы) возможно доступными для всѣхъ“⁴⁾; но не можемъ также и сказать, чтобы въ изданіи древнихъ памятниковъ было выполнено обѣщаніе редакціи: „что касается языка и орфографіи. то для древнѣйшихъ списковъ будутъ неприкосновенно сохранены всѣ ихъ особенности въ этомъ отношеніи“⁵⁾ (что едва ли целесообразно въ популярныхъ, школьныхъ изданіяхъ). И въ этомъ изданіи, какъ и у пр. Макарія, очень много ошибокъ, вслѣдствіе чего оно несколько не лучше макарьевского; встрѣчаются тѣ же ошибки, что и у пр. Макарія, какъ напримѣръ: „уго вни або трубу“, „пророка Давида и царесаалмоса“ и др.; много словъ и частицъ пропущено, какъ: *имъ, не, ли, бо, же* и др.; почему то вставлено одно слово, какого нѣтъ въ рукописи: „и христа о семь подражающе „издражати“, и много ошибокъ съ ъ, ѣ, ѣ, которыхъ мы не приводимъ.

Но, кромѣ этихъ ошибокъ, происшедшихъ вслѣдствіе недостаточной внимательности при изученіи издаваемыхъ памятниковъ, и ошибокъ чисто корректурныхъ, самое тщательное изданіе несо-

¹⁾ Въ поученіи V „о хожд. въ Церковь и о Молитвѣ“, см. у пр. Макарія стр. 212.

²⁾ Это искаженіе, какъ увидимъ ниже, было причиною многихъ заблужденій нашихъ изслѣдователей древней письменности.

³⁾ Это мѣсто въ особенности важно, какъ свидѣтельство самого Θεодосія о томъ, что онъ писалъ свои поученія. Пропускъ этой фразы, какъ мы видѣли, далъ нѣкоторымъ ученымъ основаніе утверждать, что у Θεодосія нигдѣ не говорится о томъ, чтобы онъ писалъ свои поученія.

⁴⁾ См. „Памятники“ вып. I. 1894; Предисловіе стр. IV.

⁵⁾ Ibid, стр. V.

миѣнно передаетъ какъ всѣ особенности, такъ и всѣ ошибки самой рукописи.

Имѣя передъ собою единственный извѣстный имъ списокъ поученій по Сборнику Рум. Муз., издатели лишены были возможности исправить ошибки рукописи, состоящая въ пропускѣ словъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ, или же возстановить текстъ рукописи, испорченный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чьею то невѣжественною рукою въ болѣе позднее время. Вслѣдствіе этого въ изданіи, какъ и въ рукописи, существуетъ нѣсколько темныхъ мѣстъ, объясненіе которыхъ могло быть лишь гадательно: такъ буква „д“ пропущенная въ словѣ „(д)уховиѣй“ дала возможность издателямъ произвести по догадкѣ изъ „духовиѣй“ *„уго вий“*, переведенное пр. Макаріемъ, пр. Шевыревымъ и арх. Филаретомъ выраженіемъ: *„держи уго на сторожѣ“* или *„держи уго остро“* и др.

Приступая къ изученію поученій пр. Θεодосія, мы просматривали всѣ существующія описанія библиотекъ и собраній рукописей, въ надеждѣ встрѣтить гдѣ нибудь другой списокъ поученій, кромѣ существующаго. Но розысканія наши были безуспѣшны ¹⁾; виною тому могутъ служить отчасти и описанія, не всегда обстоятельно и подробно составленные. Однако, просматривая рукописные сборники въ Кіево-Печерской Лаврѣ, мы имѣли счастье найти въ *трехъ* изъ нихъ интересующія насъ поученія преп. Θεодосія къ инокамъ. Это рукописные сборники № 47, 48 и 49. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поученія эти написаны именемъ Θεодора вмѣсто Θεодосія, но этому написанію мы не придаемъ никакого значенія, принимая во вниманіе то обстоятельство, что преп. Θεодосій, столь близкій по духу съ Θεодоромъ Студійскимъ, близокъ ему и по имени; если представимъ себѣ написаніе въ нашихъ древнихъ рукописяхъ имени Θεодора: „**поученіе Феодѡл**“ и имени Θεодосія „**поученіе Феодѡл**“ — то легко объяснимъ частое смѣшеніе этихъ именъ въ нашихъ рукописяхъ. Такого рода явленіе наблюдаемъ мы и въ этомъ случаѣ.

Считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ сборникахъ.

¹⁾ Въ сборникѣ № 265 (96) (л. 16 и 18) Виленской публичной б-ки находятся 2 поученія: I) о терпѣнн и молигвѣ; нач.: „Возлюбленн, образъ примѣте“... (написанное именемъ Θεодора Студійскаго) и II) „о терпѣнн и о смиренн“; нач.: „Подвизайтеся трудници“ (уже съ именемъ Θεодосія Печерскаго). Но пользоваться этой рукописью намъ не пришлось, къ нашему глубокому сожалѣнію.

Сборники № 47 и 48 представляют Собрание словъ и поученій, читаемыхъ отъ недѣли мытаря и фарисея до Лазаревой Субботы. По выбору словъ и по ихъ расположенію они сходны съ Румянцевскимъ Сборникомъ № 406, но это сходство не даетъ намъ основанія полагать, что Лаврскіе сборники представляютъ списки Румянцевскаго; напротивъ, есть положительныя основанія утверждать, что все они восходятъ къ одному общему, болѣе древнему прототипу, намъ неизвѣстному. Въ этомъ мы убѣждаемся при сравненіи текстовъ поученій означенныхъ сборниковъ; невольныя ошибки въ текстъ Румянцевскаго сборника, выразившіяся въ пропускѣ словъ, буквъ и цѣлыхъ выраженій, ошибки, нерѣдко искажающія смыслъ и затрудняющія пониманіе нѣкоторыхъ мѣстъ поученій, имѣли бы мѣсто, и въ Лаврскихъ сборникахъ, если и не въ полномъ составѣ, то хотя отчасти, въ томъ случаѣ, когда бы эти сборники представляли лишь копии со сборника Румянцевскаго; мы же замѣчаемъ, что редакція поученій Лаврскихъ сборниковъ вполне исправна, и такимъ образомъ, *при помощи ихъ исправляются все ошибки прежняго текста и уясняются все сомнительныя и темныя выраженія поученій*. Въ этомъ именно заключается драгоценность и значеніе найденныхъ нами списковъ поученій.

Въ палеографическомъ, лингвистическомъ и лексическомъ отношеніяхъ сборники эти не представляютъ ничего особеннаго. Писаны они въ первой четверти XVIII вѣка (№ 47 — «**ѿѿѿѿ** року“; № 48 — «**ѿѿѿ**—року“) мелкимъ уставомъ позднѣйшаго письма.

Какъ особенность правописанія, встрѣчающуюся довольно часто, отмѣтимъ употребленіе *ы* вм. *и*: обитель, рабыи образъ сотворы, друзы и др., что даетъ нѣкоторое основаніе относить эти сборники къ числу памятниковъ южно-русскаго письма.

Съ внѣшней стороны сборникъ № 47 представляетъ тетрадь въ 184 малыхъ бумажныхъ листа, въ кожаномъ переплетѣ: заглавный листъ съ пояснымъ изображеніемъ препод. Θεодора Студійскаго, рисованномъ черною краской; внизу изображенія помѣчено: «**ѿѿѿѿ**—**ѿѿ** року“ (1726—27 г.); далѣ идетъ заглавіе книги: „преподобнаго отца нашего Θεодора игумена обители студійскія“ Текстъ нигдѣ не испорченъ. Поученія пр. Θεодосія находятся на 59—81 листахъ.

Сборникъ № 48 по внѣшности, какъ и по содержанію, совершенно схожъ съ № 47, точно писанъ одною рукою; на заглавномъ листѣ такое же поясное изображеніе Θεодора Студійскаго, подъ нимъ обозначенъ годъ **ѿѿѿѿ** (1706 г.). Заглавіе тоже, писано кн-новарью.

Но въ текстѣ встрѣчаются поправки, сдѣланныя въ болѣе позднее время и чужой рукой; онѣ касаются устарѣвшихъ формъ и выраженій; листы отъ частаго и долгаго употребленія нѣсколько загрязнены. Можно предположить, что этотъ сборникъ былъ въ церковномъ употребленіи (о чемъ отчасти свидѣтельствуютъ также и капли воска), при чемъ старья, не всеѣмъ понятныя формы, и почему либо несоотвѣтствующія выраженія замѣнены иными, или болѣе новыми: такъ вм. „кацѣмъ“ написано сверху: „какимъ“, „любимци“ — „отцы и братія“ и др.

Третій сборникъ № 49 писанъ скорописью, переходящею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полууставъ; кромѣ словъ, общихъ со сборниками № 47 и 48, въ немъ находятся еще статьи, отмѣченные въ печатныхъ описаніяхъ.

(Слѣдуетъ отмѣтить, что въ описаніяхъ рукописей проф. Н. И. Петрова, очевидно по недосмотру, весьма возможно при такой кропотливой работѣ, какъ описаніе рукописей, поученія пр. Феодосія Печерскаго не указаны).

Этотъ сборникъ принадлежалъ Іеромонаху Модесту Львѣцкому, который на послѣднихъ свободныхъ листахъ отмѣчалъ наиболѣе знаменательныя событія, случившіяся въ его время. Эти замѣтки, давая намъ возможность опредѣлить время, не позже котораго былъ написанъ сборникъ, не лишены также и нѣкотораго литературнаго интереса: отъ нихъ вѣетъ чѣмъ то стариннымъ, лѣтописнымъ; простота и наивность рѣчи напоминаютъ намъ Нестора. Точно и тогда еще за высокими стѣнами печерской обители, въ тѣсной келіи съ рѣшетчатыми окнами, виталъ духъ великаго нашего лѣтописца.

Скромный инокъ хранилъ завѣтъ, вложенный въ уста лѣтописца нашимъ поэтомъ:

„Описывай, не мудрствуя лукаво.
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь.
Войну и миръ, управу государей.
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья Небесныя“

Мы позволимъ себѣ привести одну изъ такихъ замѣтокъ „Року ~~ѣаѣ~~ мая дня 4-го мѣнялося солнце

„По которомъ мѣненю такова бѣда стала. тогожь дня указъ приславъ государевъ до монастыра печерскаго Кіевскаго давати хлѣба двадцеть тысячей на воѣско которое з Г(г)родна проводить

Александръ Даниловичъ Меншиковъ, в тоє время будучи временщикъ государевъ, въ тоже часъ Мая мѣца а числа вехалъ у Кіевъ самъ Меншиковъ, котораго истрѣчавъ идучаго въ Кіевъ его Мѣщцъ Іоасафъ Кроковскій Архимандрита печерскій подъ борщоговою (Борщаговкою?)¹⁾.

Другія замѣтки касаются посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ, назначенія митрополита и т. п.

Сличая тексты поученій пр. Θεодосія къ инокамъ по этимъ тремъ сборникамъ, мы не замѣтили въ нихъ разницы и поэтому остановились на одномъ только сборникѣ № 47, которымъ и пользовались въ своихъ занятіяхъ.

Имѣя у себя подъ руками сборникъ № 406 Румянцевскаго Музеума, любезно присланный въ нашъ Университетъ по просьбѣ проф. П. В. Владимірова, а также и сборникъ № 47 Кіевско-Печерской Лавры, мы рѣшили представить съ возможной тщательностью и полнотою тексты пяти поученій пр. Θεодосія къ инокамъ. Положивъ въ основаніе текстъ Румянцевской рукописи, какъ болѣе древній (XV в.), который мы старались передать со всеѣми особенностями, мы дополняли его и уясняли выносками, болѣе или менѣе значительными, изъ текста Лаврской бібліотеки.

Такимъ образомъ, при помощи взаимнаго восполненія двухъ этихъ текстовъ, мы получили, какъ намъ кажется, поученія въ значительно исправленномъ видѣ.

Эти тексты мы считаемъ болѣе удобнымъ помѣстить въ отдельномъ приложеніи: тамъ наглядно можно убѣдиться, насколько важныя исправленія текста поученій мы внесли благодаря спискамъ Кіевско-Печерской Лаврской бібліотеки.

Теперь переходимъ къ изученію этихъ поученій въ томъ же порядкѣ, какъ они помѣщены въ приложеніи.

Еще преосв. Макарій въ статьѣ своей: „Преподобный Θεодосій Печерскій, какъ писатель“¹⁾ замѣтилъ, что на него болѣе всего имѣли вліяніе писанія пр. Θεодора Студійскаго; „по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, поученія пр. Θεодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ и по всему очень похожи на такія же поученія пр. Θεодора Студита“; и мнѣніе это стало общимъ въ исторіи литературы. Поэтому мы считаемъ своею непосредственною задачей опредѣлить степень вліянія поученій и устава Θεодора Студійскаго на поученія къ инокамъ.

¹⁾ Ся. Извѣст. Имп. Ак. Наукъ 2-го отд. т. IV, стр. 273.

Эта задача могла быть выполнена совершенно только въ томъ случаѣ, если бы мы могли пользоваться и поученіями пр. Феодора Студійскаго, такъ называемымъ „Parva cathechisis“ и его уставомъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ извѣстенъ пр. Феодосію Печерскому. Съ поученіями пр. Феодора Студійскаго мы знакомимся по печатнымъ русскимъ изданіямъ: Козельской введенской оптинской пустыни, гдѣ находится 95 огласительныхъ поученій, переведенныхъ съ греческаго языка ¹⁾ и „Добротолюбіемъ“ (IV томомъ), въ которомъ преосв. Теофаномъ изданы всѣ поученія Феодора Студита, т. е. и „Большой катехизисъ“ и „Малый катехизисъ“ ²⁾. Хотя въ этомъ изданіи поученія приведены съ нѣкоторыми сокращеніями, но все же они представляютъ, по словамъ самого пр. Теофана, почти полныя поученія.

Но съ „уставомъ“, хотя бы по списку XII вѣка, хранящемуся въ Московской Синодальной библиотекѣ подъ № 380, весьма близко подходящему ко времени пр. Феодосія, мы не имѣли возможности ознакомиться подробно; и для опредѣленія степени вліянія его на поученія пр. Феодосія мы пользовались лишь тѣми отрывками его, какіе приведены у нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ Мансветовъ, Казанскій, Голубинскій, и др.

Въ разсужденіи о степени вліянія, о которомъ идетъ рѣчь, надо принимать во вниманіе, какъ сходство положеній, въ которыхъ находились оба эти проповѣдника, такъ и духовное родство, замѣчаемое въ нихъ. Въ ихъ характеристикахъ, какія мы встрѣчаемъ у биографовъ, можно замѣтить много общихъ чертъ; въ ихъ дѣятельности, какъ настоятелей монастырей, случались аналогичныя явленія; эти обстоятельства легко могли явиться причиною того, что въ поученіяхъ у обоихъ проповѣдниковъ мы встрѣчаемъ общія мѣсли. Но сходство отдѣльныхъ выраженій, одинъ и тотъ же порядокъ въ ходѣ развитія мысли, замѣчаемые въ поученіяхъ, уже говорятъ о вліяніи и заимствованіи.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ изслѣдованію поученій. Первымъ является поученіе „о терпѣніи и о любви“. Проповѣдникъ, обращаясь къ своей паствѣ, напоминаетъ ей о высокой христіанской любви, во имя которой они оставили

¹⁾ „Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Феодора игумена студійской обители и исповѣдника огласительныя поученія и завѣщаніе“. Москва 1872 г.

²⁾ „Добротолюбіе въ русскомъ переводѣ дополненное“ издвденіемъ русскаго на Аѳонѣ Пантелеймонова монастыря. Москва 1889 г., т. IV.

міръ и все, что было въ немъ, чтобы, возненавидя все, послѣдовать Христу. Но эта Любовь Божія состоитъ именно въ „дѣлѣхъ дѣлательныхъ“, и только исполняющій заповѣди Иисуса Христа заслужитъ Его любовь.

Поэтому всѣ должны съ любовью работать, чтобы приносить плодъ; бездѣлательные же, подобно безплодной лозѣ, отсѣкаются и, подобно ей же, бросаются въ огонь, гдѣ и сгораютъ. Проповѣдникъ еще разъ напоминаетъ объ исполненіи заповѣди Божіей, чтобы стать достойными любви Его, и затѣмъ переходитъ къ наставленіямъ и увѣщаніямъ.

„Мы, убогіе, слышали о столь великой любви Божіей къ намъ. Не горитъ ли наше сердце, не горитъ ли въ насъ совѣсть? Какое добро мы совершили, что Онъ избралъ насъ изъ этой маловременной жизни? Мы, какъ и всѣ, были рабами страстей своихъ; однако Христосъ, принявъ образъ раба, совершилъ наше спасеніе. Ибо, какъ солнце сіяетъ на злыхъ и на добрыхъ, также и Слово Божіе сошло на землю для спасенія всѣхъ. И какъ апостолу Петру, гнушающемуся язычниковъ, Богъ сказалъ, что человекъ не оскверняетъ очищеннаго Богомъ, такъ и всѣмъ людямъ повелѣлъ поступать. Поэтому и онъ самъ, — говоритъ Феодосій о себѣ, — не можетъ противиться Богу. „Трость вѣдь сама не нищеть, если не будетъ щипущаго ея; точно также и сѣкира не „прославится“ безъ рубящаго ея“ И не онъ послалъ проповѣдниковъ преподавать всѣмъ покаяніе, но Отецъ, живущій въ небесахъ, пославшій своего Единороднаго Сына для спасенія міра. Въ заключеніе, пр. Феодосій приглашаетъ братію трудиться, храня между собою любовь, и молиться за весь міръ, чтобы получить царство небесное.

Таково содержаніе этого слова. Какъ видимъ, это поученіе касается главнѣйшей заповѣди Христа о любви къ Богу и ближнему; при всемъ стараніи мы не могли отыскать у пр. Феодора поученія, которое бы близко подходило къ нему, не могли также отмѣтить, чтобы мысль какая нибудь, или даже выраженіе, были заимствованы. *Это слово является вполне оригинальнымъ, и это очень важно*

Состоя почти исключительно изъ евангельскихъ текстовъ въ первой своей части, это слово свидѣлствуетъ о глубокомъ знаніи и пониманіи священнаго писанія авторомъ. Но то обстоятельство, что авторъ говоритъ именно о любви къ ближнему, приводя текстъ Евангелія „больше сея любви никтоже не имать, да кто душу свою положитъ за други моя“ имѣетъ, какъ намъ кажется, большое значеніе. Не прошло и столѣтія со времени принятія Христіанства на

Руси, и уже самоотверженная любовь къ ближнему—высочайшій принципъ Христіанства—нашла полное созвучіе въ душѣ русскаго славянина. Это обстоятельство еще лишній разъ говоритъ въ пользу мѣнѣя, не разъ высказываемаго нашими учеными (у Хомякова и др.) о томъ, насколько подготовленъ былъ русскій язычникъ къ христіанству. И русскій народъ рано выработалъ величавый идеаль самоотверженныхъ борцовъ *на пользу ближняго* и воплотилъ ихъ въ поэтическихъ образахъ своихъ могучихъ богатырей, особенно въ образѣ своего главнаго любимца — Ильи Муромца, который просилъ у своего родного батюшки „благословеньца“ ѣхать въ Кіевъ-градъ, заложиться за князя Владиміра, послужить ему вѣрой-правдою, постоять за вѣру христіанскую—т е служить ближнему.

Такой же родъ духовнаго богатырства представляетъ и нашъ преп. Феодосій съ его братією, полагавшіе душу за други своя, „тружащіяся въ бдѣніи и въ молитвахъ молящіяся за весь міръ бесъ престаи“ (Поуч. о любви).

Простота и искренность этого поученія свидѣтельствуютъ не о желаніи проповѣдника блистать краснорѣчіемъ, а лишь о прямой цѣли его—нравственномъ исправленіи шокровъ. Такія выраженія, какъ „Не сердце ли въ насъ горитъ?“ ¹⁾ и др, придаютъ поученію характеръ не книжной, а живой рѣчи; нѣкоторыя выраженія носятъ приточный, поговорочный, народный характеръ; такъ: „Трость бо сама не ишетъ, аще не будетъ ишущаго ея, ниже прославится сѣкира безъ сѣкущаго ея“;—здѣсь даже наблюдается нѣчто въ родѣ созвучія, какое мы часто встрѣчаемъ въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ.

Мы не имѣемъ данныхъ къ объясненію слѣдующаго мѣста: „сами бо вѣсте, яко не азъ послахъ проповѣдникъ своихъ дая всѣмъ покааніе, но отецъ живын въ вышнихъ... и д.“. Быть можетъ преп. Феодосій, въ заботахъ о распространеніи христіанства и обращеніи въ вѣру Христову язычниковъ, посылалъ къ этимъ послѣднимъ своихъ проповѣдниковъ, которые призывали невѣрныхъ къ покаянію. Въ житіи же мы встрѣчаемъ лишь указаніе на то, что самъ Феодосій ходилъ „къ жидомъ“, съ которыми вступалъ въ релігіозные споры; слѣдовательно, миссіонерская дѣятельность была ему не чужда.

¹⁾ Евангеліе отъ Луки гл. 24.

Тексты св. писанія, такъ часто приводимые въ этомъ поученіи, не всегда приводятся дословно, что можно объяснить тѣмъ, что, быть можетъ, пр. Феодосій приводитъ ихъ по памяти, не справляясь каждый разъ съ библіей.

Въ приложеніи II мы помѣстили параллельно тексты изъ Библіи и имъ соотвѣтствующія мѣста изъ поученія.

Переходимъ къ разбору второго поученія, озаглавленнаго въ сборникахъ, какъ и первое: „Слово святаго Феодосія о терпѣнн и о любви“. Поводомъ къ произнесенію этого поученія служилъ ропотъ нѣкоторыхъ изъ братіи на своего игумена за то, что онъ часто удалялъ изъ обители за лѣность и туеядство нерадивыхъ членовъ, впрочемъ не получившихъ еще дара иночества, а также и за то, что онъ принималъ въ обитель бѣдныхъ и странниковъ и кормилъ ихъ на средства обители.

Сказавъ относительно удаленія нерадивыхъ, что это онъ дѣлаетъ по долгу своему, не имѣя права молчать и служить ихъ слабостямъ, проповѣдникъ особенно останавливается на другой причинѣ ропота: на приѣмѣ и питаціи убогихъ и странниковъ. „Намъ бы слѣдовало, говоритъ онъ, отъ своихъ трудовъ кормить убогихъ и странныхъ, а не оставаться въ праздности и лишь ходить изъ келіи въ келію“. Приводя свидѣтельство ап. Павла о томъ, что онъ „нигдѣ же туши хлѣба не яде“, а трудомъ зарабатывалъ его, пр. Феодосій обращается съ укоромъ къ братіи, которая кормится лишь благодаря приношеніямъ боголюбивыхъ людей. Поэтому слѣдуетъ приносимымъ дѣлиться съ немущими. Желая указать высокое значеніе милостыни, пр. Феодосій приводитъ евангельскую притчу о десяти дѣвахъ: пяти мудрыхъ и пяти „несмысленныхъ“. Мудрыя, говоритъ онъ, украсили свѣтильники свои милостынями и вѣрою, поэтому вошли безпрятственно въ радостный чертогъ; другія же „буяя“ хотя и сохранили печать дѣвства, но масла милостыни не принесли въ свѣтильникахъ своихъ душъ — поэтому и были изгнаны изъ чертога.

Далѣе приводится нѣсколько евангельскихъ изреченій о милостынѣ, о подаеніяхъ немущимъ вообще, и затѣмъ подробно раскрывается библейская исторія о ропщущихъ Іудеяхъ. „иже чрева ради надоша въ пустыни“

„И какъ мнѣ не стонать и не тужить, любимые мои, слыша и у васъ подобное же? Или, скажемъ словами пророка: кто дастъ главъ моей *каменіе*¹⁾ и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и ночь (о побѣжденныхъ) дщери людій моихъ? Вѣдь и мы удалились въ пустыню и какъ говорить писаніе, чаемъ Бога спасающаго насъ. Развѣ благодать Божія не вывела насъ, точно изъ Египта, изъ міра въ эту безводную пустыню? И чего мы здѣсь, братія и отцы, лишились²⁾, что вы принесли сюда изъ имущества своего, или что я требовалъ отъ васъ, принимая васъ въ эту обитель? И намъ, всего лишенымъ, все дано Божиимъ челоуѣколюбіемъ по молитвамъ Богородицы“ Поэтому пр. Феодосій обращается къ братіи съ увѣщаніемъ трудиться, хвалить Бога, который, не помня ихъ немощей, подаютъ имъ все изобильно.

Какъ видимъ, характеръ этого поученія такой же, какъ и перваго. Чисто отеческая заботливость и любовь просвѣчиваетъ въ каждой фразѣ, въ каждомъ восклицаніи. „Какъ мнѣ не плакать, какъ мнѣ не тужить?“ восклицаетъ съ глубокимъ чувствомъ проповѣдникъ. Онъ не караетъ ихъ грознымъ словомъ, видя ихъ немощи: онъ лишь указываетъ на библейскій примѣръ наказанья Божьяго и обращается съ мольбой объ исправленіи къ любимой имъ братіи.

Однако, это поученіе не можетъ быть названо вполне оригинальнымъ. Безъ сомнѣнія, пр. Феодосій, при составленіи этого слова, пользовался поученіемъ пр. Феодора Студита, помѣщеннымъ 30-мъ по числу во второмъ томѣ „Большаго Катехизиса“³⁾. Это объясняется тѣмъ, что какъ то, такъ и другое поученіе написано по одному и тому же поводу: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „аналогичными явленіями“, которыя, какъ мы сказали раньше, могли вызвать аналогичныя поученія, независимо одно отъ другого.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, поводомъ къ поученію служилъ ропотъ нѣкоторыхъ изъ за удаленія изъ обители парадивыхъ членовъ ея и приѣма нищихъ и странниковъ.

Но сходство мыслей, ссылка на одни и тѣже мѣста св. Писанія и, даже иногда замѣчаемое, сходство въ выраженіяхъ говорятъ въ пользу значительной степени вліянія поученія пр. Феодора на это поученіе пр. Феодосія.

¹⁾ Ошибка въ спискахъ, ср. Библия „воду“.

²⁾ „Облиховани“ по Рум. сб., по сборн. Лавры „лишени“; мы переводимъ словомъ „лишены“, а не „поруганы“, какъ у А. Пономарева.

³⁾ См. „Добротолюбіе“, стр. 231.

Свои отношенія къ тому или иному явленію въ жизни монашеской, затрагиваемому въ этомъ поученіи, пр. Θεодосіи мотивируетъ также, какъ и пр. Θεодоръ. И у того, и у другого одинаковое понятіе о долгѣ учительства:

У преп. Θεодосія.

„Аще бо умолю вашею ради роптанія, угодяа вамъ вашае ради слабости, то каменіе възвнѣетъ“ (Слово II).

У обоихъ встрѣчается ссылка на авторитетъ св. отцевъ церкви:
„Не азъ бо то глаголю, но они неугасяющая свѣтили, вселенныя; всея истинныи столпи, правыя вѣры всадители, наставниши всему доброму благоврвію“ (ib.).

Мысль о томъ, что иноки ничего не принесли съ собою въ обитель, а все имѣющееся у нихъ послано Богомъ:

„Что бо принесосте отъ имъ-нейи своигъ на мѣсто се, или что азъ требовагъ отъ васъ, пріимая вы въ обитель сію“ (ib.).

Оба проповѣдника приводятъ библейскій примѣръ наказанія ропщущихъ и въ одинаковомъ объемѣ.

„Да не угодимся онѣмъ роптивымъ, иже чрева ради надоша въ пустыни... Слышите бо, во что изыде роптаніе онѣхъ? не перае ли егда ведаше и моиси къ морю чермному и столпомъ огненнымъ и облакомъ. И они забывше онѣхъ казни и елико сътвори имъ бо въ египтъ моисеомъ и аарономъ, не възопиша ли на моисею; что извель ны еси сль, да умремъ нынѣ въ ну-“

У преп. Θεодора.

„Мое дѣло и мой подвигъ не-утомимый въ томъ, чтобы всегда простирагъ къ вамъ слово“ (Добр. стр. 231).

„Знаете какія были о семъ рас-поряженія великаго свѣтила на-шего Еввимиа, читаете, какъ это было у приснопамятныгъ отцевъ нашихъ Саввы и Θεодосія великаго и у преблаженнаго Пагомія“ (Добр. 234 стр.).

„Но мы и о томъ не помышляемъ, что ничего не принесли въ монастырь, и отъ служенія нашего никакой нынѣ пользы“ — весьма сходное мѣсто съ поуч. пр. Θεодосія (Добр. поуч. 84)¹⁾.

„Вы, какъ видится, нынѣ Израилиты есте, избавленные отъ руки Фараона невидимаго.. которые потомъ при прохожденіи пустыни подвижнической прискорбной жизни, когда встрѣтили тяжелыя прискорбности, не возблагодарили Бога, и не воздали славу Ему, чтобъ ради такого добраго расположенія, прошло потребное по Божію промысленію по возрпн-“

¹⁾ Та же мысль встрѣчается еще разъ въ поученіи (на стр. 234) Θεодора Студійскаго: „И вы сами ропщущіе помните что... когда пришли сюда то ничего съ собою не привесли“ (ibid.).

стынь сей: не лучше ли да быша ¹ гроби наши въ Египтъ были? да егда проведе ихъ въ сколь чръное море рукою моцъвою и врати ихъ потоци и придоша въ мерры и обрътоша ту горька воды и наки ускориха и забыша дѣль божиихъ, възроташа на моисея глѣше чьто нѣмь: се бо въвелъ ны еси въ пустыню сію безводную нымурици никакая же утѣхы; и не ослаби ли имъ Богъ горькихъ водъ? но не остави въ разумъ и не яши въры, но по тѣгъ всѣгъ чудотворныхъ поклонихася телю, да аще бы не не Моисей сталъ въ сокрушеніи къ Богу о нихъ, то погрѣбилъ бы и Богъ отъ лица земли" (ibid.)²).

тали на Бога, какъ бы говорѣ лучше бы намъ умереть въ Египтъ, припоминая котлы Египетскія и разумѣя подъ ними каждый, что наиболее усаждало его въ мѣръ. Но вы знаете, что тогда пострадали такіе ропотники, никто изъ нихъ не сподобился войти въ землю обѣтованную и кости всѣхъ ихъ пали въ пустынь. Боюсь чада не пострадали бы и намъ сдѣлавше тоже, что и они" (Добр. 233)¹).

Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ въ обонхъ поученіяхъ мы убѣждаемся, что поученіе пр. Феодора оказало нѣкоторое и даже значительное вліяніе, не только на нѣкоторыя мысли, а и на самыя планъ ихъ расположенія въ поученіи пр. Феодосія. Но развитіе этихъ мыслей иногда бываетъ вполне самостоятельнымъ.

Не находимъ мы у Феодора Студійскаго притчи о десяти дѣвахъ и толкованія ея, какое мы встрѣчаемъ въ поученіи пр. Феодосія. Однако, это своеобразное толкованіе притчи не принадлежитъ пр. Феодосію, а заимствовано имъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго. „Слово о десяти дѣвицъ и о милости“ Іоанна Златоуста мы уже встрѣчаемъ въ спискѣ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора въ „Майской Четъ-Миней“ по несомнѣнно оно существовало и раньше на славянскомъ языкѣ: такъ въ Супрасельской рукописи (XI вѣка) въ Мартовской Четъ-Миней находится двадцать словъ Іоанна Златоуста. (Описаніе Миней, составлено А. Востоковымъ въ ученыхъ запискахъ II отд. II. А. Наукъ кн. II вып. II стр. 80).

¹) Этотъ же библейскій примѣръ приводится еще и въ другихъ поученіяхъ Феодора Студійскаго (Добролюбіе *поуч.* 32) (по изд. Оптиной пустыни 9), *поуч.* 45 (по изд. Опт. 31) и 203 (по Опт. 87).

²) Эти тексты, равно какъ и всѣ послѣдующіе приводятся по нашему исправленному и дополненному изданію въ Приложеніяхъ I.

Судя по описанію, среди словъ Іоанна Златоуста находится одно, озаглавленное: „тогожде іоанна златоустааго слово отъ тлѣкованія еуаггелія яже отъ матѳея о десяти дѣвницъ и о талантѣхъ глаголаю естъ въ святѣи вѣторникъ“ (ib. стр. 83).

Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что пр. Θεодосію были извѣстны бесѣды Іоанна Златоустаго о дѣвствѣ.

Чтобы опредѣлить, насколько близко стоятъ разсужденія о дѣвствѣ и милостынѣ у пр. Θεодосія и Іоанна Златоуста, мы сравнимъ ихъ, представивъ въ параллельной таблицѣ оба текста.

(Сочиненіями Іоанна Златоуста мы пользовались по изданію С.-Пбурской Духовной Академіи 1850 г.).

У пр. Θεодосія.

„Слышасте бо притѣю о десяти дѣвѣ. вѣщаетъ бо Евангеліе яко пять бѣ мудрыхъ а пять не-смысленныхъ. мудрыя же дѣвства соблюдоша и свѣтильники своя украсиша милостынями и вѣрою и внидоша въ чрѣтоу радостны и никомуже не възбраняюще имъ. Фны же буіаіа како нарекошася, понеже дѣвственую печать съблюдоша неразориу и въ пощеніи и бдѣніи въ молитвахъ истощиша плоть свою, масла же милостыни не принесоша въ свѣтильничьхъ своихъ души, и того ради изгнани быша изъ чрѣтоа. и тогда възскаша продающеихъ мѣстня нищихъ, но не обрѣтоша. уже бо затворишася двери челоуколюбія Божія“.

У Іоанна Златоуста.

Какъ велико дѣвство! и однако безъ милостыни оно не спасло, милостыня же безъ дѣвства спасла.... Было десять дѣвѣ, пять мудрыхъ, а пять юродивыхъ; и былъ гласъ въ полночь: „встаньте, идетъ женихъ“. Встанъ же дѣвы украсили свѣтильники свои. А свѣтильникъ—дѣвство, которое естъ нѣчто чистое. пламенное, свѣтлое... (О постѣ и милостыни стр. 909—910 т. II).

Не объ елей и огнь говоритъ здѣсь писаніе, а о дѣвствѣ и челоуколюбіи, означая дѣвство подъ видомъ огня, а милостыню подъ видомъ елея. ... Мудрыя послали неразумныхъ къ продавцамъ, но уже не было времени покупать елея; и справедливо: продающихъ елея можно найти только въ настоящей жизни (ib. т. I стр. 562)....

Кто же продавцы этого елея? Бѣдные, ради милости сидящіе предъ церковью.

А по скольку онъ?—Цѣны не назначено, чтобы ты не ссылался

на бѣдность (о покаяніи III бесѣда стр. 324 т. II)

Видишь, какъ онъ милостыми не имѣли, то и потеряли трудъ дѣства и остались въ брачнаю чертога (о милостынѣ—910, т. II).

Изъ этого сравненія мы замѣчаемъ, что отдѣльныя выраженія изъ бесѣды Іоанна Златоуста, гдѣ онъ приводитъ толкованіе на Евангельскую притчу, очень близко подходятъ къ нимъ соответствующимъ въ поученіи пр. Феодосія. Это свидѣтельствуешь о томъ, что не только творенія пр. Феодора Студита были хорошо извѣстны нашему проповѣднику, но также и творенія свято-отеческія вообще, почему онъ и пользовался ими въ своихъ поученіяхъ въ случаѣ надобности. Такое знаніе и примѣненіе въ удобныхъ случаяхъ мыслей изъ образцовъ церковной учительной проповѣди говоритъ лишь о начитанности и образованности (какъ ее тогда понимали) автора, и отнюдь не можетъ быть поставлено въ упрекъ пр. Феодосію.

Третье поученіе „святаго Феодосія о терпѣніи и милостынѣ“ естественно раздѣляется на двѣ части.

Въ первой части проповѣдникъ словами апостола Іакова побуждаетъ братію терпѣливо переносить тягости монашеской жизни, помня о терпѣніи Іова и о страданіяхъ Христовыхъ. Напоминаетъ о милости Божіей, спасшей ихъ и обратившей отъ небытія къ бытію. „Развѣ не милостивъ и не человеколюбивъ Господь,—говоритъ Феодосій,—который не презрѣлъ насъ, ринувшихся въ дѣбрь грѣховную и, почти погибшихъ въ грѣхахъ, „на рамѣ понесъ. и одену отца посади“ Затѣмъ проповѣдникъ указываетъ на примѣры страданія пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и пренедобныхъ отцевъ. Помня о нихъ, и монахи должны вооружиться терпѣніемъ, чтобы заслужить обѣщанное спасеніе.

Вторая часть поученія заключаетъ горячіи призывъ къ терпѣливому служенію. Проповѣдникъ напоминаетъ слушающей братіи о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя были торжественно произнесены при вступленіи ихъ въ обитель: напоминаетъ о томъ, что свидѣтелемъ ихъ обѣщаній все терпѣть и переносить бытъ самъ Владыка и Богъ; а между тѣмъ, что стало съ этими обѣщаніями? Нѣтъ ни покорности, ни терпѣнія: монахи закрываютъ уши, чтобы не слышать

примѣровъ мужества и терпѣнія при чтеніи житій святыхъ. Во время службы они дремлютъ, сомкнувши уста свои такъ, что даже не могутъ промолвить „аминь“. Но на пустословіе, ссоры, укоры они не лѣнны; тогда и глаза не дремлютъ, и языки дѣйствуютъ.

Указавъ на такіе недостатки своей братіи, проповѣдникъ съ воодушевленіемъ обращается къ ней, напоминаетъ, что монахъ есть воинъ Христовъ, который не долженъ лѣниться. Если по звуку трубы войны схватываются, забывая жену, дѣтей, бросая имущество и, не щадя головы своей, несутся въ бой, чтобы только „не посрамленомъ быти“; если они такъ трудятся изъ за пустой временной славы, которая кончается вмѣстѣ съ ихъ жизнью; то тѣмъ болѣе воинъ Христовъ долженъ бороться со своими супостатами, чтобы, побѣдивъ ихъ, получить вѣчную славу и удостоиться чести несказанной! Поэтому, когда ударить било, призывая къ церковной службѣ, всѣ должны идти въ церковь, гдѣ и оставаться до „отпущенія іереева“, склонивъ главу долу, а умъ вознося горѣ—и такимъ образомъ можно получить царство небесное.

Поученіе это носитъ характеръ нѣсколько иной, чѣмъ два предыдущія. Здѣсь уже пр. Θεодосій является обличителемъ: приводя примѣры терпѣливой страдальческой жизни мучениковъ, пророковъ и апостоловъ, онъ затѣмъ рисуетъ лѣнивую, бездѣятельную жизнь своей братіи, представляющую сильный контрастъ съ первой.

Очевидно, монахи ушли далеко отъ того идеальнаго состоянія, о которомъ всегда мечтаютъ заботливый игуменъ, если явилась необходимость добродушному, любвеобильному пастырю бросить такой сильный упрекъ своему стаду.

Однако и въ этомъ поученіи, какъ и въ предшествующихъ, выдержаны характеристическія особенности рѣчи нашего проповѣдника: простота и жизненность. Поученіе не лишено картинности и образности: монахи, затыкающіе уши, чтобы не слышать мужества святыхъ; стиснутыя уста... и т. п.; но особенно живою и картинною отличается сравненіе монаха съ воиномъ, который по трубному звуку бросается въ бой.

Не смотря однако на такой особенный, какъ можно думать, случай, вызвавшій это обличительное поученіе, оно не является вполне оригинальнымъ; впрочемъ, заимствованнымъ изъ поученій пр. Θεодора является только нѣкоторый матеріалъ; такъ, въ поученіи пр. Θεодора „о томъ, чтобы съ упованіемъ на будущія блага переносить благодушно поношенія и укоризны“¹⁾, мы встрѣчаемъ

¹⁾ „Огласительныя поученія“. Изд. Козельской Оптиной пустыни. М. 1872 г. поученіе 34, стр. 135

тѣже, что и у пр. Феодосія историческіе примѣры терпѣнія и зло-страданія пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ, съ тою только разницею, что у пр. Феодора пророки названы по именамъ, у пр. Феодосія лишь приведены роды ихъ страданій. Точно также у пр. Феодора мы встрѣчаемъ сравненіе монаха съ волномъ: „Такъ и намъ, борцамъ и страдальцамъ христовымъ, слѣдуетъ поступать“ и мн. др.

Мысль о суетной военной славѣ высказана у пр. Феодора въ выраженіяхъ очень сходныхъ съ Феодосіевыми:

У пр. Феодосія.

„Да или то они за тщую славу и избытую не помятъ ни жены ни дѣтей ни имѣнія....

Да якоже суть сами временни, тако и слава ихъ съ животомъ скончавается. Намъ же не тако. Но аще стерпимъ борющеса съ супостаты нашими и одолюше приимемъ славу бесконечную и чести неизреченныя сподобимся“

У пр Феодора

„Для чего же? чтобы одержать побѣду получить тѣлныя вѣнцы и временныя награды ¹⁾.... Радость ихъ не всегдашняя, а только на нѣкоторое время.

Не такъ бываетъ въ предлагающихъ намъ подвижхъ: ибо если кто сподобится побѣдить, тотъ блаженъ и преблаженъ; потому что, если онъ однажды увѣнчается не тѣлными вѣнцами, то безъ конца будетъ его радость и ликование, слава, свѣтлость и еселе“.

Кромѣ того, нѣкоторыя отдѣльныя выраженія сходны; какъ на примѣръ:

„Иже туди насъ спасе отъ небытія въ бытіе приведъ“... не презръ насъ но взыска и обрътъ.

„Терпѣнія бо имате потребу (трьваніе) ¹⁾ да волю Божію сътворише приимете обѣщанія“ ²⁾.

„О неизреченное Божіе словоколюбіе: Онъ изъ небытія привелъ насъ въ бытіе и падшихъ въ преступленіе оная возстановилъ“ (ibid. поуч 74 стр. 264).

„Терпѣнія бо имате потребу, да волю Божію исполнивъ получите жизнь вѣчную“ (ibid. стр 241. поуч. 67).

¹⁾ Огласит. поуч. Ор. cit. поуч. 26, стр. 97.

²⁾ Въ Рум. спискѣ „трѣваніе“. Это или испорченное слово изъ „требѣніе“— нужда, или тре(бо)ваніе съ тѣмъ же значеніемъ. См. словарь Др. слав. яз. изд. Суворина, стр. 861.

³⁾ Хотя впрочемъ это текстъ изъ посланія къ евреямъ, гл. 10, ст. 36.

„Но отрястѣмъ, молю васъ любимицы мои, умыніе ваше. Помянемъ прѣвыи вѣгодъ свой како быгомъ, егда къ дверемъ монастырскимъ приидогомъ, не всѣ ли обѣщадомся трѣпѣти и поношенія и укоренія и уничиженія и изменія ¹⁾).

„И такъ трудитесь чада мои и подвижайтесь... Развѣ вы, когда пришли изъ міра, не обѣщали сею передъ Богомъ и святыми Его Ангелами ради царства небеснаго терпѣть всякую скорбь и тѣсноту, т. е. албу, жажду, холодъ, наготу, укоризны, поношенія и прочія скорби“ (ibid. стр. 63, поуч. 14).

Какъ видимъ, и въ этомъ поученіи нельзя отрицать вліянія катехизическихъ поученій пр. Феодора; однако, какъ мы уже сказали раньше, это вліяніе не шло дальше заимствованія пр. Феодосіемъ готовыхъ мыслей и лишь очень рѣдко отдѣльныхъ выраженій, что объясняется вполне основательнымъ знаніемъ поученій пр. Феодора, благодаря которому проповѣдникъ невольно говорилъ знакомыми ему словами, точно такъ же, какъ иногда онъ высказываетъ свою мысль словами библіи, взятыми изъ различныхъ мѣстъ.—быть можетъ, самъ того не замѣчая.

Но не только поученія пр. Феодора служили источникомъ этого поученія; въ немъ мы замѣчаемъ также и отраженіе мыслей Василія Великаго въ его „пространныхъ правилахъ“.

Именно, то мѣсто поученія, гдѣ пр. Феодосій говоритъ противъ праздности, напоминаетъ одинъ изъ отвѣтовъ Вас. Вел.:

У пр. Феодосія

„Тѣло бѣше намъ отъ трудовъ своихъ крѣмити убогѣя и странная, а не празднымъ пребывать... Слышите бо Павла глаголюща „яко нишѣ же тунѣ хлѣба не ядохъ, но ношѣ дѣлахъ а въ дне проповѣдахъ и рунѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ; и намы: праздный да не ясть“

Василій Великій.

„И какое зло праздность, нужно ли говоритъ о семъ, когда Апостолъ ясно повелѣваетъ не дѣлать щему даже и не пѣть. Апостолъ пишетъ о самомъ себѣ: „ниже тунѣ хлѣбъ ядохомъ у кого, но въ трудѣ и подвижѣ ношѣ и день дѣлающе“ ²⁾).

¹⁾ Къ этому мѣсту мы возвратимся ниже.

²⁾ Творенія св. отцевъ въ рускомъ переводѣ изд. при Моск. Дух. Академіи. 1847 г. Творенія Вас. Великаго, т. IX, Правила пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ, стр. 177.

Впрочемъ, мы не настаиваемъ на зависимости поученія отъ отвѣта Василія Великаго въ виду, такъ сказать, чрезмѣрной повторяемости мысли о праздности, а также и общей извѣстности приводимыхъ словъ ап. Павла.

Но несомнѣнно, что въ числѣ источниковъ этого поученія было „Послѣдованіе малой схимы“ Именно, въ томъ мѣстѣ поученія, гдѣ проповѣдникъ напоминаетъ о забытыхъ обѣщаніяхъ, данныхъ при вступленіи въ монастырь, онъ очень близко перифразируетъ слова „Послѣдованія“.

Такъ, выраженіе поученія: „не все ли обѣщавомся терпѣти: и поношенія и укоренія и уничиженія и изгнанія“, близко передаетъ слова „оглашенія“ въ Послѣдованіи, которыя долженъ игуменъ произносить постригаемому: „ты убо.... имаши досадитися и укоритися, уничижитися и изгнатися“ ¹⁾.

Точно также слова: „Се христосъ едѣ стоитъ невидимо: блюди кому ся обѣщаеши: никто же бо тебе на се не нудить“ взяты изъ Послѣдованія, гдѣ они являются въ болѣе распространенномъ видѣ: „Се христосъ невидимо здѣ предстоитъ: виждь яко никтоже тя принуждаетъ принти къ сему образу: виждь яко ты отъ предложенія хочещи обрученіе великаго и ангельскаго образа“ ²⁾.

Изъ предложеннаго изслѣдованія этого поученія со стороны содержанія мы ясно видимъ, въ какой степени сказывается вліяніе поученій пр. Феодора, а также имѣемъ возможность еще разъ подтвердить высказанную ранѣе мысль, что умственный кругозоръ пр. Феодосія не ограничивался знаніемъ, правда исключительнымъ по полнотѣ, поученій пр. Феодора, но также и сочиненій другихъ отцевъ и учителей церкви, какъ напр. въ данномъ случаѣ—Василія Великаго.

Вполнѣ сознательно и умѣстно проповѣдникъ приводитъ выраженія, взятая изъ Послѣдованія малой схимы.

Именно, ничѣмъ инымъ, какъ напоминаніемъ о минутѣ, въ высокой степени важной для каждаго монаха, о той минутѣ, когда онъ, стоя у царскихъ вратъ (предъ святыми дверцами), предъ видимыми и невидимыми свидѣтелями, торжественно давалъ обѣщанія—можно заставить монаха очнуться, бросить грѣховную жизнь и стать на правый путь. Этотъ приѣмъ въ данномъ поученіи обличаетъ въ проповѣдникѣ психолога, знатока человѣческой души!

¹⁾ Треникъ. Послѣдованіе малая схимы, л. 116.

²⁾ Ibid, л. 118.

Замѣтимъ кстати, что и въ житіи пр. Феодосія, когда бояринъ Іоаннъ пришелъ къ Антонію съ просьбой принять его въ монастырь, старецъ говоритъ ему: „Смотри, сынъ, кому общаешься, чьимъ хочешь быть воинномъ? ибо вотъ невидимо предстоятъ Ангелы Божіи, пріемля твое общаніе“ На что Іоаннъ ему отвѣчаетъ „Вѣрую въ Бога моего“ и т. д., послѣ чего, по словамъ житія, онъ былъ постриженъ и облеченъ въ монашескую одежду и наименованъ Варлаамомъ. Какъ мы можемъ замѣтить, слова, сказанныя старцемъ, заимствованы изъ „Послѣдованія малой схимы“.

Слѣдуя принятому нами порядку, мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующаго, четвертаго поученія къ инокамъ, носящаго въ сборникахъ заглавіе „поученіе святаго Феодосія о тѣрпѣніи и о смиреніи“. Однако, заглавіе этого поученія, равно какъ и предыдущихъ, не вполне соотвѣтствуетъ его содержанію. Поученіе это состоитъ изъ отдѣльныхъ краткихъ наставленій о посѣщеніи церкви, о благолѣпномъ стояніи въ ней, о поклоненіи другъ другу и „кадящему пресвитеру“ ¹⁾, о благочинномъ пѣніи и объ аккуратномъ посѣщеніи церковныхъ службъ: заутренн, обѣдн и по-вечерія...

Со слезами обращается проповѣдникъ къ братіи съ этими наставленіями; онъ чувствуетъ, что мало заботится о нравственномъ преуспѣяніи братіи, и что къ нему могутъ быть отнесены слова Божіи: „усты твоими сужу ти рабе лукавыи, добрѣе бы ти было, дабы возвратилъ сребро мое, дабы тщивымъ дѣлательемъ вдалъ, иже быша ми въздали съ прибыткомъ“. Онъ сознаетъ, что долгъ его требуетъ обращаться къ нимъ съ такими наставленіями, чтобы кто нибудь не умеръ въ лютыхъ грѣхахъ; поэтому онъ призываетъ братію перемѣниться, стать благонравными, чтобы единодушно возсылать благодареніе къ Богу, которому прилична слава во вѣки вѣковъ.

Самъ пр. Феодосій указываетъ источникъ, откуда онъ черпаетъ всѣ эти наставленія. „Якоже ны богоносивый Феодоръ учитъ“— говоритъ онъ въ началѣ, и затѣмъ опять во второй разъ говоритъ „якоже въ уставѣ пишетъ“. Дѣйствительно, въ этомъ поученіи вліяніе устава очень значительно, что мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Оговариваемся, что мы не имѣли возможности пользоваться уставомъ Феодора Студійскаго во всемъ объемѣ его. Запись этого устава, въ томъ видѣ, какъ она находится въ рукописи № 380, Моск. Спн. 6-ки XII вѣка, озаглавленнаго: „Оуставъ-

¹⁾ dat. abs. во время кажденія.

никъ расматрѣяя о брашнѣ же и о питии мнихомъ и о всяцѣмъ иномъ чиноу и о прѣбываннѣхъ въ цркви и въсьде. оуставленъ убо не по писанію въ монастыри студнѣмъ прпдбнымъ оцмъ нашимъ исповѣдникѣмъ ѳеодорѣмъ прѣданъ же писаниемъ отъ Алексія сѣгаго и вселеннаго патріарха въ поставленнѣмъ имъ монастыри во имя бжественнаго Мтре¹⁾—весьма близко подходитъ ко времени пр. ѳеодосія, и, по мнѣнію многихъ ученыхъ, представляетъ одинъ изъ списковъ устава, который былъ у него. Поэтому для насъ было бы очень важно ознакомиться съ нимъ во всемъ его составѣ; къ несчастью, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы только могли пользоваться нѣкоторыми извлеченіями изъ него.

Однако, перейдемъ къ сопоставленію текстовъ поученія и устава:

У пр. ѳеодосія.

„Билу бо ударяющу не льно ны есть лежати. но възтати на молитву, якоже ны боюносивый ѳеодоръ учитъ и Давидѣское оно слово въ умъ имъюще и глѣти: готово сердце мое боже готово. да егда второму клепанію кончавоющесе, тогда и своя ноги въготовимъ на шествіе церковное, помысла своего не дрягла и муца но весела и въздающе хвалу живодавию богу, прѣпроводившу намъ вѣрсту ношную и въ устѣхъ имъюще пророка Давида и царя псаломъ, въ немъ же глаголетъ: възвеселися о рѣкшихъ мнѣ въ домъ господень видѣмъ и проче. такожде входяще въ ирковь и сѣти боже поюще таже съ льпотоу поклонившесе ху до земля и съ великою болзнию и съ страхомъ стати безмольно при стѣнѣ, гласы немълчными възспѣвающе къ Вышнему, иже насъ грѣшныхъ спо-

По уставу.

„Въ положенный часъ ночи встаетъ будильникъ и идетъ къ игуменской келіи. Остановившисъ передъ нею, онъ дѣлаетъ земной поклонъ и проситъ у игумена благословенія словами: „благослови и помолися за мя отче святыи“ Получивъ въ отвѣтъ „Богъ да спасетъ тя“, будильникъ произноситъ громкогласно: „благословите святіи“ и по этому знаку начинаютъ клепать въ верхнее било, гостинницы. Въ это время будильникъ обходитъ братскія келіи, произнося громкимъ голосомъ: „благословите святіи“ и все встаютъ. По окончаніи этой обхода парамонарь идетъ клепать въ нижнее било а братія собираются въ ирковь и въ молчаниіи становятся на наперти съ игуменомъ, при чемъ попы и дьяконы стоятъ впереди, а прочіе за ними по сторонамъ притвора“²⁾.

¹⁾ По описанію славянскихъ рукописей Московской Синод. б-ки, отд. 3, ч 1, стр. 256.

²⁾ Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви. И. Мансеговъ. Москва 1885 г., стр 162—163.

любилъ входа церковнаго, не имуща собѣ подъяоры стѣны ни стѣла, еже намъ суть на честь створена“

„Святый Боже“ подобаетъ пѣть, егда къ царскимъ дверемъ приходитъ,... и взявъ кадилаицу начнетъ кадити.... Къждо готя входити въ церковь ставъ прѣдъ царскими дверьми, да поклонится до земли, но семъ вставъ и крестнымъ знаменіемъ чело же и перси знаменавъ да увидетъ благоговѣно и да станетъ на мѣсть своею“ (изъ Рукоп. Син. 6-кн л. 249).

Въ поученіи далѣе слѣдуетъ наставленіе о поклоненіи другъ другу, которое надо совершать со смиреніемъ. „связавши руки“. подражая въ этомъ Христу, который стоялъ передъ Пилатомъ, подвергаясь различнымъ поруганіямъ. Несомнѣнно, что и это наставленіе взято изъ устава, но въ извѣстныхъ намъ отрывкахъ мы не нашли соответствующаго правила, равно какъ и относительно стоянія въ церкви, не опираясь о стѣны и столбы,—что только безчеститъ святыню.

Въ послѣдующемъ изложеніи наставленій, пр. Феодосіи предлагаетъ ихъ въ порядкѣ теченія утрени: отъ кажденія церкви и олтаря и до 4-й пѣсни, когда, по уставу, „игумень исходитъ изъ хора и, сядясь, принимаетъ на исповѣдь входящихъ братіи и врачуетъ каждого подобающимъ образомъ“ (Голубинскій t. I. op. cit. стр. 675 § 22).

Въ этой части поученія мы также замѣчаемъ, что не только мысли взяты изъ устава, но даже и отдѣльныя выраженія,—что видно изъ приведеннаго ниже сопоставленія

Въ поученіи.

„Кадящу прозвитуру святыи олтарь и намъ чающимъ присъщенія кадилаго не льно съ льностію стояти, но страхъ великии имѣти; стое бо кадило образъ святаго духи есть, да не лишимся того любимии мои. Да егда пріобѣдимся благодати святаго духа кадилымъ присъщеніемъ и на мѣсто свое шедше и стати ны льно есть со всякою кротостію, якоже въ уставъ пишетъ: сонъ отложивше

По уставу.

„Кадящій священникъ чрезъ царскія врата проходитъ въ притворъ, обходитъ кругомъ его, кадя стоящихъ здѣсь, начиная со священниковъ“ (Мансв. 163).

„По покаженіи же всѣхъ попѣмъ прѣступивъ къждо отъ стѣны станетъ на своею мѣсть“ (изъ рукоп. Син. 6-кн).

Монахи поютъ „удерживаясь во все продолженіе пѣнія отъ кашля и протязанія“ (Мансв. 163).

и мертва себе створити, къ копасаніемъ и къ кашлю аки нечювствена и съ умиленіемъ молитися Богу, да пошлетъ намъ помощь скончати намъ въ близъмъ тръпнїи заутреню и канонъ“.

Речемъ же егда стояти имъ... ничьсоже слаба или мьнотьна являюущимъ, но овѣмъ нозъ въ коупъ стояща имуцемъ, яко мощно неподвижни свързанъ же руци и ни на чтоже инодѣтельно, нъ еже къ къ Богу въздѣвати и съ небесе призывати помощь.. абие на то помысль превращати и чесатисъ сему убо главу, сему же нозъ овому же ино мьноть отъ телесе часть или вълапати руци оутрь одьянїя не становити мужа будете“ (выписки изъ рукописи л. 249 об.)¹⁾.

Какъ видимъ, уставныя правила служатъ лишь какъ бы канвой, придерживаясь которой, пр. Θεодосїи предлагаетъ наставленїя, вполне свободно развивая, или сокращая находящееся въ уставѣ.

Кажется, вполне оригинальнымъ является символическое толкованіе дыма кадильнаго, какъ „присѣщенїя“ Святаго Духа; хотя форма выраженїя: „святое бо кадило образъ Святаго Духа есть“—точно заимствована изъ какого либо извѣстнаго ему толкованїя.

Слѣдуетъ еще замѣтить относительно слова „копасанїе“, встречающагося въ этомъ отрывкѣ; намъ кажется, что оно здѣсь не въ смыслѣ „копосанїя“—отъ греч. слово „κόπος“—истечение, а быть можетъ, отъ того же корня, что и слово „копошиться“—возиться²⁾; въ такомъ случаѣ выраженїе поученїя „къ копасанїю и къ кашлю аки не чювствѣна“ вполне соотвѣтствуетъ выраженїю въ уставѣ „удерживаясь... отъ кашля и протязанїя“.

Обращаясь къ поученїю, мы видимъ, что далѣе идутъ наставленїя относительно пѣнїя; прослѣдимъ, насколько и здѣсь пр. Θεодосїи придерживался устава.

Поученїе.

„И по пѣнїи бѣтъ егда начнемъ флѣтырное пѣнїе, не лѣтъ ны есть другъ друга пригватити стиховъ и пѣнїю матежъ творити не малъ, но на старѣйшаю сторону въззирающе и безъ того почитїя не льно есть почитати никомуже.“

Уставъ.

„Пѣснь бываюущи да смотрятъ вси начинающаго и понеже кончатъ початый стихъ, то поклонитъ ея до земля, да поклонятъ съ нимъ вси равно, а не онъ первое, а онъ второе; обаче даже кончїя не прииметь стихъ, не подобаетъ начи-

¹⁾ Изъ выписокъ, предоставленныхъ уважаемымъ проф. П. В. Владиміровымъ.

²⁾ Копошати-ся=чесаться, тереться, возиться (Словарь Ц.-слав. яз., стр. 331).

эта кажущаяся непослѣдовательность устраняется при знакомствѣ съ порядкомъ церковнаго богослуженія, какой существовать въ Студійской обители и перешелъ вмѣстѣ со всѣмъ уставомъ въ обитель Печерскую. Какъ мы видѣли, проповѣдникъ послѣдовательно излагалъ наставленія въ порядкѣ утренняго богослуженія; на утренни же послѣ 4-й пѣсни канона выходилъ изъ хора игумень. принималъ на исповѣдь приходящихъ братіи и врачевалъ каждого соотвѣтственнымъ образомъ ¹⁾).

Итакъ, мы разсмотрѣли это поученіе и опредѣлили насколько въ немъ отразилось вліяніе устава. Состоя изъ наставленій касательно пѣнія и службы съ ихъ формальной стороны, это поученіе вполне естественно должно во всѣхъ своихъ положеніяхъ опираться на какой либо авторитетъ, должно имѣть незыблемое основаніе

Такимъ основаніемъ въ данномъ поученіи является уставъ. Мы уже имѣли возможность отмѣтить склонность пр. Θεодосія во всѣхъ своихъ поученіяхъ ссылаться, то на авторитетъ отцевъ церкви, („они свѣтила негасущія, правыя вѣры всадители“) то, какъ въ данномъ случаѣ, на авторитетъ какого либо одного лица— („якоже ны богоносивый Θεодоръ учитъ“) и даже на одно какое либо опредѣленное сочиненіе, какъ напр. уставъ („якоже въ уставѣ пишетъ“).

Мы не упоминаемъ объ авторитетѣ Библии, которая, какъ это необходимо слѣдуетъ, является краугольнымъ камнемъ не у одного только пр. Θεодосія, но у всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ.

Такая черта не является у пр. Θεодосія произвольною:—въ этомъ случаѣ онъ лишь является исполнителемъ завѣщанія своего идеальнаго игумена, Θεодора Студійскаго: „Не нарушаи законположеній и правилъ св. отцевъ, а въ особенности Божественнаго и Великаго Василя; но, если что дѣлаешь, или говоришь, поступаи такъ, какъ имѣющій на сіе свидѣтельство въ Божественныхъ писаніяхъ, или по отеческому обычаю безъ нарушенія Заповѣди Божіей“ (Завѣщаніе).

1) „Δεῖ εἶδέναι, ὅτι καθ' ἕκαστον ὄρθρον ἐξέρχεται τοῦ χοροῦ ἡ ἡγοούμενο: τοῦ ἀρχεῖσθαι τὴν δ' ὠδὴν („ad quartum hymnum exordiendum“). Καὶ καθεξόμενος εἰς τὴν ἐξαγγελίαν δέχεται τοὺς ἀδελοὺς προσιόντας καὶ θεραπεύει ἕνα ἕκαστον πρὸς τὸ σήμερον“ („ὑποτίπῳσις καταστάσεως τῆς μονῆς τῶν Στουδίων“. Μινυ. С. С. patr. ser. gr., t. 99, 1712 p.).

Намъ остается еще разсмотрѣть послѣднее изъ пяти поученій къ инокамъ, именно: „о хожденіи къ церкви и о молитвѣ“. По основной мысли оно очень близко подходитъ къ предыдущему поученію „о трѣпѣніи и о смиреніи“; но въ то время какъ это послѣднее находится въ непосредственной зависимости отъ устава, поученіе „о хожденіи къ церкви и о молитвѣ“ носитъ болѣе или менѣе самостоятельный характеръ. Преподобный Феодосій указываетъ братіи на свой отвѣтственный долгъ учительства, сравнивая себя со стражемъ, даннымъ отъ Бога дому Израилеву, который, по словамъ пророка Іезекіиля „аше видя рать приходящу, а не възвѣщаетъ, кровь ихъ, говоритъ Господь, изыщю отъ руку твою“ Поэтому, исполняя свой долгъ, онъ опять переходитъ къ обличенію дурныхъ сторонъ иноковъ.

Нерадѣніе и лѣность и здѣсь преимущественно останавливаютъ вниманіе проповѣдника. Монахи, забывая что благодать святаго Духа и молитва св. Богородицы созвала ихъ „въ единомудіе, и въ единомудіе и въ едину волю“, желаютъ каждый поступать по собственной волѣ, не только не посѣщая богослуженія, но даже и общей трапезы. Сравнивая свою дѣятельность съ работою земледѣльца, онъ очень груститъ о томъ, что труды его безплодны. „Если нива поростетъ терніемъ, что дѣлать земледѣльцу? Не бросить ли свое занятіе?“ Здѣсь, какъ видно, пр. Феодосіемъ овладѣло отчаяніе. вмѣсто надежды видѣть своихъ иноковъ совершенными. „Коліко бо лѣтъ минуло, ни единого виждю пришедша ко мнѣ и глаголюща; како ми спастись? Но нѣсть того въ насъ никогда же обрѣсти“

А между тѣмъ заботы о мірскомъ, суетномъ, объ одеждѣ и иныхъ потребностяхъ ихъ очень занимаютъ и даже печалятъ. Все это заставляетъ пр. Феодосія побуждать монаховъ воспрянуть отъ сна лѣнностнаго и работать Богу вмѣстѣ съ нимъ со слезами и восклицаніемъ, чтобы получить царство небесное и будущую славу, въ сравненіи съ которой всѣ скорби, воздыханія и труды этой жизни—ничто.

Таково краткое содержаніе этого небольшого поученія. Бездѣятельность монаховъ, лѣнь и своеволіе дошли до крайнихъ предѣловъ, если такимъ отчаяніемъ вѣтеть отъ всего этого поученія. Благочестивый игумень готовъ унижаться передъ монахами, и если бы была возможность, то ежедневно умолялъ бы ихъ, со слезами припадая къ ихъ колѣнамъ, чтобы только они не пропускали времени, предназначеннаго для молитвъ. Но все же, не смотря на всѣ недостатки, монахи по прежнему для любвеобильнаго игумена „чада

любимая. братія и отцы“. Такъ велика была любовь и такъ мало была цѣнима!

Какъ и слѣдовало ожидать, это поученіе можно назвать вполне самостоятельнымъ... Одна лишь фраза „Созваны благодать святаго Духа... въ единомушіе, и единомуіе и въ едину волю“ какъ бы отчасти напоминаетъ выраженіе изъ поученія пр. Феодора Студійскаго: „Мы все какъ одна душа и одна воля“¹⁾.

Особенный интересъ представляетъ вторая половина поученія, гдѣ, начиная со словъ „Приидете поклонимся и припадѣмъ ему“ и далѣе до конца, проповѣдникъ, нисколько не затрудняя правильнаго теченія мысли, свободно перифразируетъ тексты изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія²⁾. Но это не есть тотъ библизмъ, характеризующій греческую проповѣдь Византійскаго періода, гдѣ сплетеніе текстовъ затрудняло пониманіе смысла, но сознательное, основанное на знаніи и на пониманіи духа библіи, примѣненіе библейскихъ текстовъ въ той или иной степени приближенія къ подлиннику. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну, очень важную особенность въ текстѣ этого поученія. Здѣсь пр. Феодосій говоритъ: „и се нынѣ не на укорѣніе написахъ вамъ“ — эта фраза, какъ мы раньше уже отмѣтили, неоспоримымъ образомъ доказываетъ существованіе поученія, *написаннаго* самимъ Феодосіемъ.

Изъ предложеннаго изслѣдованія поученія къ инокамъ мы можемъ имѣть ясное представленіе о вліяніи творенія пр. Феодора Студійскаго на внутреннюю сторону поученія пр. Феодосія. Вліяніе это нельзя объяснить желаніемъ нашего проповѣдника воспользоваться чужими образами, чужими мыслями для своихъ поученій; оно обуславливалось историческими причинами, о которыхъ отчасти мы уже упомянули выше, и о которыхъ подробнѣе мы скажемъ нѣсколько позже.

Теперь же считаемъ необходимымъ сказать о вліяніи поученія пр. Феодора на внѣшнюю, техническую сторону поученія нашего проповѣдника. Со стороны формы поученія ихъ очень схожи, какъ и со стороны техническихъ приемовъ. У обоихъ проповѣдниковъ

¹⁾ По изд. Коз. Оиг. пуст. поуч. 32.

Сравненіе дѣятельности проповѣдника съ работой землематца встрѣчается и у пр. Феодора, но въ формѣ простой параллели (см. поуч. 63, *ibid.*); но оно также встрѣчается и въ Евангеліи въ притчѣ о сѣятелѣ и др.; разработка же этой мысли у пр. Феодосія оригинальна.

²⁾ См. таблицы текстовъ въ приложеніи II.

они кратки и просты, нисколько не напоминая чисто архитектурныхъ построений въ рѣчахъ Іоанна Златоуста, или пространныхъ правилъ Василія Великаго. Случается, что поученія ихъ не имѣютъ даже шаблоннаго, краткаго вступленія и словъ обращенія, какъ напримѣръ: у пр. Θεодосія „Подвизайтесь трудници, да примете вѣнецъ терпѣнія вашего“ (Поуч. IV о терпѣніи и о смиреніи); точно также и у пр. Θεодора встрѣчаемъ: „Сіона ради не умолчу и Израіля ради не умолкну. и я грѣшный ради спасенія вашихъ. не лѣнюсь преподавать вамъ уроки благочестія“ (Поуч. 26 по изд. Коз. Опт. Пуст.).

Обращенія же у обоихъ одни и тѣ же:

У пр. Θεодосія	У пр. Θεодора
„братія моя“ (I п.)	„братіе мои“ (въ поуч. на стр. 50, 120, 128, 142, 154 и др.)
„братія и отцы“ (I и II п.)	„братія и отцы“ (почти во всѣхъ оглас. поуч.)
„братія отцы и чада духовная“ (IV п.)	„братія и отцы и чада духовная“ (стр. 18)
„братіе моя любимая“ (III п.)	„братіе мои возлюбленные“ (19 стр.)
„чада моя любимая и братіе и отцы“ (V п.)	„братіе и отцы и чада моя любимая“ (89).

Въ христіанскомъ смиреніи оба они присваиваютъ себѣ одни и тѣ же уничижительные эпитеты: худой, убогій, унылый, грѣшный, недостойный—у пр. Θεодосія; непотребный, окаянный, страстный и помраченный, грѣшный, убогій и др.—у пр. Θεодора.

Раньше мы уже отмѣтили черту скромности и уваженія къ авторитету св. отцевъ; отмѣтимъ еще общую черту—умаленіе достоинства своихъ наставленій и поученій; такъ, пр. Θεодосіи называетъ свои поученія „горькими словесами“¹⁾, и у Θεодора находимъ выраженія: „холодныя словеса“ (стр. 18), „неможное слово“ (62) и др.

Наконецъ, заключительное славословіе всегда содержитъ въ себѣ въ той или иной формѣ мысль о полученіи царства небснаго (что есть цѣль монашеской жизни), о Христѣ Іисусѣ, которому прилична всякая слава, честь и держава во вѣки.

При такомъ сходствѣ и съ внѣшней стороны, наблюдаемомъ у обоихъ проповѣдниковъ, нельзя говорить о случайномъ совпаденіи; приходится убѣждаться, что поученія пр. Θεодора Студійскаго служили и по формѣ образцомъ для поученій пр. Θεодосія.

¹⁾ Пророка Іереміи.

Чтобы отнестись безпристрастно къ наблюдаемому нами явленію заимствованія и въ области мысли, и въ отношеніи формы, необходимо простѣдить тѣ историческія условія, въ какихъ находилъ ся нашъ проповѣдникъ. Поставленный въ игумены, пр. Феодосій заданъ цѣлью образовать правильное, строго-общежительное учрежденіе, членами котораго были бы высоко-нравственные, благочестивые и трудолюбивые монахи. Мы видѣли, что для скорѣйшаго выполнения своей задачи онъ воспользовался готовымъ уставомъ такого монастыря, который, по типу своему, соотвѣтствовать тому идеалу, о которомъ думалъ преп. Феодосій; это былъ уставъ монастыря Студійскаго. Поставленный въ необходимость, въ качествѣ игумена, предлагать братіи поученія не менѣе трехъ разъ въ недѣлю, онъ естественно долженъ былъ задать себѣ вопросъ, какъ и что проповѣдывать. Живыхъ примѣровъ у него не было, но вмѣсто нихъ у пр. Феодосія было собраніе образцовыхъ огласительныхъ поученій, сказанныхъ тѣмъ же „Божественнымъ Феодоромъ“. уставомъ котораго онъ воспользовался для своей обители. И вотъ пр. Феодосій обратился къ изученію ихъ, результатомъ чего было то, что, сходный въ убѣжденіяхъ съ пр. Феодоромъ, онъ сроднился съ мыслями его, онъ сталъ думать, дѣйствовать и проповѣдывать, какъ думалъ, дѣйствовалъ и проповѣдывалъ пр. Феодоръ. Мы здѣсь замѣчаемъ лишь явленіе, нерѣдко наблюдаемое и въ исторіи литературы и искусства вообще,—полнаго проникновенія ученика духомъ своего великаго учителя. Это нисколько не умаляетъ достоинства поученій преп. Феодосія, какъ думаютъ нѣкоторые. Какъ мы уже отмѣтили, поученія эти простыя и естественныя, лишеныя всякой ложной аффектаціи, вмѣсто которой является истинное чувство христіанской любви, (какъ особенно въ 1-мъ поученіи) или печали, когда онъ, со слезами обращаясь къ братіи, тужить о грѣхахъ ихъ. „Любимци мои!“—это выраженіе характерно въ поученіяхъ преп. Феодосія и оно всегда исходитъ у него изъ глубины души. Взгляды его на жизнь вообще и въ частности, на жизнь „въ мірѣ“ соотвѣтствуютъ его аскетическимъ убѣжденіямъ: „мірѣ“—это дебрь грѣховная, въ которой нѣтъ спасенія; жизнь въ мірѣ—это небытіе какъ противоположность жизни въ „пустыни сей“. въ монастырѣ— что есть бытіе; жизнь дана не для наслажденій („да всѣхъ земныхъ насытимся“), а для терпѣливой подвижнической дѣятельности, среди тяжелыхъ трудовъ и лишеній, во всемъ „Христа подражающе“ и „взирающе на Начальника вѣрѣ и Совершителя Иисуса, ему же слава, честь и держава“

Общая идея, которая проходит через все поучения к инокам—указание пути к достижению цели: „да тѣмъ получимъ царство небесное“ ¹⁾.

Языкъ поученій пр. Феодосія церковно-славянскій со слѣдами народной живой рѣчи, просвѣчивающейся изрѣдка въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, метафорахъ и сравненіяхъ. Мы въ правѣ были бы искать больше народныхъ чертъ въ поученіяхъ „неофита“, какъ называетъ нашего проповѣдника почтенный изслѣдователь А. Павловъ, если бы не знали, какъ мало ему была извѣстна жизнь народная; а въ юные годы, когда чуткая душа наиболѣе способна воспринимать и запечатлѣвать все, что даетъ окружающая жизнь, умъ его всецѣло былъ занятъ Библіею, а воображенію уже рисовался неясный образъ аскета—подвижника въ веригахъ и рубищѣ, побиваемаго, укоряемаго и изгоняемаго.

Отрывки изъ поученій къ инокамъ и народу.

Намъ кажется умѣстнымъ здѣсь же сказать нѣсколько словъ объ отрывкахъ, приводимыхъ въ лѣтописи и житіи, и изданныхъ пр. Макаріемъ въ числѣ сочиненій пр. Феодосія. Отрицать ихъ значеніе, какъ литературныхъ памятниковъ, что дѣлаетъ преосв. Антоній Вадковскій, мы не имѣемъ основанія. Согласившись даже, что составитель житія могъ и не быть современникомъ Феодосія, лично наблюдавшимъ жизнь и дѣятельность его, мы вполнѣ можемъ допустить, что при составленіи своего труда онъ могъ пользоваться написанными сочиненіями пр. Феодосія, существованіе которыхъ несомнѣнно; такими же документами могъ пользоваться и лѣтописецъ ²⁾, приводя значительный отрывокъ поученія передъ началомъ великаго поста.

Отрывокъ изъ поученія „о нестяжательности“ заключаетъ въ себѣ запрещеніе инокамъ имѣть что нибудь собственное въ келіи,

¹⁾ Въ другихъ поученіяхъ: „и тако улучимъ царство небесное о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ“ (поуч. III).

„Подвизайтесь трудници, да приимѣте вѣнецъ трыѣніа вашего: Христось бо ждетъ входа нашего“ (поуч. IV).

„И плачемся сдѣ, да царство небесное получимъ“ (V).

²⁾ Если даже и отрицать принадлежность одному лицу составленіе біографіи и лѣтописнаго сказанія.

потому что, какъ говоритъ Господь, „гдѣ будутъ сокровища ваша, тамъ будутъ и сердца ваша“; иноки должны и въ пищѣ, и одеждѣ довольствоваться тѣмъ, что имъ будетъ предложено, а не имѣть своего и хранить у себя въ келіи. —Какъ видимъ, мысли, высказываемыя въ этомъ отрывкѣ, не противорѣчатъ тому, что намъ извѣстно изъ пяти полныхъ поученій къ инокамъ; а то обстоятельство, что изложенныя здѣсь наставленія находятъ себѣ подтвержденіе въ завѣщаніи пр. Θεодора Студійскаго (именно, въ 7-й заповѣди настоятелю), совершенно насъ убѣждаютъ въ подлинности этого отрывка.

Точно также и отрывокъ изъ поученія о смиреніи не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ взятъ изъ сочиненій преп. Θεодосія. Онъ такъ кратокъ, что мы приводимъ его цѣликомъ, и параллельно помѣщаемъ соотвѣтствующія выраженія изъ устава пр. Θεодора.

Отрывокъ изъ поученія.

„Ходяще же руцѣ на персѣхъ собенѣ имуще и никто же васъ да не преходитъ въ смиреніи вашемъ, но да поклонится другъ другу, якоже льно есть инокомъ.

И не приходити отъ келіа въ келію но въ своей келіи каждо васъ Бога молитѣ“

Изъ устава.

Въ уставѣ читается, что иноки должны имѣть „связанъ руцѣ“ (рукоп. Спн. б-ки).

„И другъ друга должно встрѣчать молча съ поклономъ“

Всѣ монахи... не должны ходитъ другъ къ другу въ келіи, но всякому отходить въ свою келію и въ ней сидѣть и молиться великому Богу“ (Казанскіи Ор. cit. стр. 39 и 36).

Тѣ же мысли мы встрѣчаемъ и въ полныхъ поученіяхъ къ инокамъ, а близость наставленій къ выраженіямъ изъ устава заставляеть отнести поученіе, откуда приведенъ этотъ отрывокъ, къ тому же роду, какъ и поученіе IV — „о трыфнѣи и о смиреніи“. гдѣ точно также наставленія близко подходятъ къ уставу.

Относительно третьяго отрывка, названнаго пр. Макаріемъ „о подвигахъ монашескихъ“, нельзя положительно утверждать, что онъ взятъ изъ поученія пр. Θεодосія. Вѣрнѣе думать, что здѣсь приведены лишь мысли, высказанныя проповѣдникомъ въ поученіяхъ о подвигахъ монашескихъ вообще, такъ какъ мысли этого отрывка не вытекають одна изъ другой въ послѣдовательномъ развитіи, какъ мы видѣли это въ разобранныхъ нами полныхъ поученіяхъ,

а точно каждая мысль заключаетъ въ себѣ краткое содержаніе отдѣльнаго поученія.

Такъ, мысль о воздержаніи и объ уклоненіи отъ злобъ и путей лукавыхъ: „любодѣнія, татбы, клеветы, празднословія, которыя пьянства, объядѣнія и братоненавидѣнія“, могла быть заимствована изъ какого либо поученія къ народу, а не къ братіи исключительно; такіе грѣхи, какъ: любодѣнія, татба, которыя, пьянство, могли быть присущи народу вообще ¹⁾, и противъ нихъ возставали всегда наши проповѣдники: мы же не имѣемъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ, что монахи во время пр. Феодосія были настолько развращены, что вынудили преп. Феодосія къ крайнимъ мѣрамъ—обличенія передъ церковью: „повѣждь церкви, аще же и церковь преслушаетъ, буди ти яко язычникъ и мытарь“ (Мѣ. 18, ст. 17). Изъ поученія „о хожденіи къ церкви и о молитвѣ“ мы узнаемъ, что пр. Феодосій придерживался этого правила, равно какъ и въ біографіи есть указанія на способъ, какимъ пр. Феодосій обличалъ провинившагося „брата“.

Далѣе слѣдуетъ въ отрывкѣ мысль объ отреченіи отъ міра и всѣхъ сущихъ въ немъ золь. Съ этою мыслию мы уже встрѣчались въ одномъ изъ поученій пр. Феодосія, именно въ первомъ: „о терпѣніи и о любви“, гдѣ она высказана въ тѣхъ же выраженіяхъ. Слѣдующаго затѣмъ сравненія человѣка, обратившагося ко грѣху, съ псомъ, возвращающимся „на своя блевотины“, и непосредственно за этимъ приведеннаго текста изъ Евангелія: „никто же, възложь руку на рало управленъ есть въ царство небесное“ (Луки 9, 62), мы не встрѣчаемъ въ полныхъ поученіяхъ къ инокамъ. Но то же сравненіе и съ тѣмъ же текстомъ, нѣсколько измѣненнымъ въ формѣ, мы находимъ въ поученіи Феодора Студійскаго, именно: „Зачѣмъ же вы опять возвращаетесь вспять? Зачѣмъ опять возвращаетесь на блевотину свою? Зачѣмъ, по слову Господню, не бываете управленными въ царство небесное, такъ какъ, полагая руку свою на рало, зрите вспять“ ²⁾.

(Мы уже имѣли возможность отмѣтить, что пр. Феодосій иногда восстанавливаетъ подлинный текстъ, приводимый пр. Феодоромъ въ

¹⁾ „Братоненавидѣніе“ могло относиться именно къ княжеской семьѣ, гдѣ, какъ извѣстно, шла въ то время ссора между Изяславомъ и Святославомъ съ Всеволодомъ изъ за престола.

²⁾ О томъ, чтобы переносить все скорбное, случающееся съ нами въ жизни, дабы получить царство небесное“ (по изд. Онт. Коз. пуст. поуч. 77, стр. 274; по Добролюбію же—86).

перифразъ; такое же явленіе мы наблюдаемъ и здѣсь).—Эта мысль не вытекая изъ предыдущей непосредственно, не имѣетъ также прямого отношенія и къ слѣдующей мысли о необходимости покаянія въ особенности для монаховъ, которымъ слѣдовало бы ежедневно каяться въ своихъ грѣхахъ. Мысль о покаяніи, какъ о пути, ведущемъ въ царство небесное, хотя и въ иной формѣ, встрѣчается въ поученіи IV: „о трѣпѣніи и о смиреніи“

Итакъ, относительно третьяго отрывка мы не можемъ съ полною увѣренностью сказать, что онъ взятъ въ подлинныхъ выраженіяхъ изъ какого либо одного поученія пр. Феодосія; быть можетъ, въ немъ приведены лишь основныя мысли изъ нѣсколькихъ поученій: *объ уклоненіи отъ злобы и путей лукавыя*—изъ поученія, быть можетъ, обращеннаго къ народу вообще;—*объ отреченіи отъ міра и „сущихъ въ немъ“*, и *о покаяніи*—изъ поученій къ братіи. Въ мысляхъ же этихъ мы не находимъ никакого противорѣчія; напротивъ, онѣ находятся въ полномъ согласіи съ общимъ характеромъ поученій нашего проповѣдника, и сомнѣваться въ ихъ принадлежности ему нѣтъ никакихъ основаній.

Переходимъ къ отрывку изъ поученія передъ началомъ великаго поста, изданному, какъ и предыдущіе три отрывка, пр. Макаріемъ по тексту Лаврентьевской лѣтописи.

Тамъ подъ 6582 (1074) годомъ, рассказывая о смерти пр. Феодосія и объ обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ, лѣтописецъ приводитъ значительный отрывокъ изъ поученія, сказаннаго благочестивымъ игуменомъ передъ началомъ великаго поста, когда онъ, оставляя братію, уходилъ изъ монастыря въ пещеру, гдѣ и оставался до пятницы Лазаревой недѣли. „пребываше в постѣ и в молитвахъ, въздержася крѣпко“. Нельзя конечно, думать, что пр. Феодосій произносилъ одно и тоже поученіе ежегодно; но несомнѣнно, характеръ поученій такого рода всегда былъ одинъ и тотъ же: „како проводить постное время в молитвахъ пощныхъ и дневныхъ, блюстися отъ помыслъ скверныхъ и отъ бѣсовскаго насѣянья“ (лѣтоп.). Такого именно характера и первая половина поученія, изданнаго преосв. Макаріемъ, которое въ лѣтописи, какъ намъ кажется, составляетъ отдѣльный самостоятельный отрывокъ. Преп. Феодосій говоритъ о вредѣ, причиняемомъ монахамъ бѣсами: они насѣваютъ черноризцамъ лукавыя помыслы и страсти, которые вредятъ молитвѣ; крестное знаменіе и молитва сохраняютъ человѣка отъ такихъ помысловъ. Вообще же слѣдуетъ воздерживаться отъ излишества и въ пищѣ и питъѣ, отъ котораго происходитъ грѣхъ; монахи должны противиться бѣсовскому пронырству, должны быть

бодрыми во время церковнаго богослуженія, чтенія духовныхъ книгъ и отеческаго преданія; на устахъ у монаховъ всегда должны быть псалмы Давида, которыми прогоняются бѣсы; болѣе же всего они должны хранить въ себѣ любовь ко всеѣмъ, покорность и послушаніе къ старшимъ, любовь и „наказаніе“ къ младшимъ: въ воздержаніи, бдѣніи, смиреніи и даже походкѣ должны служить образцомъ для другихъ,—и такимъ образомъ проводить постъ.

Мы видимъ, что мысли, заключенныя въ этомъ отрывкѣ, представляютъ повтореніе извѣстныхъ намъ уже изъ разсмотрѣнныхъ поученій о любви, о терпѣніи, о смиреніи, о молитвѣ...

Какъ объяснить это? Согласится ли, что въ этомъ отрывкѣ приведены лишь мысли изъ поученій, говоренныхъ передъ наступленіемъ поста вообще, „вперившіяся“ въ памяти лѣтописца вмѣстѣ съ формою выраженія пр. Θεодосія? Или же считать отрывокъ этотъ частью одного какого либо поученія. допустимъ даже, изъ послѣдняго, сказаннаго преп. Θεодосіемъ въ годъ его смерти. что тѣмъ легче можно допустить потому, что лѣтописецъ, говоря о смерти своего любимаго игумена, всего естественнѣе могъ привести отрывокъ изъ его „послѣдняго“ поученія?

И то и другое предположеніе одинаково возможно. Общій характеръ наставленій, входящихъ въ поученіе передъ началомъ великаго поста, вполне соотвѣтствуетъ цѣли его: напомнить обо всемъ, что было сказано раньше и что ведетъ иноковъ по пути спасенія; этимъ и объясняется, что разбираемый нами отрывокъ составляетъ какъ бы *compendium* мыслей, развиваемыхъ болѣе или менѣе подробно въ отдѣльныхъ поученіяхъ.

Въ лѣтописи далѣе слѣдуетъ разсужденіе о постѣ, какъ о десятинѣ, отдѣляемой человѣкомъ Богу, и приводятся библейскіе примѣры пощенія: Адамъ, Моисей, мать Самуила. Ниневитяне, Даниилъ, пр. Илья и три отрока—изъ ветхаго завѣта; въ новомъ же завѣтѣ—Исусъ Христосъ, Апостолы и святые отцы, какъ Антоній, Евѣмій, Савва и др.—„ихъ же мы поревнуемъ, братья!“

Это разсужденіе не можетъ служить продолженіемъ того же поученія, какъ полагають издатель его пр. Макарій; самъ лѣтописецъ отдѣлилъ его отъ перваго отрывка и лишь искусственно устанавливаетъ связь съ предыдущимъ помощью цѣлаго вводнаго предложенія: „Глаголетъ бо еще:“...; въ то время какъ въ первомъ употребляетъ лишь вводное „рече“: „бѣси бо, рече, насѣвають“... и далѣе: „тѣмъ же, рече, противитесь“...

Вопросъ объ источникѣ этого разсужденія до позднѣйшаго времени считался открытымъ. Разсужденія подобнаго рода о постѣ,

какъ о десятицѣ, отдѣляемой Богу. не рѣдки въ нашей великопостной проповѣднической литературѣ: въ изданіи проф. Е. Пѣтухова „Поученія на св. Четыредесятницу“ ¹⁾ мы находимъ поученія, въ которыхъ встрѣчаются такія же разсужденія въ различныхъ редакціяхъ: полныхъ и сокращенныхъ.

Такъ, въ „поученіи о св. постѣ: Недѣля 2-я поста, сказаніе святаго Іоанна Златоустаго“ ²⁾ мы находимъ подробное объясненіе о „десятицѣ“ съ математическими выкладками и съ приведеніемъ библейскихъ примѣровъ ветхозавѣтныхъ постниковъ; тѣ же примѣры, но и съ прибавленіемъ новозавѣтныхъ, находятся и въ другомъ поученіи „Въ недѣлю *сыромятнику*, святаго Іоанна Златоустаго“ ³⁾. Кроме того, въ сборникѣ № 406 Рум. Музеума на л. 40 „во вторникъ святаго Феодора“ находится поученіе, въ которомъ также развивается мысль о десятицѣ года — о постѣ.

Сходство выраженій этого поученія съ нѣкоторыми выраженіями лѣтописнаго отрывка нѣкогда ввело въ ошибку нашего извѣстнаго археографа А. Востокова, который высказалъ догадку о принадлежности этого поученія пр. Θεодосію печерскому ⁴⁾. Однако теперь найдено, что это поученіе принадлежитъ Аввѣ Дорооею, жившему въ концѣ VI и началѣ VII вѣка, и оставившему много поученій и наставленій. Дѣйствительно, и у Mign'я ⁵⁾, и на русскомъ языкѣ „Преподобнаго отца нашего Аввы Дорооея душеполезныя поученія и посланія“ ⁶⁾ — мы находимъ это поученіе, помѣщенное въ сборн. № 406 Рум. Муз.; очевидно, поученіе это было въ глубокой древности переведено на славянскій языкъ, хотя въ извѣстныхъ намъ древнихъ сборникахъ мы не встрѣчаемъ его съ именемъ Дорооея.

Такимъ образомъ, имя пр. Дорооея является еще новымъ, съ поученіями котораго былъ знакомъ пр. Θεодосій Печерскій; — такъ мало по малу расширяется кругъ нашихъ свѣдѣній о степени образованности нашего древняго проповѣдника. Можно было бы указать еще нѣсколько, менѣе значительныхъ по объему, мѣстъ въ жи-

¹⁾ „Памятники“, op. cit., вып. III.

²⁾ Ibid., стр. 182 (по поуч. изъ Златой Цѣпи).

³⁾ Ibid., стр. 178.

⁴⁾ Опис. Рум. муз. op. cit., сб. № CCCCVI. л. 40.

⁵⁾ Patr. cur. Comp. Ser. Graec., t. LXXXVIII, 1864, p. 1787 „De jejuniis Sancto—peri tōn aγiōn vηστεiōn“.

⁶⁾ Поученіе 15 О святой четыредесятницѣ, стр. 178 (изд. Косельской Введенской Оптиной пустыни, изд. 1856 г.

тін пр. Феодосія, которыя можно считать отрывками изъ поученій, но мы ихъ опускаемъ; отмѣтимъ лишь его лебединую пѣснь, его послѣднее прощальное слово, съ которымъ онъ обратился ко всѣмъ собравшимся монахамъ. Въ этомъ послѣднемъ завѣщаніи любвеобильный игумень указываетъ братіи на своего замѣстителя, Стефана, и проситъ братію слушаться его, имѣть страхъ къ нему и исполнять его повелѣнія; напоминаетъ братіи о необходимости нравственнаго совершенствованія и затѣмъ проситъ и закликаетъ ихъ похоронить его, неомытаго и въ той же одеждѣ, въ какой онъ былъ, въ пещерѣ, гдѣ онъ проводилъ постные дни. Затѣмъ, въ утѣшеніе плачущимъ, онъ далъ обѣщаніе находиться душою своею всегда съ ними и передъ Богомъ быть заступникомъ о всѣхъ умершихъ въ монастырѣ. Это послѣднее завѣщаніе пр. Феодосіи заканчиваетъ указаніемъ знаменія о „дерзновеніи“ его къ Богу: „когда увидите всѣ блага въ семъ монастырѣ умножающимися, то разумѣйте, что я нахожусь близъ Небеснаго Владыки; а когда увидите скудость и всему умаленіе, то разумѣйте, что я далекъ отъ Бога и не имѣю дерзновенія молиться ему“

„Послѣднее завѣщаніе къ братіи“ мы встрѣчаемъ въ житіяхъ всѣхъ великихъ игуменовъ восточной церкви: и у Антонія Великаго, и у Феодосія, Киновіарха Іерусалимскаго, и у Феодора Студійскаго, и у другихъ. Первообразомъ для нихъ является послѣдняя бесѣда Іисуса Христа съ учениками, когда Великій Божественный Учитель, давъ наставленія о христіанскомъ подвигѣ, обѣщаетъ быть съ ними „во вся дни до скончанія вѣка, аминь“.

Но непосредственными, ближайшими образцами для нашего игумена могли служить завѣщаніе Феодора Студійскаго и, еще болѣе, послѣднія слова его Великаго восточнаго соименника—Феодосія Іерусалимскаго. Находясь уже при смерти, онъ созвалъ всѣхъ иноковъ и преподалъ имъ наставленіе о послушаніи игумену и о подвигахъ; въ утѣшеніе братіи онъ обѣщаетъ свое заступничество передъ Богомъ о нихъ: „И я дамъ отвѣтъ за васъ Богу въ страшный день суда... Даю же вамъ такое знаменіе; если вы увидите, что послѣ моей кончины мѣсто это увеличится еще болѣе, знайте, что я имѣю дерзновеніе у Бога и это будетъ такъ, какъ я вамъ говорилъ: если же нѣтъ,—ясно, что не будетъ“¹⁾.

¹⁾ Житіе Феодосія Киновіарха Іерусалимскаго. Перев. съ греч. И. Помяловскаго. Изд. Прав. Палест. Общ. „Палестинскій Патерикъ“. выи. 8, 1895 г., стр. 73—74.

Тождество мысли и сходство выражений говорит о несомненной зависимости одного от другого, и еще раз подтверждает, что замѣчаніе пр. Нестора о пр. Θεодосіи, что „онъ былъ близокъ къ своему соименнику Θεодосію, Іерусалимскому архимандриту“, не есть лишь пріемъ агіобіографовъ уподобленія жизни великихъ подвижниковъ, а истинное историческое свидѣтельство. Нѣкоторыя черты изъ жизни пр. Θεодосія Печерскаго, въ которыхъ онъ подражалъ тому же соименнику, указаны нами въ біографическомъ очеркѣ.

Заканчивая обзоръ поученій къ инокамъ, мы должны замѣтить, что этими пятью полными поученіями и нѣсколькими отрывками, рассмотрѣнными нами, далеко не исчерпывается весь составъ поученій пр. Θεодосія. Перечитывая рукописные сборники, въ особенности великопостныхъ поученій, какими являются сборникъ № 406 Рум. Муз., сборники № 47, 48 и 49 б. Кіево-Печерской лавры и др. ¹⁾, можно замѣтить иногда такія поученія, которыя и по стилю, и по языку, и по мыслямъ сразу напоминаютъ извѣстныя намъ поученія пр. Θεодосія печерскаго. Но, скрытыя подъ чужими именами или анонимныя, они лишь относятся къ циклу древнерусскихъ поученій на св. Четыредесятницу вообще; и пытаются отнести ихъ къ числу сочиненій пр. Θεодосія на основаніи замѣченнаго нами сходства мы не считаемъ возможнымъ. Но въ сб. № 406 Рум. Муз на л. 99 об. и на л. 101 об. находятся два поученія, надписанныя именемъ Θεодора Студійскаго, которыя, по догадкѣ незабвеннаго А. Востокова, могутъ принадлежать пр. Θεодосію. Предположеніе это, высказанное въ такой поверхностной формѣ, было принято нѣкоторыми за полное утвержденіе, и у г. Георгіевскаго эти два поученія изданы уже, какъ „еще никѣмъ неизданныя поученія пр. Θεодосія“ ²⁾. Чѣмъ руководствовался въ этомъ случаѣ издатель, кромѣ предположенія г. А. Востокова—мы не знаемъ. Въ статьѣ своей онъ говоритъ, что въ своемъ обзорѣ „покорно слѣдуетъ авторитетному указанію ученыхъ изслѣдователей русскаго языка и русскои словесности и съ ихъ согласнаго голоса составляетъ перечень всѣхъ сохранившихся памятниковъ русскои до-мон-

¹⁾ Такъ называемые „постные златоусты“, къ числу которыхъ принадлежатъ и названные сборники, какъ представляющіе поученія на всѣ дни великаго поста, отъ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ и до Лазаревой недѣли. Такіе же: Нов. Соф. б-ки № 1266 (XVI в.), б-ки Ундольскаго №№ 533, 534 (XVI в.) и 535 (XVII в.); Пуб. б-ки—F I, № 236; Синод. б-ки—№ 231 и мн. др.

²⁾ У Срезневскаго: „Древн. пам. рус. яз. и письма“ въ перечень сочин. пр. Θεодосія вошли и два эти поученія.

гольской литературы“¹⁾). Намъ же кажется, что для признанія этихъ двухъ поученій сочиненіями преп. Θεодосія должно имѣть больше основаній, чѣмъ гипотетическое сужденіе почтеннаго А. Востокова; хотя согласимся также, что только осторожность, свойственная нерѣдко нашему глубокому изслѣдователю, не позволила высказаться категорически въ пользу признанія этихъ поученій сочиненіями пр. Θεодосія. на что есть достаточно основаній.

Этому вопросу мы удѣляемъ мѣсто въ своемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Поученія къ инокамъ, написанныя именемъ Θεодора Студійскаго, но принадлежащія пр. Θεодосію Печерскому.

Въ сборникъ № 406 Рум. Музеума на оборотѣ 101 листа находится, какъ мы уже сказали, поученіе „о ползѣ душевни“, написанное именемъ пр. Θεодора игумена Студійскаго²⁾. Но, такъ какъ въ самомъ поученіи авторъ предлагаетъ братіи въ своихъ подвигахъ имѣть „аки за лѣствицу преданна святаго великаго и божественнаго Θεодора Студійскаго, исповѣдника бывша вѣры ради Христовы и страстотерпца“, то несомнѣнно, что поученіе это не можетъ принадлежать тому же Θεодору игумену Студійскому. Тѣмъ, болѣе, что въ извѣстныхъ намъ огласительныхъ поученіяхъ преп. Θεодора Студійскаго мы не нашли такихъ, которыя соотвѣтствовали бы этому и слѣдующему поученіямъ. Авторомъ этого поученія, по мнѣнію А. Востокова, можетъ быть нашъ пр. Θεодосій Печерскій, который, какъ намъ извѣстно, хранилъ „преданія божественнаго Θεодора“; а написаніе именемъ Θεодора можно объяснить тѣмъ же, роковымъ въ данномъ случаѣ, сходствомъ именъ обоихъ проповѣдниковъ и сходнымъ характеромъ ихъ поученій. Содержаніе этого поученія, какъ и содержаніе всѣхъ разобранныхъ нами поученій, составляетъ цѣлый рядъ наставленій о подвигахъ монашескихъ: отсѣченіе воли, отреченіе отъ всего, что есть въ мірѣ, молитва и терпѣніе; проповѣдникъ и здѣсь напоминаетъ объ обѣщаніи, данномъ предъ „неложными“ послушьями; проситъ не печалиться по поводу монастырскихъ обязанностей или „недостатка свитѣйнаго“, терпѣливо сносить всѣ скорби, и поруганія, и безчестіе, отложивши гнѣвъ, ропотъ.

¹⁾ Христіанство въ пониманіи русскихъ людей въ домонгольской періодъ“ въ журн. „Чтенія въ Общ. любит. духовн. просвѣщенія“ 1893 г. апр.-августъ, стр. 142 апр. кн.

²⁾ См. приложеніе I, поуч. V.

ненависть, вражду, тщеславіе, злобу, гордость и зависть, держась лишь любви, которая есть „всему доброму свершеніе“; напоминает также о постѣдованіи Христу, „яремъ“ котораго они приняли на себя, чтобы насытиться Божественной несказанной радости.

Тѣ же мысли, тѣ же примѣры и та же идея, что и въ подлинныхъ поученіяхъ нашего проповѣдника. Преподобный Θεодосій не заботился о томъ, чтобы каждое поученіе его изобиловало новыми мыслями, онъ лишь со слезами на глазахъ обращался къ братіи, указывая имъ цѣль и предлагая спасительныя средства къ достиженію ея; поэтому мы и раньше отмѣчали сходство мыслей въ его поученіяхъ, это же явленіе отмѣчается и здѣсь. А чтобы видѣть, что не только мысли, но и отдѣльныя выраженія сходны съ подлинными поученіями, мы позволимъ привести нѣсколько параллелей.

Изъ поученія о пользѣ
душевной.

*„Братія моя и отци и чада
духовная и съборъ Богомъ
собранныи*

„вспрянемъ яко отъ сна“

*„подвизаемся и възненавидимъ
міра и яже въ міръ“*

*„еже есмы обѣщалися терпѣти
по вся дни, и та претерпимъ
да не словеса наша, еже есмы
изѣли предъ неложными послугы
осудятъ насъ въ послѣдній день“*

*„да не будемъ печальни о скорбѣхъ
находящихъ на ны по вся дни,
службы ради монастырския,
или недостатка свѣтейнаго
телеснаго“*

*„инако бо не можемъ ярма
его носити на себѣ благаго“*

*„варимъ лице его въ исповданіи
и въ псалмѣхъ воскликнемъ и плачемъ
предъ нимъ, приидете поклонимся
и припадемъ ему“.*

Изъ поученій къ инокамъ.

*Любимыми мои и отци и братія
и чада духовная избранная*

„вспрянемъ отъ сна лютостнаго“

*„еще же възненавидимъ міра
сею“... и еще: „не оставихомъ
ли міра и яже въ міръ“*

*„не все ли обѣщалися терпѣти...
не тогда бо токмо, но... аки и на
страшнѣхъ дни предъ видимыми
послугы и предъ невидимыми“*

*„И егда портница сыроста не
дадутъ или свиты или иною еже
есть на потребу, то велику печаль
сѣбѣ створимъ въ томъ“.*

*„Хвалимъ творца укрѣпившаго я
ремъ благию его понести“.*

*„Приидьте поклонимся и припадемъ
ему и всплачемся предъ Гдемъ
створимъ насъ и варимъ въ псалмѣхъ
воскликнемъ ему“.*

Столь значительное сходство въ поученіи преп. Θεодосія съ настоящимъ поученіемъ „о пользѣ душевной“, замѣчаемое въ тождествѣ мыслей, сходствѣ выраженій, вмѣстѣ съ простотою, искренностью и задумчивостью этого поученія, характеризующими сочиненія пр. Θεодосія, даетъ намъ полное основаніе утверждать положительно мнѣніе, высказанное г. А. Востоковымъ, какъ предположеніе, и причислить настоящее поученіе къ сочиненіямъ нашего пр. Θεодосія Печерскаго.

Въ этомъ поученіи, какъ мы видѣли, преп. Θεодосій указываетъ братіи на пр. Θεодора, подвиги котораго представляютъ какъ бы „лѣствицу“ ведущую къ спасенію; его „преданія“, т. е. все что онъ передалъ отъ себя, т. е. поученія, уставъ и жизнь, какъ образецъ монашескаго подвижничества, служили руководящею нитью для пр. Θεодосія, и онъ хотѣлъ, чтобы и его иноки съ помощью Пресвятой Владычицы утвердились „въ томъ же обычаѣ, въ томъ же разумѣ и въ томъ же служеніи“, такъ какъ инымъ способомъ нельзя приобрѣсти милости Божьей.

Иной характеръ носитъ поученіе, находящееся на листѣ 99 об. того же сборника, озаглавленное: „слово утѣшно къ братіи о душевнѣи пользѣ“, также надписанное именемъ Θεодора Студійскаго, которое, по мнѣнію того же А. Востокова, быть можетъ, принадлежитъ пр. Θεодосію Печерскому.

Чтобы судить о принадлежности или непринадлежности этого поученія пр. Θεодосію, необходимо болѣе подробно остановиться на содержаніи его.

„Я грѣшный и лѣнивый рабъ, говоритъ проповѣдникъ о себѣ, зарывшіи свой талантъ въ землю и не извлекшіи изъ него никакой пользы, жду на себя каждый день страшныхъ немилосердныхъ наказаній... когда мнѣ скажутъ: о злои и непотребный и тѣпный рабъ, лучше бы ты возвратилъ мнѣ серебро мое, и я далъ бы его хорошимъ и поспѣшнымъ работникамъ, которые отдали бы мнѣ его съ прибылью; но мой долгъ (нужда) васъ поучать, и я его исполняю и говорю вамъ не какъ учитель, но какъ рабъ, и со слезами молясь и колѣнъ вашихъ касаясь, указываю вамъ настоящія блага, и будущія страданья, чтобы вы не погрѣшили противъ благой надежды (на спасеніе)...

Далѣе проповѣдникъ говоритъ, что онъ, при свойственныхъ ему лѣности и дурныхъ наклонностяхъ, служилъ лишь помѣхой для другихъ; поэтому онъ нѣсколько разъ уже разрѣшалъ себѣ отлучиться отъ нихъ, не съ цѣлью подражать добродѣтельнымъ поступ-

камъ нѣкоторыхъ святыхъ, а лишь для того, чтобы не отвлекать другихъ отъ подвига своимъ присутствіемъ...: связанный, точно веригами, лѣнностью, онъ, какъ Лазарь, простирая вѣрующія очи къ Богу, призывая на помощь Богородицу, чтобы Она спасла душу его отъ ада; видя причину своего паденія въ лѣнности, онъ и теперь оставилъ порученную ему службу, не замѣчая своего приближенія къ адской пропасти. Но человѣколюбивый Богъ, который воскресилъ Лазаря, помогъ и ему въ его немощи, и послалъ на него духъ унынія, благодаря чему онъ удалился „чая Бога спасающаго мя“. Но и тамъ въ удаленіи онъ ничего не приобрѣлъ къ тому, что имѣлъ: онъ тамъ не могъ довести до конца своего бдѣнія и поста, который братія такъ легко перенесла. Это обстоятельство особенно радуетъ проповѣдника, который видитъ, что, не смотря на его „худость“, братія не возгнушалась исполнить тѣ наставленія, которыя онъ преподалъ ей передъ своимъ удаленіемъ. Онъ даже забываетъ о своей лѣнности, видя ихъ тщаніе въ исполненіи и посѣщеніи церковныхъ службъ, въ доготерпѣливомъ стояніи во всѣхъ богослуженіяхъ и въ исполненіи заповѣдей пр. Θεодора Студійскаго, которое ведетъ къ достиженію вѣчнаго блаженства.

Знакомство съ біографіей пр. Θεодосія въ вопросѣ о принадлежности ему этого поученія для насъ является единственнымъ и самымъ вѣрнымъ пособіемъ. Изъ жизни пр. Θεодосія мы знаемъ, что онъ, по словамъ пр. Нестора, „но вся дни святъ мясопуць... отхожаше в нещеру идеже честное тѣло его положено бысть. Ту затворяшес един до вербныя недѣли, и в пяток тоя недѣли, в юдъ вечерняя, приходжаше къ братіи и ста в дверехъ церковныхъ, учаше вся и утѣшаше, подвига ради пощенья ихъ, себе недостойна створя, якоже поке и ни единая недѣли достигнути противу трудомъ ихъ“¹⁾. Слѣдовательно удаленіе, о которомъ говорится въ поученіи, есть именно то удаленіе, о которомъ говоритъ Несторъ въ житіи. Значитъ, поученіе это было произнесено по возвращеніи изъ пещеры въ пятницу вербной недѣли, наканунѣ Лазаревой субботы. Какъ нельзя болѣе кстати преп. Θεодосій въ этомъ поученіи упоминаетъ о воскресшемъ Лазарѣ—что неоспоримо подтверждаетъ наше предположеніе о времени произнесенія этого поученія. И характеръ этого поученія, столь отличный отъ всѣхъ другихъ, въ которомъ пр. Θεодосій является какимъ то грѣшникомъ, падшимъ „падениемъ злымъ“, который рѣшилъ удалиться отъ братіи, чтобы своимъ дур-

¹⁾ Патерикъ, стр. 70 „Житія пр. Θεодосія Печерскаго“.

нымъ примѣромъ не препятствовать ихъ подвигу; и, съ другой стороны, строгое подвижничество иноковъ, ихъ тщательное исполненіе всѣхъ правилъ и наставленій, какъ объ этомъ говорится въ поученіи—все это становится понятнымъ изъ словъ преп. Нестора: *„утѣшаше подвига ради пощенія и гъ, себе недостойна створя, якоже поне и ни единая недѣли достигнути прѣтиву трудомъ ихъ“*. Отбросивъ послѣ этого всякую тѣнь сомнѣнія въ принадлежности этого поученія пр. Θεодосію, мы преклоняемся передъ пр. Несторомъ, сумѣвшимъ дать такую вѣрную и строго опредѣленную характеристику поученію, произносимыхъ пр. Θεодосіемъ по возвращеніи изъ пещеры въ пятницу вербной недѣли, благодаря которой мы, по прошествіи столькихъ вѣковъ, можемъ несомнѣнно установить принадлежность этого поученія нашему пр. Θεодосію.

Значеніе этого поученія въ высокой степени важно. Оно неоспоримо свидѣтельствуетъ о томъ, что пр. Несторъ, говоря о тоѣ или иной чертѣ своего любимаго игумена, всегда правдивъ и исторически вѣренъ; а также и о томъ, что пр. Θεодосіи былъ знакомъ съ житіемъ Саввы освященнаго, которому именно онъ подражалъ въ удаленіи на сорокадневный постъ и безмолвіе; но, въ свою очередь, пр. Савва подражалъ своему идеалу—Евфимію Великому, какъ это говорится въ Житіи у Саввы¹⁾; поэтому выраженіе въ поученіи: *„и се створи хъ не добродѣтели и тѣанія онѣхъ святыхъ подражати хотя“*, надо понимать такъ, что скромный игумень, обрекая себя на 40-дневное безмолвіе и тяжелый постнический подвигъ по примѣру „онѣхъ святыхъ“—св. Саввы и Евфимія,—однако скрывалъ отъ братіи истинную цѣль своего удаленія, а выставялъ другую причину: свою грѣховность, свое недостоинство проводить постъ вмѣстѣ съ братією.

Отыскивая вліяніе поученій пр. Θεодора Студійскаго на поученія пр. Θεодосія вообще, мы напрасно старались бы найти слѣды этого вліянія на этомъ поученіи: оно является вполне оригинальнымъ и по мысли, и по формѣ—и это еще болѣе увеличиваетъ значеніе его.

Признавая эти оба поученія сочиненіями пр. Θεодосія Печерскаго, мы въ приложеніи помѣстили тексты ихъ по сборнику № 406 Рум. Муз. съ исправленіями и дополненіями по сборнику № 47 6-ки Кіево-Печерской лавры, вмѣстѣ съ текстами пяти поученій, о которыхъ говорили выше

¹⁾ Житіе Саввы осв., изд. Палест. Общ., выш. I.

Поученіе въ келарю.

Отдѣльно отъ этихъ поученій должно быть поставлено поученіе, сказанное по особому случаю и не всей братіи, а одному лицу. Мы разумѣемъ поученіе пр. Θεодосія, сказанное келарю¹⁾, по случаю возведенія его въ этотъ санъ. Въ этомъ краткомъ поученіи пр. Θεодосій говоритъ, *главнѣйшимъ образомъ, о безпорочной честности, какъ необходимомъ условіи въ должности келаря.*

Замѣчательно и по оригинальности и по картинности сравненіе ключа, вручаемаго келарю отъ престола „на немъ же жретъся Христосъ по вся дни“, съ горящимъ углемъ, который видѣлъ пр. Исаія у престола Вышняго.

И какъ этотъ огонь не опалять, но просвѣщать пророка, такъ же точно и ключъ будетъ просвѣщать и спасать душу келаря, если онъ съ „душевною пріязнію“ будетъ исполнять свою службу; но, если сердце его склонно будетъ къ тому, чтобы похищать что либо монастырское, или заботиться о себѣ больше, чѣмъ о монастырѣ, — этотъ ключъ будетъ, какъ огонь, опалять душу его и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ.

Далѣе игумень говоритъ о страшномъ наказаніи, которое постигаетъ укравшаго что либо изъ монастырскаго имущества: если Аванія и Самфира были осуждены и внезапно умерли, за то только, что утаили часть своихъ же денегъ отъ Бога, то тѣмъ большее наказаніе постигнетъ келаря, если онъ будетъ утаивать чужое, или раздавать его своимъ.

Напоминая ему обо всемъ этомъ, игумень, благословляя его, заключаетъ поученіе свое такими словами: „Внимаѣ себе, брате, и службѣ своей, да спасетъ тя Господь ото всѣхъ молитвами Святыя Богородицы и святою отцю нашею Антонья и „Θεодосія“, и всѣхъ святыхъ Твоихъ и нынѣ и присно“ Насъ не должно смущать имя Θεодосія, встрѣчающееся въ этомъ заключительномъ обращеніи; несомнѣнно, что это слово вставлено позднѣйшею чужою рукою, когда имена двухъ нашихъ великихъ подвижниковъ, Антонія и Θεодосія, стали употребляться во многихъ молитвахъ нераздѣльно: „преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія, и всѣхъ святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ яко благъ и человеко-

¹⁾ Понечатано въ прилож. № 4 ко II-му тому Ист. Рус. Церкви пр. Макарія. Известно по рукописи Новг. Соф. 6-ки XIV — XV в. подъ заглавіемъ: „Зборница разнаа разныхъ святыхъ отецъ“ по старому каталогу № 94, л. 121.

любець“ -обычное заключеніе въ молитвахъ. Если же въ поученіи стояло одно лишь имя Антонія, то это даетъ намъ основаніе опредѣлить годъ, не раньше котораго это поученіе могло быть произнесено; такъ какъ здѣсь говорится о молитвахъ „святого“ Антонія, то естественно, что святымъ онъ могъ быть названъ лишь послѣ смерти, бывшей въ 1073 году; самъ же пр. Феодосій умеръ въ 1074 году, слѣдовательно, поученіе къ келарю могло быть сказано лишь въ этомъ промежуткѣ времени, т. е. въ послѣдній годъ жизни нашего игумена. Но, быть можетъ, въ этомъ поученіи вся фраза: „и святою отцю нашею Антонья и Феодосия“ приписана вполнѣдствіи; тогда и наше предположеніе о времени произнесенія этого поученія рушится. Вообще же должно замѣтить, что установить хронологію сочиненій пр. Феодосія невозможно, за отсутствіемъ всякихъ данныхъ, съ которыми можно было-бы ориентироваться въ этомъ вопросѣ.

Точно также и попытка приурочить произнесеніе того или иного поученія къ опредѣленному дню ограничивается весьма немногимъ. Несомнѣнно можно утверждать, что поученіе, озаглавленное: „слово оутѣшно къ братии и душевнѣи ползѣ“ (второе изъ вновь приписанныхъ) было произнесено въ пятницу вербной недѣли послѣ утрени, какъ мы уже отмѣтили: съ полной вѣроятностью можно сказать и о поученіи передъ началомъ великаго поста, извѣстнаго намъ лишь по отрывку, приведенному въ лѣтописи, что оно было произнесено, по свидѣтельству той-же лѣтописи: „въ недѣлю Масленую, вечеръ“, когда пр. Феодосій по обычаю своему „цѣловавъ братью всю“, поучалъ ихъ, „како проводить постное время“¹⁾. Быть можетъ приведенный отрывокъ взятъ изъ поученія, сказаннаго въ послѣдній годъ его жизни, передъ началомъ великаго поста²⁾.

Относительно остальныхъ поученій нельзя ничего сказать опредѣленно. Въ сборникѣ № 406 Рум. Муз., равно какъ и въ сборникахъ 6-ки Кіево-Печерской лавры № 47, 48 и 49, представляющихъ по всеѣмъ признакамъ такъ называемые „Постные Златоусты“, поученія пр. Феодосія помѣщаются *въ третьей недѣль великаго поста* и обнимаютъ періодъ чтеній отъ вторника и до пятницы³⁾; но что по-

¹⁾ Лѣтоп. по си. Лаврентія. Op. cit., подъ 1074 г., стр. 178

²⁾ Пр. Феод. † 3 мая 1074 г. „во 2-ую субботу по пасцѣ“; слѣд. Пасха тогда была 20 го апрѣля; начало В. Поста 3-го марта: „Недѣля Масленая“ именно и была 2-го марта 1074 г., тогда и было произнесено это поученіе.

³⁾ Полныя оглавленія приведены въ Приложеніи при текстахъ.

добное размѣщеніе поученій произвольно, видно изъ того, что „слово оутѣшно къ братиѣ о душевнѣи ползѣ“, сказанное несомнѣнно въ пятницу. наканунѣ Лазарева Воскрешенія, въ сборникѣ приурочено ко вторнику 3-ей недѣли поста²⁾; вообще же, по своему характеру, поученія эти очень подходят къ типу великопостныхъ поученій, составляющихъ содержаніе Постныхъ Златоустовъ, поэтому можетъ явиться предположеніе, не далъ ли пр. Феодосій цѣлаго цикла поученій, составлявшихъ нѣкогда „Постный Златоустъ“, подобно другому древне-русскому проповѣднику—Кириллу Туровскому (XII в.), давшему Златоустъ воскресный съ рядомъ поученій отъ недѣли Св. Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ. Но здѣсь скорѣе можно заключить а *necesse ad esse*, чѣмъ на основаніи сохранившихся до насъ нѣсколькихъ поученій: такъ какъ по уставу, принятому въ печерскомъ монастырѣ, полагалось, чтобы вообще три раза въ недѣлю, а въ великій постъ ежедневно,—читались оглашенія пр. Феодора Студита, а затѣмъ и игумень предлагать поученіе братіи,—что, конечно, выполнялось пр. Феодосіемъ. А такъ какъ онъ лично не могъ предлагать поученій въ теченіе великаго поста, когда онъ удалялся въ пещеру, то, весьма вѣроятно, имъ были написаны поученія, которыя читалъ кто нибудь изъ старшихъ, какъ, напр., Никонъ и др.; это вполне согласуется съ выраженіями, встрѣчающимися въ поученіяхъ: „и се нынѣ не на укореніе написать вамъ“. или же „тѣмъ убо азъ нынѣ дрѣзнухъ се писати вамъ“,—которыя могутъ быть объяснены только такимъ образомъ.

Заключивъ настоящую главу о поученіяхъ пр. Феодосія къ инокамъ, приведемъ еще нѣкоторыя соображенія, вытекающія изъ предложеннаго изслѣдованія. По вопросу о вліяніи сочиненій пр. Феодора Студійскаго мы можемъ сказать, что таковое распространялось по преимуществу на форму и лишь отчасти на содержаніе поученій, среди которыхъ мы имѣли возможность отмѣтить нѣкоторыя, вполне самостоятельныя, какъ на примѣръ: первое поученіе—о терпѣннѣи и о любви; пятое поученіе—о хожденіи къ церкви и о молитвѣ; поученіе, сказанное наканунѣ Воскрешенія Лазаря, и поученіе къ келарю; въ остальныхъ поученіяхъ степень вліянія катехизическихъ поученій и устава пр. Феодора различна: то пр. Феодосій удалялся отъ источника съ сохраненіемъ лишь мысли, то приближался къ нему до перифраза и даже до тождественныхъ

²⁾ „Ко вто г нед пос из улсѣ ѣтго феѡра игумена стѣнска слово оутѣшно“ и т. д.

выраженій. Но не только творенія пр. Теодора Студійскаго были хорошо извѣстны нашему проповѣднику; въ поученіяхъ его мы также отмѣтили нѣкоторыя мѣста, несомнѣнно свидѣтельствующія о знаніи свято-отеческихъ твореній вообще, какъ Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Аввы Дорошея. Въ основаніи же всего лежитъ глубокое знаніе и пониманіе библіи, дающее проповѣднику возможность свободно развивать свои мысли, основанныя на библейскихъ текстахъ, приводимыхъ часто не въ подлинныхъ выраженіяхъ.

Кромѣ литературнаго значенія, какъ памятниковъ нашей зарождающейся литературы XI вѣка, единственными представителями которой въ силу исторически-культурныхъ причинъ является духовенство и преимущественно черноризцы, поученія эти не лишены значенія, какъ историческія свидѣтельства; въ особенности же, какъ это отмѣтилъ и преосв. Макарій, въ нихъ мы узнаемъ, что и во время пр. Теодосія иноки не были „единымъ стадомъ Христовымъ“, собраннымъ „во единодушіе, во единоуміе и въ единую волю“. Отрекнувшись отъ міра, они не отреклись отъ всего „яже въ мірѣ“, и общечеловѣческіе пороки имъ были не чужды; но, служа какъ бы тѣневыми штрихами на общей картинѣ монастырской жизни того времени, они лишь рельефнѣе выдѣляютъ и усиливаютъ свѣтлый обликъ борца во имя великой христіанской идеи: вѣры въ милость Божію, надежды на получение несказанной радости путемъ подвиговъ и самоотреченія и высокой любви къ ближнему, „еже есть всему доброму свершеніе“!—Такимъ то духовнымъ богатыремъ и былъ пр. Теодосій.

**„Посланіе пр. Теодосія къ великому князю Изяславу
о вѣрѣ вкрестьянской и о латыньской“.**

Отношенія церкви Восточной и Западной, дошедшія до полнаго разрыва въ половинѣ XI вѣка (1054 г.), вызвали со стороны блюстителей православія цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій противъ „заблужденій“ западной церкви, имѣвшихъ цѣлью возможное охраненіе православныхъ отъ совращенія ихъ въ вѣру „Варяжскую“ Зародившись и достигнувъ значительной степени раз-

витія въ Византіи ¹⁾, полемическая литература противъ Латинянь очень рано уже перешла къ намъ въ древнюю Русь, и, какъ первый памятникъ ея, въ лѣтописи подъ 986 годомъ помѣщенъ рассказъ о греческомъ миссіонерѣ-философѣ, который предостерегалъ князя Владиміра отъ Латинянь, служащихъ на опрѣснокяхъ, „рекше, оплатки, ихъ же Богъ не преда“; а ниже, подъ 988 годомъ, лѣтописецъ приводитъ цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Латинянь, велѣдъ за Символомъ вѣры и краткимъ сказаніемъ о 7 вселенскихъ соборахъ.

Согласимся однако съ мнѣніемъ почтенныхъ ученыхъ, А. Поповымъ и г. А. Павловымъ, что лѣтописная статья не можетъ быть отнесена по своему содержанію къ X вѣку, а ко второй половинѣ XI вѣка, т. е. ко времени окончательнаго раздѣленія церкви, когда и въ Византійской литературѣ, и у насъ появились въ значительномъ уже количествѣ полемическія сочиненія, послужившія источникомъ для лѣтописца. Въ это время представителями такого полемическаго направленія у насъ являются: митрополитъ Леонтій († 1008 г.), сочиненіе котораго, озаглавленное „*Δεόντος μητροπολίτου Ρωσίας Πρὸς Ρωμαίους, ἤτοι Λατίνους περὶ τῶν ἁγίων*“, извѣстно по рукописи № 386 Синодальной б-ки XIV (1387 г.) л. 95 об., и дошедшее до насъ въ греческомъ подлинникѣ, хотя есть указанія и на существованіе стариннаго славянскаго перевода ²⁾; далѣе, митр. Георгій (ок. 1062- -1079 г.), изъ двухъ сочиненій котораго одно каноническаго характера, упоминаемое въ „Вопросахъ Кирика“ ³⁾, до насъ не дошло, другое же сочиненіе полемическаго содержанія, извѣстное и въ греческомъ подлинникѣ и въ славянскомъ переводѣ по сборнику № 522 Нов.-Софійской б-ки XVI в. подъ заглавіемъ „Георгія митрополита Кіевскаго стязаніе съ латиною, винъ числомъ 70“, издано преосв. Макаріемъ въ приложеніяхъ къ Исторіи Русской Церкви (т. II прил. 8). Современникомъ митр. Георгія былъ и

¹⁾ По мнѣнію А. Попова со времени патр. Фотія—вторая полов. IX в. (Историко-лит. Обзоръ древне-русскихъ полем. соч. прот. латинянь. Москва, 1875 г., стр. 7).

Г. Павловъ указываетъ на пято-шестой вселенскій соборъ (692 г.), какъ на перваго обличителя латинскихъ заблужденій: правило 13—противъ римскаго целибата; 55—противъ субботняго поста; 67—противъ употребленія въ пищу удавленны и др.

(„Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянь. СПб 1878 г., стр. 14).

²⁾ Пр. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы, ч. I, стр. 12.

³⁾ Калайдовичъ. Памятники Россійской Словесности XII в., стр. 195.

преп. Θεодосіи Печерскій написавшии въ числѣ прочихъ своихъ сочиненіи „слово... о вѣрѣ крестьянской и о латыньской“, написанное по просьбѣ князя Изяслава и дошедшее до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, разнящихся между собою и по изложенію, и по содержанію. Къ изученію этого посланія мы теперь и переходимъ.

Вопросъ о принадлежности этого, а равно и слѣдующаго посланія пр. Θεодосію представляетъ не мало затрудненій. и окончательное его рѣшеніе при наличныхъ данныхъ можно считать не вполне возможнымъ. Всѣ изслѣдователи этого вопроса, высказывая свои соображенія pro или contra, однако не обставляютъ своихъ выводовъ такими аргументами, которыхъ нельзя было-бы въ той или иной степени оспаривать. И если даже лучшіе знатоки нашей древней письменности, какъ проф. Голубинскій и акад. А. Шахматовъ рѣшаютъ вопросъ этотъ въ отрицательномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе согласиться съ ихъ мнѣніемъ не всегда возможно.

Въ новѣйшее время, иля по слѣдамъ уважаемыхъ изслѣдователей, г. А. Лященко въ своихъ замѣчаніяхъ о Θεодосіѣ-грекѣ, писателѣ XII вѣка, касается также и затронутаго нами вопроса и, рѣшая его въ томъ же отрицательномъ смыслѣ, находитъ возможнымъ считать авторомъ этихъ двухъ посланій не Θεодосіа—основателя Кіево-Печерской лавры, а Θεодосіа—грека, жившаго въ XII вѣкѣ. Такъ какъ въ своихъ замѣчаніяхъ упомянутый изслѣдователь, предлагая свои соображенія, опирается преимущественно на авторитетъ указанныхъ выше изслѣдователей, то мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь преимущественно на разборѣ его мнѣній, представляющихъ какъ бы *compendium* по занимающему насъ вопросу, къ тому же являющихся послѣднимъ словомъ науки (Замѣтка „о сочиненіяхъ Θεодосіа писателя XII вѣка“ отд. оттискъ 1900 г. Сиб.).

Уже давно въ перечнѣ именъ писателей „духовнаго чина“ упоминался Θεодосіѣ-грекъ, жившии въ Кіево-Печерской лаврѣ въ XII вѣкѣ и близко стояшии къ князю-иноку Николѣ Святослѣ; по вопросу о его сочиненіяхъ оставался до послѣдняго времени довольно темнымъ, и вотъ въ настоящее время брошенъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, но едва-ли свѣтъ „истины“; дѣло въ томъ, что, пренебрегая многими фактами, рѣзко говорящими противъ, авторъ поваго изслѣдованія приписываетъ Θεодосію-греку цѣлый рядъ сочиненій, различныхъ и по внутреннему содержанію и по внѣшнимъ признакамъ, преимущественно же изъ числа произведеній, приписываемыхъ преп. Θεодосію (XI в.); сюда дошло и слово о Казняхъ Божіихъ, и слово о тропарныхъ чашахъ и посланія къ

Изяславу и нѣкоторыя иныя. Мы уже упоминали о первыхъ двухъ произведеніяхъ, и о томъ, насколько основательно ихъ приписывать Θεодосію-греку; обратимся теперь къ „посланіямъ“.

Историческія причины, о которыхъ мы уже говорили, вызвали въ литературѣ цѣлый рядъ посланій, разъясняющихъ сущность праваго и „варяжскаго“ вѣроученія, обрядовую сторону религіи и цѣлый рядъ иныхъ вопросовъ, естественно волновавшихъ умы просвѣщенныхъ людей того времени. Такъ какъ и вторая половина XI вѣка и почти весь XII вѣкъ были заполнены различными религіозными спорами, то и руководители общественнаго мнѣнія,—образованное духовенство по преимуществу,—во все это время въ своихъ „посланіяхъ“ старались разрѣшать всѣ подобныя споры, устанавливая правильный взглядъ, устраняя недоразумѣнія и т. п. Кіевскіе князья, стоя во главѣ народа, болѣе другихъ нуждались въ опытныхъ руководителяхъ въ дѣлѣ вѣры и религіи; мы видѣли, что пр. Θεодосій былъ для Изяслава, и для Святослава такимъ совѣтникомъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія; такимъ же совѣтникомъ, руководителемъ былъ для князя Изяслава Мстиславича, по мнѣнію автора разбираемаго изслѣдованія, Θεодосій-грекъ, жившій въ XII вѣкѣ; ему то и принадлежать посланія о вѣрѣ Варяжской и „Вопрошеніе“. Посмотримъ, чѣмъ руководствуется авторъ въ своемъ мнѣніи.

Наибольшее затрудненіе въ рѣшеніи затронутаго вопроса авторъ видитъ въ томъ, что въ заглавіи „Вопрошенія“ сказано во всѣхъ спискахъ: „Вопрошеніе кн. Изяслава, сына Ярослава, внука Володимеря“, а между тѣмъ тотъ князь, которому могъ писать Θεодосій-грекъ, былъ „сыномъ Мстислава“¹⁾; однако, пренебрегая единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ многочисленныхъ списковъ, авторъ видитъ здѣсь ошибку писца, поставившаго одно имя вмѣсто другого, и тѣмъ устраняетъ „наибольшее“ затрудненіе. Считая даже возможнымъ подобное замѣщеніе, мы, однако, въ данномъ случаѣ, при единогласномъ свидѣтельствѣ всѣхъ, и древнихъ, и новыхъ списковъ, не находимъ основанія утверждать высказанное авторомъ предположеніе, и болѣе доверяемъ свидѣтельству рукописей. Переходимъ къ разбору другихъ соображеній, высказанныхъ цитруемымъ авторомъ.

Чтобы рѣшить затронутый вопросъ, необходимо установить, что Θεодосій-грекъ, Θεодосъ—упоминаемый въ вопросахъ—отвѣтахъ Нифонта, и Θεодосій-игумень печерскій въ серединѣ XII вѣка

¹⁾ Op. cit., стр. 13 и 14.

есть одно и то-же лицо; это сдѣлать необходимо, такъ оно и сдѣлано; но мы не можемъ и здѣсь согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго автора.

Дѣйствительно, въ Ипатьевской лѣтописи подь 6656 (1148 г.) упоминается игумень печерскій Θεодосіѣ; о его же смерти говорится въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подь 6664 (1156 г.); но можно ли утверждать, что это былъ тотъ Θεодосіѣ-грекъ, пришедшій на Русь съ однимъ изъ митрополитовъ изъ Греціи (быть можетъ, по предположенію автора, съ м. Никифоромъ)?

Мы знаемъ, что въ Печерскомъ монастырѣ, по крайней мѣрѣ, въ первое время его существованія, братія избирала себѣ игумена изъ своей среды, изъ монаховъ, принявшихъ постриженіе въ самой обители; и этотъ обычай они ревниво охраняли, какъ это видно изъ житія пр. Θεодосія [по лѣтописи подь 1074 г. (6582)], когда умирающій игумень предложилъ братіи вмѣсто себя пресвитера Іакова, то братія отказалась отъ этого выбора, такъ какъ онъ „не зѣлъ есть постриженъ. бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Летьца“. Если этотъ обычай былъ настолько важенъ и имѣлъ такое глубокое значеніе, что братія отказалась даже въ силу его отъ предложенія своего горячо любимаго и умирающаго игумена, то мы не имѣемъ никакихъ основаній предположить, что черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ отъ него не осталось и слѣда: иначе нельзя объяснить избраніе въ игумены чужанина, грека. Слѣдовательно, мы не можемъ и въ этомъ случаѣ согласиться съ авторомъ разбираемаго мнѣнія. Мы также предполагаемъ, что и того Θεодоса, который упоминается у Нифонта (въ 57 вопросѣ) нельзя отождествлять съ Θεодосіемъ-грекомъ. Склоняясь къ мнѣнію многихъ авторитетныхъ ученыхъ, мы имѣемъ полное основаніе подь упоминаемымъ здѣсь лицомъ подразумѣвать именно Θεодосія святого, и это упоминаніе служило для многихъ важнымъ аргументомъ въ признаніи за нашимъ игуменомъ авторства посланія, на которое косвенно указываетъ Нифонтъ. Дѣйствительно, имя пр. Θεодосія въ до-монгольской періодъ пользовалось большимъ авторитетомъ: введенный имъ уставъ „вся монастыри переяша“; его поученія читались на ряду съ твореніями святыхъ отцевъ (см. въ житіи Авраамія Смоленскаго), его посланія тоже, конечно, были извѣстны, и въ особенности Нифонту, жившему ранѣе въ печерской обители и воспитанному на неуспѣвшихъ еще затуманиться свѣтлыхъ идеалахъ Θεодосіева времени. Да и въ другихъ отвѣтахъ можно найти слѣды „посланія“, какъ, напр., объ употребленіи въ пищу животныхъ и др.

Переходя къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ соображеній автора, мы должны сознаться, что они также зиждятся на шаткихъ основаніяхъ: соглашаясь съ мнѣніемъ акад. А. Шахматова, авторъ цитируемаго изслѣдованія придаетъ рѣшающее значеніе выраженію посланія о днѣ воскресномъ „*яко же вы глаголете, --недѣля*“, которое „могъ сказать грекъ русскому“ Θεодосіи разъясняетъ, что „недѣля“ есть лишь первый день недѣли и называется „воскресный день“. Какъ извѣстно, „недѣля“ есть слово славянское вообще, слово, употребляемое въ народѣ (*недѣля--якоже вы глаголете*); а „день воскресный“ — это терминъ церковный, христіанскій; такимъ образомъ ясно, что въ этихъ словахъ *не грекъ говоритъ русскому*, а лишь *духовное лицо мірянину*.

Важное обстоятельство, какъ бы, подтверждающее мысли автора, заключается, по мнѣнію того же автора, въ самомъ заглавіи посланія, въ которомъ пропущены слова „святого отца“, а сказано прямо „пгумена Θεодосія Печерскаго монастыря“. Въ свою очередь, мы можемъ указать на надписаніе поученія о тропарныхъ чашахъ, приписываемаго авторомъ Θεодосію-греку, гдѣ Θεодосіи названъ „*святымъ*“, а также и на нѣкоторые списки посланій, гдѣ тоже встрѣчаются слова *преподобный* и *святый*. (Какъ въ спискахъ III фамиліи по изд. м. Макарія и во всѣхъ почти патерикахъ Кассіановской редакціи); а изъ этого намъ станетъ ясно, что руководствоваться подобнымъ аргументомъ нѣтъ никакихъ основаній.

Гораздо болѣе затрудненій можно встрѣтить въ объясненіи того мѣста посланія о Вѣрѣ Варяжской, гдѣ составитель его говоритъ о своихъ родителяхъ, наказывавшихъ его „добру закону и поровамъ правовѣрныхъ послѣдовати“. Изъ жизни же пр. Θεодосія мы знаемъ, что отца онъ лишился рано (13 лѣтъ), о матери же его, по характеристикѣ пр. Нестора, читатель выноситъ отрицательное впечатлѣніе. Однако, можно допустить, что здѣсь пр. Θεодосіи рассказываетъ намъ о фактахъ изъ своей жизни, неизвѣстныхъ пр. Нестору, тѣмъ болѣе, что о первомъ періодѣ жизни біографъ знаетъ очень мало, вслѣдствіе чего прибѣгаетъ къ общимъ фразамъ и общимъ характеристикамъ. Обостренность отношеній между людьми различныхъ вѣроисповѣданій, имѣвшая мѣсто въ ту эпоху, могла служить причиною того, что отецъ старался внушить своему сыну съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ мысль о превосходствѣ вѣры Православной передъ вѣрой Латинской; однако, едва-ли бдительность отца могла простираться до того, чтобы онъ своему сыну-мальчику говорить о томъ, чтобы онъ, избѣгая общенія съ Латинами „своихъ дѣщерей не даяти за нѣ,

ни поймайте у нихъ, ни брататися съ ними“ и т. д. Но, въ виду того, что во всѣхъ другихъ редакціяхъ этого мѣста не встрѣчается, мы позволимъ себѣ считать мѣсто это испорченнымъ, дополненнымъ перепиечиками, или же просто позднѣйшею вставкою. Должны сознаться, что это единственное мѣсто, требующее нѣкотораго компромисса. Но если даже, не допуская такого компромисса, мы обратимся къ самымъ спорнымъ посланіямъ и сравнимъ языкъ ихъ съ языкомъ сочиненія, безспорно принадлежащаго Θεодосію-греку „Эпистолин“, — то убѣдимся, что авторомъ этихъ сочиненій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть одно и то-же лицо. Не входя въ подробный анализъ, выйдемъ лишь нѣкоторыя выраженія со слѣдами грецизма, а также характеризующія приемы Θεодосія-грека, какъ писателя.

Приступая, по просьбѣ кн. Николая, къ переводу Эпистолин, авторъ говоритъ о своемъ невѣжествѣ и грубости, однако замѣчаетъ, что онъ учился „отъ младъ поють омирскимъ и риторскимъ книгамъ“ (слѣдовательно, невѣжество и грубость есть только извѣстный приемъ); далѣе: „призываю же рабъ твой инокій Θεодосій моего патріарха молитвы и надѣ сямъ суропустнаю кондака разумъ и ваше болюбіе на помощь, встѣ же прощенія прося моеи грубости идеи (?) безмолвія не имый на ясность прѣудобренному сему коварству“ и т. д. (ор. cit 4). Изъ этихъ незначительныхъ отрывковъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ-риторомъ, воспитаннымъ на греческихъ образцахъ и усвоившимъ приемы высокопарныхъ духовныхъ писателей Византийскаго періода, у которыхъ часто искусственность выраженія затемняетъ самый смыслъ. Если же мы сравнимъ это посланіе со скромными посланіями къ кн. Изяславу, то увидимъ въ нихъ рѣзкую разницу. „Что возмыслилъ еси боголюбивый Княже въпрятати мене некнижна и худа о таковѣи вещи“ — начинается такъ свое посланіе скромный игумень, и далѣе мы видимъ, что его „худость“ и „некнижность“ не есть только литературный приемъ. Мы не видимъ нигдѣ слѣдовъ греческаго происхожденія, ни намековъ на риторовъ и Омира, ни такихъ выраженій, въ родѣ „идея безмолвія“ „суропустный кондакъ“ „прѣудобренное коварство“ и т. п., напротивъ, чистый славянскій языкъ, простое построеніе рѣчи, ясность выраженія мысли и даже самое смѣшеніе догматовъ съ обрядами, отрицая тождество авторовъ обѣихъ посланій, свидѣтельствуетъ въ пользу признанія авторомъ посланій къ кн. Изяславу писателя русскаго, и именно Θεодосія Печерскаго, какъ это еще будетъ доказано ниже.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробно остановиться на замѣчаніяхъ А. Лященко по нашему вопросу, и имѣли возможность убѣдиться, что съ мнѣніемъ автора, пока не вполне обоснованнымъ, согласиться нельзя. Быть можетъ, впоследствии мы встретимся у почтеннаго автора съ болѣе обоснованнымъ мнѣніемъ и тогда можетъ измѣниться и самый взглядъ нашъ на разбираемыя посланія.

Гораздо болѣе научную постановку вопроса мы имѣемъ въ упомянутомъ уже трудѣ г. Андрея Попова, и, какъ необходимое дополненіе къ нему, въ рецензій на то-же сочиненіе г. А. Павлова. Благодаря этимъ двумъ почтеннымъ ученымъ, мы обладаемъ весьма полнымъ и обстоятельнымъ анализомъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинякъ вообще, и въ частности, сочиненія пр. Θεοδοσία Печерскаго. Мнѣнія этихъ ученыхъ въ вопросѣ объ этомъ сочиненіи расходятся въ сужденіи о степени оригинальности, или заимствованія его. Если посланіе патріарха Константинопольскаго Михаила Керуларія существовало въ славянскомъ переводѣ и въ такъ называемой, второй редакціи, болѣе пространной¹⁾, то несомнѣнно, что эта послѣдняя редакція служила главнѣйшимъ источникомъ для сочиненія пр. Θεοδοσία; если же согласиться съ мнѣніемъ г. Павлова, что эта пространная редакція не могла существовать раньше XIII вѣка, тогда на сочиненіе пр. Θεοδοσία Печерскаго должно смотрѣть, какъ на произведеніе въ большей или меньшей степени самостоятельное. По мнѣнію того же изслѣдователя, въ сочиненіи пр. Θεοδοσία могло быть кое-что и русское, написанное по слухамъ, или по личному знакомству автора съ Латинами. Самъ же пр. Θεοδοσία прямо указываетъ въ своемъ сочиненіи на тогдашнее сожитіе Руси съ Варягами, „злая вѣра“ которыхъ, по его словамъ, наполняла всю русскую землю. Однако, есть болѣе основаніи руководствоваться мнѣніемъ г. Попова, и на основаніи приводимыхъ въ его почтенномъ трудѣ весьма основательныхъ соображеній и свидѣтельствъ, признать существованіе славянскаго перевода посланія Михаила Керуларія, дополненнаго нѣкоторыми статьями изъ анонимаго сочиненія „*Περὶ τῶν Φραγγῶν καὶ τῶν λατῶν Λατίνων*“,—что и служило главнѣйшимъ источникомъ для пр. Θεοδοσία. Если славянскіе списки этой статьи „О фрязѣхъ и о прочихъ Латинахъ“ и не дошли до насъ въ рукописяхъ 11-го вѣка, то это еще не даетъ намъ ни права, ни основанія отрицать существованіе этихъ списковъ въ такую пору.

¹⁾ А. Поповъ. *Op. cit.*, стр. 52.

Статья эта, по словам г. Попова, занимает видное мѣсто въ ряду памятниковъ духовной Византийской литературы и оставила по себѣ глубокий слѣдъ въ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ на Руси (стр. 56). По мнѣнію изслѣдователя Гергенгрѣтера (Photius, Patriarch von Konstantinopel), статья эта въ своемъ полномъ составѣ должна быть отнесена къ числу памятниковъ 11-го вѣка (ок. 1054 г.)¹⁾. Но, принимая во вниманіе, что въ эту эпоху крайне обостренныхъ отношеній между представителями церкви восточной и западной, всякое сочиненіе противъ Латинякъ, написанное въ Византіи, немедленно переводилось на славянскій языкъ и становилось извѣстнымъ и Болгарамъ, и Сербамъ, и Русскимъ, есть основаніе утверждать и существованіе этой статьи въ славянскомъ переводѣ XI вѣка. То обстоятельство, что уже въ старѣйшихъ спискахъ славянской кормчей: Сербскомъ 1262 г. (л. 260—262), Новгородскомъ 1280 г. (Ныпѣ Синод. б-ки № 132, л. 369) и Рязанскомъ 1284 г. (Собр. гр. Толстого отд. I № 311, л. 270—272), помѣщена статья „О фрязѣхъ и о прочихъ Латинахъ“, та-же точно, что и „Περὶ τῶν Φράγγων, καὶ τῶν λοιπῶν Δατίνων“, — говоритъ о ея распространенности у славянъ вообще, и не исключаетъ возможности ея существованія и во время пр. Θεодосія. Такимъ образомъ въ этомъ вопросѣ мы раздѣляемъ мнѣніе г. А. Попова, какъ болѣе обоснованное.

Многочисленные списки этого посланія пр. Θεодосія о вѣрѣ Латинской, дошедшіе до насъ въ различныхъ сборникахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ ранѣе конца XIV вѣка (Пансіевскій № 410 Кир.-бѣл. мон.), представляя нѣкоторыя болѣе или менѣе значительныя отличія какъ въ порядкѣ изложенія, такъ и въ самомъ содержаніи, раздѣлены преосв. Макаріемъ на три категоріи или „фамиліи“. Къ первой фамиліи отнесены два списка посланія: по Пансіевскому Сборнику Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря № 410 (XIV—XV в.)²⁾ и по Сборнику Новгородской Софійской б-ки № 522 (XV—XVI в.)³⁾: посланіе по этимъ спискамъ начинается словами: „Азъ Θεодось худый мпихъ, рабъ есмь Пресвятой Троицѣ Отца и Сына и Святаго духа“ — и можетъ быть признано наименѣе испорченнымъ и болѣе прочихъ приближающимся къ недошедшему до насъ подлиннику. Списки второй фамиліи находятся въ двухъ ру-

¹⁾ Ibidem, стр. 57.

²⁾ Напечатано у пр. Макарія: Op. cit., ч. II, прилож. 46.

³⁾ Напеч. въ Уч. Зап. 2-го отд. И. А. Н., т. II, стр. 215.

копсияхъ: въ Кормчей Румянцевскаго Музеума № 233 (XVI в.) южно-русскаго письма¹⁾, и въ сборникъ Царскаго № 293 (нынѣ гр. Уварова). Списки второй фамилии представляютъ нѣкоторыя отличія отъ первой; въ нихъ посланіе начинается словами: „Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимерова, игумена Печерскаго Феодосія о Латинѣ. И рече Изяславъ: скажи ми, отче, вѣру Варяжскую“...; и въ самомъ содержаніи замѣчаются нѣкоторые пропуски, дополненія и весьма неудачныя измѣненія въ порядкѣ изложенія по сравненію со списками первой фамилии. Проф. А. Поповъ отмѣтилъ въ своемъ трудѣ всѣ отступленія списковъ второй фамилии отъ первой и среди добавленій указываетъ на одно, быть можетъ, южно-русскаго происхожденія²⁾; именно то мѣсто, гдѣ говорится о Латинахъ, внавшихъ въ „Савелиеву ересь“, и о Варягахъ, нечистая вѣра которыхъ осквернила всю землю. Это вполне возможно потому, что рукопись, по которой издано это посланіе пр. Макаріемъ вообще представляетъ памятникъ южно-славянскаго письма³⁾. Все остальное количество списковъ, во всѣхъ патерикахъ, такъ называемой, Кассіановской редакціи 1462 года, и въ различныхъ сборникахъ, отнесено преосв. Макаріемъ къ третьей фамилии; изъ ихъ числа посланіе это, какъ списокъ третьей фамилии, издано пр. Макаріемъ по рукописи Новгородской Соф. б-ки № 502- Патерикъ Печерскій⁴⁾. Списки этой фамилии представляютъ передѣлку второй. Расположеніе пунктовъ обвиненія во второй фамилии, рѣзко отличающееся отъ первой, сохранено въ этой третьей фамилии. Начало посланія здѣсь уже еще болѣе удалено отъ первоначальнаго (т. е. первой фамилии) и носитъ характеръ чисто повѣствовательнаго изложенія: „Прінде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ Ярославль внукъ Володимеровъ къ святому отцю нашему Феодосію, игумену Печерьскому, и рече ему: Исповѣжь ми, Отче, вѣру Варяжскую, какова есть“... И далѣе въ текстѣ встрѣчаются выраженія болѣе поздняго происхожденія: „послушай, благочестивый княже, еже въпроси благородіе твое“ или еще: „ты же благовѣрный самодръжче, блюди себе отъ нихъ“... и др., свидѣтельствующія, что текстъ въ спискахъ этой фамилии значительно подовленъ.

¹⁾ Намеч. *ibid.*, стр. 218.

²⁾ А. Поповъ. *Op. cit.*, стр. 79.

³⁾ Коричая Рум. Муз. № 233. *Опис. Рум. Муз. А. Востокова*, стр. 318.

⁴⁾ Пр. Макарій. *Op. cit.*, стр. 220

Отдѣльно отъ списковъ этихъ трехъ фамилій должно поставить еще одинъ, указанный г. А. Поповымъ, списокъ, находящійся въ Августовской Миней митр. Макарія ¹⁾.

Свѣдѣнія объ этомъ спискѣ заимствуемъ въ цитируемомъ нами трудѣ. Начало посланія по этой редакціи представляетъ совмѣщеніе второй фамиліи съ первой: „И рече Изяславъ, скажи ми, отче, вѣру Варяжскую и законъ ихъ. Святый Θεодосій рече: азъ худый мнихъ рабъ есмь пресвятѣи Троици Отца и Сына и Святѣаго Духа, и въ чистѣи и въ правовѣрнѣи вѣрѣ роженъ есмь и воспитанъ въ добръ законъ правовѣрнымъ отцемъ и матерью христіанюю, наказывающа мя добру закону“...

Такое же смѣшеніе двухъ текстовъ встрѣчается и въ самомъ изложеніи: мѣстами порядокъ идетъ по второй редакціи, а мѣстами по первой. На этомъ основаніи текстъ Макарьевской Миней можно признать за особую передѣлку позднѣйшаго писателя, имѣвшаго цѣлью совмѣстить во едино два бывшіе у него подъ руками списка Θεодосіева слова.

Мы не будемъ приводить здѣсь отмѣченной уже г. А. Поповымъ, встрѣчающейся въ этомъ спискѣ „вини“ Латинянь, вслѣдствіе ея слишкомъ нескромнаго характера, представляющей несомнѣнный вымыселъ писателя, вѣроятно, для болѣе сильнаго изображенія „нечистоты“ вѣры Варяжской; вообще замѣтимъ, что этотъ списокъ для насъ не представляетъ особой цѣнности, вслѣдствіе несамостоятельнаго характера редакціи его.

Среди этихъ многочисленныхъ списковъ посланія, предпочтеніе отдается первой фамиліи, какъ болѣе древней и менѣе испорченной, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо бываетъ обратиться и ко второй фамиліи при уясненіи нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ. Возстановить же первоначальный текстъ подлинника путемъ ли сравненія, или выдѣленія посторонняго матеріала, внесеннаго въ посланіе въ болѣе позднее время рукою переписчиковъ, невозможно за отсутствіемъ точныхъ данныхъ и вслѣдствіе довольно позднихъ списковъ посланія, дошедшихъ до насъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ самому посланію. Поводомъ къ сочиненію этого посланія въ отвѣтъ на предложеніе кн. Изяслава могъ служить и тотъ интересъ къ вѣрѣ Латинской, который естественно съ особенною силою разросся во второй половинѣ XI вѣка вслѣдствіе роковаго и прискорбнаго историческаго событія 1054 года, когда всѣ западно-европейскіе

¹⁾ *Op. cit.*, стр. 80.

народы стали какъ-бы отсѣченными отъ православнаго религіознаго союза, и подѣ общимъ именемъ Латинянъ назывались еретиками, отъ которыхъ проповѣдникъ въ религіозномъ увлеченіи совѣтуетъ по возможности устраниваться; „и всего ихъ обычая и норова гнушатся и блюстися, своихъ дочерей не даяти за не, ни поимати у нихъ, ни братитися съ ними, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни съ нимъ въ единомъ сосудѣ ясти и пити, ни бо рошна ихъ приимати“ (посл. Θεодосія). Хотя можно также вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными (Макарій, Голубинскій) полагать, что кн. Изяславъ особенно интересовался, „что есть вѣра Баряжская“ потому, что ему приходилось искать помощи и защиты на западѣ въ борьбѣ со своими братьями Святославомъ и Всеволодомъ. Изгнанный братьями въ 1068 году съ престола Кіевского, онъ обратился за помощію къ польскому королю Болеславу, благодаря которому въ слѣдующемъ 1069 году онъ снова сталъ великимъ княземъ. Но изгнанный вторично въ 1073 году, онъ опять обращался къ Болеславу за помощію, но напрасно. Исторія свидѣтельствуетъ, что кн. Изяславъ обращался и къ папѣ Григорію VII Гильдебрандту и изъявлялъ готовность признать власть Намѣстника св. Петра; быть можетъ, въ связи съ этимъ находится и желаніе князя узнать обстоятельно, въ чемъ состоитъ вѣра Латинская, для чего онъ обращался и къ митр. Георгію, и къ уважаемому и любимому имъ Печерскому Игумену. Въ отвѣтъ на это пр. Θεодосій составилъ посланіе, въ которомъ со всею строгостью выставляетъ „вины“ Латинянъ, какъ бы желая отвратить князя отъ всякаго съ ними общенія. Содержаніе посланія сводится къ слѣдующему¹⁾: Преподобный Θεодосій говоритъ о себѣ и о своемъ воспитаніи въ христіанскомъ законѣ своими правовѣрными родителями, которые научали его слѣдовать закону и обычаямъ правовѣрныхъ. Воспитанный въ строгихъ христіанскихъ правилахъ, онъ, какъ блюститель правой вѣры, совѣтуетъ избѣгать всякаго общенія съ Латинами и не только въ дѣлахъ вѣры, но даже и въ дѣлахъ житейскихъ, гнушаясь ихъ правовъ и обычаевъ. Вступленіе въ родство, побратимство, даже поклоны и привѣтствія (цѣлованіе) съ Латинами считаются дѣломъ непозволительнымъ. Нетерпимость доходитъ до запрещенія вкушать пищу и питье изъ одного сосуда; въ противномъ случаѣ необходимо потомъ сосудъ тщательно вымыть и сотворить надъ нимъ молитву очистительную. Причина этого лежитъ въ томъ, что они „неправо вѣрують и нечисто живутъ“ И далѣе въ посланіи слѣдуетъ

¹⁾ Излагаемъ содержаніе по списку первой фамилии, какъ болѣе исправной.

цѣлый рядъ обличеній касательно догматической, обрядовой и обиходной стороны въ вѣрѣ и жизни Латинянъ: они ѣдятъ со псами и кошками, пьютъ свой „сѣчь“, ѣдятъ жѣлвы (черепахи), мясо дикихъ коней и ословъ, мертвечину, медвѣдину, удавленнику¹⁾, бобровину и др.; не соблюдаютъ поста во время говѣнья, и во вторникъ первой седмицы Вел. поста ѣдятъ мясо; постятся въ субботу, употребляя въ пищу яйца и молоко; въ таинствѣ покаянія получаютъ разрѣшеніе грѣховъ не отъ Бога, но отъ священниковъ „по дару“

Далѣе осуждается безбрачіе духовенства, результатомъ чего является внѣбрачное сожитіе священниковъ и епископовъ; участіе епископовъ въ войнахъ и ношеніе ими перстня на рукѣ²⁾ также подвергается осужденію. Продолжая перечислять пункты обвиненія Латинянъ, пр. Θεодосій указываетъ слѣдующее: служатъ на оплаткахъ, не цѣлуютъ ни иконъ, ни святыхъ мощей; крестъ цѣлуютъ, ваицавъ его на землѣ, и, поднявшись, пошп्राютъ его ногами; мертвецовъ кладутъ ногами на западъ, протянувъ руки вдоль тѣла, а не сложивъ ихъ на груди; (залѣпляя имъ глаза, уши и носъ³⁾); братья у нихъ могутъ жениться на двухъ сестрахъ; крещеніе совершаютъ не троекратнымъ, а однократнымъ погруженіемъ, причемъ не помазываютъ крещаемого муромъ, а сыплютъ крещаемому въ ротъ соль; имя даютъ не въ память святого, а по желанію родителей; и, наконецъ, вѣрують въ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и отъ Сына.

Представивъ этотъ перечень обвиненій противъ Латинянъ, пр. Θεодосій совѣтуетъ блюстись „кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлесь“, такъ какъ земля—де наша переполнена людьми этой злой вѣры. Вѣра же наша едина, чистая, честная и святая, лучше которой нѣтъ на землѣ: это есть вѣра правовѣрная. Исповѣдующій эту вѣру

¹⁾ Подъ удавленникой разумѣется все загравленное на охотѣ собаками, или врететами и другими птицами. Клирикъ спрашивалъ Нифонта, можно ли ѣсть птицъ, удавившихся въ силкѣ или сѣтяхъ; Нифонтъ же строго запрещаетъ ѣсть такіа птицы. (У Калайдовича. Вопр. Кирика, стр 191).

Тоже у митр. Іоанна въ Церк. правилахъ Іакову черноризцу; именно правило III: „А еже емлемыа животны от пса ли от звѣри, или от иноа птица, і умирает, аще не зарѣзано будетъ человекомъ—не подобаетъ ясти. Прилежи начъ закону, вежли обычаямъ земли“. (Здѣсь разумѣется подъ обычаями земли древне-русская соколиная и псовая охота, особенно развигая на Руси). Ёсть медвѣдину запрещалось по уставу Ярослава: „Аще кто что поганое ясть или медвѣдину, или иное что поганое митрополиту у винѣ и въ казни“ (у Макарія, п. II, прил. 13).

²⁾ По списку II фамиліи.

³⁾ Ibidem.

будеть участникомъ въ жизни вѣчной. чего не будетъ со всякимъ другимъ, принадлежащимъ къ иной вѣрѣ: Латинской, или Армянской, или Сираццической. Хвалить лишь можно эту свою вѣру, потому что тотъ, кто хвалитъ и свою вѣру, и чужую, близокъ къ ереси, какъ являющійся двоевѣрнымъ. Однако, такое отношеніе ко всякой другой вѣрѣ не устраняетъ необходимости быть милостивымъ ко всякому и, во имя христіанской любви къ ближнему вообще, оказывать помощь всѣмъ, кто или нагъ, или голоденъ, или въ несчастіи. Но если придется встрѣтить спорящихъ о вѣрѣ, то необходимо стать на помощь правовѣрному противъ кривовѣрнаго; и если спорщикъ станетъ утверждать, что и ту, и другую вѣру далъ Богъ, слѣдуетъ въ отвѣтъ возразить, что Богъ не двоевѣренъ, такъ какъ и въ писаніи сказано: „единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе“; и дѣйствительно, сначала, по Вознесеніи Господнемъ, всѣ исповѣдывали одну правую вѣру; но впоследствии одни сохранились на зловѣрье и, отрицувши Апостольскую проповѣдь и постановленія св. отцевъ, приняли неправое ученіе и „вѣру развращенную“, за что и были отвержены отъ всякаго общенія съ правовѣрными. Вслѣдствіе этого правовѣрнымъ недостойно имѣть какое либо участіе и въ жизни, и въ Божественной службѣ съ Латинами, которые суть, собственно мертвые, какъ приносящіе мертвую жертву. „Намъ же, заканчиваетъ пр. Θεодосій, приносящимъ живому Богу живую жертву, предстоитъ достигнуть и жизни вѣчной, потому что и въ писаніи сказано, воздастся каждому по дѣламъ ихъ“

Центральнымъ мѣстомъ этого посланія является перечень обвиненій Латинянъ. Источникомъ для составленія этого ряда отступленій служило несомнѣнно упомянутое нами посланіе патріарха Михаѣла Керуларія къ патріарху Антиохійскому Петру, но не въ своемъ подлинномъ видѣ, а въ такъ называемой, второй редакціи, представляющей значительно дополненную передѣлку подлинника. Весьма распространенная въ славянской письменности, она дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, не восходящихъ, впрочемъ, ранѣе XV вѣка¹⁾. Посланіе это въ указанной редакціи представляетъ лишь перечень латинскихъ заблужденій, значительно дополненный противъ подлинника.

¹⁾ Требникъ Сербскій на бамбиднѣхъ первой половины XV вѣка нах. въ Моск. Синод. б-кѣ № 374 (л. 390 об.).

Сборникъ б-ки Общ. Ист. и Др. Росс. № 182, конца XV в. (л. 299).

Сборникъ о латинахъ Хлудовской б-ки № 109, нач. XVII в. л. 137.

Главнѣйшимъ источникомъ для этой передѣлки послужила вышеупомянутая статья: „*Περὶ τῶν Φράγγων καὶ τῶν λοιπῶν Λατίνων*“, откуда заимствованы въ посланіи Михаила Керуларія обвиненія, 9, 11, 12, 13, 14, 19, 20 и 22¹⁾, изъ которыхъ пункты о крещеніи (14), о сквернояденіи (20) о погребеніи умершихъ и объ обычаяхъ закрѣплять глаза, поздри и уши (22) находятся также и въ посланіи пр. Θεодосία.

Въ почтенномъ изслѣдованіи А. Попова указаны источники для каждаго изъ обвиненій, приведенныхъ у пр. Θεодосία, поэтому мы считаемъ лишнимъ приводить ихъ здѣсь и переходимъ къ общему разбору этого посланія. По характеру своему въ первой своей части оно отличается рѣзкой нетерпимостью, объясняемой крайнимъ взглядомъ пр. Θεодосία на Латинянъ, какъ на еретиковъ, вѣра которыхъ развращенная и погибельная. Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ митр. Георгію, у котораго также встрѣчаемъ подобную же нетерпимость. Онъ пишетъ: „Не подобаетъ у Латыни камкати, ни молитвы взимати, и питія изъ единья чаши ни ясти ни дати имъ“²⁾.

Точно также и у митр. Никифора (1104—1121), въ посланіи къ кн. Владиміру Мономаху, мы встрѣчаемъ подобное: „Намъ православнымъ христіанамъ, не достойтъ съ ними ни пити, ни ясти, ни цѣловати ихъ; но аще случится православнымъ съ ними ясти по нужи, да кромѣ поставитъ имъ трапезу и сосуды ихъ“³⁾.

Митр. Макарій даетъ вполне основательное объясненіе рѣзкости тона, замѣчаемой въ первой части посланія пр. Θεодосία, находя ее вполне естественной въ то время, когда Латиняне только что отдѣлились отъ православной восточной церкви и по своимъ притязаніямъ къ совращенію православныхъ и крайней испорченности нравовъ, были нестерпимы какъ для грековъ, такъ и для русскихъ⁴⁾.

Однако, такое враждебное отношеніе къ вѣрѣ Латинской уступаетъ мѣсто чувству милосердія и состраданія къ ближнему, когда человѣкъ долженъ забывать, что передъ нимъ находится Латинянинъ, или Сарацинъ, или Болгаринъ. Объ этомъ чувствѣ, какъ мы видѣли, напоминаетъ пр. Θεодосій во второй части своего посланія. Мы замѣчаемъ здѣсь какъ бы нѣкоторый дуализмъ; но оче-

¹⁾ По нумераціи, приведенной у Попова, *op. cit.*, стр. 53 и 54.

²⁾ Уставъ Бѣлеч. м. Георгія § 102; по Голубинскому, *изд. op. cit.*, т. I, стр. 519.

³⁾ Уч. Зап. Ак. Н. II отд., т. XXII, кн. 2, прилож. стр. 14.

⁴⁾ Макарій. *Op. cit.*, т. II, стр. 128—29.

видно, что христіанскій принципъ о любви къ ближнему не примѣнимъ въ вопросахъ вѣры, такъ какъ далѣе пр. Ѳеодосій считаетъ Латинянъ отверженными, съ которыми правовѣрному недостойно даже имѣть какое либо общеніе, матеріальное или духовное.

Мы видѣли, что, перечисляя отступленія и вины Латинянъ, пр. Ѳеодосій не держится какой либо системы; напротивъ, замѣчается полная непостѣдовательность, неразграниченіе существеннаго отъ несущественнаго, смѣшеніе незыблемыхъ христіанскихъ догматовъ съ обрядами и мѣстными обычаями. Эта черта наблюдается въ полемическихъ сочиненіяхъ вообще, какъ у насъ, такъ и въ Византіи. Объяснить это можно лишь съ исторической точки зрѣнія въ томъ смыслѣ, что въ тѣ отдаленныя времена въ религіи у насъ едва ли было разграничено существенное отъ несущественнаго, догматъ отъ обряда. „Русь при Владимірѣ“ говоритъ г. А. Павловъ — принимала и потомъ въ теченіе вѣковъ содержала христіанство, какъ одинъ цѣльный культъ, въ которомъ народный смыслъ еще не могъ различать внутренней и внѣшней стороны, особенно, когда дѣло шло объ отличительныхъ пунктахъ греческаго и латинскаго христіанства..

Не въ догматахъ и не въ обрядахъ состояло коренное ихъ различіе, а въ жизненныхъ основаніяхъ самой церковности, въ характерѣ іерархической власти и ея отношенія къ христіанскому обществу. И это понимали у насъ уже въ XI вѣкѣ¹⁾

Изъ предложеннаго разсмотрѣнія этого посланія пр. Ѳеодосія о вѣрѣ Латинской нельзя не замѣтить, что и по характеру своему, и по стилю оно не подходитъ къ разобраннѣмъ нами поученіямъ къ инокамъ; значительно уступая имъ во многихъ отношеніяхъ, — что, впрочемъ, объясняется и самимъ назначеніемъ его какъ отвѣта кн. Ізяславу о такомъ важномъ предметѣ, какъ вѣра, оно все же не лишено для насъ историко-литературнаго значенія, какъ памятникъ полемической литературы XI вѣка. Среди одnorodныхъ ему литературныхъ памятниковъ этого времени посланіе пр. Ѳеодосія должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ, какъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и потому, что представляетъ первое полемическое сочиненіе, принадлежащее природно-русскому писателю. Всѣ же остальные полемисты-писатели XI вѣка (м. Леонтіи, м. Георгій и м. Іоаннъ II) были только русскими митрополитами, а по происхожденію были греки.

¹⁾ А. Павловъ. *Op. cit.*, стр. 5.

Насколько употребительно и популярно было это посланіе въ древней Руси, свидѣтельствуесть довольно значительное количество дошедшихъ до насъ списковъ его, а также и то обстоятельство, что лѣтописецъ несомнѣнно пользовался имъ, какъ однимъ изъ источниковъ при составленіи статьи подь 988 г. съ указаніемъ заблужденій Латинянь; совершенно основательно проф. А. Павловъ¹⁾ замѣтилъ, что источникомъ для лѣтописнаго обвиненія Латинянь относительно непочитанія иконъ и о начертаніи креста на землѣ служило слѣдующее мѣсто изъ посланія пр. Θεодосія: „и иконъ не цѣлуютъ, ни святыхъ мощей; и крестъ цѣлуютъ, лежаще, написавши на земли, а вѣставши попирають и погамн“²⁾ и др.

Въ виду всего этого приходится лишь высказать сожалѣніе, что этотъ драгоценный памятникъ не дошелъ до насъ въ подлинномъ видѣ, а существующіе списки не даютъ возможности возстановить первоначальный текстъ посланія.

Посланіе пр. Θεодосія къ В. кн. Изяславу о закланіи животныхъ въ воскресенье (недѣлю), и о постѣ въ среду и пятницу.

До насъ дошло еще одно посланіе пр. Θεодосія къ кн. Изяславу, посвящее, какъ и предыдущее, специальный характеръ отвѣта на предложенные княземъ вопросы. Вопросы эти касаются двухъ предметовъ: закланія животныхъ въ день воскресный, „еже есть недѣля“, и поста въ среду и пятницу. Такого рода вопросы занимали молодое христіанское общество вообще въ первые вѣка христіанства на Руси, когда и догматы, и обряды, и обычаи еще не были достаточно усвоены неофитами. Въ особенности вопросы о постѣ въ среду и пятницу были причиною продолжительныхъ споровъ, какъ у насъ, такъ и въ Греціи въ XI и въ особенности въ XII вѣкѣ. Сущность споровъ сводилась къ тому: отмѣщать, или же только ослаблять постъ въ среду или пятницу, когда въ эти дни приходятся праздники. По уставу бѣлеческому митроп. Георгія въ

¹⁾ Ibidem, стр. 17.

²⁾ Въ лѣтописи весьма близко къ этому: „вълѣзше въ церковь не поклоуются иконамъ... а напишеть крестъ на земли и цѣлуетъ... да легъ цѣлуетъ а вставъ попираеть“ (Лавр. си. г. 988, стр. 112).

среду и пятницу въ продолженіе всей пятидесятиницы постъ вообще ослабляется:

„Отъ паскы до всеѣхъ святыхъ поклонъ середній до пояса по 60 на день: а порозныя (праздничная) недѣля и въ среду и въ пятокъ мяса ясти бѣльцомъ, а чернцомъ дово и сыры и яйца и рыбы ясти... а въ преполовеніе праздника мяса ясти и русалная недѣля въ среду и въ пятокъ мяса ясти“¹⁾; и въ другомъ мѣстѣ: „Въ Петрово говѣніе все ни мяса ясти, ни дова, а поклоновъ до земли сто на день, кромѣ субботы и недѣли и Оснодскихъ праздникъ и Богородицы и 12 апостолъ: аще ся пригодитъ тѣхъ который день или въ среду или въ пятокъ, иѣсть поклона до земли, ни постъ“²⁾.

Однако, въ половинѣ XII вѣка епископъ Ростовскій Несторъ (въ 1157 г.) пожелалъ ввести порядки Константинопольскіе относительно поста въ среду и пятницу, болѣе строгіе, чѣмъ тогда существовали на Русѣ. Но его попытка встрѣтила сильное сопротивление, какъ въ лицѣ самого князя Андрея Боголюбскаго, такъ и со стороны народа: изгнанный съ епископской кафедры, онъ отправился къ константинопольскому патриарху Лукѣ Хрисовергу, который и прислалъ Андрею Боголюбскому правила относительно поста въ среду и пятницу. По этимъ правиламъ мясо въ среду и пятницу разрѣшалось лишь въ праздники Рождества Христова и Богоявленія; во все же остальные праздничные дни, случающіеся въ среду или пятницу, мірянамъ разрѣшалось лишь употребленіе въ пищу масла деревяннаго, овощей и рыбы³⁾.

Спустя нѣкоторое время, какъ повѣствуетъ лѣтопись подъ 1164 годомъ, явился проповѣдникъ новаго ученія о постѣ въ среду и пятницу, ученія весьма крайняго. Это былъ преемникъ Нестора, еп. Леонтій. Вотъ что говорится о немъ въ лѣтописи: „въ то же лѣто вѣта ересь Леонтіанская; Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому живу сущу, перехвативъ Нестеровъ столъ, поча Суждали учити не ѣсти мясъ въ

¹⁾ Уставъ митр. Георгія по изд. Голубинскаго, т. I. ч. II, стр. 509, п. I.

²⁾ Ibidem, п. II.

³⁾ См. у Голубинскаго. *Op. cit.*, т. I, стр. 403: Грамота же Луки Хрисоверга къ Андрею Боголюбскому напечатана у пр. Макарія въ прилож. № 2 къ III т. Ист. Ц.; въ этой грамотѣ патриархъ называетъ епископа Феодора: „божію благодатію достойна суща, яко и слава почтенна, и добродѣтелию свѣтящее, и смысломъ украшена, и свѣдающа право поставити и управливати порученное ему богомъ стадо“. Ibidem.

Господскіе праздники въ среды и пятки ии на Рождество Господне ии на Крещенье¹⁾. Однако, его пропаганда окончилась неблагополучно.

Приведемъ слова глгошиси по этому поводу: „и бысть тѣжа про то велика прѣд благовѣрнымъ княземъ Андрѣемъ и прѣдо всеѣми людьми и упре его владыка Феодоръ. Онъ же иде на исправленье Цесарюгороду и тамо упрѣтъ и Андрьянъ епископъ Болгарскый, передъ Цесаремъ Мануиломъ; стоящу цесарю товары надъ рѣкою, а Леону молвящу на цесаря, ударивша слуги цесареви Леона за шю и хотѣша и в рѣцѣ утопити“ „Се же, заключаетъ глгошисецъ, сказахомъ вѣрныхъ дѣля людей, да не блзняются о праздницѣхъ Божьихъ“²⁾

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно для характеристики происходившихъ въ XI—XII вѣкѣ споровъ и несогласій по поводу соблюденія поста въ среду и пятницу. Этому же вопросу отчасти касается и пр. Θεодосій въ разматриваемомъ нами посланіи, а какого мнѣнія онъ держался въ этомъ вопросѣ, мы увидимъ ниже, при изложеніи содержанія посланія.

Открытое, какъ и предыдущее, пр. Макаріемъ, посланіе это извѣстно намъ по двумъ редакціямъ: по Сборнику Новгород. Соф. 6-ки № 522, XV—XVI в. (л. 100) и по Паисіевскому Сборнику Кирилло-Бѣлозер. монастыря XIV—XV в. № 410; оба эти текста, изданные пр. Макаріемъ³⁾, представляютъ лишь незначительныя отличія одного отъ другого, и могутъ считаться двумя списками одной и той же редакціи; начало посланія въ обоихъ спискахъ слѣдующее: „Въспрошанье Ізяславле князя сына Ярославля, внука Володимеря, ігумена Θεодосья Печерьскаго монастыря. Что возмыслилъ еси, Боголюбивый княже, воспрошати мене, пекнижна и худа о таковой вещи“... и далѣе непосредственно пр. Θεодосій переходитъ къ первому вопросу, о закланіи животныхъ въ день недѣльный и объ употребленіи въ пищу мяса въ этотъ день.

Замѣтивъ предварительно о томъ, что воскресенье не есть собственно „недѣля“, какъ его обыкновенно называютъ, а лишь первый день недѣли, въ который воскресъ Іисусъ Христосъ, точно такъ, какъ понедѣльникъ есть второй день, вторникъ—третій и т. д., пр. Θεодосій объясняетъ происхождение празднованья субботы у Іудеевъ.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 1064 г., стр. 334.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ По Паисіев. Сб. въ Сочин. пр. Θεодосія. *Op. cit.*

По Сб. Нов. Соф. 6-ки въ приложеніи № 4 II-го тома Ист. Церкви.

какъ дня, въ который Богъ окончилъ все дѣла свои. По закону, данному Богомъ чрезъ Моисея во время сорокалѣтняго пребыванія Израильтянъ въ пустынь, полагалось праздновать день субботній и въ этотъ день не разрѣшалось дѣлать что либо, ни огня разводити, ни рѣзать животныхъ, а все готовить наканунѣ, въ пятницу. Это исполняется Израильтянами и по сей день — замѣчаетъ пр. Феодосій. Но когда сошелъ Господь на землю—„Жидовская вся умолкоша“. Мы уже не „чада Авраамля“, но чрезъ крещеніе стали чадами Христа Бога нашего и крещеніемъ же очистились отъ грѣховъ. А если кто скажетъ тебѣ,—продолжаетъ пр. Феодосій, обращаясь къ князю, что въ недѣлю нельзя рѣзать животныхъ—то скажетъ онъ это не на основаніи Св. Писанія, а „отъ своего сердца“. Рѣзать же въ недѣлю животныхъ не грѣшно, и не запрещается, но если завести обычай рѣзать въ субботу, а ѣсть въ недѣлю—то это будетъ явное жидовствованіе.

Вслѣдъ за этимъ пр. Феодосій переходитъ и къ другому вопросу о постѣ въ среду и пятницу. „Ректъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и въ пятницу не ясти мясо: добро ли есть? Добро и velmi полезно, и не я сего завѣщаю, но Божественній святій Апостоли“ И далѣе передаетъ, въ чемъ именно, по правиламъ апостольскимъ, состоитъ постъ въ эти дни, и по какому поводу онъ установленъ: въ среду и пятницу міряне должны воздерживаться отъ мяса, а монахи и отъ сыра: постъ въ среду установленъ „понеже совѣтъ створиша Жидове на Христа“, а въ пятницу „понеже распяша Господа беззаконьници“. Но если князь рѣшилъ воздерживаться отъ мяса въ среду и пятницу „вины“ ради какой либо, или „напастн ради“ то долженъ уже исполнять это, хотя христіанинъ не долженъ связывать себя безъ своего духовнаго отца. Впрочемъ, есть еще другое Апостольское преданіе, по которому полагается Праздники Господскіе, Богородичны и 12 Апостоловъ проводить свѣтло въ духовномъ празднованіи, и питать убогихъ отъ избытковъ своихъ. „И такъ какъ ты меня спрашивалъ объ этомъ, —говоритъ въ заключеніе пр. Феодосій, —то я говорю тебѣ: если ты связанъ отцемъ духовнымъ отъ употребленія мяса въ среду и пятницу, то отъ него же и получи разрѣшеніе; если же самъ зарекася —то Богъ проститъ тебя меня ради; но когда въ среду или пятницу прійдется какой либо Господскій или Богородичный или 12 Апостоловъ праздникъ, то ѣжь мясо“ Намъ не должно удивлять, что въ этомъ посланіи трактуется о такихъ элементарныхъ вопросахъ, незнаніе которыхъ, съ нашей точки зрѣнія, немисливо для Великаго князя. Это посланіе, равно какъ и предыдущее, свидѣтельствуетъ о значеніи пр.

Феодосія для кн. Изяслава, какъ духовнаго отца, къ которому, какъ человеку свѣдущему, онъ обращался за разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ въ дѣлѣ религіи. Вопросы о вѣрѣ Варяжской, о закланіи животныхъ въ день воскресный и о постѣ въ среду и пятницу были одинаково неизвѣстны Великому князю, образованіе котораго, какъ и образованіе въ то время князей вообще, сводилось лишь къ обученію грамотѣ и чтенію житій и поученій святыхъ¹⁾. Такія образованныя личности, какъ Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ были явленіемъ рѣдкимъ; и образованности своей достигли они благодаря своей личной любви къ просвѣщенію и личному труду. Смутное же время княженія Изяслава не давало возможности князю, занятому междуусобицами и борьбою съ внѣшними врагами, пополнить пробѣлы своего образованія. Сообразно съ этимъ и пр. Феодосій предлагаетъ простое объясненіе вопросовъ, излагая исторію и причины празднованія христіанами воскресенья (педѣли), свреями- -субботы, и поста въ среду и пятницу. Почему именно кн. Изяслава занималъ вопросъ о томъ, можно ли рѣзать животныхъ въ воскресенье, дать положительный отвѣтъ затруднительно. Несомнѣнно здѣсь замѣтно вліяніе Жидовской пропаганды; и если Жидовское ученіе проникло и въ стѣны монастыря и заразило Никиту затворника, то оно могло также и проникнуть въ княжескія палаты. А что пропаганда ихъ была въ то время развита, видно изъ того, что и самъ пр. Феодосій по ночамъ „отца всѣхъ“ ходилъ къ Жидамъ, чтобы укорять ихъ и называть отметниками и беззаконниками.

Въ вопросѣ о постѣ въ среду и пятницу пр. Феодосій держится умѣренныхъ требованій, запрещая, въ силу Апостольскихъ постановленій, мірянамъ ѣсть въ эти дни мясо, а монахамъ и сыръ. Въ праздники же постъ совершенно онъ отмѣняетъ для мірянъ. Очень быть можетъ, что такое послабленіе сдѣлано было для князя только, потому что вообще не было опредѣлено, по случаю какихъ праздниковъ отмѣнять постъ въ среду и пятницу. вслѣдствіе чего происходили частыя несогласія. Такъ въ лѣтописи подъ 1168 годомъ говорится о митрополитѣ, который запретилъ игумену Печерскому

¹⁾ Объ обученіи Бориса и Глѣба мы читаемъ въ Житіи: „Пусти же благовѣрный князь с-ны своя кождо на свою область имѣ самъ, а с-ту сего Бориса и Глѣба у себе держащу. Занеже іединаче дѣтеска бѣста. Бѣ же глѣбъ велии дѣтескъ, а умъ старъ, а блаженные борисъ въ разумѣ сы исполнь бл-гти б-жни. взимае бо книгъ и чтише. баше бо и грамотѣ научень. чтише же житіа и ученіа с-тх. и гл-ше моляся со слезами“.

Поликарпу ѣсть масло и молоко въ среды и пятки въ Господскіе праздники; тотъ же митрополитъ и черниговскій епископъ Антоній „многажды браняшеть и князю черниговскому ѣсти мяса въ господскіи праздники“¹⁾. А между тѣмъ въ посланіи м. Никифора о латынѣхъ въ числѣ Латинскихъ золь находится слѣдующее: „А се иное зло: аще ключится въ субботу или среду ли в пятюк Рожество Христово, ли Богоявленье, ли Господскій праздникъ поста не разрѣшаютъ, но акы жалѣють жениху сущу съ тѣми (у Мак. т. II прил. 9)“. Такой произволъ митрополитовъ и епископовъ объясняется лишь отсутствіемъ опредѣленныхъ постановленій касательно этого вопроса. Поэтому и разрѣшеніе поста въ праздники, какое мы находимъ у пр. Феодосія, не можетъ имѣть значенія общаго постановленія. Отмѣтимъ одну бытовую черту, встрѣчающуюся въ этомъ посланіи. Мы имѣемъ въ виду указаніе на существованіе добровольной энтимиі, которую налагали на себя „внии коея ради“ или „напастн“ Пр. Феодосій говоритъ, что самъ человекъ не долженъ безъ духовника подвергать себя энтимиі, хотя бы и такой, какъ постъ по средамъ и пятницамъ. Лѣтописецъ не занесла на свои хартии примѣровъ подобнаго рода благочестія у древне-русскихъ князей, хотя часто отмѣчаетъ личностей, выдѣлявшихся своимъ благочестіемъ, но почти обо всѣхъ ихъ мы встрѣчаемъ одни и тѣ же похвальныя характеристики: „быль украшенъ всякою добродѣтелью, любовь имѣль ко всѣмъ, особенно прилежалъ милостынѣ, дарилъ на монастыри, утѣшалъ черноризцевъ, не щадилъ имѣнія своего, но раздавалъ его любимой дружинѣ и на пользу души своей“ [Изъ лѣтописи о Святославѣ Ростиславичѣ († 1172 г.) и его братѣ Мстиславѣ † 1179]. Относительно же кн. Изяслава, убитаго на Нежатинѣ Нивѣ, лѣтописецъ повѣствуетъ съ особеннымъ чувствомъ, характеризуя его, какъ человека съ незлобивымъ нравомъ, любящаго правду, человека съ простымъ умомъ, и не воздающаго зломъ за зло. Отмѣчая особенную черту его характера—любовь къ ближнему, лѣтописецъ замѣчаетъ: „О сяковыхъ бо Господь рече: да кто положитъ душу свою за други своя“ (Лѣт. по Лавр. си. подъ 1078 г.).

Несомнѣнно, что различныя внутреннія смуты и неудачи, причиною которыхъ были отчасти и самъ Изяславъ, тяжело ложилась на сердце князя, и онъ въ добровольномъ воздержаніи и въ постоянномъ благочестивомъ общеніи со своимъ любимымъ пр. Феодосіемъ находилъ средство къ облегченію душевныхъ страданій. Отъ

¹⁾ Лѣтоп. по Лавр. си. подъ 1168 г., стр. 336.

этого воздержанія, быть может и чрезмѣрнаго, пр. Θεодосіи освобождаетъ его отчасти тѣмъ, что разрѣшаетъ по праздникамъ въ среду и пятницу вкушать мясо

Молитвы пр. Θεодосія.

Обзоръ сочиненій пр. Θεодосія мы считали бы не полнымъ, если бы не сказали нѣсколькихъ словъ еще объ одномъ родѣ литературныхъ произведеній—о молитвахъ, составленныхъ нашимъ игуменомъ. Намъ извѣстны лишь двѣ молитвы, изъ которыхъ только одна дошла до насъ въ полномъ видѣ, именно: „Молитва Св. Θεодосія Печерскаго за вся христіаны“, сохранившаяся въ Хартеинной Псалтыри 1296 года¹⁾; другая же, написанная по просьбѣ варяжскаго князя Шимона, такъ называемая, разрѣшительная молитва сохранилась лишь отчасти, такъ какъ невозможно установить, та ли это молитва, которая и въ наше время читается надъ умершимъ и вкладывается ему въ руки, и приписывается въ печатныхъ требникахъ пр. Θεодосію, или же это была иная. Въ новѣйшее время на XI Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ (Августъ 1900 года) въ сообщеніи А. С. Раевского о Часословѣ библиотеки Ярославскаго Архіерейскаго дома XIII-го вѣка, было указаніе на находженіе въ этомъ памятникѣ, между прочимъ, молитвы пр. Θεодосія „о вѣрныхъ“, а также и другой, надписанной именемъ Іоанна Златоустаго, въ концѣ которой имѣется упоминаніе о „Θεодосіи, написавшемъ молитву сію“. Авторъ сообщенія высказывался за принадлежность этой молитвы нашему писателю XI вѣка на основаніи этого упоминанія о немъ. Не имѣя возможности ближе провѣрить высказанныя авторомъ соображенія, хотя бы до выхода въ свѣтъ Трудовъ Съѣзда, гдѣ сообщеніе вѣроятно будетъ помѣщено въ полномъ объемѣ, мы не рѣшаемся высказать свое мнѣніе по этому вопросу за отсутствіемъ какихъ либо данныхъ, такъ какъ одного только упоминанія о Θεодосіи, „написавшемъ сію молитву“, совершенно недостаточно для какихъ бы то ни было выводовъ. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ остается до поры до времени открытымъ.

Молитва пр. Θεодосія о ~~всѣхъ~~ христіанахъ представляетъ образецъ тихаго, смиреннаго, краткаго обращенія къ Человѣколюбцу

¹⁾ Напечатано у Буслаева „Палеогр. и филолог. мат. для ист. писемъ Славянъ“, стр. 29, и у пр. Макарія въ Сочин. пр. Θεодосія Ор. cit

Богу, первообразомъ которой была молитва смиреннаго Мытаря. О чемъ могъ молиться смиренный игумень? Какъ христіанинъ и пастьрь стада Христова, онъ молится объ обращеніи ко Христу язычниковъ, которыхъ еще много было въ то время; но христіанскому милосердію онъ проситъ объ избавленіи отъ страданій всѣхъ заключенныхъ въ оковахъ и темницахъ о всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Будучи самъ подвижникомъ, онъ проситъ у Бога крѣпости къ подвигу всѣмъ затворникамъ, столпникамъ, пустынникамъ, „братіямъ нашимъ“; какъ гражданинъ, онъ молится о князѣ, городѣ и всѣхъ живущихъ въ немъ; и какъ лицо духовное, онъ молится о епископѣ, о братіи, о пресвитерахъ, діаконахъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Помолясь о живыхъ, онъ переходитъ къ умершимъ и проситъ Бога о прощеніи грѣховъ ихъ и о упокоеніи ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ оградѣ благого рая и жизни безконечной.

Всѣ эти прошенія такъ гармонируютъ съ общимъ обликомъ нашего игумена, съ полною ясностью и рельефностью предстоящаго нашему воображенію, съ его кроткимъ взоромъ, чистымъ сердцемъ, и безконечною любовью къ ближнему.

Подводя итоги всего нашего изслѣдованія о сочиненіяхъ пр. Феодосія, мы должны указать нѣкоторыя перемѣны, происшедшія въ самомъ составѣ ихъ. Перемѣны эти слѣдующія: 1) Два поученія къ народу русскому „о Казняхъ Божіихъ“ и „о чашахъ тропарныхъ“, не безъ основанія заподозрѣнныя нѣкоторыми предшествовавшими изслѣдователями, исключены нами изъ числа сочиненій пр. Феодосія на основаніи предложенныхъ нами соображеній.

2) Но, исключивъ эти два поученія, мы восполнили объемъ сочиненій пр. Феодосія включеніемъ въ составъ ихъ двухъ очень важныхъ и интересныхъ (особенно второе) поученій, еще намѣченныхъ почтеннымъ и глубокимъ ученымъ А. Востоковымъ.

Такимъ образомъ, объемъ сочиненій пр. Феодосія опредѣляется слѣдующими цифрами: семь полныхъ поученій къ инокамъ; нѣсколько незначительныхъ по объему, но важныхъ по содержанію, отрывковъ изъ поученій къ инокамъ и, быть можетъ, къ народу русскому; одно поученіе къ келарю; два посланія къ Изяславу; (недошедшее до насъ посланіе къ кн. Святославу); и двѣ молитвы, (изъ которыхъ одна въ полномъ видѣ, другая же въ отрывкѣ, приведенномъ у Симона, въ сказаніи о Печерской церкви).

Но особенно важна, по нашему мнѣнію, перемена касательно вопроса о поученіяхъ пр. Θεодосія къ инокамъ. Какъ мы уже сказали, нами найдены новые списки этихъ поученій, извѣстныхъ до позднѣйшаго времени лишь по списку № 406 Сборника Румянцевскаго Музеума. Уступая Румянцевскому списку въ сравнительной древности, Сборники 6-ки Кіево-Печерской Лавры № 47, 48 и 49 имѣютъ то преимущество, что тексты въ нихъ весьма исправны и оказываютъ существенную пользу въ исправленіи текстовъ поученій пр. Θεодосія къ инокамъ.

Да и то обстоятельство, что именно въ Кіево-Печерской Лаврѣ они найдены, говоритъ, какъ бы, о Промыслѣ, хранившемъ творенія пр. Θεодосія въ той именно обители, гдѣ и некогда подвизался, въ трудѣ, бдѣніи и пощени онъ самъ, поучая и наставляя братію на святое подвижаніе.

Прошли вѣка; на томъ мѣстѣ, гдѣ некогда стояла деревянная церковь надъ пещеркой пр. Θεодосія, выросъ цѣлый городъ. Исполнилось одно изъ желаній пр. Θεодосія. Но слова, эти огненные слова, которыми онъ побуждалъ братію не тѣниться о своемъ подвигѣ, мертвою буквою лежатъ въ запылявшихся рукописяхъ¹⁾. Думается, что и теперь еще поученіе пр. Θεодосія о терпѣніи и о смиреніи могло быть произнесено, и призывъ „Подвизайтесь трудн, да примете вѣнецъ терпѣнія вашего“! заставилъ бы встрепенуться нѣкоторыя сердца.

Мы закончили наше изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ пр. Θεодосія. Скажемъ теперь последнее слово о немъ, какъ писатель вообще, какимъ представляется намъ онъ теперь, воздвигнутый изъ мрака протекшихъ столѣтій, какъ забытый свѣточъ, который некогда освѣщаль „всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“. Глядя съ высоты девятнадцати вѣковъ на открывающуюся передъ нашимъ взоромъ историческую перспективу, мы пробѣгаемъ мимо явленій и личностей второстепенныхъ, останавливая лишь вниманіе на выдающихся, характеризующихъ собою эпоху.. Ихъ не много, и надъ всѣми ими возвышается Голгофа съ померкнувшимъ солнцемъ и Распятымъ на крестѣ, давшимъ названіе обновленной исторіи—христіанской.. Среди нихъ мы можемъ замѣтить и преп. Θεодосія, ко-

¹⁾ Нельзя однако не упомянуть, что въ настоящее время стараніями библиотекаря іеродіакона Димитрія рукописный отдѣлъ библиотеки приведенъ въ надлежащій порядокъ, но доступъ къ нему весьма затруднителенъ, такъ что нельзя не быть признательнымъ о. Димитрію, разрѣшавшему намъ работать по рукописямъ у него въ келіи.

торый, являясь выразителемъ и носителемъ идеаловъ своего времени, былъ тѣмъ, чѣмъ могъ быть „небесный человѣкъ и земной ангель“ .. Вся его жизнь была проста, какъ просты были его одежды и его поученія; но во всемъ этомъ преслѣдовался высокій, недостижимый для многихъ идеаль правственнаго совершенства. Онъ не былъ „лѣнивымъ рабомъ, скрывшимъ талантъ свой въ землѣ“, а выполнилъ опредѣленное ему высокое служеніе и почилъ, совершивъ „въ предѣлахъ земныхъ все земное“. Такой человѣкъ можетъ быть названъ великимъ, а память о великомъ живетъ вѣчно въ исторіи своего народа. Но какъ далекъ былъ скромный великій зиждитель христіанской культуры на Руси отъ того, чтобы сказать: „Exegi monumentum aere perennius“!

В. Чаговецъ.

*29 октября
1899 г. Кіевъ.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Поученія преп. Θεодосія по сборнику № 406 Румянцевскаго Музеума съ дополненіями и разночтеніями по сб. № 47 б-ви Киево-Печерской Лавры.

Въ срѣ г не по сло стго фивіа на часѣ
ѡ терпѣніи и ѡ любви гди блви

- л. 103. Чтò вносимъ¹ любвици мои блви
рѣ съ. или чтò имамъ² изнести, не
ѡстанхѡли мира и іаже блврѣ
заповѣди³ хѣы глабшаго. иже⁴ въ
знавидитъ всего. и послѣдѣ
стми, нѣли оучнкѣ и пакы и
ма аще любитъ и слово мое съхра
нитъ⁵. и иже дшѣ свою погоуен
мене рѣ ѡбращитъ ю и любви бжи
и не въ словесѣхъ⁶ съвршашетсѣ
но въ дѣлѣхъ⁷ дѣтланѣ. рѣ бо⁸
иже прѣкоудитъ въ заповѣдѣ мои⁹
- л. 103 об. азъ вълюблю и іакже емѣ самъ.
заповѣко новоу даю вѣ да любите
дѣдрѣга іакже и азъ вълюбѣ
вѣ. и постѣмъ⁹ разоумѣютъ вси

Примѣчанія, относящіяся къ разночтеніямъ или объясненіямъ текста по сравненію со сборникомъ Киево-Печерской Лаврской бібліотеки № 47 по каталогу, отмѣчаются арабскими цифрами. 1—вносохомъ; 2—намъ вм. имамы; 3—по заповѣди; 4—иже не; 5—аще ли мя любитъ, слово мое да сохранитъ; 6—пропускъ—противныхъ (словесѣхъ); 7—дѣлесѣхъ (?); 8—рече бо спасъ; 9—паки о семъ

ІАКО МЕН ОУЧНИЦИ СЪСТЕ. АЩЕ ЛЮБОВЬ
 ІМАТЕ МЕЖЮ СЕБОЮ. ДА АЩЕ ХРАНИ
 ЗАПОВѢДИ ЕГО, И ШИЖЪ ВЪЗЛЮБИ НА
 РЕ БО ІСЪ ВЪ ШНО. ДОЛЗѢМЪ И НѢЩНОМЪ
 НАКАЗАНИИ. КЪ ІУДѢ СКАРІШТОУ¹⁰.
 ГЛАВШЕМОУ КАКО Е ІАКО НАМЪ ХОЩЕ
 НИИ ІАВЕНТИ А НЕ ВСЕМОУ МИРЪУ. И ШВѢ
 ЦАВЪ ІСЪ И РЕ СМОУ. АЩЕ КТО СЛОВО
 МОЕ ВЪЗВГЛѢТЬ¹¹. И ШЦЪ МОИ ВЪЗЛЮ
 БИТЬ И, И КЪ НИМЪ ПРИДѢВѢ, И ШЕН
 ЧЕЛЪ Б¹² НЕГО СЪТВОРИВѢ. А НЕ ЛЮБА
 И ЛИНЕ И СЛОВЕСЪ МОИ НЕ ХРАНИТЬ. А
 ЗЪ БО СЕМЪ ВИНСГРА ИСТИНЫИ, И Ш
 ЦЪ МОИ ДѢЛАТЕЛЬ СЪТЬ, И ВЕЛКА ЛО
 ЗА НЕ ТВОРАЩИИ ПАСДА Ш ЛИНѢ ПОСѢ
 КАСЪТЪ А ТВОРАЩИИ ПЛО ШТРЕБЕИ
 ЧЕЛЪ ДА БОЛИИ ПЛО СЪТВОРИТЬ АЩЕ БО
 КТО БО ЛИНѢ НЕ ПРѢБОУДЕТЬ И ИЗКЕ
 РЖИТЕЛЪ КОНЪ. ІАКОЖЕ И ЛОЗА СЪХИ
 И СВЕНРАЮТЬ Ю И ВЪ ШГНЬ ВЛАГАЮТЬ
 А СВГАРАСЪТЪ ТАКОЖЕ И МЫ ШЦИ МОИ
 И БРАА. АЩЕ ПОТЩИНАМЪ ЗАПОВѢДИ
 ЕГО ТВОРИТИ¹³. ДА¹⁴ СЛОВЕСА ЕГО ВЪ НА БОУ
 ДЪТЬ И ПЛО СЪТВОРИМЪ. Ш СЕМЪ БО РЕ
 ПРОСЛАВИМЪ ШЦЪ МОИ, ДА ПЛО МНОГЪ
 СЪТВОРИТЕ И БОУДЕТЕ МЕН ОУЧНИЦИ
 И КТО НЕ ОУДНИЧЕЛЪ ВЪЗЛЮБИНИИ
 ІАКО БОУ ПРОСЛАВИТИСЯ НАШИИМИ ДѢ
 ЛЕСЫ. И КОЛКА НА НА ХОУДЪ ЛЮБИ ЕГО
 ИЗЛІАСА. ІАКОЖЕ БО РЕ ВЪЗЛЮБИ МА
 ШЦЪ, И АЗЪ ВЪЗЛЮБИ ВЪ БОЛИИ СНА
 ЛЮБИ НИКТОЖЕ НЕ ІМАТЬ. ДА КТО

10 — ко Іудѣ не (?) искаріотскому; 11—соблюдеть; 12—у в. в.; 13—сотвори
 14—то в. д.;

ДѢШЬ СЕБѢ ПОЛОЖИТЬ ЗА ДРУГИ СВОА.
 БЫ БО РЪЧЕ БѢТЕ ДРОУЗН МОИ Н ЧА СЛЫ
 ШАСТЕ НАМЪ ОУБОГЫМЪ НАЦѢМЪ
 ДОСТОИТЬ ДАВЖНЫМЪ БЫТИ. НЕ
 СРЪДЪ АНЪ ВЪ НАСЪ ГОРИТЬ И¹⁵ ЧА ВСА СЛЫ
 ШАЩЕ НАМЪ¹⁶ НИМАЛО ѿ СВѢБСТИ
 СВОРА ВЪКЛОНИЮЩИМЪ. ЧТО БО
 ДОБРО СТВОРИХО БМОУ ДА НА НЪЗЕ
 БРА НДЕДЕ НЫ¹⁷ ѿ МАЛОКРЕМНИИ
 ГО ЖИТІА СГО. НѢ ВСИ¹⁸ ОУКЛОНИСА¹⁹
 л. 104 об. И НЕКЛОНИМИ БЫХО РАБОТАТИ БМЪ
 НЕ ВЪ СЛѢ АНЪ ПОХОТИИ СЕИ НДОХЪ
 И ѿНЪ НЕ ПРИЗРЕ НА. ВЪ ТОЛЦѢ
 ЗАБЕ СОУЩИМЪ²⁰ НИ ВЪЗГНѢШАСА.
 БСТА НАШЕГО, И ВЪИРІИМЪ РАБІ
 И ѿБРАЗЪ ОУПСКНЕСА НАМЪ. И ВСА
 ЧА СТВОРИ ДА МЫ СПИИ БСУДЕМЪ.
 ГЛШЕ БО ВСА БАНКО ТВОРАТЬ ВАМЪ
 ЧЛЦИ И КЫ ТВОРИТЕ НАМЪ ТАКОЖЕ.
 И ВСАКОМУ ПРОСАЩЕМОУ ВЪ²¹ КАСЪ
 ДАИТЕ. И ВЪЗАТИ²² ХОТѢЩИМЪ ОУ ЧЕ
 БЕ²³ НЕ ѿВРАТИТЕ. И БОУДИТЕ СВЕРЪ
 ШЕНИ ІАКО ѿЩЕ МОИ СВЕРШИНЪ БСТА
 АКО СІАГЪ СЛЦЕ НА ЗЛЫА И НА ДОБРА
 ІА ТАКОЖЕ И ДОЖИТЬ, НЕ ЧОКАМО
 НА РАБЫ СВОА НО И НА СЯПОСТАТЫ²⁴
 СКОІА. И НЕ СЕБЕ БО РАИ СНИДЕ СЛОВО КЪЖІ
 Б НА ЗЕМЛЮ НО КЪБЪ РАДИ И ЗА ВСА ПО
 СТРАДАТИ СМРТЬ ВЪСПРІАТЬ.
 И ПЕТРОВИ БО НѢКЪГДА ВЪ ѿБРЕЗА
 НИЦѢ²⁵ ПРЕБЫВАЮЩА И С ЧѢЛИИ ІАДОУ
 ЩА. А ИНОІАЗЫЧНИКЪ ГНѢШАЮЩЕСА.

-безъ в; 16—и ни мало; 17—изведенныхъ (?); 18—не вси ли; 19—уклонихомся
 -сущихъ; 21—у вл. въ; 22—заяти; 23—у васъ; 24—враж.; 25—со іудей;

не свѣснѣ²⁶ ѣмоу гѣ²⁷ своудѣ неѣкакѣ
 л. 105. полна еѣща нечистѣи гѣ. и гѣше ѣмѣ
 заколи и ѣажь. и что же рѣ петръ гѣ
 николиже нечисто не вниде въ оу
 ста мога. и что протнвоу тѣмоу
 сѣслыша рѣ бо²⁸ ѣже въ ѣчисти чѣкъ
 да не ѣсквернавнть²⁹. и боу тако съ
 творѣшоу, и тако повелѣющѣ ра
 боми своѣи к годы свога. и како ѣзъ
 могоу грѣшныи и недостѣиным
 рабѣи вашѣи. протненикъ боу кыти.
 ѣномоу ѣ мнѣ тако творѣшѣ.
 трость бо не пишеть сама ѣще не
 боудеть пишущаго еѣ. ниже про
 славитъ сѣкыра безъ сѣкѣщаго
 еѣ сами бо вѣстѣи браѣ мога и ѣщѣ.
 ѣако не ѣзъ посла проповѣдннкѣ сво
 ѣхѣ. дага кѣмѣ покаанѣе но ѣцѣ
 жнкыи въ кышнѣи. послакыи еѣди
 порогаго³⁰ сна своѣго за ѣзбавнѣе всѣ
 мира. тѣмѣже браѣ мога дрѣжаще
 межѣи собою любовѣ истинноу. и въ
 спрѣимѣмѣ бл҃гаго бл҃ нашего законѣ
 чистѣи. и заповѣди³¹ еѣго непорочны
 л. 105 об съблюдеми. тѣрѣжающѣи въ бдѣ
 нѣи³² и въ мѣнткѣи молащѣи за всѣ
 мнѣи всѣхъ прѣстани. да тѣмѣ
 полуучѣи цѣркви неѣсе. ѣ хѣи ѣсѣ
 гѣи нашѣмѣ емоу:

26—не свѣснѣ ли; 27—снасть; 28—пропущено; 29—осквернитъ; 30—единочаднат
 31—обѣты наша; 32—въ бдѣнни постѣ;

стго фѣѡсѣа ѡ трѣпѣніи
и ѡ любви. и ѡ постѣ. гн блѣ.

Многажѣ друзѣи ѡгонни мию и
жоушенїа ради а неѡстанѡутса
дондеже полоучатъ стѣи тѣ да
рѣ. то что створю не кѣм' оубо
гын. аще бо смолчу вашиго ради ро
питанїа оубожаа камѣ вашиа радї
слабости то каменїе възпѣтъ
не азъ бо то глѡ. нѣ² ѡнн³ свѣтилаа все
ленїаа вса. истиннїи стлѣпи пра
внаа бѣры ксадицеса. настанї
ниа ксамоу доброму блгоправїю.
кожи истиннїи. и свѣтила⁴ нега
сѡщала⁵. нынѣ бо печалѡуѡмъ и ско
ренѣмъ ѡ ннѣ⁶ бгѡвидѣнїи⁷. ѡнѣ
м же бѣ намѣ радокатнеса. и хвалѡ
вздати блгомоу блцѣ. иже кѣ пе
л. 106. рѣи надесѣ ча. пришѣшїи не похвал⁸
и ѡпожїнїа. но тоужѣ мздоу дарс
ва намѣ юже изъ оутра дѣлакшїи⁹.
рѡпїющи⁹ бо на винограднаго блкѡ¹⁰.
дрѡже не ѡбнжю тебе. не тако ли
свѣщїа¹¹ с тобою. и не лѣтлїи ми
вѣ скѡ¹¹ іакоже хошю. ннѣ⁶ же азъ
хоудыи кѣ оумѣ прїемѣ заповѣ
бл҃гаго бл҃гы еї вѣщаю вамѣ лѣ
по бо блше намѣ ѡ трѣдскѣ скѡ¹¹
крѣмити оубогїа и страннїа.

1—не вѣде; 2—но; 3—неугасающая; 4—оба слова пропущены; 5—ѡ ѡнѣхъ;
іагаго видѣнїа; 7—не похвали; 8—и тяготу зноя дневнаго повесшимъ; 9—роп
нимъ; 10—что рече; 11—въ своихъ си. іакоже хошу;

а не празнымиъ пребывати. прѣ
 ходити ѿ кѣліи въ келію. слыша
 есте бо пелага іако нигдѣже чѣ
 ни хлѣба не іадо. но ношѣ дѣлаше
 а въ днѣ проповѣда и рощѣ мои
 послужниста сн мнѣ и инѣмъ. и
 пакы празныи¹² да не іастъ. мы ни
 чеже того не сткорихомъ. аще бы
 не блгѣтѣ бжїа приспѣла¹³ на нѣ. и крѣ
 мила бголюбивымъ члкы¹⁴ что бы
 хѣ створили на своа грѣды зрѣ
 ши да аще рѣмъ пѣнїа рѣ нашего. или
 л. 106 об. поста рѣ. или едїенїа. та намъ вса
 приносятъ и за всѣхъ бо за принеса
 щїхъ. ни единою поклонимса. слыша
 есте бо притчу. ѿ десяти дѣв* моу
 рѣхъ а і несмыслены. кѣшваѣтъ
 бо стое еѵагїе¹⁵ мрѣна же дѣстѣа
 свелюдоша. и свѣтланикы своа
 оукрашиша. мѣтнали и вѣрали¹⁶
 и внидоша въ чрѣтогъ радостны.
 и никомоу не възвѣрающю и
 ѿны же боѵаиа како нарѣкошася
 понеже дѣствинноу печатъ свк
 людоша неразумоу. и впощенїи
 и въ едїенїи въ мѣтвѣ стончиша¹⁷
 плоть свою. масла же и¹⁸ мѣтнїи не
 принесоша въ свѣтланицѣхъ свохъ
 дїшъ. и того рѣи изгнани быша и
 съ чрѣтога. и тогда възыкаша про
 дающїи мѣтна нищїи.¹⁹ но не ѿверѣ

12—хлѣба; 13—присѣтила насъ; 14—это и предыд. пропущено; 15—вѣщаетъ.
 Евангелїе яко пять бѣ мудрыхъ, а пять несмысленныхъ; 16—и вѣроу; 17—исто
 чиша; 18—„и“ вѣтъ; 19—внѣ; *—пять мудрыхъ;

- ТОША. ОУЖЕ БО ЗАТВОРИШАСА ДВѢ
 РИ ЧАКОУЮЕІА ЕЖІА ДА НЕ ЛѢПО НА
 БѢТЬ ВЪЗАВЕЛІНІИ. ПОСЫЛАЕМѢ
 Ѡ БѢ НА ПОЛЗОУ ДѢШАМЪ И ТРАСѢ
- л. 107. НАШНАКЪ. Ѡ БОГОУКОНЕВѢІ ЧЛКЪ ОУДЕ
 РЖАТИ СЕБЕ²⁰ НО И ИИѢМЪ ПОДААТИ
 ТРѢБОУЮЩИМЪ. ЛОУЧИ БО РЕ АПѢ
 ДАІАТИ НЕЖЕЛИ ВЪЗМАТИ. БЛЖНЬ
 РЕЧЕ РАЗОУМѢСАИ И НА НИЩА И ОУБО
 ГА. БЪ ДНЬ ЛЮЧЕ ИЗБАКИТЬ И Г. И
 ПАКЪ БЛЖНІИ МАТИВНИ ІАКО ТИ ПО
 МНОГОБИ БОУДУТЬ. ДА НЕ ОУПО
 КИЛСА ѠНѢМЪ РОПТНЫМЪ ИЖЕ
 ЧРѢКА РА ПАДОША ВЪ ПУСТЫНИ
 НИ ПОМЫШАЕМЪ ЕККОВІКІИ. ПО
 МЫШАІНІИ. ИЖЕ КСѢВАЮТЬ ВЪ СРЦА
 НАША НЕПОЕНАА. НЕДАЮЩЕ НАМЪ
 ХВАЛЫ ВЪЗДАТИ БОУ. Ѡ КСѢХЪ
 БЛГТѢ ІГО БЖЕ К НАМЪ. СЛЫШИТЕ
 БО ВЪ ЧТО ИЗЫДЕ РОПТАНІЕ ѠНѢХЪ
 НЕ ПЕРЕБЕ АИ БГДА ВЕДАШЕ ІА МОИ
 ІИ КЪ МОЮ ЧРЛИНОМУ. И СТОЛПО
 ѠГНЬНЫМЪ ѠБЛАЧНОМЪ²¹ И ѠНИ ЗА
 БЫКШЕ ѠНѢХЪ КАЗНИ И БЛНКО СЪ
 ТКОРН ІМЪ КЪ ВЪ БІВІПТѢ МОИѢ
 ѠМЪ И ААРОНОМЪ. НЕ КЪЗПІНА АИ
 НА МОИСТІА ЧТО ИЗБЕА НЫ БЕН СДѢ
- л 107 об. ДА ОУМРЕ ИИѢ ВЪ ПУСТЫНИ ІИ. НЕ АБ
 ЧЕ АИ ДА БЫША ГРБЕН НАШИ ВЪ БГВ
 ПТѢ БЫЛИ ДА БГДА ПРОБЕДЕ И БЪ.
 СКОЗѢ ЧРЛИНСЕ МЕРЕ РОУКОЮ МІУ
 ВЪСОКОЮ И БРАГЫ И ПОЧЕПИ, И ПРІ
 НДША КЪ МЕРЫ. И ѠВЕРѢТОША

фраза эта пропущена; 21—и облакомъ;

ТОУ ГОРЬКІА ВОДЫ. И ПАКЫ ОУСЯ
 КОРША И ЗАБЫША ДѢЛЪ БЖІИ КЪ
 ЗРЕПТАША НА МІУУСѢА ГЛШЕ Ч
 ТО ПІЕМЪ. СІ БО БЗВІА НЫ СІН ВЪ ПЪ
 СТЫ СІЮ БІЗВѢДНОУЮ. НѢИМОУЩИ
 НИКАКОІА ЖЕ ОУТѢХЫ И НЕ ШКАА
 ДИ ЛИ ИМЪ БЪ ГОРЬКЪ БОДЪ.²² ТѢ НЕ Ш
 СТАША ВЪ РАЗОУАМЪ.²³ НѢ ПО ТѢ БСѢ
 ЧУДОТВОРНЪ ПОКЛОНИШАСА ТѢ
 АЦЮ.²⁴ ТѢ ПОСТРѢЕНАЪ БІ НА БЪ Ш АИ
 ЦА ЗЕМЛИ И ПАКЫ БОДСУ ИМЪ НЕ КА
 МИНИ ИСТОЧИ И ХЛѢБЫ ИМЪ СЪ НЕ
 БІ ДАРОВА. ТѢ ИЛИ ПОХВАНИША БІ
 БІЗВѢЛГТНІИ. НѢ НАЧАША ГЛТИ, СГІ
 ПОДАВАѢ Ш ХЛѢБА ИНОМЪЗЫЧНИКОМЪ
 И НЕ Ш БСѢ НЫ СЛОВО. СІН БСѢ,²⁵ ТЛІ
 НѢ РСПЦЮЩІИ, НѢ ТОГО ДѢЛА ГЛІ
 I. 108. ТѢ БСѢМЪ ДА НЕ ВСИ ПРНМДТЪ ІА
 КО КБАЪ ЗЛО СРѢБРОЛЮБИА.²⁶ ГЛШЕ
 ПОЧТѢ ГЫБІА СІА БІ. МОЖАШИ БО
 СІАМУ²⁷ РАСПРОДАТИСА НА МНОЗѢ И
 ДАТИ ОУБСГЫМЪ. И ПОСЛѢДИ ЖЕ НЕ
 ПРОДАСТЪ ЛИ ІУДА ОУЧИТЕЛА СКОРГО
 НА Л ТѢ СРѢБРНИЦѢ. А САМЪ ОУ
 ДАВИСА. И КАКО ЛИ НЕ СТИНАТИ И НЕ
 ТОУЖИТИ ЛЮБИМЦІИ МОИ. И ТЛІ
 БІА СЛЫШАЩИ БЪ БАСЪ. И АЩЕ БЫХѢ
 ГЛЪ ВЪЗЪГЛІ²⁸ ИНО ПРЪЧЬСКОЕ СЛОВО
 КТѢ ДАСТЪ ГЛІ МОИ КАМЕНИ. И ОЧИ
 МА МСІМА ИСТОЧНИКЪ СЛЕЗЪ ДА ПЛА

22 — во сладость; 23 — и не яша вѣры; 24 — пропускъ: „да аще бы не Моисей сталъ
 въ сокрушеніи къ Богу о нихъ, то... 25 — пропускъ: „но о тѣхъ, иже тѣмъ болятъ
 и тайнѣ... 26 — зло сребролюбія; 27 — се муро вродатися; 28 — быхъ могъ и возгла-
 голалъ... оно...

ЧЮСА ДНЬ И НОЦЬ. ДЩЕРЕ ЛЮДИИ МОИ
 ОУДААНХОМІА ВЪ ПОУСТЫНЮ ПО ПИ
 САНІЮ. И ЧАФМЪ БѢ СПІАЮЩАГО НАСЪ
 И НЕ ИЗВЕДЕ АИ НАСЪ ПѢКЫ²⁹ ИЗЪ РГҮ
 ПТА Ѡ МИРА ВЪ ПОУСТЫНЮ СІЮ КЕЗ'
 БОДНОУЮ. НЕ РОУКОЮ МОИСѢЕВОЮ.
 НО БЛГТІЮ БЖІЕЮ. И ЧТО ѠБЛАНХОВА
 НИ³⁰ БЫХО БРАА МОИА И ѠЦИ ЧТО БО ПРИ
 ИКОСТЕ Ѡ ИМѢНИИ СВОИ НА МѢСТО
 СЕ. ИЛИ ЧТО АЗЪ ТРѢБОВА Ѡ ВАСЪ
 л. 108 об. ПРИМАІА БЫ ВЪ ѠВЕНТЕЛЬ СІЮ. И ВЪ
 ЧАКСАВІЕ БЖІЕ, ЧТО НАСЪ ЛИШЕ И
 ВСА АИ ПОДАСТЬ НАМЪ.³⁰ МЛТВАМИ
 СТІА БЦА³¹ ДА ТѢМЪ МОЛЮСА ВАМЪ
 Ѡ ВСЕА ДША МОСА АНЕННИЦИ МОИ
 НЕ ПРЕБЫКАМЪ ВЪ ДКОДШІИ. ДА
 НЕ ПРОГНѢВАЕМЪ БЛГАГО БЛАДКЫ. АКО
 И ѠНИ НЕПОКОРВИИ, НО ВЪЗДАНИМЪ
 ХВАЛОУ БЛГОМОУ БЛЦѢ. Ѡ ИЖЕ ТАКО
 Ѡ НАСЪ СМОТРИТЬ И ВСА НАМЪ ИЗОВИ
 АИА ПОДАВАЕТЬ. НЕ ПОЛИА НЕМОЩЕ
 И НАШИ, И ДЛВЖНИ РЕМЫ К НЕМОУ ГЛА
 ТИ ѠНО ДКДВО СЛОКО. ЧТО РЕМЫ ГРѢ
 ШНИИ³² ГИ МОИ ГИ, Ѡ ИЖЕ ТЫ И НАСЪ ИЗЪ
 БРА И ТА ВСА НАМЪ ДАРОВА. СМИРНХЪ
 БО СА РЕ СПІИ МА. И ВЪ СМИРНІИ НАШЕ
 ПОМАНОУА ИИ ГЪ, Ѡ ХЪ ІСЪ ГЪ НШЕ:

29. акы; 30 -- лишены; 30 -- и челоѡколюбіе Бжіе что насъ лиши. Не вся ли
 сть намъ; 31 -- и преподобныхъ отецъ; 32 -- худыи;

въ чѣ г не по на часѣ сѣго фѣвѣа по
 поученіе ѿ тѣхъ бжтѣи, и мѣтнн гн бѣ
 бжзлюбленнн прнтчю' прнмѣте зло
 страдаіа. и тѣхъ бжтѣа прѣкы иже
 глаша намъ именовѣ гннмъ нынѣ
 бо бжнмъ тѣрпѣіаіа, тѣрпѣіе
 л 109. ѿвѣс слышасте и кончннѣ гннн кн
 дѣше іако прѣмѣткѣ естѣ и цѣрѣ.
 и дѣго тѣрпѣанкѣ. и не помнѣ
 злобѣ нашн како бо е не прѣмѣтн
 кѣ иже тоу не насѣ спѣ. ѿ небытїа
 въ бытїе прнѣ кѣлчѣскаіа, не нѣ
 іа и зѣмнаа и намъ ѿвѣнн поучѣ
 новѣ собою. мѣткѣ бо ны соуща въ
 рннпоуѣшнмѣ самѣоколнѣн сѣ де
 вѣ грѣховноу ю не презрѣ насѣ
 нн ѿтѣржнса насѣ. нѣ кѣзыкѣ и
 ѡбрѣтѣ и на раамѣ поннса. и ѿде
 сноу ю ѿца посади. то како нѣ мн
 стннѣ и чѣколюбнѣн. не мы вѣзы
 екахомъ его нѣ ѿнѣ насѣ. не прѣо
 кѣ лн прѣжѣ прѣдѣстѣ въ толн
 кѣ бѣды и напастн. ѿвѣн ко камн
 нѣрѣмъ повнвѣрѣмн, и дрѣзїн же прѣ
 тнрѣрѣмн ннїн же кѣ пещѣ блѣтѣ
 рѣмн. ннїн кѣ лвомъ и тѣ всѣ сѣго
 рн насѣ дѣла. сѣтн бо вѣ толнцѣ
 соущн бѣдѣ и печалн не стоужн сн.
 нѣ на помѣцѣ его прнзываетн гла
 109 об. хѣ. сѣскорн потщнса на помѣцѣ
 нашѣ. іако всѣ моцнѣ ѿ тебе въ
 толнцѣ бо тоужѣ соущн не ѿрѣ
 коша бжтѣа помѣцн нѣ моужѣсѣ

ны тръпахоу. и аплн гонман
 и вѣтелиницю ксажаѣми и оука
 раѣми и не стоужниша си въ то
 лика вѣдѣ. не ѡвергоша ѡ оупо
 ваніа скорѣго. поманѣм же сѣты
 іа мчѣци и тръпѣнію и ктò непо
 чюднтел внда и толницѣми
 стѣпѣтми ѡблѣжаща. іако и са
 мою плоть тоу презрѣти хѣ
 ради и припѣніа ѡцѣ ѡны внді
 мѣ въ колницѣ терпѣніи житі
 е скорѣ скончаша. их же памяти
 творимѣ, и житіа и почитаю
 цие хвалнимъ творца оукрѣпив'
 шаго іа ариамъ бл҃гын єго понестн.
 акы свѣзѣ сїающе въ паматѣ
 скои просвѣщають дша наша прї
 вѣгающе к нимъ тѣм же молю
 какъ краа моа любимаа. не ѡтверъ
 зѣмѣ оупованіа скорѣго. ѣже имать.
 мзды и възданіе⁷ велико. тръпѣ
 ніа во имате трѣбаніе⁸, да колю
 бжтю сътворше прїимате ѡбѣща
 ніе. не призка бо насъ то бл҃гоколе
 ніе⁹ єго здѣ да кѣмъ земнѣ насыти
 мѣа небо и того ради на сътвори.
 да ѡкѣщеници боудемъ крѣме
 нномуу славу житію лѣности дѣ
 ла наша. но ѡтрасѣмъ молю
 какъ любимици мои оуныніе на
 ше. поманѣмъ пр҃кын свои вхѣ
 како¹⁰ быхѣ єгда къ дверемъ мо

настырьскымыъ прѣдохомъ
 не всѣ¹¹ ли ѡбѣщахомъ трыпѣ
 ти. ѡ поношенїа ѡ сѹкорѣнїа, ѡ
 оҹничжинїа ѡ ѡз҃нанїа не тогда
 бо тѣкмо нѡ ѡга прѣ ст҃ыи двѣ
 рцани ст҃аши ѡвѣтъ дѣахѡ.
 ѡ свѣмъ ѡвѣщанїи. ѡкы и на стра
 ницѣмъ днїи, прѣ видными по
 слухы¹² и прѣ невидными ѡ са
 мого бо вѣкоу и вѣ нашего при
 л. 110 об. звахѡ на послѣш ст҃во.¹³ гл҃ше се хс
 сдѣ ст҃итѣ невидимо вѣди ко
 мѡу са ѡвѣщанїи. инкѡ же
 бо тѣе на сѣ не поудитѣ. ѡ нынѣ
 же тѣ всѣ ѡвѣщанїа наша ни къ
 чѡ же вѣвнѣхомъ. покорѣнїе
 бо налѣжитѣ намъ ѡ трыпѣнї
 е нѡ ѡ тѣго не имѣмъ.¹⁴ не ставѣтъ¹⁵
 бо дѣша наша по всѣ днїи. ѡже¹⁶ не
 книжѣ всѣ тиращѣмъ ѡ свѣмъ
 ѡвѣщанїи.¹⁷ житїа бо ст҃ы почи
 тающе, и ѡ тѣ зачыкающе оҹ
 ши скон. ѡко не слышати мѡжь
 стѣа ѡхъ.¹⁸ некы бо чѡ прѣдсло
 вїе рѣтъ,¹⁹ тѡ и тѣго ѡмнѣ не мо
 жемъ ѡзглѣти нѡ тогда бо
 оҹста своа ст҃нѣмъ²⁰ ѡ ѡ инѡ
 ниже гл҃ти. нѡ на непѣныа рѣ
 чи ѡ оҹкорѣнїе ѡ на гнѣбанїе
 нели лѣнны. на тѡ бо уста
 своа имѣ ѡвѣзѣмъ. и ѡчи

11—не вси ап; 12—свидѣтели; 13—на свидѣтельство; 14—не имамы; 15—н
 ваеъ; 16—о еже; 17—и спасенїи; 18—пропускъ: „и внимати глаголемымъ“; 19
 бо читаетъ предсловіе, речеть; 20—но дремлемъ тогда болѣ, в уста своя ст҃и

недрѣманѣи, сѹхокиѣи во тѣ
роуцѣ оубоужающѣи насъ*

л. 111. на сѣсе славо словоїе и на вса годн
ны. и ѡбразъ скон к' томъ пода
кающѣи намъ не малы бл҃гтына
рати во належащи и тѣбѣ во
никогдѣи троубащи никто
же можетъ спати. и воинъ хвѣ
лѣпо ли ѣ лѣнитиса. да или тѣ
ѡни за тѣшю славу и изгыбаю
щю. не помнати ни жены ни дѣ
тей. ни имѣнїа да что мню и
мѣнїе еже естѣ хоуже всего. но
и главы своа ни въ что же по
мнати²¹ дабы имъ неосра
манѣ быти да якоже соутъ
самн крѣпннїи тако и слава
и съ животѣ скончаватса. на
ли же не тако но аще стѣрпимъ
борючиса съ сѣпсѣтаты нашн
ми. и ѡдолѣвши прїимемъ сла
воу бесконечнѣю и ѡети неиз'
речннѣа спсѣннїа. бл҃гъ во оуб
даряющѣи и ѡбразы смлх гл҃сы
намъ тако испоуцающе. аще

л. 111 об. не рѣчию възкѣщающе намъ но ѡ
бразомъ гл҃ть намъ прїзываа къ
сѣбѣи. цр҃кви. на вжсгвное пѣнїе²²
приходяще же съ стѣрахѣ стонмъ
до ѡпоущнїа іерѣева. гл҃авъ до
асу покланяюще. а оумъ имоуще
къ кшннїемсѹ.²³ и тако злоучнїа
цр҃тво нѣное ѡ хѣ ісѣ гѣ нашн:

21—ничгоже мнати; 22—пропускъ: „не лѣгъ намъ тогда въ келїи коснѣти; но абїе со тщенїемъ сѣшн҃гнїи въ святую цѣрковъ“; 23—пропускъ: „ввемлюще пѣвїю и чте- нїю; * духовнѣй бо трубѣ, убуждающей насъ (у пр. Макарія: *ухо внѣ и во трубѣ...*)“.

В' пѣт' нѣ по стго фѣѡсѣа побчнїе
ѡ трѣпѣнїи. и ѡ смиренїи гїи бѣ

Подвизайтеса троѹнницѣ. да прї
имѣте кѣнцы. трѣпѣнїа вашѣ.
хѣ бо жїть входа нашего. и вѣже
зѣмѣ² скѣтнаникы наша любо
вїю и послушанїемъ. кротосъ
чнїю и смиренїемъ. и срашамъ хѣ
неп стыднсмъ анцѣмъ глїце къ
намъ прїидѣте иже мене рѣ по
троѹжавшѣ. къ мѣткѣ и къ бдѣ
нїи, и въ всакѣи слоубѣ. и прїше'
щитеса бѣгѣ, кѣмъ иже рѣтѣ³ лѣ
ннѣи и нераднкымъ идѣте ѡ ме
не проклатїи не знаю васъ. іакѡ

л. 112 вѣи не слышасте глѣса рѣмѣ мой. про
рокъ и аплѣ. и стѣмнїи еѹлїи позыка
юща⁴ къ црѣтѣе неносѣ. тако и азѣ
васъ не слышѣ нѡ емоу же послѣдо
касте томоу же и ѡбѣщнннцѣ еѢ
дѣте моукалѣмъ беконечнымъ
бнлсѹ бо ѡдарѣкѹщѣ не лѣно ны е
лѣжатн. нѡ вкѣстатн на мѣтѣѢ
іакѡже нѣи бѣгонскымъ фѣѡрѣ оучїи⁵
и дѣлѣкѣѢ ѡно слоко въ сѹмѣ и мѣ
юще и глѣтн. готовѡ срѣце мое еже
готовѡ⁶ да еѣга вѣторомѹ клѣпанїю
кончїкающїсѣа тогда и скол нѣгѣ
вѣготовнмъ на шнсткїе црѣкѣно
е помысла свѣрѣго не дрѣхла имоу
ща нѡ всела и вѣзѣюще хѣвалоу жн

1—подвизайтеса; 2—возжемъ; 3—вы. пакн же речетъ; 4—мн васъ; 5—эта строї
пропущена (!) 6)—готовѡ сердце мое боже, готовѡ сердце мое;

- БОДАВЦЮ БГОУ. ПРѢПРОКОДНИШОУ
 НА ВРХСТОУ НОЩНОУЮ. И ВЪ ОУСТѢ
 ИМѢЮЩЕ ПРѢКА ДѢДА И ЦРѢ ПЛЛОСА?
 В' ИМѢИ ЖЕ ГЛѢТЬ ВЪЗВЕСИХСА ѿ РѢ
 КИШИ ЛИЧѢ К ДОМА ГНѢ КНИДѢЛИЗ И
 ПРОЧЕ ТАКОЖЕ КХОДАЩЕ ВЪ ЦРКВѢ
 И СТЫИ БѢ ПОЮЩЕ. ТАЖЕ С ЛѢПОТОУ
 л. 112 об. ПОКЛОНИВШЕСА ХОУ ТРИЖЫ ДО ЗЕМ
 И СЪ БЕЛКОЮ БОЛЗНИЮ И СЪ СТРАХО.
 СТАТИ БЕЗМОЛВНО ПРИ СТВѢНѢ. ГЛА
 СЫ НЕМАЛЧНЫ ВУСПѢВАЮЩЕ К' БЫ
 ШНМОУ. ИЖЕ НАСЪ ГРѢШНЫ СПѢИ
 ЛЯ ВХОДА ЦРКВНАГО НЕ ИМѢЮЩЕ СО
 БѢ ПОДЪПОРЫ СТВѢНЫ НИ СТВѢПА
 ЕЖЕ НАМЪ СОУТЬ НА ЧТѢ СТОРОНА⁹
 ЕГА БО И КЪ ДРУГОМЪ ПРИХОДНАМЪ.
 ТО ДОСТОИТЬ НА ПОКЛОНИТЕ СТВО
 РШЕ ДО ЗЕМЛА. И СКАЗАВШЕ¹⁰ РѢЦѢ АКИ
 РАКСУ БЖІЮ СТАТИ ПРѢ НИМЪ И ХА
 ѿ СѢМЪ ПОДРАЖАЮЩЕ ВИДИМЪ БО
 ЕГО ПРЕСТОЛЩА ПРѢ ПИЛАТО И ПОРѢ
 ГАМА. И НЕ ГЛЩА НИЧОЖЕ, И ПОВЕЛѢ
 НО НЫ Е ДРУГОМЪ ТОЛИКЫ ЧЪСТИ ДА
 ІАТИ СМИРНІА РА. ИМЖЕ ДОБРОДѢ
 ТЕЛЬНЫА БѢИЦА ОУКРАШАЕМЪ. ЕЖЕ
 БО НЕ ПОКЛОНИТИСА ДРУГОУ СКОРѢМЪ
 И РОУЦѢ ДОЛОУ ПОВѢСИТИ. ТО¹¹ НЕ
 РОДНѢИ МОУЖЬ И ЛѢНИВѢИ, И ВЪ ОУ
 МѢ ІАРАЩИХСА¹² И ВЪ ЦРКВИ БОЛѢ ТО
 ГО БѢТЬ. НА ЧТѢ БО НАМЪ СТВѢПИ
 л. 113. СВѢ. И СТВѢНЫ ЦРКВНЫА, А НЕ НА БИЩЕ
 СТВѢ.¹³ КАДАЩОУ ПРЕЗВИТЕРѢ¹⁴ СТЫИ

- Давида и царя псаломъ; 8—возпущающе; 9—а не на безчестіе; 10—согнувше
 уцѣ; 11—то есть; 12—гордящихся; 13—вся фраза пропущена; 14—или діакону;

ѿлгарь и намъ чаюшимъ прискѣ
 щенїа каднааго не лѣпо е лѣности
 ю стоїати по стрѣ келкын и мѣ
 ти † сѣоѣ во кадио ѿкразъ сѣго †
 дѣа ѣсть. да не лишнмса того лю
 бнмци да ѣгда приѿвершмса¹⁵
 бл҃гнн сѣго дѣа. каданнѣ прискѣ
 щенїемъ и на мѣсто своѣ шннн. и
 стати нѣ лѣпо ѣ съ вѣлкою крото
 стїю. іакже къ оуставѣ принеть
 сонъ ѿложнвшн и мртѣа себе съ
 творити къ копанїемъ¹⁶ и к' ка
 шлю. акы нечювѣтельна и съ оумн
 ленїемъ молнтнса боу. да послѣ
 ть намъ помощь скончати намъ
 въ блазѣмъ тѣпѣннн злоуѣтрнн
 и канонъ. да ѣга прискѣщнїемъ во
 жннмъ кѣсїаѣтъ въ дїшѣ нашнхъ¹⁷
 и по пѣннн еѣ гѣ¹⁸ † ѣга начнемъ ѿлгы
 рное пѣнїе не лѣт нѣ ѣсть дроугъ
 дрѣга прнхватнтн стнхокъ и пѣ

†

л. 113 об. нїю малтежъ творити не малъ. но
 на старѣншаго сторонѣ кѣзнѣишн
 и безъ того початїа не лѣпо ѣсть
 почннати. ннколоуге. тако бо до
 вронннѣтко блкѣѣтъ. и ѣга почи
 нающе пѣннн или аллоуа поклананїе
 мѣжю съкою творити подражаннн
 ѿ сѣмъ агглы. дѣвжннн ѣсмы вѣнра
 ти в тѣмъ на старѣншнннсу сто

роук да ѿга ѿны покоснитса послѣ
 доушимъ ѿго долъжни ѿемы добро
 лѣпнѣн. агглы ксплотныа видѣ
 ша прркъ поиша и покланяюшася
 и боу хвалоу вззѣиши съ прѣстса
 нѣрмъ. намъ же кацѣмъ быти досто
 ить спбенишиса съ агглы боу не
 видилсму слоужити и прѣсто
 яти ѿ него же мзы дльжныа чѣѣ.
 тѣ бо свѣсть¹⁸ срца наша. кого дѣла
 прстснмъ къ стѣн цркви да не лѣни
 мса люкнлицн мон ѿ годнѣ и ѿ слоу
 жкѣ скорн.¹⁹ испытлюцимоу вса дѣ
 ла наша и помышленїа наша. ѿкрыѣ

л. 114. свгрѣшенїа наша едѣ прѣдъ
 хоудымъ члкомъ. да тало
 не ѿблнчнн кобдоутъ прѣдо
 вселнню. и блудѣмъ годи
 нъ злоутрнн и скѣдннн и²⁰
 плевчннн.²¹ иже бо погоукалѣтъ
 годннн лѣности радн. татѣѣ
 подокно ѣтъ оукрадаа стѣа.
 проклато бо ѣтъ ѣже дѣло бо
 жнѣ съ нерѣсткомъ.²² да не лѣни
 мса лѣкнлицн мон брѣа и ѿщн
 и чада дѣокнаа и збраннаа.²³ съ сѣѣ
 злнн бо глѣ горкаа слсвса къ ва
 шен любкн. понеже камъ глѣ сѣ
 не сткорн²⁴ и на мнѣ днѣ сѣысть
 сѣ рѣнос ѿ пррка гркшннксѣ же
 рече бѣ въскоук ты покѣдаѣши

18 - вѣсть; 19—„да не лѣнимся.. своей“—пропущено; 20 - и наипаче же; 21—пропускъ: „о службѣ нашей не лѣнимся и не погубляемъ годннѣ, иже бо“... 22—дѣлаеть съ нерадѣнїемъ; 23—чада духовнаа и стадо избранное; 24 - а самъ не творю;

ЗАБѢТЪ МОИ С҃УСТЫ ТРОИИ.
 Ч҃ТЫ ЖЕ НАКАЗАНІЕ ВЪЗНИАКНДѢ
 И НИЗВЕРЖЕ СЛОВА МОА КЪ СП҃А
 АЩЕ КИДАШЕ ТАТЕ ТЧАШЕ С НИМЬ
 И СЪ БЛОУНИКЫ С҃УЧАСТІЕ СКОЕ ПО
 ЛАГАШЕ. И НА БРАТЪ СВОИ КАКЪ БѢТА
 Л. 114 об. ША И НА СНА МІТРЕ СВОЕА ПОЛАГАШЕ
 СЪБЛАЗНЬ. СІЕ СТЕОРИАВЪ Б҃СН И ОУ
 МОСЧ҃А ДА НЕ БОУДОУ ПОДОБЕНЪ ТѢ
 БЕ ШЕЛЮЧЮ ТѢ И ПОСТАКАЮ ПРѢ
 ЛИЦЕМЪ ТВОИМЪ ГРѢХЫ ТВОИА.²⁵
 ДА РАЗОУМІКЮТЬ КСИ ЗАБЫВАЮЩИИ
 Б҃А. Б҃ГДА КВГДА ПОХИТИТЬ И НЕ БУ
 ДЕТЬ ИЗКАКАЮЩАГО. И ПАКЫ ОУ
 СТЫ ТВОИИ СОУЖЮ ЧИ РАБЕ ЛОУ
 КАВИИ ДОКРѢ КИ ЧИ БЫЛО ДАБЫ
 ВЪЗВРАТНАВЪ²⁶ СРѢКО МОЕ ДА БЫ²⁷
 ЧШИБЫМЪ ДѢЛАТИМЪ КДАВЪ.
 ИЖЕ БЫША МИ ВЪЗДААН СЪ ПРИБЫ
 ТКОМЪ. ДА НОУЖА МИ Б҃СТЬ ГЛ҃ТИ
 КЪ КАИИИ ЛЮБИИ БСА ТѢ. ДА НѢ КЪ
 ЧТО ОУМРЕТЬ КЪ МОЕМЪ МОЛЧАНІИ
 ЛЮТІИ ГРѢХОМЪ²⁸ ѿ х҃ѣ іс҃ѣ г҃ѣ нш:

25—слова, начиная отъ „аще видяше“ и до сихъ поръ пропущены; 26—воспятилъ;
 27— „да бы... вамъ“...; 28—дальше идетъ: „тѣмъ же молю; потщитесь и васъ самихъ
 отсюда уже поставить доблестивнѣ, и превъшихся, возвести на благія нравы
 да единодушно возслемъ благодареніе Ёу нашему во Трци единому яко тому по-
 добаетъ слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“.

В ПЛ Г НѢ ПО. СЛѢ НА ЧАСѢ СГГО ФІѢ
СА Ѡ ХОЖІНІИ КЪ ЦРКВИ. И Ѡ МАИТВѢ

СЛЫШІ ОУКО ГѢ ПРРКОМЪ ГАЦА К' НАШЕ
МОУ ОУЧИТЕЛСТВОУ¹. СІЕ ЧАТЬ СТРА
ЖА² ДАХ' ТА ДСМОУ ИИЛКОУ.³ ДА И
ВИДА РАТЬ ПРИХОЛЩОУ⁴ А НЕ ВОЗЬ

л. 115. ВѢЩАЕШИ.⁴ КРОВЬ И ИЗЫЦИ⁵ Ѡ РСУКѢ
ТВОЮ АЩЕ ЛИ ВЪЗВѢСТИШИ⁵ А Ѡ
НИ НЕ СЛОУШАЮТЬ СЛМИ ВЪ СВОЕИ
КРОВИ СУМОУТЬ. И ГЛѢ ВЪ СЪЛІ.
И АЩЕ СЪГРѢШИТЬ БРАТЪ ТРОИ. И
ДИ ѠБЛЧИ ЕГО ПРѢ ТОВОЮ И ТѢМЪ
ЕДИНѢМЪ ДА АЩЕ ПОКАЕТА ПРИ
ѠБРАЩЕШИ БРАТА СВОЕГО АЩЕ ЛИ
НЕРОДИТИ НАЧНЕТЬ ПОИМИ СЪ
СВОЮ ДКА, АЩЕ ЛИ Ѡ ДВОЮ НЕВРѢ
ЖИТЬ⁶ ТѢ ПРѢ ЦРКВІЮ. АЩЕ ЛИ И
Ѡ ЦРКВИ НЕРОДИТИ НАЧНЕТЬ. ДА
ТИ БОУДЕТЬ ІАКО ИНОІАЗЫЧНИКЪ
И МЫТАРЬ. НЫНѢ ЖЕ НѢСТЬ КАКО
ЛИ ГЛѢИ. И КАКО НЕ ѠБЛЧА
ТИ ПО ЧАСТИ КОГОЖѢ ВАСЪ. СЪЗБА
БО НЫ БЛГѢ СГГО ДХА И МЛТВА
СГІА КЦА В СЮ⁷ ѠБЕНТЕЛЪ ВЪ ЕДИ
НОДШІЕ И ВЪ ЕДИНООБЛІЕ И КЪ ЕДИ
НОУ В ЛЮ, ДА БОУДЕТЬ БОЛА ТВО
ІА ІАКО НА НБСИ И НА ЗІМЛИ. МЫ ЖЕ
МНОГЫ БОЛА ХОЩЕМЪ ИМѢТИ. ЕГДА
БО ГОДИНА ЦРКВНАА⁸ ПОЗВЕТЕ НАСЪ

л. 115. ОБ НА СТЫИ СКОРЪ. И ТЕСДА РЦА
НАША СОТСНА ѠМРАЧИТЬ ЛѢ

унылству; 2 - стража; 3—Израилеву; 4—и не возвѣстиши; 5—взышу; 6—небре-
начнетъ; 7 въ сію; 8—егда бо время церковнаго пѣнія;

и сѣти. ꙗко нѣ ити съ тѣ
 шанїемъ въ црѣвь на сѣсе
 свѣранїе. нарикоу⁹ въ црѣвь
 нѣ и на тѣ ѡбѣдѣ.¹⁰ а ѡ пакѣчї
 рници нѣ ми заѣ глѣти.¹¹ коли
 ко възбрѣшалъ есмь ѡ томѣ
 и нѣ послѡу. ꙗкошаго ни еди
 ногоже и како ми молчати ѡ
 томѣ или не стонати. и аще
 бы возможно по кѣа днѣ глѣ
 бы и съ слезами молиа. и к' ко
 лѣноамъ кашимъ припадаа
 дабы ни единыъ же насъ ѡсѣ
 тавилъ годины мѣткеныа, аще
 бо кто ннвоу дѣлаетъ¹² или вино
 гра. да еже видѣть плоды прогоста
 юща. и троудѣ не поминѣть за ра
 дость. и къ коу на мѣткѡу побн
 заѣтѣа дабы емоу скрѣати¹³ плѣ.
 аще ли видѣть свою ннвоу нара
 стѣшю тернїа мнѡга тѣ что

л. 116. створити не ѡхакнѣли еа¹⁴ такока
 го дѣанїа. колико ко лѣтѣ мнѡв
 ло ни единого вижю пришиа къ
 мнѣ. и глѣа како ми спѣти. нѣ нѣ
 того к насъ никѣга же ѡверѣити.
 и ега портица¹⁵ съпрогта не дадѣ
 или скиты¹⁶ или иного еже естѣ еѣ¹⁷
 на потрѣкѡу. тѣ велнкоу пѣча
 ль ебѣк створимъ в' томѣ. а иже

9—не реку бо; 10—на обѣдѣ вѣнаго Царя; 11—о павечерници же что и глаголати;
 12—„невидѣлаеть“ (?) (въ 3-хъ сборникахъ № 47, 48 и 49); 13—дабы ему даль
 обыймати; 14—не опечалитѣлся; 15—порта; 16—или ризь; 17—телеси;

ГОДИНЫ ПОГОУЕЛѢРИМЪ ТѢ И ТОГО
 НЕ ПОМИНАМЪ НИ ѿ ТОЛИКЪ ПИЧАЛѢ
 НИ НА СРЦѢ СЯ ВЪЗНОСИМЪ. НО ТѢМ
 ВЪ СОВѢТѢ ЯКО КЫ ТОГО НЕ ВѢДАТИ НИ
 КСМОУЖИ. И СЕ НЫНѢ НЕ НА СЪКОРѢ
 НІѢ ВАМЪ НАПИСА¹⁸ НО ОУБОУЖАЮ БА
 ДА БЫСТЕ СЯ ѿСТАЛИ ТАКОВАГО
 НЕРѢСЧЕБА. ѢЖЕ БО ВАМЪ ГАИ¹⁹ СОВѢ
 ДА²⁰ МОЮ КЫ СЯ ЧАДА МОЯ ЛЮБИМА
 ІА И БРАТА И ѿЩИ КЪСПРАНИЕМЪ ѿ
 СВНА ЛѢНСЕТНАГО. И НЕ ѿПЕЧАЛѢ
 ѢМЪ СЪГО ДѢХА. ПРИИДѢТЕ ПОКЛО
 НИМЕСЯ И ПРИПАДѢМЪ ѢМОУ И КЪ
 СПЛАЧЕМСЯ. ПРѢ ГДѢМЪ СЪТКОРЬ
 ШЕМЪ НА И ВАРНАМЪ ЛИЦЕ ЕГО ПОКААНИ
 Я. 116 об. ѢМЪ, И КЪ ПАМѢХЪ ВЪСЛИКНѢМЪ
 ѢМОУ И ПРОСИМЪ ЗДѢ ДА ПРИИМЕТЬ
 И ТОЛЦѢМЪ ДА ѿБЪЗЕТЬ НАМЪ
 И СѢНИМЪ СЛЕЗАМИ ДА РАДОСТІЮ ПОЖЬ
 НЕМАЪ РАКОІАТИ И ПЛАЧѢМЪ ЗДѢ
 ДА ЦРѢВО НЕБЕСЕ ПОЛОУЧИ И ТАМО ОУ
 ТѢШНИѢ ПОСТИГНЕТЬ НЫ²¹ СКЪРБИ
 БО СЯ НАШИ ВЪДЫХАНІЕ И ТРОБДИ
 НИЧТОЖЕ СОУТЬ ПРОТИВОУ БОУДОУ
 ЩИ СЛАВѢ РЕ АПСТАЪ ІАЖЕ ОУГОТОВА
 ЛЪ ѢСТЬ НАМЪ БЛГЫИ НАШЪ БѢ. ДА ѿСЕ
 ЛѢ ПОТѢНИМЕСЯ²² КСИЮ СЛОЮ. ВЪЗДА
 ТИ ѢМОУ ТРОУДЫ СВОІА АКИ ЖРѢТВѢ
 ЧИСТОУ ВЪЗІРАЮЩЕ НА НАЧЛАНКА
 ВѢРѢ И СВЪРЪШИТЕЛА ІСА ѢМОУ
 СЛАВА ЧТѢ И ДУВЖА: †

1— глаголю; 19—и себя; 20—во; 21—подасть память; 22 братіе;

Въ вто́рѣ не по на часѣ стго фѣѡра
 игеу́ми стѣѡника. сѣво сѣѣшино къ край
 ѡ дѣшеѣи псазѣ гѣ блѣки

Азъ грьшныи, и лѣнныи погрѣшныи
 талаѣтъскѣи въ земли и не приде
 лажъ имѣ ничтоже. и чаю по вса дѣи
 на себѣ ѡиѣ лютеи и немиаѣтѣи
 истазатель и прѣщениа ѡнаго бра
 шнаго и гнѣва мстаго егда начие
 глаѣи ѡ злыи раке и лѣнныи непо
 грѣшныи доврѣе вы створивъ да
 л. 100. вы възвративъ еврею мѣсѣ доврѣи
 пиназникѡ и пспѣшныи дѣтели
 ными¹ иже быша ли въздѣлани
 съ лихвѣю² но иже исѣжю имѣю гла
 ти и глаю и гла не прѣстаю. не ѣа
 ко сѣчитель но ѣако ракъ съ слезами
 и колѣеи вашии касалиса
 молюса и оѣказаа ками прѣдлежа
 цаиа блѣга, и градсѣцѣи моѣки
 да высте не погрѣшнани каѣиа ѡно
 ѣа надежа не мало ко тоу зло еже на
 таѣѣ дарока лишиныи выти
 и въ непроходимаи и адыскаа мѣ
 ста кпастн лѣнестю хожѣнѣа³
 ра и крестъ милокрѣмнныи. къ
 инѣже ничѣоже оѣсѣвши послѣдо
 каѣи еѣакоѣи, азѣже сѣнылыи
 имѣиа к' сокѣ корѣнь злаго того про
 рацинѣа ѡ мѣсѣа лѣнестн. ни самъ
 входа къ црѣго нѣноѣ и⁴ про
 понсѣ чѣола своѣю лѣнестю, и еко

1—и далъ тщливымъ и посѣшнымъ дѣтелямъ; 2—сугубо; 3—вѣтъ этого слова
 4—и вамъ;

- мѡи непокными прѡкы соудѣи се
 ке двоицю и трижды⁶ ѡлучити се
 ѡ васъ. и се створи не доведѣте
 ли и дѣлаи ѡнѣхъ стѣи поража
 л. 100 об. ти хотѣ. но се лодче соудѣи да поне ка
 не сѹпражна ѿ бл҃го поѣнзанїа.
 аще ко кѣ . мѡи кыль не малоу
 съпону вѣ створиахъ кѣ сокоу. ѡста
 княхъ кѣ кѣ ѡ вѣїа поучи. лихъ ко
 грѣшному рече единъ днь ѡлучи
 ти се ѡ васъ въ все ли се лѣто
 бл҃женствѣ. паче же до ст҃аїи
 цр҃квннго. и починанїа вѣтвнн
 слокехъ. и житїа стѣи. рече ѡ
 канчинѣ ма лѣнность моїа не мала.
 рече акѣ вѣригѣи сказанъ лежѣ
 и сѹма мѡрго акѣ лазарѣ другаго прѣ
 краты покрѣжена. токмо вѣриго
 ско къ боу простирѣи. и кѣхъ сѣкы
 нию⁷ мѣткѣю на помощь призыва
 іа да иѣкако кѣ се⁸ оумѣрѣна бл҃ги
 вѣ вашѣ дѣла мѣткѣ и лѣсѣ⁹ юже
 къ мѣхъ илѣхте падѣ ко паднѣ
 рѣмъ зымы, аще не гѣ кы помогѣ
 мѣхъ и кѣ. в' мѣхъ не вѣлила се бы
 въ адъ дѣша моїа. и вѣдѣ¹⁰ чего дѣла па
 л. 101. дохъ ѡстакнѣхъ поручинѣю ли слов
 жесѣ. и вѣсѣдѣскѣ трапезамъ и не чю
 іа себе. скооди ма къ спасѣти аѣ
 стѣи¹¹. но чѣколюбннн вѣ иже не
 презрѣ лазарѣ стѣсѣпы посыпана и г

- дважды и трижды; (6—обличша) 6—облихова мя; 7 —вышнюю Царицу; 8—да
 елибыся умѣрди; 9 - и любве; 10—и вѣдаю; 11—соводима ко пропасти адствѣи;

нѡнна ѡ оумираша нѡ къскрѣилъ ѡсн.
 тоже ѡ на моѡ немощь пришеѣти.
 не призрѣ мориа лѣности нѡ поу
 сти на ма дхъ оуныниа, ѡмже оу
 гнѣтаѣмъ ѡсамъ и дснынѣ ѡгоже
 дѣла сѹдалихса ѡ васъ.¹² не ѡ себе инчѡ
 же добра прѣискаша . но токмо ѡмы¹³
 и едѣнїа бо ѡ пощнїа не могѡ
 скончати ѡгоже бы¹⁴ да тѣмъ ѡ
 ѡсоудихса¹⁵ ваша ра лѣкѣ раѹюса ѡ
 в' толницѣ заѣ кндѣце мсѡ хѡдѡ
 не възгнѹшастеа моѡ словесъ
 ѡже въ моремъ ѡхоженїи к камъ ѡ
 зглѣнаа нѡ съ влѣкѣ тцѣнїемъ
 сткозистѣ ѡ. и свѡрїа бо лѣности
 даѣѣ въ вашемъ тцѣанин ѡже бо ве
 анко поспѣшнїе ѡмѣете ѡ слоу
 л. 101 об. жеѣ цркѣнѣн ѡ въ длзготрѣпѣннѣ¹⁶
 стоанїи. ко кѣѣ ко годнїа ѡ слоѹбѣ
 ѡверѣтающесѣ и ежѣтнаго фѣѡра¹⁷
 ѡ заповѣдехъ раѹющесѣ. потцѣнїе
 ѡмѣите. да тогоже влѣженїтка
 спѡвѣстесѣ.¹⁸ ѡ жизни кѣчнѣн при
 частнїци боудете ѡ хѣтѣтѣтѣ нїш

— пропускъ: чая по писанному Бга спасающаго мя; въ моемъ бо отлученїи отъ
 васъ не чухъ; 13—имя; 14—егоже вы сладцѣ прїемлете; 15—да тѣмъ и отгуждик-
 ся; 16—въ долгомъ терпѣнїемъ; 17—вм. Феодора—преданїя; 18—еже святїи по-
 лучша.

л. 111 об. Въ срѣ г нѣ по стго фѣѡра и гл҃амена
стоѡнскѣ поѡчнїѣ с ползѣ дшѣнн.

Тѣмь оубо азъ ннѣ дрѣзнухъ сї
писати кама¹. и ѣще молюса всю
дшю моею ѡ колѣзнна срѣа горкы
їа слезы кама² испоуцаю. брѣа мо
їа и ѡци и чада. и свкорѣ
блїх свкраннын и стадо хѣо вззю
блнносѣ, кхспранїблнх іако ѡ съ
на ѡ скоѣ ѡкычан² и ѡ волъ скоѣ. и въ
зненавннлнмъ іа³, и нмѣл са акы за лѣ
ствнцю. за прѣдаа⁴ стго блннкаго и
кжѣтѣнаго фѣѡра стоѡнскаго. испо
кѣннка блкнша кѣры рѣн хѣы и стра
стотрѣпца прнзываета на полю
щѣ съ прѣтою кѣщю нанню ещю⁵

л. 102. да нжѣ⁶ тѣхъ поспѣшнїѣ и мѣтвалан
и наша срѣа въ оутвѣрднть в томы
разоумѣ. и в томѣ ѡбкычан, и в то
мы сасуженїн. инако во не можеть⁷
мѣти бжїа прѣѡвѣрѣстн. нѣ то
кю тѣ мѣтвалан вѣдоуше іако
ннкогоже вѣ не ѡставнть оупска
ющї нанъ всю дшю. да и ѣще любн
мнцн мон молю кы са подкнзаблн
и възненавннлнмъ мнра и іа въ мн
рѣ ѣгоже дѣла прїндѣо нмо. тѣхъ
по вса дни нщемъ. ѣже ѣслы ѡвѣра
нлса трѣпѣтн по вса дни. и тѣ прѣ
трѣпнмъ, да не словеса наша ѣже ѣ

1—Дерзнулъ нынѣ къ вамъ глати; 2—обычай злыхъ; 3—благихъ же имѣмъ
... 4—по преданїю; 5—и всѣхъ святыхъ; 6—да негли тѣхъ.. 7—не можемъ;

слы изжгѣн. прѣ̄ неложными пель
 лсѹхы̄ ѡсѹдѣтъ на къ послѣ̄ннн
 днѣ да не боудѣ̄ печални ѡ скорехѹ
 нахѹдацн̄ на ны по вел дн̄ слоѹбы
 ра̄ монастырскыа̄, или недостат
 тка свн̄тннаго тѣлеснаго⁹. но раѹ
 ющеса къ скорѣ̄ и въ ѡбзѹганн̄.
 и въ вщнстн̄. смнрнн̄емъ кедсѹ
 ци са гнѣкк̄ же и роптанн̄е . и нена
 л. 102 об. вистѣ бражд̄ же и тщнлактн̄ заскѹ̄ и
 гряднню сѹ закнстн̄ю ѡ оѹма сво
 ѣго ѡложнвшн̄ . имѣм са за лнбо
 къ ѣже ѣ кснмсѹ добрсмсѹ скрншн̄
 нн̄е. да прскѣтнтса х̄къ днн
 нашн̄ и к тѣлѣ̄ нашемъ иже на
 чннмъ¹⁰ ѣмсѹ къ слоѹбѣ̄ прнстѹатн̄
 ѡко влзскнн̄н агннцн̄ дрѹѹ дрѹ̄
 поксрѹшн̄сн̄. инако ко не мжѣ̄
 ѡрма ѣго носнтн̄ на секе клѡго.
 но токмо поксрѹнн̄емъ. неслж̄
 но ко ѡкѣрнхемса послѣдска
 тн̄ емсѹ поксрншнмоѹ¹¹ иже хощн̄
 къ слѣ̄ мнн̄е. да ѡврьжнтса секе
 и послѣдоѹѣть мн̄ и пакы иже
 хощетъ дшю свою сп̄тн̄ псгѹѣн̄
 ю. тѹ ко наша хвала и радость и
 моѹжьсгко. ѡ иже илнн̄е ра̄ кжн̄а стра
 дачн̄ ѡзбы ѣго на тѣлѣ̄ своѣмъ но
 слнцн̄ ѡкѹже и ѡнх̄ за ны постра̄.
 и вѣдсѹцн̄ того. вл̄га и чл̄кслнн̄ца
 вл̄коѹ карнн̄. лнцн̄ ѣго къ испокѣ̄
 данн̄н и къ ѡслн̄вѣх̄ вьсклнн̄н¹²

8—свѣдители; 9—недостатка рызнаго и инаго тѣлеснаго; 10—начнемъ; 11—порек-
 шему; 12—воскликнемъ ему и сплачнмся предъ нимъ (слова „прнѣдѣте покло-
 ннмся“... выпущено)

XXVII

вѣрѣте поклоуиша и припадѣ
ль ѣмоу и вѣсплачеша прѣблѣхъ.
іако тѣ ѣсть бѣ нашъ и мы людіе
ѣго. и ѡбца, пастыинѣ ѣго. да ѣгѣ
гладѣ ѣго слышаша не ѡжестилъ
срѣць каинѣ въ прогнѣваніи да въ
нидемъ съ поком ѣго. и ѡноя радо
сти неизгладѣныа насытилъ.
хѣ славаце и прѣоую трѣцю ѡца †

**Тексты Св. Писанія по поученіямъ Пр. Θεодосія сравнительно съ
текстами по Острожской библии 1521 года.**

(Изъ Поученія I-го).

У ПР. ΘΕΟΔΟΣΙΑ.

*„Иже невъзнавидитъ всею и по-
слѣдуетъ ми, нѣсть ми оученикъ“.*

*„Иже мя аще любитъ, и слово
мое съхранитъ.*

*„Иже душу свою погубитъ мене
ради, обрящетъ ю“.*

*„Иже прѣбоудеть въ заповѣдяхъ
моихъ азъ възлюблю и явлюся ему
самъ“.*

*„Заповѣдь бо нову даю вамъ, да
любите другъ друга, якоже и азъ
вълюбихъ вы, и по семъ разумѣють
 вси, яко мои учиниши есте, аще
любовь имате между собою“.*

*„Како есть яко намъ хоцещи
явитися а не всему миру, и отвѣ-
щавъ Исусъ и рече ему: аще кто*

ВЪ БИБЛІИ.

*„Аще кто грядетъ ко мнѣ и
възнавидитъ отца своего и матери
и жену и чадъ и братія и сестеръ,
еще же и душу свою, не можетъ
мой быти оученикъ“ (Лук. 14, 26—
27).*

*„Аще кто любитъ мя, слово мое
соблюдаетъ“ (Іоаннъ 14, 23).*

*„А иже душу свою погубитъ мене
ради, обрящетъ ю“ (Мат. 10, 34).*

*„Имѣяи заповѣди моя и соблю-
даяи ихъ, той есть любяи мя; а
любяи мя възлюбленъ будетъ от-
цемъ моимъ, и азъ възлюблю его, и
явлюся ему самъ“ (Іоаннъ 14, 21).*

*„Заповѣдь бо новую даю вамъ, лю-
бите другъ друга, якоже възлюбихъ
вы, да и вы любите себе, о семъ
разумѣють вси яко мои учиниши
есте, аще любовь имате между со-
бою“ (Іоаннъ 13, 34—35).*

*„Господи, и что бысть, яко намъ
хоцещи явитися а не миру; от-
вѣща Исусъ и рече ему: аще кто*

слово мое възлагаетъ, и отецъ мой възлюбитъ и, и къ нему приидеть и обитель въ него створить; а не любяи мя, иже словесъ моихъ не хранитъ“,

„Азъ бо есмь виноградъ истинный, и отецъ мой дѣлатель есть, а всяка лоза не творящии плода о мнѣ постыкается, а творящая плодъ отрѣбится, да боліи плодъ сътворитъ“.

„Аще кто во мнѣ не пребудеть, и извержется вонъ; якоже и лоза съсхнеть, и собирають ю, въ огнь влагаютъ и сжараетъ“.

„О семъ бо, рече, прославися отецъ мой да плодъ многа сътворите, и будете мои ученици“.

„Якоже возлюби мя отецъ и азъ възлюбихъ вы. Больше сея любве никтоже не имать да кто душу свою положитъ за друзи своя; вы бо рече, есте друзи мои“.

„Всякому просящему въ васъ дайте, и взяти хотящимъ у тебе не отвратите“.

„Будете съвершени, якоже отецъ мой совершень есть“.

„Якоже сіяетъ солнце на злыя и на добрыя, такожде и дождитъ, не токмо на рабы своя но и на сущности своя“.

„И глаголаше ему (Петрови) заколи и язь, и что же рече петръ: Господи, николи же нечисто не вниде въ уста моя. И что противу тому услыша? рече бо еже боги очисти, человекъ да не осквернитъ“.

любитъ мя, слово мое соблюдаетъ, и отецъ мой възлюбитъ его и къ нему приидеть, и обитель у него створить. Не любяи мя словесъ моихъ не соблюдаетъ“. (Іоаннъ 14 22—24).

„Азъ бо лоза истинная, и отецъ мой дѣлатель есть; всяку розу о мнѣ не творящую плодъ изметъ ю, и всяку творящую плодъ отрѣбитъ ю, да множайшии плодъ принесетъ“. (Іоаннъ 15. 1, 2).

„Аще кто во мнѣ не пребудеть, извержется вонъ. якоже роза и иссышетъ и собирають ю, и въ огнь влагаютъ и сжараетъ“. (Іоаннъ 15, 6).

„О семъ прославися отецъ мой, да плодъ многа сътворите, и будете мои ученици“. (Іоаннъ 15, 8).

„Якоже возлюби мя отецъ, и азъ възлюбихъ васъ; Болиа сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за друзи своя; вы друзи мои есте“. (Іоаннъ 15. 9, 13).

„Прозящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе зяти не отврати“ (Мѳ. 5. 42).

„Будете убо вы съвршени, якоже отецъ вашъ небесный совершень есть“. Мѳ. 5, 48).

„Якоже солнце сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедны“. Мѳ. (5, 45).

„И бысть гласъ къ нему, въставъ Петре заколи и язь. Петръ же рече: никакоже господи, яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И се гласъ къ нему вторицею: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни“ (Дѣян. Ап. X, 14—15).

Изъ поученія II-го.

У ПР. ФЕОДОСІЯ.

„Друзе, не обижю тебе, не тако ли совѣщахъ съ тобою, и не лѣтъ ли ми в своихъ, якоже хоцю“.

„Яко нигдѣже туди хлѣба не ядохъ, но ноцъ дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ;

„И руцѣ мои послужиста симъ и инѣмъ“.

„Праздный да не ястъ“.

„Луче бо даяти, нежели взимати“.

„Блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лютъ избавитъ и Господь“.

„Блажени милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ“.

„Что извелъ ны еси да умремъ нынѣ въ пустыни сей, не луче ли, да быша гробы наши въ Египтъ были“.

„Почто гибель сіа бысть, можаще бо сему распродатися на мнозѣ и дати убогимъ“.

„Кто дастъ главъ моеи каменіе и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и ноцъ дщере людій моихъ“.

ВЪ БИБЛІИ.

„Друзе, не обижю тебе, не попьяню ли совѣща со мною... или нѣсть ли лѣтъ створити еже хошу въ своихъ ми“ (Матѣ. 20, 13 и 15).

„ни туде хлѣба ядохомъ у кою, но въ трудѣ и подвижѣ въ ноцъ и день дѣлающе“ (Солун. II 3; 8—9).

„Яко требованію моему и сущимъ со мною послужиста руцѣ мои сіи“ (Дѣян. XX, 34).

„Яко аще не хоцетъ кто дѣлати, да не ястъ“ (Сол. II, 3, 10).

„Блаженныи естъ паче даати, нежели приимати“ (Дѣян. XX, 35).

„Блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лютъ избавитъ и Господь“ (Пс 40, 1).

„Блажени милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ“ (Мѣ. V, 7).

„Уне бѣ да быхомъ, измерли оуязвени отъ бога въ земли египетскій... нежели яко изведосте ны въ пустыню сію, уморити соимъ сей гладомъ“ (Исх. 16. 3).

„Чесо ради гибель сіа бысть, можаще бо се мгро продатися на мнозѣ, и датися ницимъ“ (Мѣ. 16. 8—9).

„Кто дастъ главъ моеи воду и очима моима источникъ слезъ, и плачу день и ноцъ побѣенныхъ дщери людій моихъ“ (Іеремія 9, 1).

Изъ поученія III-го.

У ФЕОДОСІЯ.

„Притчу пріимьте злостраданія и тръпнїа пророкы, иже глаголаша намъ именемъ господнимъ. Нынѣ бо блажимъ тръпящая, терпнїе Іовле слышасте и кончину Господню видяще, яко прѣмилостивъ есть и щедръ“

„Тръпнїа бо имате тръваніе (потребу) да волю божію сотворше пріимете обѣщаніе“

ВЪ БИБЛІИ.

„Образъ пріимьте братія моя злострастію и длготерпнїю, пророкы иже глаголаша намъ именемъ гнѣмъ, се блажимъ терпяща. Терпнїе Іовово слышасте, и кончину господню видѣсте яко многомилостивъ есть и щедръ“. (Посл Іаковл. гл. 5 ст. 10. 11).

„Терпнїе бо имате потребу, да волю Божію сотворше пріимете обѣщаніе“ (Евр. 10 ст. 36).

Изъ поученія IV-го.

„Готово сердце мое. Боже, готово (сердце мое)“.

„Возвеселихся о рекшихъ мнѣ, въ домъ господень внидемъ“

„Грѣшнику же рече богъ, въскую ты повѣдавши завѣтъ мой усты твоими ты же наказаніе возненавидѣ и низверже словеса моя вспяты; аще видяше тате, течаше съ нимъ, и съ блудники участіе свое полагаше и на братъ свой клеветаша, и на сына матере своя полагаше соблазнъ, сіе творилъ еси и умолчалъ, да не буду подобенъ тебѣ, облюю тя и поставлю прѣдъ лицемъ твоимъ грѣхы твоя, да разумють вси, забывающаи бога, егда кгда похититъ, и не будетъ избавляющаю“.

„Готово сердце мое боже, (Пс. 107 ст. 1).

„Въвеселихся о рекшихъ мнѣ, въ домъ господень внидемъ“ (Пс. 121 ст. 1).

„Грѣшнику же рече Богъ, въскую ты повѣдавши оправданія моя, и воспріемлещи завѣтъ мой усты твоими; ты же возненавидѣ наказаніе, и отверже словеса моя вспяты, аще видяше тате, течаше съ нимъ и съ прелюбодѣемъ участіе свое полагаше, ...Судя на брата своего клеветаше, и на сына матере своя полагаше соблазнъ. Сія сътворилъ еси и умолчалъ. възнещевалъ еси беззаканіе, яко буду тебѣ подобенъ облюю тя и предъпоставлю предъ лицемъ твоимъ грѣхы твоя. разумьте же сіа забывающаи бога, да не кгда похититъ и не будетъ избавляю“. (Пс. 49, стр. 16 – ad fin).

„Усты твоими сужю ти, рабе лукавый, доброе бы ти было, дабы возвратилъ сребро мое, далъ быхъ (дабы) тицымъ дѣлателемъ вдаль, иже быша ми въдали съ прибыткомъ“.

„Устъ твоихъ сужду ти, лукавый рабе, ..почто не одасть моего сребра купиемъ, и азъ иришедъ съ лигою истязалъ быхъ е“ . (Лук. 19 ст. 22--23).

Изъ поученія V.

„Сыне человекъ, стражда (стража) дахъ тя дому Израилеву, да иже видя рать приходящу, а не възвѣщаеши, кровь ихъ изыцу отъ руку твою, аще ли възвѣстиши, а они не слушаютъ, сами въ своей крови умрутъ“.

„Сыне человекъ, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ моихъ, а въспретиши имъ отъ мене, внигда глаголю беззаконнику, смертію умреши, и не възвѣстиши ему ни сълаголеши. яко останеся беззаконнику, и обратися отъ пути его, яко живу быти ему, беззаконникъ же той, въ беззаконіи своемъ умретъ. крови же его отъ руки твоея възыцу. И ты же аще възвѣстиши беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего, и отъ пути своего беззаконна, той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а ты душу свою избавиши“ . (Иезек. 3 ст. 18, 19, 21).

„Аще сырѣшитъ братъ твой, иди, обличи его прѣдъ тобою и тѣмъ единѣмъ. Да аще покается, приобрящеши брата своего, аще ли неродити начнетъ, пойми съ собою два, аще ли о двою небрежетъ, то прѣдъ церковію, аще ли и о церкви неродити начнетъ, да ти будетъ яко иноязычникъ и мытарь“

„Аще сырѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между собою и тѣмъ единѣмъ, аще тебе послушаетъ, приобрьетъ еси брата твоего, аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою пакы одинаго или два, да при устъгъ двою или трѣгъ свидѣтелии станеть всякъ глаголь аще же не послушаетъ ихъ, повѣжсь церкви, аще же и церковь преслушаетъ, буди ти яко язычникъ и мытарь“ (Матѣ. 18, ст. 15, 16 и 17).

„Приидите, поклонимся и припадѣмъ ему, и въсплачемся предъ господѣмъ, сътворшемъ насъ, и варимъ лице его покааніемъ и въ псалмѣхъ воскликнемъ ему“

„Взирающе на начальника вѣрѣ и створшителя Іисуса“.

„Приидите възрадуемся Господеву, воскликнемъ Богу спасителю нашему, предваримъ лице его въ исповданіи и въ псалмѣхъ воскликнемъ ему“ (Пс 94. 1, 2).

„Взирающе на начальника вѣрѣ и ствершителя Іисуса“ (Евр. 12, 2).

Изъ поученія VI.

„въненавидимъ мира ни яже въ мирѣ“.

„инако бо не можемъ ярма его носити на себѣ благою“.

„язвы его на тѣль своемъ носяще“.

„якоже и онъ за ны пострада“

„не ожестимъ сердець вашихъ въ пропнваніи“

„Не любите міра ни яже въ мирѣ“). 1 п. Іоанна (2 гл. 15 ст.).

„Возьмете иго мое на себѣ и научитесь отъ мене... иго бо мое благо и бремя мое легко есть“ (Мѡ. 11, 29—30).

„азъ бо язвы $\bar{\text{и}}\bar{\text{д}}\bar{\text{а}}$ $\bar{\text{и}}\bar{\text{и}}\bar{\text{с}}\bar{\text{а}}$ на тѣль моемъ ношу“ (Гал. 6, 17).

„за не и христосъ и пострадо на съ“ (1 Петра 2, 21).

„не ожесточите сердець вашихъ якоже въ пропнваніи, во дни искушенія въ пустыни“ (Евр. 3, 7, 8).

Изъ поученія VII.

„Азъ урышныи и тннвыи, погребыи талантъ свои въ земли.. и т. д.“

Содержаніе притчи о талантахъ, помѣщенной у Мѡ. гл. 25, 18—30 ст.